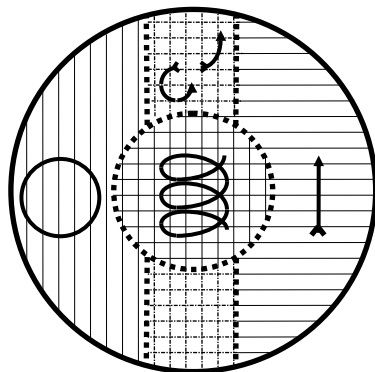

А. Е. БАЛАШОВ

**МИР
ГЛАЗАМИ
ФИЛОСОФА**

**(КАТЕГОРИАЛЬНАЯ
КАРТИНА МИРА)**

МОСКВА • 2021

ББК 87.817

Б 20

Рецензент:

Анисов А.М. — доктор философских наук, профессор

Балашов Л.Е.

Мир глазами философа. (Категориальная картина мира).
М., 2021. — 472 с.

В книге предложена оригинальная версия категориальной картины мира, категориальной (собственно философской) логики. Эта версия, с одной стороны, продолжает линию Аристотеля-Гегеля в разработке философских категорий (исследовании категорий мышления, категориального строя мышления). С другой, она содержит ряд новых моментов. Это, прежде всего, выдвижение и разработка идеи соответствий и анти-соответствий между категориями.

Книга предназначена для философов и ученых, занимающихся методологическими проблемами. Она может служить также в качестве учебного пособия по основам философии для студентов и аспирантов.

Чтение и изучение книги является хорошим интеллектуальным упражнением для всех, кто хочет повысить свои интеллектуальные способности.

Отзывы и предложения направлять по адресу:
E-mail: lev_balashov@mail.ru

© Балашов Л.Е., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ВВЕДЕНИЕ.....	3
1.1. Концепция.....	3
1.2. Категориальный строй мышления	5
Как категории работают-проявляют себя?.....	8
Об ответственности философов в вопросе о правильном употреблении человеческих понятий	13
1.3. Естественная система категориальных определений мира (категориальная структура мира).....	16
1.4. Принципы исследования и построения категориальной логики.....	24
1.5. Категориальная картина мира (краткое описание)	31
1.6. Методологическая функция категориальной логики	33
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. СООТВЕТСТВИЯ И АНТИСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ КАТЕГОРИЯМИ	35
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. КАТЕГОРИАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА (КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ семейства).....	53
3.1. Материя и движение	53
3.2. Материя.....	62
3.2.1. Общая характеристика материи	62
3.2.2. Стороны материи: качество, количество, мера	81
3.3. Движение	128
3.3.1. Общая характеристика движения.....	128
3.3.2. Стороны движения: пространство и время	134
3.3.3. Виды движения.....	140
3.4. Противоречие.....	160
3.4.1. Общая характеристика противоречия.....	160
3.4.2. Структура противоречия.....	170
3.4.3. Простые (внутренние и внешние) противоречия	178
3.4.4. Сложные (органические) противоречия	197
3.4.5. Противоречия в мышлении	210
3.5. Становление.....	215
3.5.1. Общая характеристика становления	215
3.5.2. СТОРОНЫ СТАНОВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	226
3.5.3. ВИДЫ СТАНОВЛЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ	322
3.6. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ	330
3.6.1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	330
3.6.2. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТЬ	335

3.6.3. Субкатегории цели, средства и результата.....	340
3.6.4. Субъект и объект	343

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ОШИБКИ И ПЕРЕКОСЫ

КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ	350
4.1. "Крены", абсолютизация одних категорий в ущерб другим	350
4.2. О многозначности слов, выражающих категории мышления.	351
4.3. Ошибки категориально-логического мышления	353
4.4. Классификация категориальных ошибок	355
4.5. Типичные категориальные ошибки	356
4.5.1. Каузализм.....	356
4.5.2. Ошибка отождествления необходимости, закономерности с причинностью или причинности с необходимостью.....	361
4.5.3. Квалитатизм.....	362
4.5.5. Квантитатизм. Ошибка абсолютизации количественных определений	362
4.5.6. Ошибки смешения категории количества с другими категориями	364
4.5.7. Аналогизм. Ошибки абсолютизации сходства (аналогизирования)	367
4.5.8. Дистинктивизм. Ошибки абсолютизации различия (специфики)	368
4.5.9. Ошибка отождествления качества и свойства	370
4.5.10. Ошибка отождествления мира и материи (материализм).....	372
4.5.11. Ошибка отождествления мира и духа (абсолютный идеализм)	373
4.5.12. Противоположные взгляды на взаимоотношение материи и движения	373
4.5.13. Кинетизм. Ошибка абсолютизации движения	377
4.5.14. Потенциализм. Ошибки абсолютизации возможности ..	378
4.5.15. Актуализм. Ошибка абсолютизации действительности. Отрицание возможности.....	379
4.5.16. Нецессизм. Ошибка абсолютизации необходимости	381
4.5.17. Отрицание случайности (случай — атеистический псевдоним чуда)	381
4.5.18. Ошибка отождествления случайности с беспричинностью	386
4.5.19. Оказионализм. Ошибка абсолютизации случайности ..	386
4.5.20. О так называемом парадоксе свободы	387
4.5.21. Ошибки применения категорий «целое—строение— часть» и «система—структура—элемент»	388
4.5.22. Хаотизм. Ошибка абсолютизации неупорядоченности,	

хаоса, неопределенности	397
4.5.23. Реализм и номинализм	402
4.5.24. Ошибка поспешного обобщения	402
4.5.25. Ошибки смешения категорий «общее—частное» («род— вид») с категориями «целое—часть» в логических операциях обобщения и ограничения понятий	403
4.5.26. Органицизм	403
4.5.27. Монизм. Ошибка сведения многого к одному	407
4.5.28. Плюрализм. Ошибка представления одного как многого.....	407
4.5.29. Абсолютизм и релятивизм	408
4.5.30. Финитизм. Разные степени и формы отрицания бесконечного	409
4.5.31. Инфинитизм. Пренебрежительное отношение к категории конечного	411
4.5.32. Ошибки переоценки и недооценки противоречий.....	412
4.5.33. Ошибка отождествления живого и сущего, жизни и существования, бытия	412
4.5.34. Телеологизм, финализм. Абсолютизация целесообразности и целеполагания	412
4.6. ПЕРЕКОСЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И ИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ	414
4.6.1. О нежелательных следствиях, вытекающих из концепции первичности качества	414
4.6.2. Материализм и идеализм	415
4.6.3. Рационализм, эмпиризм, иррационализм	418
4.6.4. Вышизм. Ошибка наделения низшего чертами высшего.	423
4.6.5. Гилозоизм	423
4.6.6. Панпсихизм.....	424
4.6.7. Антропоморфизм.....	424
4.6.8. Редукционизм. Ошибка сведения высшего к низшему или сложного к простому	426
4.6.9. Эссенциализм и экзистенциализм	434
4.6.10. Субъективизм и объективизм	434
4.6.11. Категориально-логическая характеристика идей социализма и коммунизма	438
4.7. КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПУТАНИЦА, СМЕШЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ	443
4.7.1. Гегель о смешении категориальных форм	443
4.7.2. Критика концепции перехода количества в качество.....	445
4.7.3. О смешении "вещи-свойства" с "предметом- признаком" (отождествление вещи и предмета, вещи и тела, вещи и объекта, свойства и признака)	454

4.8. Примеры сбалансированного подхода к категориальной логике	455
Литература	466
Указатель имен	467

Держу Вселенную
на кончике пера

О. Малевич

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Концепция

Суть концепции в следующем. Мир в некотором роде упорядочен; эта упорядоченность выражается в определенной категориальной структуре или, по-другому, в естественной системе категориальных определений мира. Наше мышление отражает категориальную структуру мира в виде стихийно сложившейся системы категорий мышления, категориального строя. Философы осмысляют, исследуют обе эти системы категориальных определений, вырабатывают философские понятия, категории, которые более или менее адекватно отражают и естественную систему категориальных определений мира и категориальный строй мышления.

На рис. (см. след. стр.) наглядно показаны связь и различие трех типов категориальных определений. Первичными категориальными определениями являются определения самого мира, его самоопределения, т. е. естественная система категориальных определений, которая (как и мир в целом) существует независимо от человека и человечества. Вторичными категориальными определениями являются категории мышления, точнее стихийно сложившаяся система категорий мышления (категориальный строй мышления). Третичными категориальными определениями являются философские категории и понятия. Аристотель, Гегель и другие философы пытались, в сущности, *открыть* естественные системы категорий мышления и категориальных определений мира. Эти попытки шаг за шагом приближали человечество к разгадке указанных систем. Настоящий труд — еще одна такая попытка.

Учитывая, что категориальная логика является в конечном счете отражением естественной системы категориальных определений мира, ее с полным правом можно назвать *кате-*

гориальной картиной мира. Если кратко выразить *новое* в предлагаемой категориальной системе, то можно сказать, что она дает несколько иную "раскладку", группировку категорий по сравнению с существовавшими до сих пор.

Рис.1. Типы категориальных определений (источники построения категориальной картины мира)

И в этой перегруппировке вся суть. Здесь как нельзя лучше подходят слова Блеза Паскаля: "Пусть не говорят, что я не сделал ничего нового. Новое — в расположении материала. Когда двое играют в лапту, оба пользуются одним и тем же мячом. Но один из них находит для него лучшее положение" (из предисловия к "Мыслям").

1.2. Категориальный строй мышления

Когда философы обсуждают проблему категорий как свое внутреннее дело, т. е. как проблему исследования и систематизации *философских* категорий, то нельзя не увидеть некоторый отпечаток профессиональной ограниченности, субъективности на этой проблеме. В зависимости от личного опыта и склада ума одни философы считают эту проблему искусственной, надуманной, вчерашним днем философии, а другие считают ее важной, заслуживающей внимания *философской* проблемой. В том и другом случае проблема исследования и систематизации категорий субъективно ограничена и не поддается разумному решению. Суть в том, что надо выйти за рамки этой проблемы и взглянуть на дело шире, не с чисто философских, узко цеховых позиций, а с точки зрения объективной, естественной систематики категорий. Хотят или не хотят философы обсуждать проблему категорий, независимо от них она властно заявляет о себе как необходимость мыслить сознательно-системно, во всеоружии категориального аппарата мышления.

Бессознательно люди давно уже мыслят системно. Для этого они выработали целый комплекс вопросов: что? кто? чей? когда? где? куда? откуда? как? какой? каким образом? в какой мере? сколько? почему? отчего? зачем? для чего? ради чего? как возможно? что делать? и т. д. В этих вопросах отчетливо проглядывают категориальные формы мышления. (Философы, кстати, являются своего рода повивальными бабками, помогающими рождению, т. е. осознанию людьми категорий мышления — под видом философских категорий и понятий.)

Категории функционируют, работают, действуют в нашем мышлении, хотим мы этого или нет, более того, они формируют, организуют, упорядочивают мышление. В самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок. Люди мыслят в той степени, в какой они пользуются категориями. Впервые об этом со всей определенностью сказал *И. Кант*: "Мы не можем *мыслить* ни одного предмета

иначе, как с помощью категорий"¹. Это открытие Канта базируется на солидной философской традиции, начало которой положил *Платон* и которую в новое время поддержали великие рационалисты *Декарт*, *Спиноза*, *Лейбниц*.

Открытие Канта воспринял и развил *Гегель*. Вся логическая система Гегеля есть не что иное, как грандиозная попытка открыть естественную систематику категорий. Кант только поставил проблему, Гегель же попытался ее решить. У него можно встретить немало высказываний о *естественной логике* мышления, естественной системе категориальных определений. В этих идеалистических по форме высказываниях заключены важные мысли, которые можно было бы сформулировать так.

Каждая категория — не только момент системы, но и сама является системой более частных категорий и понятий. Она — вершина гигантской пирамиды понятий. И в целом система категорий — это вершина пирамиды всех человеческих понятий. Как с помощью трех десятков букв в алфавите выражается все богатство человеческого языка, так с помощью нескольких десятков категорий выражается все многообразие человеческих понятий и, соответственно, объективного мира.

В современных научных исследованиях происхождения человеческого мышления ученые приходят к тем же выводам, которые делали раньше великие философы. И то, что у философов носило характер догадки, у современных ученых приобретает характер научно обоснованных утверждений. Немецкий психолог *Ф. Кликс* совершенно четко указывает, например, на наличие у архаического мышления определенной категориальной организации².

Выдающийся русский филолог-славист *А. А. Потебня* более ста лет назад писал о происхождении категорий: "... труды обособившихся наук и таких-то по имени ученых являются здесь (в истории языка — *Л. Б.*) лишь продолжением деятель-

¹ Кант И. Соч. в 6-и т.т. Т. 3, М., 1964. С. 214.

² Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983, С. 158.

ности племен и народов. Масса безымянных для нас лиц, масса, которую можно рассматривать как одного великого философа, уже тысячелетия совершенствует способы распределения по общим разрядам и ускорения мысли и слагает в языке на пользу грядущим плоды своих усилий"¹.

В отечественной философии последних десятилетий неоднократно высказывались мысли о категориальном строе мышления. Например, *М.М. Розенталь* писал в 1957 году: "Если в обыденном мышлении категории эти (философские категории — *Л. Б.*) применяются большей частью неосознанно, то в науке мышление, сознательно опирающееся на логические категории, является необходимостью"².

А. Т. Артюх отмечал в книге "Категориальный синтез теории", что "в действительности категории — это средства человеческого мышления как они функционируют в процессе мыслительной деятельности. Мы их называем философскими, учитывая, что указанный аспект мышления... изучает философия"³. *А. Т. Артюх*, наверное, один из первых в отечественной философии употребил выражение "категориальный строй мышления"⁴. Им и другими философами употреблялись также выражения "категориальный аппарат мышления", "категориальная структура мышления", "категориальный каркас мышления", "категориальная сетка мышления".

Е. П. Ситковский, комментируя Малую логику Гегеля, солидаризировался с последним в вопросе о естественной логике мышления⁵. *Э. В. Ильенков* указывал на необходимость создания капитального труда о системе категорий⁶. *В. Б. Кучевский* и *С. М. Шалютин* обосновывают необходимость исследования категориальной логики мышления⁷.

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 641-642.

² См.: Категории материалистической диалектики. М., 1957. С. 414.

³ Артюх А.Т. Категориальный синтез теории. Киев, 1967. С. 16.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ См.: Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 29.

⁶ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 318.

⁷ См.: Кучевский В.Б. Анализ категории "материя". М., 1983. С. 24-25. Шалютин С.М. Искусственный интеллект. М., 1985. С. 35-38

Итак, в самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок. Если мы бессознательно пользуемся стихийно сложившейся категориальной логикой мышления, то спрашивается, зачем нужно еще открывать ее, строить адекватную систему философских категорий? Дело в том, что настоящая "отдача" категорий мышления как идеальных орудий деятельности возможна лишь при условии осознания их в системе. Стихийное, полусознательное использование категорий чревато постоянными "кренами", абсолютизацией одних категорий в ущерб другим.

Осознание категориальной логики в ходе исторического развития человеческой мысли протекало неравномерно. Отсюда, в частности, разноголосица философских учений и взглядов. Категориальная культура мышления может быть основана только на достаточно полном и уравновешенном представлении о системе категорий мышления, а через нее — об объективной системе форм бытия, категориальных определений мира.

В связи с вопросом о категориальной логике неизбежно возникает вопрос, в каком порядке располагаются категории, как они соотносятся друг с другом. Пока твердо установлено, что категории располагаются парами (диадами) или триадами (обнаружены связи типа "пространство-время", "необходимость-случайность", "качество-мера-количество"). Философы давно пытаются открыть связи более высокого порядка — не между отдельными категориями, а между категориальными парами, семействами. Пока эти попытки не увенчались сколько-нибудь неоспоримыми находками. Тем не менее они продолжают, не могут не продолжаться, так как философы никогда не смиряются с полухаотическим представлением выявленного множества категорий и понятий.

КАК КАТЕГОРИИ РАБОТАЮТ-ПРОЯВЛЯЮТ СЕБЯ?

Как структурные элементы мысли, лежащие в основе всякого мышления, категории мышления формируются и функционируют, как правило, помимо сознания человека и высту-

8

пают либо (1) в виде образов-символов, либо (2) в языке, в словах, либо (3) в виде понятий, либо (4) в различных формах и методах деятельности.

(1) Образы-символы категорий весьма многообразны. Вот некоторые примеры:

круг-шар часто служил для древних людей образом-символом вечности, неизбежности, порядка;

В древнегреческой философии образом-символом всеобщего изменения-движения было выражение “*все течет*” (*panta rei*).

В китайской философии своеобразными образами-символами-понятиями были *ян* и *инь*. Исходное значение: пасмурная и солнечная погода или теневая и солнечные стороны (например, горы и ущелья). Древнекитайские мыслители использовали бинарность данного противопоставления для выражения многих противоположных и сменяющих друг друга явлений-сил: света и тьмы, солнца и луны, огня и воды, активности и пассивности, мужского и женского начал, неба и земли, порядка и беспорядка и т. п.

знак “ ∞ ” является символом математической бесконечности;

“*круг времени*” и “*стрела времени*” являются образами-символами временной обратимости и необратимости.

“*Золотая середина*” — образ-символ меры.

В выражении “ничто не ново под луной” *луна* является образом-символом неизменности, вечного повторения одного и того же.

Выражение “вавилонское столпотворение” — образ беспорядка, хаоса.

В пушкинской строке “*И случай — бог-изобретатель*” мы видим образ случайности. Такую же категориально-образную функцию выполняют выражения “*жребий брошен*”, “*мы все ходим под богом*”, “*стечение обстоятельств*”.

(2) Выражение категорий в языке.

1. Категории прежде всего выражаются в *структуре* языка, в *членораздельной* речи. Грамматические части речи — пусть весьма приблизительно и упрощенно — выражают ос-

новные категории мышления. Имя существительное — материю, тело, вещь, организм, существо. Имя прилагательное — качество. Имя числительное — количество. Глагол — движение, действие, деятельность.

Особое место в структуре языка занимают местоимения и местоименные наречия. Они являются своеобразными языковыми эквивалентами-заместителями категорий. Можно составить такую таблицу (см. следующую страницу).

Вопросительные местоимения и местоименные наречия — это самые настоящие пра- или прото-категории.

По мере того, как подрастающий человек осваивает членораздельную речь, формируется категориальный строй его мышления. Наиболее интенсивно это происходит в возрасте “почемучки”, так талантливо описанном К. И. Чуковским в книге “От двух до пяти”. Когда ребенок задает окружающим бесчисленные вопросы, то он не просто любопытствует, собирает-впитывает в себя информацию, а учится мыслить *категориями, при помощи категорий*. Ведь вопросы задаются им в основном в форме вопросительных местоимений и наречий.

Фундаментальный характер некоторых вопросов давно был осознан людьми. Свое понятие о категориях Аристотель строил в значительной мере на основе вопросительных слов: “что?” (категория сущности), “сколько?” (категория количества), “какой?” (категория качества) и т. д. Арабский философ IX века Абу Юсуф Якуб бен Исхак аль-Кинди писал:

“Чтобы познать что-либо, следует ответить на четыре вопроса: Есть ли это? Что это? Каково это? Почему это?”. Английский писатель Р. Киплинг выразил примерно эту же мысль в поэтической форме:

Есть у меня шестерка слуг, проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, — все знаю я от них.
Они по знаку моему являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему, Кто, Что, Когда и Где.¹

Нельзя не упомянуть также Раймунда Луллия. Стремясь переработать схоластическую логику, он выдвинул ряд новых

¹ Перевод С.Маршака — см.: С.Я.Маршак. Собр.соч. в 8 томах, М., 1968-1970, т. 3, с. 678

ТАБЛИЦА ЭКВИВАЛЕНТОВ-ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ КАТЕГОРИЙ

<i>виды местоимений и наречий</i> категории	<i>вопросительные местоимения</i>	<i>другие местоимения, наречия</i>	<i>отрицательные местоимения, наречия (теми категориями)</i>
<i>материя, тело, вещь, объект, предмет</i>	что? что-то что-именно	что-то, что именно, этот, тот, нечто	ничто
<i>живое существо, человек, субъект</i>	кто?	кто-то, кто именно, некто, все, каждый	никто
<i>качество</i>	какой?	такой, этаким, какой-то, какой именно, некий	никакой
<i>свойство</i>	чей?	чей-то чей именно	ничей
<i>количество</i>	сколько? насколько? какой?	столько, настолько, несколько больше, меньше	нисколько
<i>движение</i>	куда? откуда?	сюда, туда, отсюда, оттуда	никуда ниоткуда
<i>время</i>	когда?	теперь, сейчас, раньше, потом, иногда, всегда	никогда
<i>пространство</i>	где?	здесь, там, везде, повсюду	нигде
<i>мера</i>	в какой мере?	в меру	
<i>причина</i>	почему? отчего? по какой причине? вследствие чего?	потому, поэтому оттого, из-за того, из-за этого по причине этого вследствие этого	
<i>возможность</i>	можно? как возможно?	можно возможно	нельзя, невозможно
<i>действительность</i>	в самом деле? на самом деле? действительно ли?	действительно, в самом деле	недействительно
<i>случайность явление</i>	что случилось? что произошло? что такое?	по случаю	
<i>цель</i>	зачем? с какой целью?	затем, с целью	безцелью бесцельно
<i>средство</i>	как? каким образом?	так, этак, вот так,	никак
<i>результат</i>	какой результат? что в результате?		без результата
<i>деятельность, действие</i>	что делать?		

идей. Среди них — учение о вопросах. Вопросы, по Луллию, служат орудием открытия истины. Он разделял их на девять групп: “ли?”, “что?”, “из чего?”, “почему?”, “как велико?”, “какого качества?”, “когда — где?”, “чем?”, “как?”¹.

Интересно еще отметить, что в риторике есть так называемые *семь вопросов*: Quis?, Quid?, Ubi?, Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando? (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). Эти вопросы призваны, развивая мысль, выявлять лицо, деяние, место, соучастников, цель, способ и время².

2. Категории выражаются также в словах, предложениях, фразах, текстах, т. е. не только в структуре языка, но и в его содержании, материале. Возьмем для примера категорию возможности. Вокруг нее — целый куст отдельных слов, словосочетаний, выражений: *мочь, можно, могущий, возможно, невозможно, возможный, возможность, может быть, как можно, через не могу, по возможности, по мере возможности, есть возможность, насколько возможно, иметь возможность, дать возможность, реальная возможность, абстрактная (формальная) возможность, юридическая возможность, фактическая возможность, большие возможности, безграничные возможности, упущенная возможность, любопытная возможность, интересная возможность, возможность роста, при первой возможности, до последней возможности, “если бы молодость знала, если бы старость могла!”*, “хочу и могу”. Это лишь немногие слова, словосочетания и выражения, обозначающие разные стороны категории возможности. Если же взять предложения, фразы, тексты, в которых фигурирует рассматриваемая категория, то их бесчисленное множество. В них, в этой стихии языка, она живет, функционирует, действует, развивается. И так обстоит дело с каждой категорией мышления.

(3) В понятиях категории не просто выражаются, а осо-

¹ См.: Берков В.Ф. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972. С. 12.

² См.: Сомов В. По-латыни между прочим. Словарь латинских выражений. М., 1992. С. 109.

знаются, осмысливаются.

То, что обычно называют философскими категориями, на самом деле — понятия-категории, т. е. понятия, представляющие, выражающие категории мышления. Это всегда нужно иметь в виду при исследовании-использовании философских категорий и понятий. Они лишь отображение категорий мышления. А отображение, как мы знаем, может быть неверным, искаженным, неполным и т. д. История философии дает вторичный материал для исследования категорий мышления. Первичный материал — в естественном мышлении и языке, в различных формах, методах и результатах человеческой деятельности. Некоторые философы ошибочно ставят знак равенства между естественным и обыденным мышлением и на этом основании третируют первое, утверждая, что только философское мышление — мышление в категориях и только философы знают, что такое категории. Это высокомерие философов опасно. Оно ведет к самоизоляции и творческому бесплодию.

С другой стороны, труд философов нужно уважать, потому что именно в философских понятиях категории по-настоящему осознаются, осмысливаются как структурные элементы мысли.

(4) О выражении категорий в различных формах и методах деятельности см. ниже, п. 1.6 «Методологическая функция категориальной логики».

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЛОСОФОВ В ВОПРОСЕ О ПРАВИЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Философы порой грешат произвольным употреблением понятий и слов, пренебрежительно относятся к естественному языку и мышлению. Они уподобляются в таком случае Шалтаю-Болтаю. Логик А. М. Анисов по этому поводу пишет:

"В произведении Л.Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» персонаж по имени Шалтай-Болтай как-то необычно употребил слово «слава».

«— Я не понимаю, при чем здесь «слава»? — спросила Алиса...

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

— И не поймешь, пока я тебе не объясню, — ответил он. — Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»

– Но «слава» совсем не значит: «разъяснил, как по полкам разложил!» – возразила Алиса.

– Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай презрительно.

– Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай. – Вот в чем вопрос!»

Между прочим, сам Л.Кэрролл, который был не только писателем, но и логиком, занимал (как и все логики наших дней, за исключением шарлатанов и невежд) позицию Шалтая-Болтая. Любой пишущий человек вправе, предупредив читателя заранее, под словом “черное” понимать “белое” и наоборот. Впрочем, как верно заметил комментатор Кэрролла М.Гарднер, «Если мы хотим быть правильно понятыми, то на нас лежит некий моральный долг избегать практики Шалтая, который придавал собственные значения общеупотребительным словам» (См.: А.М.Анисов. Современная логика. М., 2002. С. 200).

В самом деле, на нас, философах, лежит моральная ответственность за употребление слов и понятий естественного языка и мышления. Когда философы пытаются вывернуть наизнанку значения слов, говорят и пишут парадоксальные вещи, когда увлекаются изобретением новых слов и терминов (как, например, М. Хайдеггер), тогда возникает ситуация междусобойчика, игры в бисер (как в одноименном романе Германа Гессе) или ситуация оправдания своеволия-беспредела.

Хотелось бы в этой связи напомнить одно место из «Критики чистого разума» И. Канта:

«Несмотря на большое богатство нашего языка, мыслящий человек нередко затрудняется найти термин, точно соответствующий его понятию, и потому этот термин не может сделаться действительно понятным не только другим, но даже и ему самому. **Изобретать новые слова — значит притязать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом.** Прежде чем прибегнуть к этому крайнему средству, полезно обратиться к мертвым языкам и к языку науки, дабы поискать, нет ли в них такого понятия вместе с соответствующим ему термином, и если бы даже старое употребление термина сделалось сомнительным из-за неосмотрительности его творцов, все же лучше закрепить главный его смысл (хотя бы и оставалось неизвестным, употреблялся ли термин первоначально точь-в-точь в таком значении), **чем испортить дело тем, что останется непонятым.**

Поэтому если для определенного понятия имеется только одно

слово в уже установившемся значении, точно соответствующее этому понятию, отличие которого от других, близких ему понятий имеет большое значение, то не следует быть расточительным и для разнообразия применять его синонимически взамен других слов, а следует старательно сохранять за ним его собственное значение; иначе легко может случиться, что термин перестанет привлекать к себе внимание, затеряется в куче других терминов с совершенно иными значениями и утратится сама мысль, сохранить которую мог бы только этот термин. (Везде выделено мной — Л. Б.)» (См. раздел «Об идеях вообще»).

Приведенный текст предваряет анализ Кантом понятия идеи. Мне представляется, этот текст имеет значение общего методологического требования-пожелания — относиться бережно и уважительно к словам-понятиям, доставшимся нам в наследство от прошлых поколений.

Нам, философам, не следует забывать о скромности. Я уже приводил выше высказывание А. А. Потебни о происхождении категорий (см. выше, стр. 6). Труды ученых, говорил он, являются лишь продолжением деятельности племен и народов. Все люди в той или иной мере участвуют в формировании языка философии. Профессиональные философы лишь обрабатывают и оглашают результаты этого формирования.

Здесь есть и другой аспект. Достижения философа базируются в первую очередь на достижениях коллег. *Гёте* говорил в беседе с Фридрихом Якобом Сорэ: «— Ведь, в сущности, все мы коллективные существа, что бы мы о себе ни воображали. В самом деле: как незначительно то, что мы в подлинном смысле слова могли бы назвать своей собственностью! Мы должны заимствовать и учиться у тех, которые жили до нас, так и у тех, которые живут с нами. Даже величайший гений не далеко бы ушел, если бы он захотел производить все из самого себя. Но этого не понимают очень многие добрые люди и полжизни бродят ощупью во мраке, грезя об оригинальности» (И.-П. Эккерман. Разговоры с Гёте. М.-Л., 1934. С. 844-845). Как иллюстрация к этим словам Гёте звучат слова *Ньютона*, которые он сказал, обращаясь к Гуку: “То, что сделал Декарт, было шагом вперед. Вы прибавили к этому новые возможности... Если я видел дальше, то потому, что стоял на

плечах гигантов”¹. Видите, как считает Ньютон: он стал гигантом мысли потому, что *стоял на плечах гигантов*. Какое удачное выражение! Ясно, что стоять на плечах гигантов — не такая уж простая задача. Нужно ведь на них “вскарabкаться”, соответствовать, быть конгениальным. Это с одной стороны. С другой, факт преемственности указывает на то, что существует общая основа понимания и употребления слов-понятий.

1.3. Естественная система категориальных определений мира (категориальная структура мира)

Вопрос о естественной системе категориальных определений мира есть прежде всего вопрос о том, откуда берется система категорий мышления, иными словами, есть вопрос об источнике системы категорий, категориальной логики. Этот вопрос неизбежно встает перед исследователем, если он не хочет уподобиться Канту и считать категории чисто субъективными формами мысли, которым в реальном мире ничего не соответствует².

(В скобках заметим, что позиция Канта по-своему сильна и обоснована. Действительно, в чувственном опыте мы непосредственно не наблюдаем объективные аналоги категорий и их как будто нет вне нашего мышления. Кант в известном смысле прав и в вопросе об априорном характере категорий, объявляя их формами мысли, существующими изначально, до всякого опыта. В самом деле, категории мышления как сознательно употребляемые понятия формируются на протяжении многих поколений людей в процессе их практической и познавательной деятельности и каждое поколение застает их как бы в готовом виде в тех или иных формах языка, в накопленном знании. Кант уловил факт изначального присутствия катего-

¹ Ньютон. Письмо к Гуку. Цит. по: Володин В. И тогда возникла мысль. М., 1980. С. 60.

² Логические категории, писал Кант, "суть только логические функции и, как таковые, не дают ни малейшего понятия об объекте самом по себе" — И. Кант. Пролегомены. М., 1993. С. 113; § 39.

рий в мышлении отдельного человека, но не мог правильно объяснить его, так как стоял на точке зрения индивидуального человеческого познания, будучи далек и от понимания действительной роли общественно-исторической деятельности людей в формировании категорий мышления. Эта узость Канта помешала ему также увидеть объективный источник категорий. Он просто устранился от решения этого вопроса, объяснив вещь в себе непознаваемой).

Из всех философов прошлого наиболее выдающихся результатов в исследовании категорий достигли *Аристотель* и *Гегель*. Аристотель был создателем учения о категориях, категориологии. Гегель — его наиболее крупным продолжателем. И оба они были убеждены в том, что философским понятиям-категориям соответствуют определенные стороны объективной реальности, категориальные определения, присущие самим вещам.

Следует, однако, заметить, что в силу ограниченности, вытекающей из проповедуемого им идеализма, Гегель не мог до конца последовательно провести свой объективизм в отношении категориальных определений мира. Отстаивая принцип тождества мышления и бытия, субъективного и объективного, немецкий философ неизбежно должен был в той или иной степени субъективизировать, одухотворять бытие, т. е. рассматривать его как объективированное мышление, называя в разных контекстах то духом, то идеей, то богом. Для нас понятия-категории являются отражением объективных категориальных определений мира. Во всяком случае они *вторичны* по отношению к последним. Для Гегеля же понятия-категории и объективные категориальные определения соответственны друг другу или даже совпадают. Разница вроде бы небольшая. Но в ней вся суть. Представляемая здесь точка зрения, как бы сказать, скромнее гегелевской. Полагая, что наши понятия-категории более или менее верно отражают объективные категориальные определения мира, мы, однако, не считаем, что познали исчерпывающим образом эти объективные определения, что знаем о них все. У Гегеля же получается, что если мы будем мыслить как он, то познаем истину в последней инстан-

ции, исчерпывающим образом, т. е. будем владеть абсолютной истиной. Философ исходит, как уже говорилось, из принципиальной установки, что объективные категориальные определения и наши понятия о них совпадают или соответствуют друг другу. Это есть не более, как нескромность, высокомерие идеалиста, который мнит себя равным вселенной. Это есть также и самый настоящий догматизм. Ведь только догматики считают, что они владеют абсолютной истиной, знают все о предмете. Правда, как творчески мыслящий философ, Гегель в большинстве случаев не был догматиком, вернее, был своеобразным догматиком, как это свойственно художественным натурам. Он был художником в философии. А художникам, даже великим, свойственны порой преувеличения, абсолютизации. Идеалистическая концепция Гегеля это художественно-философская концепция. Так к ней и надо относиться.

В истории философии кроме концепций Аристотеля и Гегеля была, пожалуй, еще одна концепция, имеющая прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Речь идет об *учении о первичных качествах*. На первый взгляд кажется странным обращение к этому учению. В самом деле, какое отношение оно имеет к проблеме объективных категориальных определений мира? Если судить об указанном учении по его названию, то никакого. Так обычно и думают философы. Во всяком случае Гегель в своей категориологии никак не упоминает о концепции первичных качеств. Думается, здесь мы имеем дело с исторической несправедливостью, которую надо исправить и воздать должное учению о первичных качествах как важной ступени в осознании философами и учеными факта существования объективных категориальных определений мира.

Если у Гегеля вопрос об объективных категориальных определениях мира несколько затушевывается из-за искусственного навязывания миру мыслительных определений, то у *Локка* (а именно у него учение о первичных качествах получает наибольшее развитие) мы находим объективистское (в хорошем смысле этого слова) представление о первичных категориальных определениях. Неважно, что он называл их "качествами". Простим ему эту терминологическую вольность.

(Тем более, что такое употребление слова "качество" имеет солидную традицию, идущую еще от Аристотеля — см.: Аристотель. О душе. 418a 10-19, 428b 20-25). Для нас важно то, что под "качествами" Локк имел в виду *всякие определения* реальных объектов. И когда он говорил о первичных качествах, то имел в виду то, что мы называем "объективными категориальными определениями".

Итак, следуя рассмотренной философской традиции, мы утверждаем, что источником категорий мышления являются объективные категориальные определения мира, образующие естественную систему или, по-другому, категориальную структуру мира. Насколько категориальная логика мышления повторяет категориальную структуру мира — это уже другой вопрос. Ясно одно: первая более или менее соответствует второй. В противном случае, мы и шагу не могли бы сделать в этом мире.

Вопрос о естественной системе категориальных определений мира — не только вопрос об источнике категориальной логики мышления. Это также и вопрос о том, что такое мир, как он существует сам по себе, как он представляется нам. Является ли он Вселенной астронома, космолога, физической реальностью, сотворенным бытием Божиим или просто средой обитания человека. Можно ли вообще говорить о мире в целом, как целом? По крайней мере дважды естественный язык подсказывает нам, что можно. Во-первых, через слово "мир", во-вторых, через слово "мировоззрение". Но можно ли представлять мир в виде конкретной системы материальных тел наподобие атома, планетной системы, галактики или метагалактики? Ведь всякая конкретная система ограничена в пространстве и времени. А мир, по выражению Гегеля, нигде не заколочен досками. Вряд ли мир можно представлять и в виде системы духовных сущностей, гипостазированных понятий. Здесь тоже ограниченность, теперь уже субъективного порядка. Человек-субъект, проецируя свой духовный мир на мир реальный, тем самым ставит себе пределы в осмыслении мира *как такового*.

Мир, безусловно, является системой, но не конкретных частиц, тел и не понятий, категорий, а того, что отражают понятия, категории. Мир — естественная система объективных, независимых от нас определений, которые отражаются в нашем мышлении в виде понятий и категорий. (В скобках заметим, слово "система" по отношению к миру в целом употребляется с известной долей условности. Это слово выражает лишь одну из категорий, а она в свою очередь отражает лишь какое-то одно определение мира. В строгом смысле о мире в целом нельзя говорить, что он системен или бессиствен, упорядочен или неупорядочен, целостен, един или нецелостен, неедин. Все эти определения являются частными и лишь в своей совокупности могут характеризовать мир в целом).

Несколько слов о выражении "*объективные категориальные определения мира*". Кое-кому это выражение покажется неудачным. Что можно сказать в его защиту? Мы считаем принципиально важным установление *общего названия* для объективных аналогов, реальных прообразов категорий. Без такого названия по-настоящему отсутствует *понятие* об объективных аналогах категорий, т. е. нет достаточного понимания того, что категории *отражают* определенные стороны реального мира, существующего независимо от какого-либо субъекта. В результате имеется постоянная опасность субъективистского истолкования категорий в духе Беркли или Канта. Мировая философия давно подошла к этому понятию. Каждый раз философы говорят о реальном существовании в отдельности материи, движения, пространства, времени. То же самое многие из них говорят об объективных противоречиях, случайности, необходимости, причинности, законах и явлениях природы и т. д. А вот общего названия для этих объективных аналогов до сих пор нет. Логично такое рассуждение: если есть общее название для отображений объективных аналогов, то должно быть общее название и для самих объективных аналогов. Предлагаемое название "*объективные категориальные определения мира*" (или просто "*определения мира*") решает как раз эту задачу. И материя, и движение, и пространство, и время, и противоречие, и развитие, и случайность, и

необходимость, и возможность, и действительность, если рассматривать их не как понятия-категории, а как объективные прообразы понятий-категорий, суть объективные категориальные определения мира¹. Тогда вполне логично ставить проблему *открытия* естественной системы категориальных определений мира, как в свое время Д. И. Менделеев ставил проблему открытия естественной системы химических элементов.

О категориальном детерминизме.

В связи с рассмотренной выше проблемой естественно возникает вопрос о категориальном детерминизме. Из всего анализа проблемы следует, что объективная система категориальных определений мира — это, по существу, система детерминаций или детерминации, обусловленности.

Вопрос, однако, не так прост. Обычно с детерминизмом связывают концепцию, признающую объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества². Между тем такое понимание детерминизма недавно ушло от механистического, лапласовского детерминизма. Как следует из наших рассуждений, детерминизм нельзя связывать только с тремя категориями: необходимостью, закономерностью и причинностью. Кто так делает, тот неизбежно скатывается на позиции лапласовского детерминизма, т. е. отрицания или, в лучшем случае, полупризнания объективного существования случайности. В самом деле, если мы связываем детерминизм только с объективным существованием необходимости, закономерности, то к какой концепции относить тогда признание объективного существования случайности? Яс-

¹ Выражение "категориальное определение" не имеет специфически субъективного содержания, которое препятствовало бы его употреблению в указанном объективном смысле. Прилагательное "категориальный" производно от слова "категория", а последнее употребляется не только в значении "понятие", но и в значении "разряд, класс определенного рода вещей". Слово "определение" также употребляется не только в значении "понятие", "дефиниция" (определение понятия), а и в самом широком смысле (например, в смысле "детерминация", "определенность", "обусловленность").

² См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, С. 149. См. также: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973.

но, что к индетерминизму. Ведь случайность противоположна необходимости. Если даже мы будем относить случайность к разновидности причинной обусловленности, то и в этом случае мы по-настоящему не избавимся от представления о ее чуждости детерминизму. Обычное понятие детерминизма, связывающее его с указанной тройкой категорий, акцентирует внимание на необходимости, закономерности, т. е. в нем нет уравновешенного представления о случайности и необходимости как полюсах взаимозависимости. Как бы мы ни трактовали причинность, все равно упор в таком понятии детерминизма делается именно на необходимость, закономерность. Вспомним, что и причинная связь часто трактуется как необходимая, т. е. опять же в координатах вышеуказанных категорий.

Одностороннее понимание детерминизма было характерно для многих ученых недавнего прошлого. Например, для А.Эйнштейна. Напомню его спор с представителями копенгагенской школы физиков (Н. Бором, В. Гейзенбергом, Э. Шредингером и др.) о том, какую роль играет беспорядок, случайность, неопределенность в физических процессах. Защищая позицию физического детерминизма, он утверждал, что все упорядочено («бог не играет в кости»). Копенгагенцы же по главе с Н. Бором отстаивали позицию физического индетерминизма, т. е. считали, что «бог играет в кости», что неопределенность, случайность, некоторая неупорядоченность в физических процессах в принципе неустранима. (На это указывало соотношение неопределенностей В. Гейзенберга).

Итак, нужно отказаться от трактовки детерминизма только в аспекте категорий необходимости, закономерности, причинности. По сути говоря, термины "детерминизм", "детерминация" не содержат специфического указания на эти категории. В переводе с латинского *детерминировать* означает *определять, обуславливать*. Спрашивается, разве другие категориальные определения не определяют, не обуславливают? Например, качество и количество. Разве они не определяют предмет, не делают предмет таким, каков он есть? Или движение не подчиняет своей двигательной самости все существующее и происходящее в мире? А противоречие? А материя? Разве последняя не определяет реальные объекты, не "делает" их отличными от понятий об этих объектах и вообще от

22

наших фантазий? Разве действительность, рассматриваемая в ее противоположности возможности и недействительности, не определяет реальное, действительное существование явлений, законов? Когда мы говорим о действительности или недействительности чего-либо, то разве не определяем этим что-либо? А возможность? Разве она не указывает на границы возможного, на его отличие от невозможного? А случайность? Разве она не "участвует" в детерминации происходящего в мире? Случайность указывает на то, что возможны события, выпадающие из необходимого ряда.

Выше мы неоднократно говорили, что категории мышления являются отражениями объективных категориальных определений мира. В точном смысле слова определения мира и есть объективные детерминации. Среди них и случайность — как объективное категориальное определение мира — участвует в детерминации происходящего наравне с необходимостью.

Таким образом, категориальный детерминизм¹ в самом глубоком смысле означает признание детерминации всего существующего и происходящего естественной системой категориальных определений мира. Все объективные категориальные определения участвуют в детерминации, детерминируют, определяют, обуславливают. Только благодаря такому пониманию детерминизма мы преодолеем его сближение или отождествление с лапласовским детерминизмом и выйдем почву из-под индетерминистских спекуляций по поводу случайности, свободы воли.

¹ Выражение "категориальный детерминизм", как мне представляется, более точно передает суть дела, чем выражение "диалектический детерминизм". Диалектический детерминизм в марксистской философии и на практике мало чем отличался от лапласовского. Он, по сути, был умеренной формой лапласовского детерминизма, квази-лапласовским детерминизмом.

1.4. Принципы исследования и построения категориальной логики

Укажем некоторые принципы, которые в настоящем исследовании приняты в качестве рабочих принципов:

1. *Принцип преемственности.* Этот принцип требует, чтобы при построении категориальной логики учитывался весь предшествующий исторический опыт исследования и систематизации философских категорий

2. *Принцип познания и практики.* Этот принцип требует, чтобы при исследовании и систематизации категорий учитывался по возможности весь человеческий опыт познания и практики. Здесь нужно особо подчеркнуть, что речь идет не только об использовании опыта познания, но и об использовании опыта индивидуальной и общественно-исторической практики, практического освоения мира.

3. *Принцип объективности и ценностно-практической значимости.* Категории, с одной стороны, должны рассматриваться в их объективно-реальном содержании, т. е. в их отношении к объективному миру. С другой, категории имеют ценностно-практическое значение, так как в их содержании своеобразно преломляется ценностно-практическое отношение человека к миру.

4. *Принцип парности (диад) и троичности (триады).* Каждая категория является либо противоположностью другой, либо промежуточным звеном, либо синтезом противоположных категориальных определений.

Таким образом, принцип предусматривает рассмотрение категорий в составе определенных категориальных блоков или семейств и, напротив, запрещает рассматривать их отдельно, изолированно от ближайших к ним категорий.

5. *Принцип иерархического построения.* Я считаю, что одной корреляции категорий (в случае диад) или их синтеза в третьей категории (в случае триад) недостаточно для построения категориальной логики, системы категорий. Всякая сложная система нуждается в субординации, иерархическом соподчинении элементов. Поэтому в основе построения категори-

альной логики должен лежать также принцип иерархического построения. Каждая категория — не только элемент системы, но и сама является системой более частных категорий и понятий. Категория потому и категория, что внутри себя образует систему понятий, являясь в подлинном смысле категорией, т. е. разрядом, классом определенного рода понятий. Каждая философская категория — это вершина гигантской пирамиды понятий.

Из принципа иерархического построения вытекает, что однозначность, самоотдельность категорий может быть достигнута соединением двух определений: внешнего и внутреннего. Внешнее определение указывает на место, которое категория занимает в системе категорий. Внутреннее определение характеризует категорию через подчиненные категории и понятия, выражающие различные ее стороны, моменты и частные виды. Эти понятия по отношению к категории являются *субкатегориями*. Например, субкатегориями количества, выражающими ее отдельные стороны, являются непрерывное и дискретное. Частными видами категории являются такие ее субкатегории, как "величина", "множество", "число". Категория по отношению к своим субкатегориям выступает как *родительская* категория.

б. *Принцип межкатегориальных связей*. Принцип утверждает, что помимо субкатегорий существуют такие понятия, которые носят межкатегориальный характер, т. е. объединяют в себе различные категориальные определения. Это можно объяснить так. Мышление имеет определенную категориальную структуру. Категории — узловые пункты в сети мышления. Кроме них существует большое количество общих понятий, которые либо распределены между категориями, т. е. входят в понятийный аппарат отдельных категорий, либо принадлежат сразу двум или нескольким категориальным семействам и, следовательно, носят межкатегориальный характер.

Благодаря *межкатегориальным* понятиям категории как бы отражаются друг в друге, скрещиваются, сплавляются. Это аналогично тому, как химические элементы, вступая в химическую связь, образуют те или иные химические соединения.

Межкатегориальные понятия — это "химические соединения" различных категорий.

Два примера. Основное значение категории "качество" представлено понятием "качество" и фиксируется ее положением в семействе "качество-мера-количество". А одно из отраженных значений категории (отражение ее в категории "изменение") представлено такими межкатегориальными понятиями, как "превращение", "скачок", "качественное изменение". Далее, если "величина", "множество", "число" являются чисто количественными понятиями, т. е. относятся только к категории количества, то такие понятия, как "длина", "размер", "объем" имеют не только количественное содержание. Они являются своеобразным симбиозом двух категориальных форм мышления: количества и пространства. Это количественно-пространственные понятия. Таким образом, категории, с одной стороны, жестко закреплены, зафиксированы в одном положении (месте системы категорий), а с другой, они "гуляют" по всей системе категорий в виде отраженных значений межкатегориальных понятий, отражаясь практически во всех других категориях.

Представление о межкатегориальных связях и понятиях снимает дилемму гибкости и жесткости системы категорий, обнаруживает совместимость того и другого. Жесткость категории обусловлена ее "привязанностью" к одному и только одному месту в системе категорий. Гибкость категории обусловлена ее рефлексией (отражением) в других категориях.

7. Принцип разграничения категориального и некатегориального значений слов, обозначающих категории. Принцип указывает на тесную связь проблем языка и мышления. Трудность исследования категорий состоит в том, что их языковые носители — слова употребляются неоднозначно в языковой практике, в философской и научной литературе. Наряду с категориальными значениями функционируют различные формы некатегориального значения слов, обозначающих категории. Отсутствие ясного понимания этого факта приводит к путанице понятий, к смысловым искажениям категорий.

Практически нет ни одной категории, которая выражалась

бы однозначным словом-термином. Слова, выражающие те или иные философские категории, являются *многозначными*. Категориальное значение для них — не единственное. Этот факт необходимо учитывать при исследовании категорий.

Слова, обозначающие категории, употребляются, по крайней мере, в трех некатегориальных значениях: 1) узком значении более частного понятия, подчиненного данной категории. Например, понятие "вещество" является частным по отношению к категории материи; 2) расширенном значении. Например, слово "качество" употребляется в значении "определенность предмета вообще" или слово "действительность" — в значении "реальность"; 3) смещенном значении понятия, представляющего другую категорию. Например, слово "мера" употребляется в значении "мероприятие" или слово "качество" — в значении "признак предмета".

Чем же обусловлена многозначность слов, обозначающих категории? Ответ следует искать в истории языка. Этимология категориальных слов восходит к синкретическим (слитным, недостаточно дифференцированным, определенным) понятийным формам-представлениям, содержание которых, как правило, намного шире содержания выкристаллизовавшихся впоследствии категорий мышления. Существование различных форм некатегориального значения слов-категорий как раз и связано с тем, что категории лишь постепенно определились в своем категориальном содержании. Эти формы — рудиментарные остатки, в которых зафиксировано содержание категориальных понятий на разных этапах их формирования как категорий.

8. *Принцип наглядно-схематического представления категорий.* Этот принцип играет важную роль в настоящем труде. Язык схем и наглядных образов — особый язык, не сводимый к словесному описанию. Он несет такую смысловую нагрузку, такую информацию, которую очень трудно и порой невозможно передать с помощью обычного языка, рассуждений. По нашему мнению наглядно-схематическое представление категорий так же важно, как и их словесное описание. Оно позволяет осмыслить, охватить единым взором сложные взаи-

соотношения категорий. Словесное описание развертывает мысль во времени и порой нелегко осмыслить рассуждения в целом. Наглядно-схематическое представление развертывает мысль в пространстве, что позволяет осуществить мысленный синтез огромного материала, спрессованного в категориях. Кроме того, наглядно-схематическое представление в некотором смысле более точно, более адекватно (по сравнению со словесным развертыванием во времени) передает реальное соотношение категорий, будь то объективные категориальные определения или категории мышления. Ведь в самой объективной реальности и, соответственно, в мышлении многочисленные категориальные определения "даны" одновременно, без выведения, как существующие друг возле друга, взаимозависимые, взаимопроникающие. Например, качественные и количественные определения присущи одновременно любым материальным объектам, а не следуют одно за другим, как у Гегеля.

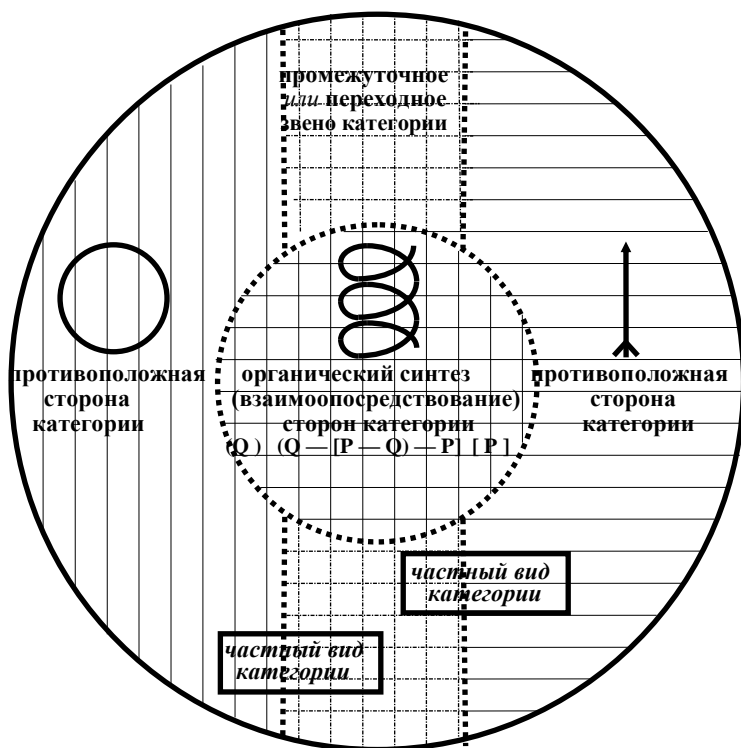
Система категорий, выраженная наглядно-схематически, т. е. в табличном виде (в виде *таблицы категорий*), позволяет отчетливо проследить логические связи и соотношения между категориями.

В порядке конкретизации принципа наглядно-схематического представления категорий на следующей странице приводится *общая наглядно-логическая схема отображения структуры категорий*.

Эта схема служит своего рода *матрицей* для отображения конкретной структуры той или иной категории. Схема является также конкретизацией принципа парности и троичности категорий и, в определенном смысле, принципа иерархического построения. На основе схемы разработаны *диаграммы* отдельных категорий. Она служит также *модулем* наглядно-схематического представления категорий в общей *таблице категорий* (см. ниже вкладку между стр. 32-33). Наглядно-логическая схема объединяет два типа соотношения категорий:

а) *взаимозависимость* противоположных категорий, предполагающая наличие промежуточного, переходного звена

между ними; это один тип триады ("противоположное-промежуточное-противоположное");

б) *взаимоопосредствование* (синтез) противоположных категорий; это — другой тип триады ("тезис-антитезис-синтез").

(В скобках заметим, для Аристотеля было характерно мышление по типу "противоположное-промежуточное-противоположное", а для Гегеля — мышление по типу "тезис-антитезис-синтез". Аристотель был первооткрывателем первого типа категориального мышления, Гегель — первооткрывателем второго типа категориального мышления).

В неорганической природе реализуется первый тип соотношения категориальных определений (взаимозависимость противоположных сторон). В живой природе и человеческом

обществе к первому типу "прибавляется» второй тип соотношения категориальных определений (взаимоопосредствование). Здесь уместно привести еще одну наглядно-логическую схему (см. ниже).

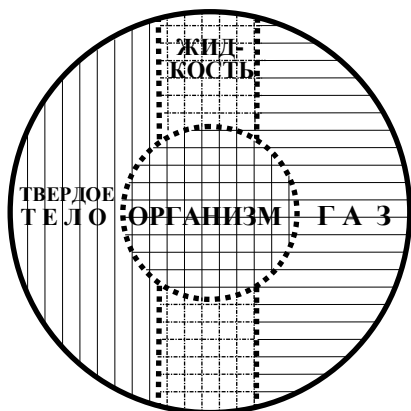

Рис. Поясняющая наглядно-логическая схема «АГРЕГАТНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВЕЩЕСТВА И ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ИХ СООТНОШЕНИЕ».

Эта схема аналогично общей схеме отображает соотношение трех агрегатных состояний вещества и живого организма. Она *поясняет* смысл общей схемы отображения структуры категорий. Окружающая нас на Земле неорганическая природа представлена тремя основными состояниями вещества: твердым, жидким и газообразным. Твердое тело

и газ противоположны как противоположны порядок и хаос. Жидкость — промежуточное состояние вещества. Все эти состояния, хотя и переходят друг в друга, существуют все же раздельно и исключают друг друга, твердое тело не может быть одновременно газообразным, а газообразное — твердым. Напротив, в живых организмах эти три состояния вещества настолько совмещены, неразделимы, опосредуют друг друга, что представляют собой нечто единое, органически целостное. То же мы наблюдаем и в мире категориальных определений. Категориальные определения, характерные для неорганического мира, разделены и исключают друг друга точно так же, как разделены и исключают друг друга твердое и газообразное состояния вещества в неживой природе. Категориальные определения, характерные для живой природы, подобно живым — организмам переплетают "крепким узлом" категориальные определения неживой природы.

И последнее. О взаимоотношении противоположных категориальных определений, сторон. Категория или ка-
30

тегории, находящиеся в центральном круге наглядно-логической схемы, представляют собой взаимоотношения противоположных категориальных определений. Их можно выразить в виде тех или иных формул взаимоотношения.

Например, поскольку *свобода* есть взаимоотношение необходимости и случайности, ее можно выразить в виде обобщенной формулы: $Sв = (Н — [Сл — Н] — Сл)$,

где *Св* — свобода, *Н* — необходимость, *Сл* — случайность. Стоящие за этими категориями реальные формы бытия бывают различной степени сложности в зависимости от *глубины* взаимоотношения.

1.5. Категориальная картина мира (краткое описание)

Вопрос о картине мира весьма не прост. Все мы интуитивно понимаем, что означает выражение "научная картина мира". Оно родилось скорее всего как антитеза религиозному пониманию мира, религиозной картине мира. Но когда речь заходит о картине мира в философском смысле, то возникают всякого рода вопросы. Главный вопрос такой: существует ли особая философская картина мира, отличная от научной? Положительное решение вопроса напрашивается как будто само собой. Если философия — мировоззрение (буквально "воззрение на мир"), с этим согласны многие, то она не может не быть картиной мира. И если философия отлична от науки, то и философская картина мира не может не отличаться от научной.

В чем же специфика философской картины мира? Научная картина мира изначально является мозаичной, фрагментарной, так как она опирается на совокупность данных, получаемых в разных науках в результате наблюдений и экспериментов. Нет одной, синтетической науки, которая бы исследовала и объясняла мир в целом (как целое). Ведь наблюдения и эксперименты по самому своему существу касаются лишь отдельных частей или сторон мира. Мир в целом в принципе ненаблюдаем и с ним как целым нельзя проводить эксперименты.

Философия, в отличие от науки, не связана с какими-то отдельными наблюдениями и экспериментами. Она опирается на весь опыт человека, который неизмеримо богаче каких-либо наблюдений, экспериментов и связанных с ними гипотез, теорий. Философская картина мира использует язык категорий — фундаментальных понятий, в которых сконцентрирован индивидуальный и общественно-исторический опыт человека. **Категории — это краски и кисти философа, с помощью которых он пишет картину мира.** Специфика философской картины мира и состоит в том, что она является *категориальной* картиной мира.

Выражение "категориальная картина мира" вполне правомерно. Слово "картина" давно употребляется в самом широком смысле, в том числе по отношению к миру в целом. Выше мы говорили о научной картине мира. В ходу такие выражения "физическая картина мира", "библейская картина мира". Чем же хо-

рошо слово "картина"? Во-первых, "картина" означает нечто "отображающее", передающее определенное видение, чувство человека. Во-вторых, это слово говорит о целостном отображении чего-либо. Уж если картина что-то изображает, то это что-то представляется в целостном, осмысленном виде. В-третьих, слово "картина" несет ту смысловую нагрузку, что оно включает в себя не только логически осмысленный, рассудочный момент, но и момент интуитивный, конкретно-образный, субъективный.

Выражение "категориальная картина мира" передает тот факт, что описание, объяснение мира осуществляется с помощью категорий, а язык категорий — особый язык, не сводимый ни к формально-логическому рассуждательству, ни к интуитивно-гадательному мышлению.

Задача философа сродни задаче художника, пишущего картину. Подобно художнику он передает лишь свое видение

мира. Вообще нужно сказать, что философские учения и системы — это лишь ступени в лестнице, ведущей к адекватному осмыслению мира. Никто из философов не вправе претендовать на истину в последней инстанции. Самое большее, на что философ может рассчитывать, это убеждение в том, что его взгляды на данном этапе развития философии ближе всего стоят к истине и отвечают духу времени.

Итак, сказано достаточно о том, что такое категориальная картина мира и для чего она нужна. Перейдем теперь к краткому описанию предлагаемой нами категориальной картины мира.

Сразу же оговоримся: формулируемые ниже основные положения носят в какой-то мере условный характер, постулативны по своей сути. Их смысл в том, что за ними стоит определенная философская традиция. Кроме того, на их разъяснение и обоснование направлено все последующее изложение проблем.

Первое и основное положение таково:

мир — это материя и движение; в мире нет ничего, кроме материи и движения.

Из этого положения вытекает, что наиболее фундаментальными определениями мира являются *материя* и *движение*. Они же основополагающие категории, составляющие ядро категориальной картины мира. Это значит, что все остальные категории являются частными определениями материи и движения.

Материя и движение — две стороны мира. Движение занимает равное с материей положение в мире. Это не означает, однако, признания дуализма материи и движения. Они разные и противоположные стороны мира, но вместе с тем не существуют друг без друга, более того, обуславливают, опосредствуют друг друга. Материя движется, движение материально. Можно говорить только о движущейся материи и материальном движении.

Далее. Пока мы говорим только о связи материи и движения, мы не идем дальше декларирования этой связи. Частица

"и", которая соединяет слова "материя" и "движение" в одном суждении — слишком слабый аргумент в пользу диалектического, а не дуалистического понимания соотношения материи и движения. Чтобы выразить действительную связь материи и движения, нужно найти объединяющие их категориальные определения. Мы не преодолеем дуализма материи и движения, пока не найдем посредствующие звенья, в которых они соединяются. Этими посредствующими звеньями должны быть наиболее фундаментальные, после материи и движения, определения мира. Такими определениями, по нашему мнению являются *противоречие* и *становление*.

Противоречие — всеобъемлющая, универсальная форма единства материи и движения. Оно осуществляет диалектическую связь материи и движения, "сталкивает" их как противоположные определения и в то же время сливает воедино, "делает" материю движущейся, а движение материальным.

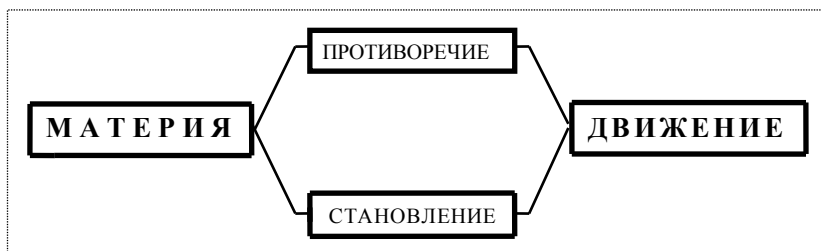
Становление, в отличие от противоречия, не охватывает все формы связи материи и движения. Его нельзя применить к миру в целом, т. е. нельзя сказать, что мир становится. В мире, конечно, постоянно происходят изменения, превращения. Однако как целое он не имеет какого-то одного избранного направления всех изменений и превращений, что характерно для становления (как движения от низшего к высшему). Последнее имеет место лишь на отдельных "участках" мира, лишь для отдельных форм материи и движения (примеры: прогресс в живой природе, исторический прогресс). Таким образом, становление является особенной формой единства материи и движения.

Противоречие и *становление* относятся друг к другу, в известном смысле, как абстрактное и конкретное единство материи и движения.

Итак, в основе категориальной картины мира лежат четыре категории: *материя*, *движение*, *противоречие*, *становление*. Первые две являются самыми основными: они отражают определения, *образующие* мир. Вторые две *связывают* их. Наглядно схему взаимоотношения категорий можно представить следующим образом (см. ниже, на следующей странице).

Ниже, на вкладке между стр. 32-33, на основе этой схемы дается *схематическое представление категориальной картины мира*, которое для краткости будем называть *таблицей категорий*. Это — представление системы категорий в некотором воображаемом пространстве. Таблица категорий является сравнительно простой. Каждая из четырех основных категорий расчленяется на целый "куст" категорий.

МИР :

Последние выражают в иерархическом порядке их отдельные стороны и частные виды. Конечно, это "расчленение" происходит только мысленно. На самом деле все категориальные определения одновременно соединены и разъединены, т. е. представляют собой некоторое единство многообразия или многообразие в единстве. Более того, все представленные в таблице категории, вернее, их объективные аналоги не существуют отдельно от единичных "вещей", материальных реальностей, т. е. о них нельзя говорить ни как о платоновских "идеях", ни как об универсалиях (в смысле средневекового реализма), ни как об онтологических сущностях, нейтральных по отношению к материальному и идеальному (в смысле "критической онтологии" Н. Гартмана).

1.6. Методологическая функция категориальной логики

Категориальный строй мышления выражает *категориальную логику*, ту высшую логику мышления, которая объединяет интуицию и рассудочную логику. Располагаясь в определенном порядке в некотором воображаемом пространстве мышления категории осуществляют смысловую группировку материала, играют роль опорных пунктов, координат, ориентиров мысли. Система категорий есть именно система опорных пунктов, координат, ориентиров мышления.

Как *опорные пункты* категории не дают мысли "гулять" в безбрежном пространстве воображения, не дают ей "растекаться по древу".

Как *координаты, ориентиры* категории определяют положение мысли и направляют ее в определенное русло. В этом смысле систему категорий можно уподобить координатной сетке меридианов и параллелей на глобусе. Она позволяет *оценить* любые факты и суждения, *отделить зерна истины* от шелухи ложных представлений.

Методологическая функция категориальной логики реализуется как в виде общего ориентира познавательной и практической деятельности, так и через совокупность методов, вытекающих из оценки значения отдельных категорий.

Ниже приводится таблица некоторых категорий и соответствующих им методов, способов, отраслей деятельности.

Эта таблица наглядно показывает связь отдельных категорий с теми или иными методами, способами, отраслями человеческой деятельности. Из нее также видно, что категории явно или неявно действуют, функционируют в мышлении человека, реализуют себя или начали реализовать себя в виде отдельных *осознанных* методов, форм деятельности. Например, категорию случайности люди издавна бессознательно использовали в виде способа проб и ошибок, азартных игр или когда бросали жребий. А теперь они совершенно сознательно кладут ее в основу метода случайного поиска, вероятностно-

статистических методов. Осознанный подход к категориям, к категориальной логике позволит как раз провести своего рода

ТАБЛИЦА КАТЕГОРИЙ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ МЕТОДОВ И ФОРМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ	синтез, анализ (объединение, интеграция, монтаж, сборка; разделение, расчленение, дробление, демонтаж и т. д.)
СИСТЕМА	системный подход, системотехника
СТРУКТУРА	структурный анализ, структурализм
КАЧЕСТВО	классификация, типологизация, аналогия, теория подобия, моделирование
ВСЕОБЩЕЕ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ	дедукция, индукция; обобщение, ограничение, конкретизация
СПЕЦИФИЧЕСКОЕ	спецификация
МЕРА	стандартизация, нормативная деятельность, нормирование
КОЛИЧЕСТВО	счет, измерение, вычисление, математический анализ, арифметика, алгебра, математика
ПРОСТРАНСТВО	геометрия, топология
ВРЕМЯ	хронология, хронометрия
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ	кинематика (раздел механики)
ПОКОЙ	статика (раздел механики)
ИЗМЕНЕНИЕ	преобразование, трансформация
СОХРАНЕНИЕ	консервация, консервирование, стабилизация, хранение, охрана
РАЗВИТИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ	генетический метод, сравнительно-исторический метод, эмбриология, эволюционная биология, историография, философия истории
ПРОТИВОРЕЧИЕ	деловые игры, конкретные ситуации, метод противопоставления, конфликтология и т. д.
ТОЖДЕСТВО РАЗЛИЧИЕ	сравнение (различение — отождествление), идентификация
ПОВЕДЕНИЕ	этология (наука о поведении), этикет
СЛУЧАЙНОСТЬ	путь проб и ошибок, бросание жребия, метод случайного поиска, лотерея
ВЕРОЯТНОСТЬ, СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ	вероятностно-статистические методы, математическая статистика
ЯВЛЕНИЕ, СЛЕДСТВИЕ	описание, наблюдение, эксперимент
ЗАКОН, СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНА	объяснение, понимание, диагностика (техническая, медицинская), этиология
ВОЗМОЖНОСТЬ	прогнозирование, предвидение, футурология

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ	синтез, анализ (объединение, интеграция, монтаж, сборка; разделение, расчленение, дробление, демонтаж и т. д.)
СИСТЕМА	системный подход, системотехника
СТРУКТУРА	структурный анализ, структурализм
КАЧЕСТВО	классификация, типологизация, аналогия, теория подобия, моделирование
ВСЕОБЩЕЕ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ	дедукция, индукция; обобщение, ограничение, конкретизация
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	методология, теория познания, праксеология
ЦЕЛЬ	планирование, программно-целевой метод
СРЕДСТВО	метод, способ, прием, методика, алгоритм
РЕЗУЛЬТАТ	теория эффективности

инвентаризацию, классификацию методов и форм деятельности, оценить их достаточность или недостаточность с точки зрения полноты охвата категорий. Из таблицы, например, можно уже сейчас видеть, что одни категории хорошо "представлены" в тех или иных методах, формах деятельности, а другие категории слабо представлены.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. СООТВЕТСТВИЯ И АНТИСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ КАТЕГОРИЯМИ¹

... в каждом роде сущего есть
нечто соответствующее чему-то
Аристотель (Метафизика 1093b)

Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемая система категорий не проста для понимания, что могут быть споры и недоуменные вопросы по поводу расположения и трактовки тех или иных категорий. Поэтому скептикам предлагаем рассматривать ее как систему постулатов. И вот к какому важному следствию она приводит. Система категорий обнаруживает определенные *соответствия* между разными категориями и

¹ Подробнее см.: Балашов Л.Е. Соответствия и антисоответствия между категориями. М., 1998. См. также: Балашов Л.Е. Соответствия — особый тип отношений между категориями (проблемы категориальной логики). — «Философские исследования», 1993, № 2, с.158-187.

эти соответствия носят явно объективный характер. Практически во всех категориальных семействах имеются пары категорий и отдельные категории, которые определенным образом соответствуют друг другу, как будто одни и те же пракатегории "задались целью" повториться в ином обличье в каждом категориальном семействе. Это можно видеть из приводимой ниже *таблицы соответствий*.

В качестве *категорий-опознавателей* в таблице приняты *тождество* и *противоположность*. Их выбор отчасти случаен, отчасти обусловлен тем, что они представляются достаточно абстрактными категориями, способными играть роль денег в сложном категориальном хозяйстве. Их также можно принять за те самые пракатегории, о которых говорилось выше. Смысл категорий-опознавателей в том, что с их помощью мы обнаруживаем, познаем соответствия между различными категориями. Например, если мы устанавливаем соответствие между тождеством и сохранением, а затем между тождеством и необходимостью, то отсюда можем заключить о соответствии между сохранением и необходимостью. Категории-опознаватели помогают выявить неочевидные соответствия, т. е. соответствия между такими категориями, которые кажутся совершенно различными и несопоставимыми.

Под «тождеством» и «противоположностью» в таблице расположены соответствующие им (соответственные) категории и понятия. Таблица фиксирует ответственность одних категорий (расположенных в одном вертикальном ряду) и антисоответственность других (расположенных в разных рядах). Ответственность и антисоответственность — это слабые, неполные тождество и противоположность категорий. Они представляют собой особый тип отношений между категориями.

В левом столбце таблицы помещены "родительские" категории, к которым принадлежат или относятся пары противоположных категорий. (Здесь нужно указать, что каждая категория одного ряда антисоответственна каждой категории другого ряда за исключением той, которая соответственно противоположна ей.)

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ И АНТИСООТВЕТСТВИЙ

категории- -опознаватели родительские категории	ТОЖДЕСТВО (О)	ПРОТИВО- ПОЛОЖНОСТЬ [1]
<i>мир</i>	материя	движение
<i>материя</i> (стороны) (виды)	качество тело	количество группа тел
<i>движение</i> (стороны) (виды)	пространство движение в пр-стве	время движение во времени
<i>тело</i>	целое — строение — части (система — структура — элементы)	
<i>качество</i> (стороны) (виды) (отношения)	всеобщее – общее – частное – специфическое класс, тип род-вид-разновидность, характер подобие	неподобие
<i>количество</i> (стороны) (отношения)	бесконечное — квазибесконечное — конечное непрерывное равенство	дискретное неравенство
<i>пространство</i>	симметрия	асимметрия
<i>время</i> (образы времени)	обратимость «круг времени»	необратимость «стрела времени»
<i>движение в простр.</i>	покой	перемещение
<i>движение во врем.</i>	сохранение	изменение
<i>противоречие</i> (виды) [взаимодействие]	тождество – сходство – внутреннее пр-чие (связь) (единство)	различие – противо-сть внешнее противоречие (столкновение) (борьба)
<i>становление</i> (стороны) (виды)	действительность эволюция	возможность революция
<i>действительность</i>	закон — статистич. закономерность — явление (порядок) (единообразие)	(беспорядок, хаос) (многообразие)
<i>возможность</i>	необходимость — вероятность — случайность	
<i>явление</i>	вещь — свойство — отношение	
	абсолютное	относительное
	«и» (конъюнкция)	«или» (дизъюнкция)
	ЛАПЛАСОВСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ	ИНДЕТЕРМИНИЗМ
	рационализм	эмпиризм иррационализм

Настоящая таблица соответствий — это как бы момен-

тальный снимок 900 соответствий и примерно такого же количества анτισоответствий (в таблице указаны 30 пар соответственных категорий, отсюда число возможных соответствий будет: $30 \times 30 = 900$). Она дает общее представление о соответственности одних категорий и анτισоответственности других. В этом ее ценность.

Объяснение и анализ некоторых соответствий.

Начнем с простого примера: соответствия *сохранения* и *изменения* категориям-опознавателям. Что такое сохранение? Это пребывание в *одном и том же* состоянии. Налицо *тождество* состояния или состояний (что одно и то же). А изменение? В самом общем смысле — это переход из одного состояния в другое, иными словами, возникновение *различия* состояний. В своем крайнем выражении изменение есть не просто переход в другое, а в *противоположное* состояние. Таким образом, сохранение и изменение суть тождество и противоположность, взятые в аспекте "движения во времени". Такое же соответствие имеется между покоем и перемещением, с одной стороны, и категориями-опознавателями, с другой.

Теперь, если возьмем пространственное расположение, то здесь тождеству и противоположности соответствуют *симметрия* и *асимметрия*. Эти категории стали в последнее время предметом особого внимания. Их все чаще трактуют не только в пространственном, но и в самом широком смысле, связывают с понятиями тождества и различия, сохранения и изменения, обратимости и необратимости. Этот факт не случаен. Исследователи улавливают в них и через них фундаментальные соответствия между категориями и понятиями, можно сказать, нащупывают систему соответствий. В качестве категорий-опознавателей они избрали симметрию и асимметрию, и этот выбор не так уж плох. Ведь в принципе любую пару соответственных категорий можно взять в качестве категорий-опознавателей. (Все же следует сказать, что независимо от желания отдельных ученых симметрия и асимметрия остаются по преимуществу пространственными категориями, а на роль категорий-опознавателей больше подходят тождество и про-

тивоположность как наиболее абстрактные категории, не связанные ни с какими специфическими отношениями, сферами бытия.) Итак, очевидно, что существо симметрии составляет тождество, совпадение, "совмещение с самим собой" при различных преобразованиях, отражениях. Симметрия \approx тождеству. Напротив, асимметрия \approx различию вплоть до противоположности.

Соответствие симметрии-асимметрии сохранению-изменению можно видеть на таком примере. Чем симметричнее кристалл, тем упорядоченней его структура, тем он более устойчив к деформациям, разрушениям. И, напротив, чем больше неправильностей в структуре кристалла, нарушающих его симметрию, тем он менее прочен, более подвержен деформациям, изменениям.

Вполне очевидна связь симметрии-асимметрии с *обратимостью-необратимостью*. Можно даже сказать: обратимость и необратимость — это симметрия и асимметрия, взятые во временном аспекте. Физики обычно так их и рассматривают. Поскольку тождество и противоположность в равной степени присутствуют в реальном мире, постольку обратимость временного порядка так же реальна, как и необратимость. Между тем философы порой категорически утверждают, что необратимость является отличительным свойством времени. В чем тут дело? Одной из причин такого представления является вольное или невольное отождествление реального времени с формальным, искусственным, календарным временем, текущем равномерно и непрерывно в одном направлении. Другой причиной является неприятие обратимости как фундаментального свойства времени *наряду* с необратимостью. Пики философов и ученых часто направлены против абстракции идеальной обратимости. Справедливо полагая, что реально отсутствует полная или абсолютная обратимость процессов, они вместе с водой из ванны выплескивают и ребенка, т. е. отбрасывают понятие неабсолютной реальной обратимости. А в мире ведь вообще нет ничего абсолютно абсолютного. И необратимость не существует реально, если брать ее в чистом виде, как абсолютную необратимость, исключаящую всякий эле-

мент обращения, возврата к исходному состоянию. Чистая необратимость тоже всего лишь абстракция. Она означает полный разрыв между исходным и последующим состояниями. Ведь ничем иным, как абсолютизацией необратимости является представление различного рода анархистов и ультрареволюционеров о полном разрушении старых основ жизни. В естествознании такой абсолютизацией необратимости была гипотеза тепловой смерти Вселенной. Сам термин "необратимость" направлен своим содержанием против какой бы то ни было обратимости. И если необратимость провозглашать универсальным свойством времени, то ничего не остается, как предавать анафеме все, связанное с понятием обратимости. А это чревато опасностью одностороннего истолкования категории времени.

Итак, реальное время протекает как бы в двух противоположных ипостасях: в виде обратимого и необратимого времени. Соответственно ему и все процессы в неорганической природе делятся на обратимые и необратимые.

Существование необратимых процессов делает невозможной полную, абсолютную обратимость времени, а существование обратимых процессов делает невозможной абсолютную необратимость временного порядка. Здесь можно говорить о *взаимовлиянии* противоположных форм времени и о том, что они плавно переходят друг в друга, образуя *промежуточные* формы. В живой природе и человеческом обществе к обратимым и необратимым процессам "прибавляются" сложные формы их *взаимоопосредствования*. В *развивающихся* процессах, которые как раз характерны для живых систем, мы воочию видим органический синтез, взаимоопосредствование обратимости и необратимости. В этих процессах время имеет *спиралевидную* форму, соединяющую "стрелу времени" и "круг времени".

Покажем теперь связь между обратимостью-необратимостью и сохранением-изменением. Для этого воспользуемся понятиями *прямого* и *обратного* изменения. В природе все процессы состоят, по существу, из прямых (образующих, усиливающих связь) и/или обратных (разрушающих,

ослабляющих связь) изменений. Нетрудно увидеть, что сохранение — это *взаимопереход* прямых и обратных изменений, т. е. обратимый процесс. В этом процессе ни одно из противоположных изменений не преобладает, поэтому *в целом* мы наблюдаем сохранение. Собственно изменение, в таком случае, можно интерпретировать как прямое или обратное изменение или как процесс, в котором преобладают прямые или обратные изменения. А это и есть необратимый процесс, т. е. процесс, текущий (преимущественно) в одну сторону.

Из этого рассуждения видно также, что логическая связка "и" (прямые *и* обратные изменения) соответственна тождеству (сохранению, симметрии, обратимости), а логическая связка "или" (прямые *или* обратные изменения) соответственна противоположности (изменению, асимметрии, необратимости).

Из рассуждения можно видеть и то, почему "сохранение" зачисляется в разряд "движения во времени". Хотя, с одной стороны, сохранение и противоположно изменению (буквально является неизменением, неизменностью), с другой, оно *внутри себя* "содержит" противоположно направленные изменения и поэтому имеет полное "право" принадлежать к ведомству "движения во времени". (Точно так же, кстати, можно сказать о покое — как принадлежащим к ведомству "движения в пространстве".)

Теперь о *внутренних* и *внешних противоречиях*. Они составляют самый фундамент иерархии противоречий. В чистом (неопосредованном) виде они существуют только в неорганической природе. В живой природе и человеческом обществе их сложными, многократно опосредованными "аналогами" являются гармонические и антагонистические противоречия. В гармонических противоречиях преобладают внутренние; в антагонистических — внешние противоречия.

Итак, во внутреннем противоречии, которое мы характеризуем как взаимопереход противоположностей, ведущей стороной является тождество (противоположности, переходящие друг в друга, как бы гасят, нейтрализуют друг друга и в итоге мы наблюдаем тождество). Во внешнем противоречии, которое характеризуется соответственно как необратимый переход

одной противоположности в другую, ведущей, преобладающей стороной является противоположность (необратимый переход одной противоположности в другую как бы фиксирует состояние противоположности между начальным и конечным моментами перехода — ведь обратного перехода нет!) Внутренние противоречия обуславливают целостность, сохранение неорганических (физико-химических) объектов. Внешние противоречия, напротив, обуславливают их изменение, нецелостность.

Поясним смысл внутреннего противоречия на таком примере. Связь планет с Солнцем (солнечная система) существует благодаря их орбитальному движению. А оно как раз имеет характер взаимоперехода противоположностей (притяжения и отталкивания, приближения и удаления). Таким образом, орбитальное движение заключает в себе сохраняющее, обуславливающее целостность, т. е. *внутреннее* противоречие.

В аспекте взаимодействия внутреннее и внешнее противоречия выступают как *связь* (внутреннее взаимодействие) и *столкновение* (внешнее взаимодействие). (Слово "связь" употребляется здесь в том смысле, в каком говорится о связи частей целого, например, о химической связи, внутриядерной связи.) Сложные гармоническое и антагонистическое противоречия выступают как *единство* (сложное гармоническое взаимодействие) и *борьба* (сложное антагонистическое взаимодействие).

Геометрическими образами внутренних, внешних и сложных противоречий являются соответственно *круг*, *стрела* и *спираль*.

Теперь о *необходимости* и *случайности*. Необходимость — такое состояние возможности, когда может быть так и только так, должно быть так. Она — воплощенное тождество возможностей. Случайность же — такое состояние возможности, когда может быть так, а может быть несколько иначе или даже совсем наоборот. Она — воплощенная в возможности противоположность или, говоря иначе, противоположность возможностей.

Интересно сопоставить необходимость-случайность с сим-

метрией-асимметрией. Симметрия действует в направлении ограничения числа возможных вариантов структур, вариантов поведения. Необходимость действует в том же направлении. С другой стороны, асимметрия действует в направлении увеличения числа возможных вариантов. В этом же направлении действует и случайность. Случайности создают новые возможности, порождают новые альтернативы.

Вполне логична связь необходимости-случайности с *законом-явлением*. Думается, ответственность этих пар категорий никто не станет оспаривать. Особенно ответственность необходимости и закона. Их нередко даже взаимоопределяют: закон как необходимую связь явлений, а необходимость как основанную на законе связь. Тем, чем необходимость и случайность являются в сфере возможности, тем закон и явление — в сфере действительности. Закон есть идентичное, тождественное, прочное, остающееся в явлениях, а явления — различное, противоположное, изменчивое, многообразное в действительности. Обращает на себя внимание следующий факт. Для физиков наиболее общие законы — это законы сохранения, которым соответствуют фундаментальные принципы симметрии. Явственно выстраивается такая цепочка категорий: всеобщее — закон — сохранение — симметрия.

Явления составляют внешнюю сторону действительности, законы внутреннюю. Не случайно философы говорят, что на поверхности явлений противоположности выступают в открытом виде, а в глубине, внутри действительности скрыто их тождество.

Перейдем к *действительности и возможности*. Нетрудно увидеть, что действительность стоит ближе к ряду тождества, а возможность — к ряду противоположности. Подумаем, например, над таким фактом: все действительное возможно, но не наоборот, т. е. не все возможное переходит в разряд действительного. Этот факт говорит о том, что границы возможного *шире* границ действительного. Возможность многообразнее, многоразличнее, так сказать, полярнее действительности, содержит по сравнению с ней более широкие ножницы противоположного. Можно привести и такой факт. Философы не-

редко разделяют и даже противопоставляют возможность и необходимость. Этим они сближают возможность со случайностью. В самом деле, если возможность не включает в себя необходимость, отлична от нее, то, значит, она тяготеет к другому полюсу взаимозависимости — случайности. Отсюда понятно, почему Аристотель и многие другие философы (в том числе Кант, Гегель) рассматривали возможность и случайность как близкие и где-то даже совпадающие категории. Действительно, в возможности акцент падает на случайность. Необходимость же — это тот "конец" возможности, который ближе стоит к действительности, похож на нее.

Возьмем теперь *материю* и *движение*. Интуитивно ясно, что в материи акцент падает на тождество (сохранение, целостность), а в движении — на противоположность (изменение, нецелостность). Это можно видеть из следующего. В истории человеческой мысли материя и движение нередко противопоставлялись. И если в движении усматривали именно движение, т. е. изменение, перемещение, переход от одного к другому, перемену форм, то на долю материи методом исключения доставались противоположные характеристики — неизменность, неподвижность, инертность, косность, единообразие. Конечно, в диалектической концепции это противопоставление материи и движения преодолевается. Тем не менее акценты остаются, так как лишь благодаря им можно говорить о материи и движении как о *разных* категориях.

Качество и *количество*. Если отбросить все частные мнения и подойти укрупненно к оценке этих категорий, то нельзя не увидеть, что качество тяготеет к первому ряду категорий, а количество — ко второму. Качественная концепция всегда базировалась на представлении о внутреннем единстве, целостности, самотождественности предметов. Напротив, количественные представления всегда опирались на идею множественности. А где множественность, там различие, где различие, там противоположность. Могут, правда, указать на факты качественного многообразия, с одной стороны, и количественного тождества объектов, с другой. Что ж, эти факты нельзя отрицать. Однако диалектика категорий в том и состо-

ит, что они, включая в свое содержание противоположные, чуждые им моменты, остаются в то же время самими собой, сохраняют свою категориальную самость.

В свете сказанного об отнесенности качества к первому ряду категорий, а количества — ко второму, становится ясным, почему Гегель рассматривал качество как *тождественную*, а количество как *внешнюю* бытию определенность. Становятся объяснимыми и приравнения качества к вещи и характеристики его как внутренней, существенной определенности предмета, как устойчивой совокупности черт, свойств. Становятся понятными и традиционные представления философов и математиков о количестве как категории конечного, а о бесконечном как категории, имеющей, в отличие от конечного, *качественную* природу. В самом деле лишь сравнительно недавно (а именно начиная с Г. Кантора) математики занялись детальным изучением различных форм количественного бесконечного.

Далее. Может показаться странным отнесение пространства к ряду тождества, а времени — к ряду противоположности. Тем не менее, в таком отнесении есть свои резоны. Оправданно, например, сближение пространства с материей, а времени с движением. В истории философии подобное сближение проводилось не раз (вспомним отождествление Платоном в "Тимее" материи и пространства или отождествление Декартом материи и протяжения, аристотелевское определение времени как числа движения). Заслуживает внимания и такой факт. Многие философы и ученые проводят водораздел между пространством и временем по линии "сохранение — изменение", считают пространство "ответственным" за устойчивость существования объектов, а время — за их изменчивость, изменчивость.

Заметьте: никто не делает обратного, т. е. не относит пространство к изменению, а время к сохранению. Что это? Игра человеческого ума или факт, на который можно опереться? Скорее второе.

Если верно такое различие пространства и времени, то тогда в пространстве акцент следует делать на симметрии, а во

времени на необратимости. (Получается, правы те философы, которые выдвигают необратимость на первый план в структуре времени. Хотя все же в общей "раскладке", системе категорий обратимость не менее важна.)

А вот факты, указывающие на ответственность действительности материи, возможности — движению. Так, с одной стороны, слово "действительность" часто употребляют в значении "материальная реальность", "объективный мир", т. е. используют его как синоним материи. С другой стороны, в *отличии* возможности от действительности видят условие движения, изменения, возникновения. Перемена чего-либо существующего происходит лишь при наличии возможностей.

Очевидно, что *эволюция* и *революция* также распределяются между полюсами тождества и противоположности. Хотя то и другое означают изменение и, следовательно, ближе стоят к противоположности, чем к тождеству, все же между ними имеется различие (по степени изменения), которое позволяет расположить эволюцию ближе к тождеству, а революцию — к противоположности. Ведь совершенно ясно, что в революции на различие и противоположность состояний падает больший акцент, чем в эволюции.

Рассмотрим еще одну пару категорий — *вещь* и *отношение*. Если в различных отношениях вещь выступает всякий раз в новом обличье, в виде того или иного свойства, то сама по себе она есть *общая* или *тождественная* основа многих различных свойств. Определение вещи в семействе "вещь-свойство-отношение" означает не только то, что она определяется через свойства и отношения, но и то, что фиксируется ее противоположность отношениям. Если отношений много, то вещь одна. Если отношения различны и могут быть даже противоположны, то вещь в этих отношениях одна и та же. Отношение "перекидывает мостик" от одной вещи к другой, и, следовательно, делает их различными. Различие вещей основывается на различии их отношений. Таким образом, обобщенно говоря, вещь и отношение ответственны тождеству и противоположности.

О соответствии между материей-движением и вещью-

отношением хотелось бы сказать следующее. С одной стороны, оно кажется очевидным. Испокон веков материю и вещь рассматривали как очень близкие и даже тождественные понятия. Также рассматривали движение и отношение (ведь движение немислимо вне отношения вещей). С другой стороны, диалектическая мысль сопротивляется сближению, а тем более отождествлению материи и вещи. Где же истина? Она — в обнаруженных соответствиях. Соответствия и несоответствия, повторяем, — это особый род взаимоотношения категорий и они не сводимы ни к тождеству, ни к различию, ни к противоположности категорий. Если мы говорим о соответствии материи и вещи, то это вовсе не значит, что мы приравниваем их. Вещь — это материя на уровне явления, взятая в аспекте являющейся действительности. Только так и надо понимать их соответствие.

Теперь о категориях *всеобщего (общего)* и *специфического (частного)*. Эти категории являются моментами качественной определенности. Они суть тождество (сходство) и противоположность (различие), взятые в аспекте качества. Относительно всеобщего, его ответственности тождеству картина более или менее ясная. А специфическое? Каким образом оно соответственно противоположности? Проведем такое рассуждение. Специфическое — крайняя степень частного, особенного; оно присуще только данному объекту. А противоположность — крайняя степень различия. Различие же — отношение, в котором стороны выступают не в их общности, а в их *особенности*. Таким образом, противоположность — крайняя степень различия и специфическое — крайняя степень особенного. Близость, ответственность этих категорий налицо. Если они и не совпадают, то только потому, что принадлежат к разным категориальным семействам: противоположность — к семейству противоречия, специфическое — к семейству качества.

(Интересно проследить соответствие всеобщего-специфического симметрии-асимметрии и некоторым другим категориальным парам на таком хрестоматийном вопросе: «что появилось раньше: курица или яйцо? [курица из яйца или яйцо из курицы?]). Если говорить о курице *вообще* и яйце *во-*

обще, то ответа на этот вопрос мы не найдем или нам придется признать *одинаково истинными, симметричными* оба утверждения «курица — из яйца» и «яйцо — из курицы». Если же говорить о *конкретной, данной, «вот этой»* курице и *конкретном, данном, «вот этом»* яйце, то ответ на вопрос «курица из яйца или яйцо из курицы?» будет асимметричным: *либо* данная курица из данного яйца, *либо* данное яйцо из данной курицы. Если курица из яйца, то она не могла его снести. Если курица снесла яйцо, то она не могла появиться на свет из него. Асимметричность утверждений «данная курица из данного яйца» и «данное яйцо из данной курицы» обнаруживается и в том, что если во втором случае яйцо и курица могут существовать в одно время, *одновременно*, то в первом случае (данная курица из данного яйца) курица и яйцо разделены во времени: сначала яйцо, а потом цыпленок, а уж из него вырастает курица.)

Далее. Существует определенное соответствие между всеобщим-специфическим и *бесконечным-конечным*. Определения специфического и конечного относятся к отдельному объекту, отграниченному от других. Определения всеобщего относятся к бесконечным объектам. Всеобщее и бесконечное издавна рассматривались философами как ближайшие, соседние, однопорядковые категории. Например, Спинозой, Лейбницем, Гегелем.

Всеобщее — это качественное выражение бесконечного. Бесконечное — это количественное выражение всеобщего. То же можно сказать о соответствии специфического и конечного. Чем в сфере качества является специфическое, тем в сфере количества является конечное. Возьмем, например, конечное число 5 (пять). В известном смысле его можно назвать специфическим количеством, так как оно *отличается* от всех других количеств. С другой стороны, если мы возьмем что-нибудь специфическое, например, какой-нибудь химический элемент (скажем, кислород), то ему будет соответствовать вполне определенное конечное число 8 (заряд ядра атома кислорода). Именно на соответствии специфического качества и конечного количества основана возможность количественного

выражения качества, т. е. измерения качества. Теперь, если возьмем бесконечный ряд натуральных чисел (1, 2, 3 ... ∞), то для всех конечных чисел этого ряда он будет *общим*. В бесконечности все сходится и отождествляется (например, касательная и окружность, бесконечноугольный многоугольник и круг).

Кстати о круге. В движении по кругу, являющимся *образом* бесконечности, начало и конец *совпадают*.

Наверно, прав был Гегель, когда истинное бесконечное характеризовал как посюстороннее, замкнутое в себе, актуально бесконечное. Знаменательно, что истинную бесконечность он представлял именно в виде круга: "Истинная же бесконечность, повернутая обратно к себе, имеет своим образом *круг*, достигшую себя линию, которая замкнута и всецело налична, не имея ни *начального* пункта, ни какого-либо *конца*"¹.

[Обратите внимание: круг третий раз упоминается в связи с анализом соответственных понятий. Это и "круг времени" как образ обратимого времени, и круг как образ внутреннего противоречия (взаимоперехода противоположностей), и, наконец, круг как образ истинной бесконечности. К этому списку можно добавить и круг как *наиболее симметричную* фигуру на плоскости. Вспомним также, что круг (колесо, шар) у многих народов был символом вечности, незыблемости, порядка.]

Могут спросить: а как быть с бесконечным многообразием, неисчерпаемостью, всегда незавершенным процессом смены состояний? Это так называемая открытая или незамкнутая бесконечность. Вслед за Гегелем скажем, что она не является истинной бесконечностью. Она якобы — как бы — квазибесконечность. Ее место — где-то в промежутке между конечным и бесконечным. В ней конечное *переходит* в бесконечное. Открытая бесконечность не является подлинной бесконечностью еще потому, что она, если брать ее целиком, существует только в возможности, потенциально. Актуально она существует лишь в виде конечного.

¹ Гегель. Наука логики. 1970. Т. 1. С. 215.

[Вообще хотелось бы отметить, что слово "бесконечное" обозначает, представляет не одно, а два понятия или, лучше сказать, две категории бесконечного: бесконечное в смысле *сильного* отрицания, *противоположности* конечного (антиконечного) и бесконечное в смысле *слабого* отрицания, *полуотрицания* конечного, просто как неконечное, нескончаемое. Первое бесконечное фигурирует в философии и науке под именами абсолютного, актуального, действительного, собственного, истинного, категорематического бесконечного. Второе бесконечное фигурирует под именами потенциального, несобственного, синкатегорематического бесконечного, неистинной, дурной бесконечности, бесконечного прогресса, ряда. В нашей Таблице соответствий бесконечное в первом смысле именуется просто бесконечным, а бесконечное во втором смысле — квазибесконечным.]

Теперь о *подобии-неподобии* и *равенстве-неравенстве*. Понятия подобия и неподобия играют в качественных методах примерно такую же роль, какую понятия равенства и неравенства в количественных методах. Еще Аристотель обратил внимание на соотносительность и соответственность этих понятий. О качественном он говорил, как о подобном (сходном) и неподобном (несходном), а о количественном как о равном и неравном (см.: Аристотель. *Метафизика*, 1021a; Категории, ба, 11a). Вполне очевидно, что качественное отношение подобия и количественное отношение равенства соответственны категории тождества, а отношения неподобия и неравенства — категориям различия и противоположности.

Особо хотелось бы сказать о связи идеи *общего* с идеей *целого*. Эта связь обнаруживается в следующем факте. Философы, отстаивающие примат общего над частным, занимают, как правило, позицию, утверждающую примат целого над частями, нецелым. В более мягком варианте это выглядит так: философы, признающие реальность общего, признают и реальность целого, не сводимого к сумме частей. Напротив, философы, отрицающие реальность общего (номиналистическая традиция), отрицают по существу и реальность целого, сводя его к сумме частей, свойств.

Здесь мы затронули важную проблему: объективности соответствий и несоответствий, т. е. того, что можно было бы назвать *категориальной логикой*. Всякий последовательно мыслящий философ, хочет он того или нет, вынужден подчиняться требованиям объективной логики категориальных соответствий и несоответствий. Если он признает объективную значимость какой-либо категории, то, как правило, он признает и объективную значимость соответственных ей категорий. Вспомним перипетии борьбы реалистов и номиналистов в средневековой философии, рационалистов и эмпириков в философии нового времени. Нагляден пример с Гоббсом. Как номиналистически настроенный философ он отрицает не только реальность общего, но и реальность бесконечного, а целое понимает как сумму частей.

С древних времен философы дискутируют по поводу апорий Зенона. Для нас апории интересны как мысленные эксперименты, в которых продемонстрирована несоответственность некоторых категорий. Так, в апориях "Дихотомия" и "Ахиллес и черепаха" продемонстрирована несоответственность бесконечного и перемещения (в случае бесконечной делимости движение невозможно). В апории "Стрела" продемонстрирована несоответственность неделимого (целого) и перемещения.

Теперь кратко о самих соответствиях. Ясно, что соответствие соответствию рознь. Есть *близкие* и *далекие* соответствия. Вполне очевидны такие близкие соответствия (слева указаны "родительские" категории):

(пространство:	<i>симметрия — асимметрия</i>)
	время:	<i>обратимость — необратимость</i>	
(движение в пространстве:	<i>покой — перемещение</i>)
	движение во времени:	<i>сохранение — изменение</i>	
(качество:	<i>всеобщее — специфическое</i>)
	количество:	<i>бесконечное — конечное</i>	
(качественное отношение:	<i>подобие — неподобие</i>)
	количественное отношение:	<i>равенство—неравенство</i>	
(противоречие:	<i>внутреннее — внешнее</i>)
		<i>тождество — противоположность</i>	
(взаимодействие:	<i>связь — столкновение</i>)
		<i>(единство) — (борьба)</i>	
(возможность:	<i>необходимость — случайность</i>)
	действительность:	<i>закон — явление</i>	

Таблица. Близкие и далекие соответствия

Как видно из приведенных соотношений категорий, близость соответствий обусловлена близостью или парностью «родительских» категорий. Далекие соответствия — это соответствия между близкосоответствующими группами категорий. Наличие близких и далеких соответствий между различными категориями, их связь с «родительскими» категориями свидетельствует о сложном характере системы соответствий, о том, что за ней стоит вполне упорядоченная естественная система категориальных определений.

Развитие концепции соответствий, ее категориально-логическое и методологическое значение.

Предложенная выше таблица соответствий в какой-то мере решает задачу сведения всех выявленных соответствий в одну систему, упорядочивает категориальный хаос. Обнаруженные соответствия между категориями можно в известной степени уподобить периодическим зависимостям между химическими элементами. Таблица соответствий расставляет ка-

тегории по своим местам и тем самым позволяет увидеть искажения, пробелы и проблемы, открывает новые перспективы философского познания.

Сама идея соответствий нуждается в дальнейшем развитии. Таблицей соответствий не все сказано. Имеется предположение о более широком и даже всеохватывающем характере системы соответствий. Так, по нашему мнению, кроме соответствия пар противоположных категорий существуют определенные соответствия между *промежуточными* категориями. (Некоторые промежуточные категории указаны в нашей таблице соответствий. Между всеобщим и специфическим расположены общее и частное; между тождеством и противоположностью — сходство и различие; между бесконечным и конечным — квазибесконечное; между необходимостью и случайностью — вероятность, между законом и явлением — статистическая закономерность и т. д.). Существуют также соответствия между категориями, осуществляющими *органический синтез, взаимоопосредствование* противоположных категорий. Это такие категории как "организм", "жизнь", "развитие", "поведение", "деятельность", "сложное противоречие", "свобода", "сущность".

Ниже, на вкладке между стр. дана *универсальная таблица соответствий между категориями*. В ней сделана попытка универсальной классификации категорий с точки зрения идеи соответствий. Категории в этой таблице условно делятся на универсальные и органические. Универсальные, в свою очередь, делятся на внутренние (круговидные), промежуточные и внешние (стреловидные). Внутренние (круговидные) категории — это категории-часы, а внешние (стреловидные) — это категории-облака. Органические (спиралевидные) категории делятся на внутриобразные (кругоподобные) органические, промежуточные органические и внешнеобразные (стрелоподобные) органические.

Универсальная таблица соответствий между категориями

Виды категорий родительские категории	внутренние (КРУГОВИДНЫЕ)	промежуточные	внешние (СТРЕЛОВИДНЫЕ)	органические (спиралевидные) категории		
				родительские категории	(0 - [1 - 0] - 1)	[1 - (0 - 1) - 0]
<i>мир</i>	материя		движение	<i>органический мир</i>	органическая материя органическое движение	
<i>материя</i> (стороны) (виды)	качество тело	мера ? мезоматерия	количество группа тел	<i>органическая (стороны) материя (виды)</i>	органическое качество – норма – органическое количество	общество
<i>движение</i> (стороны) (виды)	пространство движение в пространстве		время движение во времени	<i>органическое (стороны) движение (виды)</i>	органическое пространство — поведение	органическое время развитие
<i>тело</i>	целое система	строение структура	части элементы	<i>организм</i>	органическое целое - организация - орган-функция	
<i>качество</i> (стороны) (виды)	всеобщее класс, тип, род- подобие	общее — частное вид – разновидность	специфическое характер неподобие	<i>органическое качество</i>	типичное	индивидуальное
<i>количество</i>	бесконечное непрерывное равенство	квазибесконечное	конечное дискретное неравенство	<i>органическое количество</i>	серийное	уникальное
<i>пространство</i>	симметрия протяженность		асимметрия расположение	<i>органическое пространство</i>	сложная (органическая) симметрия–асимметрия	
<i>время</i>	обратимость "круг времени" длительность		необратимость "стрела времени" последовательность	<i>органическое время "спираль времени"</i>	сложная (органическая) обратимость–необратимость	
<i>движение в простран.</i>	покой		перемещение	<i>поведение</i>	поведение организма поведениe сообщества	
<i>движение во времени</i>	сохранение		изменение	<i>развитие</i>	развитие организма(онтогенез) - развитие сообщества (филогенез)	
<i>противоречие</i> (стороны) (виды)	тождество внутреннее пр-чие	сходство - различие	противоположность внешнее прот-чие	<i>взаимопосредствование сложное органиче- ское противоречие</i>	гармоническое противоречие	антагонистическое противоречие
<i>(взаимодействие)</i>	внутреннее (связь)	промежуточное	внешнее (столкновение)	<i>сложное органическое взаимодействие</i>	единство (гармония) борьба (антагонизм)	
<i>становление</i> (стороны) (виды)	действительность эволюция		возможность революция			
<i>действительность</i>	закон (порядок) (единообразие)	статистическая закономерность	явление (беспорядок, хаос) (многобразие)	<i>сущность</i>	форма	содержание
<i>возможность</i>	необходимость	вероятность	случайность	<i>свобода</i>	зависимость	независимость
<i>явление</i>	вещь	свойство	отношение			
	абсолютное		относительное			
	"и" (конъюнкция)		"или" (дизъюнкция)			
	(внутреннее) + (действительность)		[внешнее] + [возможность]	<i>деятельность</i>	субъект результат	средство средство объект цель
<i>способности мышления</i>	рассудок	вероятностное мышление	ум	<i>разум</i>		
<i>ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ</i>	дедуктивная ЛОГИКА	вероятностная логика	интуиция	<i>категориальная логика (диалектика)</i>		
	ЛАПЛАСОВСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ		ИНДЕТЕРМИНИЗМ			
	рационализм	эмпиризм	иррационализм			

Теперь о *приложениях* концепции соответствий. Они весьма многообразны и поучительны. Так, соответствия своеобразно отражаются, преломляются в специфически мыслительных и познавательных категориях. Можно составить такую таблицу:

	«Ф»	«И»
<i>мышление</i>	логика (дедуктивный вывод) рассудок	интуиция (догадка) ум
<i>познание</i>	рациональное теоретическое закон науки (принцип) абсолютная истина	чувственное эмпирическое факт относительная истина

Думается, эта таблица достаточно понятна. Ясно, например, что логика и интуиция — это необходимостный и случайностный способы, "механизмы" мышления¹. "Закон науки" и "факт" более или менее адекватно отражают объективные "закон" и явление". И так далее.

По всей видимости, можно говорить такие об определенном воплощении двух категориальных рядов в женском и мужском началах жизни. Если верить теории В.А. Геодакяна, по которой женский пол воплощает сохранение и устойчивость, а мужской под — обновление и изменчивость, то женское начало следует признать соответственным ряду тождества, а мужское начало — ряду противоположности. В пользу такого понимания женского и мужского свидетельствует и тот факт, что женщины, как правило, более организованны, законопослушны, боязливы, а мужчины более хаотичны, импульсивны, раскованы в своем поведении, дерзки, больше склонны к риску (на эти факты указывает, в частности, статистика травматизма среди мальчиков и девочек — мальчики неизмеримо чаще травмируются по сравнению с девочками).

Далее, концепция соответствий позволяет увидеть, учесть или избежать, преодолеть разного рода абсолютизации, односторонности в частных подходах. Так, базируясь на представлении о равнозначности, равноценности двух рядов категорий,

¹ См. об этом подробнее: Балашов Л.Е. Как мы думаем? М., 1996. С. 5-28; Балашов Л.Е. Практическая философия. М., 2001. С.210-247.

она отвергает крайности монизма и плюрализма, лапласовского детерминизма и индетерминизма, рационализма, эмпиризма и иррационализма, сциентизма и антисциентизма, догматизма и скептицизма. Она не приемлет также крайностей тоталитаризма (этатизма) и анархизма, коллективизма и индивидуализма, консерватизма и либерализма, национализма и космополитизма.

К сожалению, в том варианте философии, который был принят в нашей стране длительное время, акценты делались на единстве, целостности, закономерности, упорядоченности реального мира и недооценивалось значение многообразия, неупорядоченности, случайности. Это создавало известный перекоп в сторону механистического, лапласовского детерминизма. Перекоп в философском мышлении приводил к перекопсу и в любом другом мышлении: политическом, экономическом, управленческом... Разве не этим объясняется, что на протяжении десятилетий в нашей стране господствовало сознание морально-политического единства общества, создавался культ плана, культ командно-административных методов управления и почти полностью игнорировалось значение стохастических механизмов, в частности рынка, выборов и многопартийности. У нас постоянно говорили о сознательности, организованности, планомерности и боролись со стихийностью. А ведь стихийность в определенной мере так же важна, как и планомерность, организованность. Человеческое общество — живая статистическая система и ему нужен не твердый порядок, предполагающий систему жесткой детерминации поведения людей, а живой порядок-беспорядок, учитывающий в равной степени единство и многообразие, необходимость и случайность, общее и частное.

* * *

В заключение отметим. Обнаруженные соответствия носят весьма абстрактный характер. Вследствие этого кое-кому они могут показаться недостаточно определенными. Позволительно, однако, спросить: а нужно ли ждать от них большего? Ведь речь идет о самых общих категориях и понятиях. А мы идем еще дальше, поднимаемся выше, устанавливаем соответствия между категориальными парами, семействами. Что может

быть общей этих соответствий! Здесь хотелось бы сослаться на высказывание Стефана Банаха по поводу уровней аналогизирования: «Математик — это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями, лучший математик тот, кто замечает доказательств, более сильный математик тот, кто замечает аналогии теорий, но можно представить и такого, кто между аналогиями видит аналогии»¹. Философ занимается общими проблемами бытия-мышления и никто за него эту работу делать не будет.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. КАТЕГОРИАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА (КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СЕМЕЙСТВА)

3.1. Материя и движение

Дайте мне материю и движение, и я построю мир!

Р. Декарт

Первое и основное положение предлагаемой концепции таково: **МИР — ЭТО МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ. В МИРЕ НЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ МАТЕРИИ И ДВИЖЕНИЯ.**

Из этого положения вытекает, что материя и движение являются наиболее фундаментальными определениями мира и, соответственно, основополагающими категориями, составляющими ядро категориальной картины мира.

Из положения вытекает также, что материя и движение — соотносительные определения, что движение имеет с материей один уровень общности и фундаментальности, занимает равное с ней положение в мире. Это не означает, однако, признания дуализма материи и движения. Они разные и противоположные стороны-определения мира, но вместе с тем не существуют друг без друга, более того, обуславливают и опосредствуют друг друга. Материя движется, движение материально. Можно говорить только о движущейся материи и материальном движении.

¹ См.: Эмпахер А. Сила аналогий. М., 1965. С. 15.

Представление о парности, соотносительности материи и движения имеет глубокие корни в философии. Вспомним элеатовскую антитезу всеединого бытия и движения многообразного, учение атомистов о полном и пустом (атомах и пустоте), учение Декарта о материи и движении, учения Толанда, французских материалистов XVIII века, Гегеля.

Почему мы выступаем за соотносительность, взаимоподчиненность материи и движения (а не одностороннюю подчиненность второй категории первой)? Дело в том, что реальная диалектика мира подсказывает, что должна быть изначальная раздвоенность, противоречивость, симметрия, если можно так выразиться, основных определений мира. Мир в некотором роде упорядочен, т. е. так или иначе определен и его определения выражаются (плохо или хорошо) в системе категорий мышления и, далее, в системе философских категорий путем последовательного деления, членения категорий на противоположные определения. Первое деление начинается с самого первого понятия — понятия о мире. И оно, как уж было сказано, *раздваивается* на категории материи и движения.

Теперь взглянем на проблему с другой стороны. Мир противоречив, "соткан" из бесчисленного множества различных противоречий. Если рассматривать его как более или менее упорядоченное целое, то нужно признать, что множество противоречий — это не набор сосуществующих противоречий, расположенных одно возле другого и не связанных друг с другом. Оно представляет собой иерархическую систему взаимосвязанных противоречий. А иерархическая система предполагает основное противоречие, которое содержит в себе все другие противоречия. Такое противоречие по смыслу должно связывать основные, фундаментальные определения мира. Ими как раз и являются *материя* и *движение*.

Поскольку материя и движение вместе составляют противоречие, нетрудно представить различные и даже противоположные точки зрения на их соотношение. Ведь в противоречии акцент можно ставить и на единстве, тождестве сторон, и на их противоположности, внешности друг другу. Действительно, в истории философии наблюдается целый спектр точек зрения на соотношение материи и движения — от их неразли-

чения к акцентированию внимания на их единстве, затем к их внешнему связыванию, далее к отдельному представлению, противопоставлению и, наконец, к признанию одной из сторон соотношения ничтожной или даже недействительной. В последнем случае мы имеем дело с такими крайними позициями, как *элеатовская*, отрицающая движение, и *бергсоновская*, отрицающая материю в качестве носителя движения. Вообще-то в истории философии наибольшее распространение имели не крайние точки зрения, а промежуточные, приближающиеся в той или иной степени к диалектическому решению проблемы соотношения материи и движения. Среди этих точек зрения главенствующими были два подхода в зависимости от того, на тождестве или противоположности ставили акцент в указанном соотношении. В одном случае материя и движение рассматривались как внешние друг другу определения. В другом подчеркивалась, декларировалась их неразрывная связь, внутреннее единство. Первый подход был преобладающим в Новое время. Философы и ученые рассматривали материю как нечто косное, инертное, пассивное; движение отрывалось от материи, а источник движения видели в чем угодно, только не в противоречиях. Конечно, такой взгляд неправилен, но не потому, что он ложен, а потому, что односторонен. Ведь и противоположный взгляд, акцентирующий внимание на внутреннем единстве материи и движения, неприемлем по той же причине. Он чреват опасностью сведения материи к движению.

Очевидно, истина лежит где-то посередине. *Материя и движение и внешни друг другу, и внутренни*. В этом состоит основное противоречие мира.

Кстати, в истории философии помимо "качаний маятника" в ту или другую сторону понимания соотношения материи и движения, были и такие концепции, которые объединяли указанные противоположные подходы. К примеру укажем на точку зрения Д. Дидро, изложенную им в "Философских основаниях материи и движения" (1770 год).

Рассмотрим теперь под критическим углом попытки совместить представление о соотносительности материи и дви-

жения с представлением о движении как свойстве, атрибуте, способе существования материи.

Остановимся на характеристике *движения как свойства материи*. Эта характеристика встречается у многих философов. Сразу скажем: такая характеристика связи материи и движения является *логически некорректной* и с позиции современного знания не выдерживает критики. В самом деле, если быть последовательными, то исходя из характеристики движения как свойства материи мы должны признать, что материя — вещь. Ведь категория "свойство" определяется в семействе "вещь-свойство-отношение". Если идти дальше, то должны также признать, что материи-вещи противостоит какая-то другая вещь, в отношениях с которой материя-вещь обнаруживает, проявляет свое свойство — быть движущейся. А это абсурд. Ведь в мире нет ничего, кроме материи и движения. "Свойство» по самому своему смыслу есть то, что присуще данной вещи и проявляется в отношении этой вещи к другой (или к другим вещам). Если мы признаем движение свойством материи в целом, то должны также признать, что в мире наряду с материей существует и нечто другое.

Если же употреблять слово "свойство" (по отношению к движению и материи) не в его категориальном значении, т. е. не в значении "то, что присуще данной вещи и проявляется в ее отношении к другой вещи", а в усеченном или, по-другому, расширенном значении ("то, что присуще данному нечему"), то из-за неопределенности этого значения выражение "движение есть свойство материи" теряет какой-либо разумный смысл. Диалектика взаимоотношения материи и движения в трактовке их как вещи и свойства обеднена и примитивизирована.

Теперь о *движении как атрибуте материи*. Такая характеристика связи движения и материи, хоть и нечасто, но все же встречается в философии. А между тем никто понастоящему не исследовал, правильно ли говорить о движении как атрибуте материи. Если подходить строго к оценке движения как атрибута материи, то мы найдем ее уязвимой по нескольким пунктам.

Во-первых, эта оценка несовместима с представлением о парности, соотносительности, т. е. равнозначности материи и

движения. Ведь что такое атрибут? Это — неотделимое, неотъемлемое свойство, принадлежность чего-либо. И каким бы важным свойством-принадлежностью объекта атрибут ни был, он остается лишь свойством-принадлежностью, т. е. чем-то стоящим на втором месте после самого носителя. Атрибутивное представление движения склоняет чашу весов в сторону материи, т. е. *другого, не-движения*. А отсюда недалеко и до абсолютизации субстанциальности, устойчивости, неизменности. В атрибутивном представлении движения не изжит взгляд на материю как на нечто более фундаментальное, важное, значимое по сравнению с движением.

Во-вторых, характеристика движения как атрибута материи акцентирует внимание на внутреннем аспекте соотношения материи и движения, на том, что движение *неотделимо* от материи, *неразрывно* связано с ней. Между тем даже в самой материи наряду с *внутренним* — целостностью тел — присутствует и *внешнее* — отношения между несвязанными друг с другом телами, доходящие до открытого столкновения. Где уж тут целостность, неделимость. Так и движение. Оно может быть внутренне присуще материальному образованию, а может быть и внешне ему. Например, бильярдный шар сам не может двигаться. Для того, чтобы он покатился по бильярдному столу, нужен толчок извне. Движение в данном случае внешне телу.

Характеристика движения как атрибута материи по существу игнорирует внешние взаимоотношения этих определений, то, что в конкретных случаях движение может быть не связано с внутренней природой того или иного материального образования. Представление о неразрывной связи материи и движения верно лишь в общем и целом, в том смысле, что они являются сторонами основного противоречия мира.

В-третьих, указанная характеристика движения не содержит в себе законченной мысли. В самом деле, если движение — атрибут материи, то невольно возникает вопрос о других атрибутах материи. У Спинозы материя под именем субстанции совершенно логично имела, по крайней мере, два атрибута — протяжение и мышление. Да и по определению атрибут

есть нечто такое, что существует *наряду* с другими атрибутами. В нашей же философской литературе выражение "атрибут материи" применялось в основном только к движению. Вопрос о других атрибутах материи, как правило, не поднимался.

В тех немногих случаях, когда философы называют наряду с движением другие атрибуты материи, возникают неувязки иного рода. В самом деле, если движение лишь *один из* атрибутов материи, то тогда о нем нельзя говорить как о ближайшей к материи, а тем более парной с ней категории. Да и по самому своему смыслу движение не может быть одним из многих атрибутов материи. Никакая другая категория не стоит так, близко к материи как движение. Оно вместе с материей разделяет, так сказать, ответственность за все происходящее в мире. Другие категориальные определения являются их частными выражениями.

Здесь есть и другой аспект проблемы атрибутов материи. Оправдано ли приписывание материи множества атрибутов? Не пережиток ли это *вещистской* трактовки материи, когда на нее смотрели лишь как на носитель свойств? И не пережиток ли это, если говорить более конкретно, *спинозовского* членения реальности на субстанцию, ее атрибуты и модусы. Вероятно, и то, и другое. Субстанциально-атрибутивное (или вещь-свойственное) представление материи не идет дальше трактовки ее как некоторого вместилища, склада, коллекции атрибутов. Оно оставляет ее таким черным ящиком, на входах и выходах которого "располагаются" пресловутые атрибуты. Системным подходом здесь и не пахнет (говорить о системе атрибутов материи также нелепо, как говорить о системе свойств вещи).

Хотелось бы обратить также внимание на то, что характеристика движения как атрибута материи почти неизбежно подводит нас к трактовке материи как субстанции. (Вспомним, что в философии давно уже, по крайней мере со времен Спинозы, отношение "атрибут-субстанция" приобрело характер логической связи, "фигуры логики"; если мы называем что-то атрибутом, то вслед за этим должны говорить о субстанции, и наоборот). Между тем, приравнивание материи к субстанции неверно по существу. Субстанция, если и характеризует мате-

рию, то лишь в одном аспекте, со стороны ее всеобщности и бесконечности. А эта всего лишь *частное* определение материи. Ведь материя — не только первооснова всех вещей, но и сами эти вещи во всей их конкретности. Субстанция, в лучшем случае, — лишь субкатегория материи.

Таким образом, и с этой стороны характеристика движения как атрибута материи представляется уязвимой. Вообще следует сказать, что в этой характеристике заключена какая-то деревянность мысли, какое-то косноязычие, когда мысль не нашла еще адекватного категориально-логического выражения.

Теперь о *характеристике движения как способа существования материи*. Эта характеристика в чем-то сходна с характеристикой движения как атрибута материи. В самом деле, если движение способ существования материи, то естественно возникает вопрос о других ее способах существования (в самом понятии "способ" заложена идея многих разных способов). Опять мысль, содержащаяся в этой характеристике движения, остается незаконченной, недооформленной, поскольку лишь по отношению к движению употребляют выражение "способ существования материи".

Указанная характеристика движения — это, пожалуй, наиболее сильная характеристика связи движения и материи. Опираясь на нее некоторые философы стали развивать идею движения как выражения самого существования и пришли в итоге к фактическому "растворению" материи в движении. Ничего кроме обесценения понятия материи и перегонки его содержания в понятие движения мы здесь не имеем.

В иных случаях кинетистская (двигателистская) трактовка материи ведет к крайнему динамизму, подобному тому, который отстаивал русский химик Н.А. Меншуткин, выступавший против структурных моделей А.М. Бутлерова.

С характеристикой движения как способа существования материи тесно связана идея *самодвижения материи*. Она по своему логична и привлекательна. Если в мире нет ничего, кроме материи и движения, то, следовательно, двигаться может только материя. Значит, она *самодвижется*. Идея само-

движения материи исключает идею первотолчка, перводвигателя, идею вмешательства каких-то внешних для нее сил (бога, духа и т. п.). Вместе с тем идея самодвижения материи справедлива лишь до известного предела. Ее нельзя понимать так, что каждый отдельный материальный объект только самодвижется, что его движение "питается" исключительно от внутреннего источника (ведь совершенно очевидно, например, что бильярдный шар приводится в движение ударом кия, а сам по себе не может начать двигаться). Внутри материи есть и самодвижение тел в строгом смысле (например, внутреннее, организованное, упорядоченное движение их частиц) и внешнее их движение, вызванное столкновениями, соударениями с другими телами (в результате неупорядоченного, хаотического движения тел). Акцентирование внимания на *самодвижении* (можно прибавить: и на *саморазвитии*) характерно для философии Гегеля, поскольку в ней вообще абсолютизируется внутреннее, имманентное и недооценивается внешнее, экзотерическое. К слову сказать, эта идущая от Гегеля чрезмерная любовь к внутреннему, имманентному дает о себе знать в фразеологии наших философов, что мешает непредвзято оценить действительное соотношение внутреннего и внешнего.

Завершая критический анализ характеристики движения как способа существования материи, нужно сказать вот еще о чем. С этой характеристикой связана проявляющаяся в нашей философской литературе тенденция к непомерному расширению, "раздуванию" понятия движения путем включения в него понятий, которые не являются частными видами или формами движения, а имеют особый категориальный статус. Мы имеем в виду такие понятия, как становление, противоречие, взаимодействие, деятельность, жизнь. Желание относить к движению все, что не относится непосредственно к материи, ее структуре и видам, вытекает из стремления *дихотомически* делить все в мире на то, *что* движется и на само *движение*, т. е. на материю и движение. Это стремление как раз основано на характеристике движения как способа существования материи. Такая характеристика не дает возможности что-то "вставить" между материей и движением. Либо материя, либо движение. Третьего не дано. С нашей точки зрения движение — не способ су-

существования материи, а сторона мира, составляющая вместе с материей основное противоречие мира. Мир — не движущаяся материя¹, а материя *и* движение. Здесь связка "и" играет существенную роль. Это не просто грамматическая связка. Она соединяет определения, которые находятся в отношении тождества и противоположности. Иными словами, связка "и" отражает реальность, которая не принадлежит *в отдельности* ни материи, ни движению. К этой реальности относятся такие категориальные определения, как противоречие, становление, возможность, действительность, случайность, необходимость, явление, закон, причина, следствие. Возьмем, например, случайность. Что это? Вид материи? Вид движения? Ни то, ни другое. Или возьмем действительность и возможность. И отдельное материальное тело и отдельное движение могут существовать как в действительности, так и в возможности. А явление? Что это? Форма движения? Нет. Возьмем, к примеру, такое явление как столкновение бильярдных шаров. В этом столкновении мы видим и материальные тела (бильярдные шары), и их пространственное движение (покой и перемещение). Столкновение не является материальным телом. Но оно не является и движением. Это — явление, внешнее взаимодействие, в котором присутствуют и материя, и движение.

Здесь мы подошли к тому, с чего начали, а именно, что материя и движение являются основополагающими категориями и что все другие категориальные определения, какими бы важными и фундаментальными они ни были, являются лишь частными выражениями материи и движения (материи в отдельности, движения в отдельности и их единства).

Такое понимание категориальной логики позволяет ре-

¹ Характеристика мира как движущейся материи логически уязвима. Ведь если что-то движется, то это *что-то* движется откуда-то и куда-то, от чего-то к чему-то. Значит, помимо движущейся материи в мире должно быть что-то иное, что проявляет ее движение. А это противоречит указанной характеристике мира.

О материи в целом нельзя говорить, что она движется или не движется, так же как о мире в целом нельзя говорить, что он меняется или неизменен, упорядочен или неупорядочен.

шить проблему конструктивного соединения учения о материи и движении с учением о категориях. Ведь не секрет, что в вузовских курсах по философии эти учения излагались и продолжают излагаться в отрыве друг от друга. Учение о материи и движении фактически стоит особняком от учения о категориях и наоборот. Возможность и действительность, явление, сущность, закон, случайность, необходимость и ряд других категорий практически никак конструктивно (категориально-логически) не связаны с материей и движением, пространством и временем. Особняком стоят и такие категории, как качество, мера, количество.

Предлагаемая концепция (версия) категориальной логики устраняет этот разрыв между отдельными группами категорий. Во-первых, она распределяет все категории между материей, движением и их единством (связью). Во-вторых, она устанавливает соответствия между различными категориями и их группами. Таким образом, все категории оказываются связанными друг с другом дважды: через их отнесение к материи и движению, и через систему соответствий.

* * *

В целях удобства изложения дальнейшего материала воспользуемся членением категорий в зависимости от их отношения к материи и движению. Рассмотрим сначала группу категорий, относящихся непосредственно к материи, затем — группу категорий, относящихся к движению, и далее, категории, группирующиеся вокруг противоречия и становления, связывающих материю и движение.

3.2. Материя

3.2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИИ

О структуре материи

Некоторые философы считают вопрос о структуре материи запретным для философов, объявляют метафизикой всякие попытки философски осмыслить структуру материи. Позволительно, однако, спросить: если не философы, то кто же? Ученые-естественники? Но ведь они, если и рассматривают

вопрос о структуре, строении материи, то лишь применительно к отдельным видам материи. Как целое не сводится к части или сумме частей, так и вопрос о структуре материи в целом не сводится к вопросу о строении отдельных, изучаемых естественными науками, видов материи. Это хорошо видно на примере классификации видов материи. Ни один ученый-естественник не занимается этим вопросом в полном объеме. Почему? Потому что он как специалист ограничен и ограничен прежде всего рамками изучения природных форм материи. Человеческое общество ученый-естественник не включает, не имеет права включать в свою классификацию. Другое дело — философ. Он по определению является исследователем общих проблем, так сказать, специалистом по общим проблемам. Философ просто обязан заниматься классификацией видов материи в полном объеме. Он, как правило, это и делает. Если ученый пытается осуществить полную классификацию видов материи, то он неизбежно скатывается либо на позиции редуccionизма (высшие формы сводит к низшим), либо на позиции идеализма (разрывает пропасть между высшими и низшими формами или подчиняет низшие формы высшим). Это происходит потому, что ученый судит обо всем со своей узко профессиональной точки зрения. Если он физик, то живые организмы и человеческое общество рассматривает так или иначе через призму физических форм материи. Напротив, ученые, занимающиеся изучением человеческого общества и слабо разбирающиеся в физике, химии, биологии, склонны абсолютизировать качественное отличие социальных форм от природных. Лишь философ, зная понемногу обо всем, владея категориальной логикой и рассматривая все как бы с высоты птичьего полета, может дать уравновешенное представление о различных видах материи.

Профессиональная узость мешает ученым осмыслить структуру материи и в том плане, что они, даже если объединят свои усилия, могут претендовать на создание только фрагментарной, мозаичной картины материи. Материя в целом, как целое им недоступна.

Таким образом, вопрос о структуре материи есть именно

философский вопрос и он не может быть перепоручен ученым.

Теперь взглянем на данный вопрос с точки зрения внутренней проблематики философии, взаимоотношения ее собственных категорий и понятий. Материя как философская категория и просто как категория мышления связана с другими категориями и понятиями, включена в систему категорий. Это значит, что ее структура выражается в тех или иных категориях, понятиях. Иными словами, структуре материи как объективной реальности соответствует система субкатегорий, частных определений материи. Мы говорим о телах и частицах, об их целостности, структурированности, составленности из частей, об их качественной и количественной определенности, о различных совокупностях тел и частиц. Мы проводим различие между неорганическими телами и живыми организмами. И т. д. и т. п. Все это — отражение в категориях и понятиях реальной структуры материи.

Возникает вопрос: насколько адекватно эти категории и понятия отражают структуру материи. Если говорить об "элементной базе" материи, то, думается, на сегодняшний день человечество выработало достаточно категорий и понятий, выражающих ее. Вопрос, следовательно, в том, *как* из отдельных "элементов" "собрать" целое, *как* воссоздать структуру материи. Ведь эти "элементы" материи до сих пор рассматриваются философами рядоположенно, в отрыве друг от друга, в виде отдельных пар, групп категорий. Непосредственно к материи относят только "виды материи" (тела, частицы, поля). А вот категории "целое", "часть", "элемент", "структура", "система", "качество", "количество", "мера" и некоторые другие рассматриваются вне всякой связи с категорией материи, не осмысливаются как понятия, выражающие элементы структуры материи. Это существенно обедняет философское понятие материи, а вопрос о строении материи волей-неволей сводится к вопросу о классификации изучаемых отдельными науками, т. е. эмпирически наблюдаемых видов материи. Вообще получается "интересная" картина. С одной стороны, материя выглядит бесструктурной, диффузной (в философском смысле) категорией. С другой, категории и понятия, призванные выражать структуру материи, оказываются беспризорными, "вися-

щими в воздухе", такими безотносительными, независимыми философскими, логическими категориями.

Итак, ясно, что реальная структура материи должна выражаться в категориально-логической структуре материи, т. е. в некоторой системе субкатегорий материи.

Здесь мы подошли собственно к рассмотрению структуры материи. Напомним, что в первом разделе (п. 1.5) дано краткое описание системы категорий (категориальной картины мира), в том числе краткое описание семейства субкатегорий материи. Последнее и есть предлагаемая версия категориально-логической структуры материи. Она основана на общем подходе к категориям, изложенном в п. 1.4. Это, так сказать, абстрактный уровень ее обоснования. Теперь попытаемся дать конкретное обоснование версии.

Стороны материи (качество-мера-количество)

Согласно предлагаемой версии сторонами, т. е. ближайшими определениями, материи являются *качество* и *количество*, объединенные в *мере*. Любое материальное образование имеет качественную и количественную стороны. В мире нет качественно или количественно неопределенных объектов.

Могут спросить, почему именно качество, количество и мера выбраны в качестве ближайших, т. е. основных, определений материи. К этому можно подойти с разных сторон.

Во-первых, как мы уже говорили, материя должна быть как-то определена и определена именно в ее самости (не через отношение к сознанию, движению и т. д.). Во-вторых, хотя материя вместе с движением определяется через всю систему категорий должны быть, однако, выделены в этой, системе такие категории, которые определяют ее ближайшим образом, непосредственно. Смысл системы категорий в том, что она характеризует материю и движение не как попало, а в определенном порядке. Одни категории характеризуют материю, другие — движение, третьи — сразу материю и движение. Из всех категорий на роль ближайших определений материи претендуют именно качество, количество, мера. Все другие категории характеризуют либо движение, либо связь материи и

движения, либо являются частными определениями материи.

Философы давно уже в той или иной степени сознавали значение качества, количества и меры как наиболее фундаментальных определений материи. У Аристотеля качество и количество являются первыми, ближайшими определениями сущности (конкретной вещи, тела). У Гегеля материя под именем бытия (не мог же он как идеалист признать, что бытие и есть материя!) развертывает свои определения через качество, количество и меру. Исторический спор философов об однородности (гомогенности) и неоднородности и (гетерогенности) материи-природы также явственно показывает что качественные и количественные представления лежат в основе философского (категориально-логического) понимания материи. Философы лишь по-разному ставили акценты в этом понимании. Одни выделяли, подчеркивали, абсолютизировали качественный аспект материи (например, Ф. Бэкон, Л. Фейербах), другие — количественный аспект (например, Р. Декарт, Т. Гоббс, И. Ньютон). Были и такие философы, которые занимали промежуточную позицию или объединяли указанные подходы (например, Д. Дидро). Во всех этих случаях кардинальным оставался вопрос о качественном и/или количественном определении материи как ее ближайших определениях.

В древнегреческой философии сторонником качественной концепции материи был *Аристотель* (его физику называли даже качественной физикой), а количественной по преимуществу — *Демокрит*. Но это наиболее развитые концепции материи в античную эпоху. Первое же разделение, расщепление единого качественно-количественного понимания материи произошло на заре древнегреческой философии. *Элеаты* выделили и абсолютизировали качественную сторону материи, *пифагорейцы* подчеркивали количественную сторону.

Почему так происходило, что одни философы выделяли и абсолютизировали один аспект понимания материи, а другие — другой аспект? Это можно объяснить следующим образом. Люди, в том числе философы, не могли сразу постигнуть, осмыслить мир в единстве и многообразии, цельности и расчлененности. Чтобы как-то уйти от диффузно-

синкретического понимания материи философы вынуждены были в силу ограниченности своих знаний и опыта сосредоточивать внимание на какой-то одной стороне материи в ущерб другой и, естественно, абсолютизировали ее. Но, поскольку философы были разные по складу ума и характера, они абсолютизировали разные аспекты понимания материи. История философии (да и вообще человеческой мысли) напоминает качели или весы, которые склонялись то в одну, то в другую сторону, либо "замирали" где-то посередине. Так было с качественным и количественным подходами. Мыслители, обладавшие математическим складом ума или тяготевшие к нему, абсолютизировали в той или иной степени количественную сторону материи. Такими мыслителями были Пифагор, Демокрит, Галилей, Гоббс, Декарт, Ньютон. Мыслители же, обладавшие эмоционально-образным, художественным складом или тяготеющие к нему, абсолютизировали (и тоже в равной степени) качественную сторону материи. Такими мыслителями были Парменид, Ф. Бэкон, Гете, Фейербах.

В качественном понимании материи следует различать два направления: концепцию качественного единства материи (элеаты, Спиноза) и концепцию качественного многообразия, специфицирования материи (Аристотель, Ф. Бэкон, Фейербах).

В количественном понимании материи тоже можно выделить два направления: непрерывно-количественное (Анаксагор, Декарт) и дискретно-количественное (Демокрит, Гассенди, Ньютон).

До сих пор, говоря о ближайших определениях материи, мы как бы шли от материи к качеству, количеству, мере. Теперь взглянем на дело с другой стороны. Если идти от качества, количества, меры к материи, то увидим, что логично отнести эти определения именно к материи, а не к какому-нибудь ограниченному объекту (вещи, предмету, явлению, процессу и т. п.). В последнем случае отнесение указанных определений будет неполным или слишком абстрактным, размытым. Вообще следует отметить, что качеству, количеству и мере не повезло в нашей философии. Их относят к чему угодно.

но и поэтому они оказываются какими-то беспризорными категориями. В данном случае можно было бы поучиться определенности мысли у Аристотеля и Гегеля. Аристотель считал качество и количество ближайшими определениями сущности. А Гегель относил их к бытию. У нас же почему-то боятся рассматривать качество, количество, меру как ближайшие, основные определения материи. Эта боязнь обусловлена, правда, внешней для наших категорий причиной, а именно тем, что многие философы рассматривают содержание категории материи исключительно через призму ее отношения к сознанию. Имеется еще одна причина, из-за которой качество, количество и меру не относят к материи в целом. Дело в том, что среди философов еще живучи феноменологические представления о качестве как категории чувственного познания, которая будто бы характеризует лишь отдельные, чувственно воспринимаемые предметы и явления в их специфичности, данности, наличности¹. Отсюда неприятие качества как категории, которая может характеризовать не отдельный объект, а материю в целом.

Итак, сторонами материи являются качество и количество. Но стороны — не виды. Что же является видами материи и как виды относятся к сторонам, т. е. к качеству и количеству?

Виды материи

Обычно видами материи называют конкретные типы материальных объектов, изучаемые науками о природе. Это, однако, не более как эмпирически найденные виды материи, притом не всей материи, а лишь наблюдаемой ее части. Философ, классифицируя подобные виды материи, лишь повторяет "зады" современных наук о природе вместо того, чтобы идти впереди их и указывать ориентиры в познании материи. Если говорить о видах материи в философском, категориально-логическом смысле, то нужно идти прежде всего от диалектики взаимоотношения сторон материи, как бы сказать, от "логики" материи, точнее, от "логики" ее членения, дифференциации. Эта "логика" подсказывает, что виды материи различаются в первую очередь по степени целостности: с одной сто-

¹ См. об этом подробнее ниже, п. 322.1. и п. 322.2.

роны, мы видим *отдельные целостные образования*, а, с другой, их *нецелостные совокупности*; между теми и другими — целый спектр *промежуточных форм*. Сразу договоримся о терминологии. Отдельные целостные образования, следуя традиции, будем называть *телами* (при этом достаточно обобщив данное понятие). Нецелостные совокупности назовем *группами, групповой материей*. Промежуточные формы — *мезоматерией*.

Различие между телом и группой — не просто в степени целостности. В них по-разному преломляются качество и количество, являющиеся сторонами материи. Для тела акцент падает на качество¹. Для группы — на количество². Диалектика сторон материи порождает диалектику ее видов. В этом и состоит "логика" материи, "логика" дифференциации ее видов. Обобщенно говоря, диалектика сторон и видов лежит в основе структуры материи.

Итак, различие между телом и группой обусловлено различным соотношением качества и количества. Это, так сказать, сущностное, категориальное различие. Эмпирическое же различие между ними можно проследить на конкретных видах материи, изучаемых отдельными науками. Примерами тела и группы являются вещество и поле, твердое тело и газ, звезда и межзвездная туманность.

Человечество не сразу осознало принципиальный характер различия между телом и группой. Достаточно сказать, что философы длительное время рассматривали материю и тело как синонимы, взаимозаменяемые понятия. Внимание ученых вплоть до середины прошлого века сосредоточивалось в основном на изучении отдельных тел, а особенности групповой материи они игнорировали. Однако, постепенно, шаг за шагом философы и ученые стали постигать всю глубину различия

¹ Не случайно многие философы характеризуют качество как определенность, тождественную бытию вещи, нечто. Субстанциальное понимание качества характерно для Аристотеля, Гегеля.

² И для группы это естественно. Реальные совокупности, группы тел служат прообразами количественных определений, средством для счета и измерения.

между телом и группой. Теперь в самых различных отраслях знания пришли и к выводу, что изучение совокупностей тел, групповой материи имеет самостоятельное значение. Если, например, механика Ньютона базировалась на абстракции тела, материальной точки, то статистическая физика опирается на представление о больших совокупностях материальных тел. Если классическая физика базировалась на понимании материи как вещества, то современная физика обнаружила, что наряду с веществом существует особая форма материи — поле, которое представляет собой не что иное, как совокупное движение мельчайших частиц, не имеющих массы покоя (и если имеющих, то неизмеримо меньшую по сравнению с массой покоя частиц вещества).

То же самое мы видим в области изучения органических форм материи. Если раньше в биологии изучались отдельные живые организмы, появлялись различные организмические теории, то, начиная с Дарвина, все большее внимание обращается на изучение различных сообществ живых организмов (роя, стаи, стада, популяции, экосистемы, биосферы в целом). Принципиальное различие между отдельным живым организмом и сообществом живых организмов можно видеть на примере существования двух типов развития: онтогенетического, индивидуального и филогенетического, исторического. Если раньше в области социально-гуманитарных наук исходили в основном из представления о деятельности отдельных людей, исторических личностей, то, начиная с середины прошлого века, особенно с возникновением социологии и демографии, стали изучать человеческие коллективы, группы, статистические ансамбли людей, т. е. различные сообщества людей.

Различие между телом и группой отчетливо проявляется в характере "поведения" этих видов материи. "Поведение" тела описывается динамическими законами, "поведение" группы — статистическими закономерностями. В этом плане тело можно охарактеризовать как нестатистический ансамбль частиц, а группу — как статистический ансамбль.

Тело представляет собой целое (систему), в котором части (элементы), как правило, разнородны и зависимы друг от друга, находятся в тесной *связи* друг с другом; "поведение" частей

тела вполне упорядочено относительно друг друга, "регулиру-
ется" *внутренними* противоречиями. Вместе части тела обра-
зуют *структуру* тела. Группа представляет собой совокуп-
ность однородных элементов, относительно независимых друг
от друга и находящихся в различных *столкновениях* друг с
другом. "Поведение» элементов группы неупорядочено, хао-
тично, "регулируется" *внешними* противоречиями. Группа яв-
ляется *бесструктурным* образованием.

Тело и группа — соотносительные виды материи. Всякому
телу определенного типа соответствует группа этих тел. При-
меры: вещество и поле, частица вещества (атом или молекула)
и газ.

О понятии "тело"

На протяжении сотен лет понятие "тело" рассматривалось
как философская категория. Философы, жившие раньше, в
большинстве случаев понимали материю именно как тело или
совокупность тел. Прямые указания на этот счет мы находим
почти у всех философов нового времени — Гоббса, Локка, Де-
карта, Спинозы, Гассенди, Дидро, Гольбаха и т. д. Гегель рас-
сматривал тело как вид материи. И вдруг о понятии "тело" за-
были. Философы выбросили его из арсенала философских ка-
тегорий, стали трактовать как частнонаучное понятие (глав-
ным образом, как понятие механики и физики). Причина этого
в общем-то понятна: в последние сто лет выяснилось, что ма-
териальная реальность является гораздо более многообразной
и не укладывается в прокрустово ложе прежних представле-
ний о телесности. отождествление материи и тела, материаль-
ности и телесности стало невозможным.

Да, материя есть нечто большее, чем тело или совокуп-
ность тел. Это, однако, не значит, что тело потеряло значение
философской категории и его нужно выбросить на свалку ис-
тории. Просто оно нуждается в обобщении, с одной стороны.
С другой, надо ясно отдавать отчет в том, что это понятие
должно занимать в системе категорий более скромное место,
что оно превратилось из категории, равной материи, в катего-
рию, обозначающую вид материи. Что бы ни говорили об
устарелости прежних материалистических представлений, со-
временные философы, чувствуя необходимость этого понятия,

ищут и используют его эквиваленты или, лучше оказать, суррогаты — в виде таких понятий как "материальный объект", "материальное образование", "материальная система", "реальная вещь" и т. д.

Мезоматерия

Теперь остановимся на вопросе о промежуточном виде материи. Ясно, что в природе существуют конкретные формы материи, которые носят промежуточный характер. Возьмем хотя бы жидкость. Она является промежуточным агрегатным состоянием — между твердым телом и газом. На уровне микрочастиц к промежуточным формам относятся самопроизвольно распадающиеся ядра тяжелых атомов. Не случайно ученые уподобляют их жидкой капле.

Проблема в том, что до сих пор нет общего названия для промежуточных форм материи, т. е. нет подходящего философского термина, обозначающего промежуточный вид материи. Философы просто не выработали такое понятие. Поскольку все же имеется потребность в нем, считаем нужным создать искусственный термин — *мезоматерия*. Этот термин удобен тем, что он практически не требует расшифровки и будет понятен всем философам и ученым. Он образован из двух слов: мезо + материя, что буквально означает: срединная, промежуточная материя.

Итак, мезоматерия — категория, обозначающая промежуточный вид материи, т. е. осуществляющая плавный переход от тела к группе. Теперь схема видов материи выглядит так:

"тело — мезоматерия — группа".

Истоки такого представления о видах материи уходят далеко вглубь веков. Учение древних о четырех стихиях (земле, воде, воздухе, огне) является, в сущности, первым его наброском. Землю можно интерпретировать как конкретно-чувственный образ *тела*. Воду — как конкретно-чувственный образ *мезоматерии*. Воздух — как конкретно-чувственный образ *групповой материи*.

Виды материи и учение древних о четырех стихиях.

В этом учении древних в зачаточном состоянии заключена идея о различных логически взаимосвязанных видах, типах материальной реальности. Не случайно такие крупнейшие мыслители как Аристотель и Гегель взяли на вооружение это

учение, не отбросили его как наивное и устаревшее.

У Аристотеля стихиями-элементами являются не какие попало конкретно-чувственные реальности, а именно земля, вода, воздух, огонь. Эти элементы находятся у него в логической связи друг с другом. Земля и огонь — противоположные элементы. Вода и воздух — промежуточные стихии. "Крайние и наиболее чистые /тела/, — пишет Аристотель, — это огонь и земля, средние же и более смешанные — вода и воздух. И каждое из одной пары противоположно каждому из другой: огню противоположна вода, воздуху — земля; ведь они состоят из противоположных свойств"¹. Именно на основе взглядов Аристотеля родилась впоследствии известная схема соотношений между стихиями и основными физическими качествами².

Мысль о логическом соотношении между стихиями отчетливо прослеживается и в том факте, что Аристотель располагал их на линии: более плотное и менее плотное или более тонкое. Вода у него плотнее воздуха, а воздух — тоньше воды. Так и в случае огня и воздуха — огонь тоньше воздуха, а воздух плотнее огня³. Как видим, в основе классификации стихий-элементов лежит представление о противоположности плотного и тонкого. То же находим у Платона в "Тимее" (49с).

Гегель возродил учение древних о четырех стихиях и включил его в свою философию природы.

Учение о четырех стихиях на протяжении многих веков конкурировало с учением об атомном строении вещества. В конце концов в историческом споре верх одержала атомистическая теория, идеи которой легли в самый фундамент естествознания. Учение же о стихиях выродилось в частнонаучную теорию об агрегатных состояниях вещества. Думается, здесь есть какая-то историческая несправедливость. Учение о четырех стихиях не менее богато идеями, чем атомистическая теория. Своего последнего слова оно еще не сказало. В предлагаемой концепции трех видов материи древнее учение может обрести новую жизнь.

¹ Аристотель. Физика, 331а. См.: Аристотель. Соч., Т. 3, М., 1981. С. 423.

² См.: История античной диалектики. М., 1972. С. 56.

³ Аристотель. Соч., Т. 3. С. 425 (Физика, 332а 20-25).

Органические виды материи: организм и сообщество

Тело, мезоматерия и группа являются универсально-всеобщими видами материи. За их пределами никаких других видов материи нет и быть не может. Логическое членение материи на указанные виды обусловлено, как уже говорилось, диалектикой взаимоотношения ее сторон (качества и количества) и именно в силу этого оно является полным, исчерпывающим членением.

Все конкретные формы материи, изучаемые различными науками, являются либо подвидами ее видов в отдельности, либо *объединяющими* видами (осуществляющими органический синтез, опосредствование видов материи). В последнем случае мы имеем дело с *живыми организмами* и их *сообществами*. Будем называть их *органическими видами материи*. Наглядное представление о соотношении универсально-всеобщих видов и органических видов материи дает рисунок выше, на стр. 19. Мы намеренно привели частный и упрощенный вариант соотношения, чтобы яснее представить, выразить его логику. Еще раз поясним рисунок. В неорганической природе твердое, жидкое и газообразное состояния вещества, хотя и переходят друг в друга, существуют все же раздельно и исключают друг друга. Напротив, в живых организмах эти три состояния вещества настолько связаны, совмещены, опосредованы друг другом, что представляют собой нечто единое, *органически* целостное. Примерно то же можно сказать о логике соотношения видов материи.

Итак, к органическим видам материи мы относим *организм* и *сообщество*. "Организм" объединяет тело, мезоматерию и группу при определяющей роли первого вида материи. "Сообщество" объединяет тело, мезоматерию и группу при определяющей роли последнего вида материи. Частными видами "организма" являются одноклеточный организм, растение, животное (особь, живое существо), человек. Частными видами "сообщества" являются колония клеток, рой, стая, стадо, племя, род, народность, нация, семья, коллектив, социальная группа, общество.

Выделение органических видов материи в особый разряд — не выдумка автора. Люди давно заметили и по достоинству оценили различие между живыми существами и неорганическими телами. В упрощенной, приблизительной форме они

зафиксировали это различие в грамматике языка. Согласно ей все имена существительные делятся на одушевленные и неодушевленные. Местоимение *кто* указывает на одушевленные предметы, местоимение *что* — на неодушевленные предметы. Также в науке и философии с некоторых пор стали проводить четкую разграничительную линию между неорганическим целым и органической целостностью. Подобное разграничение просматривается и в представлении о низших и высших формах материи.

Предлагаемая классификация видов материи позволяет решить задачу категориального или, как еще говорят, сущностного, неэмпирического разграничения двух сфер природы и деления форм материи на низшие и высшие.

Диаграмма (структурная схема) категории "материя"

Определив стороны и виды материи, мы теперь можем составить полную картину категориальной структуры материи. Этой цели служит приводимая ниже *диаграмма (структурная схема) категории "материя"*.

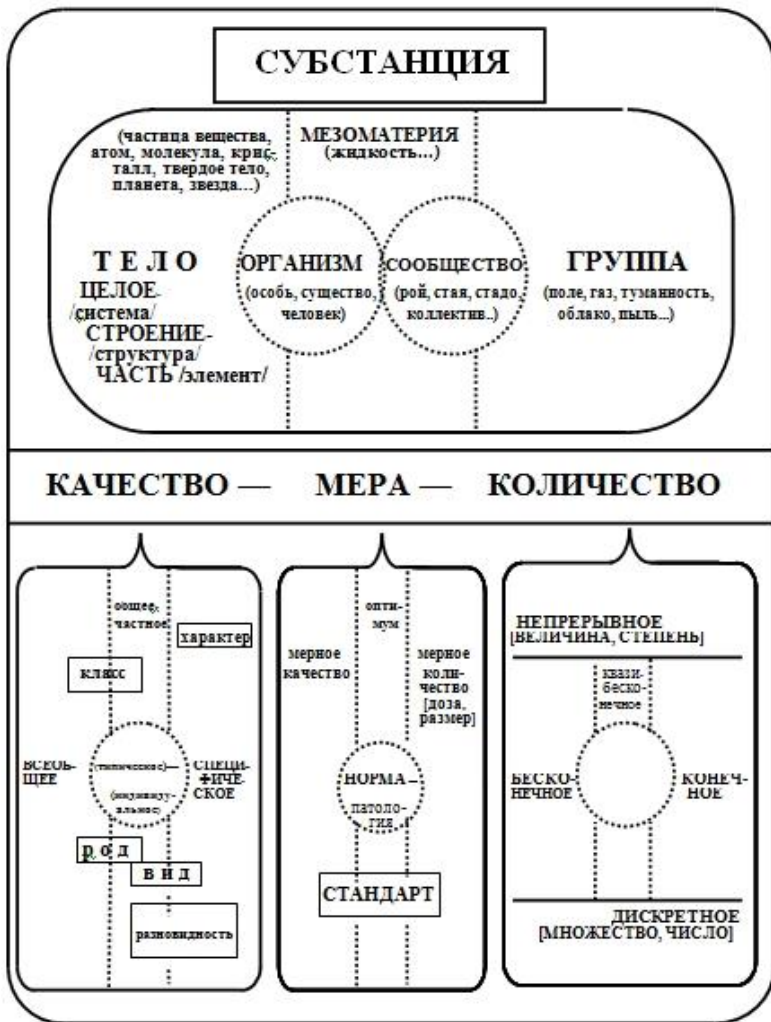

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «МАТЕРИЯ»

Диаграмма в наглядно-логической форме дает общее представление о структуре материи. Из диаграммы видно, что все "пространство" материи делят между собой, "заполняют" качество, мера и количество. Каждая из этих категорий имеет свое отдельное "пространство" субкатегорий. Виды материи

(тело, мезоматерия, группа) образуют внутри "пространства" материи свое замкнутое "пространство". Этим отмечается, с одной стороны, подчиненность видов материи ее сторонам, их производность от последних, а, с другой, их относительная самостоятельность и взаимосвязь. Определенную смысловую нагрузку несет также расположение видов материи по отношению к ее сторонам. Расположение тела и организма ближе к стороне качества указывает на их ответственность качеству. А расположение группы и сообщества ближе к стороне количества указывает на их ответственность количеству.

Субстанция

В верхней части диаграммы ("пространства" материи) располагается *субстанция*. Эта категория занимает особое место в системе ближайших определений материи. Со стороны качества она выражает предел качественной общности, единства всех материальных реальностей. Со стороны количества она выражает предел бесконечности материи, т. е. ее абсолютную бесконечность. Таким образом, субстанция характеризует материю со стороны ее абсолютной, универсальной всеобщности и абсолютной, универсальной бесконечности. Она выражает общую, единую и бесконечную основу всех материальных реальностей. Это положение можно обернуть: в качестве субстанции материя выступает всеобщей основой (матерью, первоосновой) всех вещей.

Данное понимание субстанции основано на известной философской традиции.

Могут задать вопрос: а нужно ли вообще понятие субстанции. Разве недостаточно того, что мы говорим о материи¹? Этот вопрос как будто не лишен основания. В самом деле, зачем изобретать какое-то особое понятие для обозначения материального единства мира? Ответ такой. Если мы хотим иметь развитое, дифференцированное понятие материи, то должны мыслить его в системе частных определений, т. е.

¹ Мы опускаем здесь критическое рассмотрение различного рода плюралистических концепций, в принципе отвергающих понятие субстанции и то, что за ним стоит. Эти концепции тесным образом связаны с эмпирической традицией в философии, которая не может или не хочет, попросту говоря, видеть за деревьями леса.

представлять его в виде системы подчиненных понятий, субкатегорий. Выше говорилось о понятиях, обозначающих стороны материи (качество и количество), говорилось также о видах материи. Для полноты выражения системы частных определений материи не хватает, по крайней мере, еще одного понятия. Это понятие должно фиксировать в себе то содержание материи, которое обычно выражается в словосочетаниях "материя вообще", "материя как таковая", "материя в целом или как целое", "бесконечная материя". Здесь-то мы и приходим к понятию субстанции. Если представить материю в виде ожерелья, то субстанция будет в этом ожерелье нитью, которая связывает отдельные бусинки. Без нити ожерелье распалось бы. Так и без субстанции материя просто распадается на множество отдельных разрозненных, различных вещей. Если рассматривать материю только как совокупность тел (а такой взгляд, к сожалению, еще имеет место среди философов), то она предстает перед нами как бы разделенной, разорванной, лишь в многообразии отдельных материальных реальностей без единства. Это может привести к мировоззренческому плюрализму и релятивизму, к тому, что люди не будут пытаться искать общую основу вещей, общие закономерности их существования, движения.

Субстанция, выражающая идею единства и общности всех материальных реальностей, в гносеологическом плане играет роль ориентира в поисках все более общих и фундаментальных закономерностей объективного мира. (Вспомним, что А. Эйнштейн, разрабатывая глобальные физические концепции, известные под названием теории относительности, вдохновлялся помимо всего прочего идеей Спинозовской субстанции). Как бы ни были различны и многообразны материальные образования, их всегда можно свести к общей основе. И вот такой конечной общей основой, первоосновой всех материальных реальностей является СУБСТАНЦИЯ.

Следует отметить одну важную особенность понятия субстанции. Это понятие выражает момент единства в материи, но не того единства, которое присуще каждому конкретному телу (в виде целого, целостности), а единства, присущего *всей* материи, материи в целом. Субстанциальность и целостность — разные понятия. Субстанциальное единство материи не исключает ее неединства, нецелостности. *Материя едина и неедина, целостна и нецелостна.*

И последнее. Не следует переоценивать значение понятия субстанции для характеристики материи. Выло бы грубейшей ошибкой отождествлять материю с субстанцией. Последняя характеризует лишь один аспект материи, т. е. является частным определением, субкатегорией материи. *Материя не только первооснова всех вещей, но и сами эти вещи во всей их конкретности.*

Праматерия (первоматерия)

Определенный смысл имеет концепция праматерии (первоматерии). Она является обобщением эмпирически наблюдаемых фактов, когда за видимым многообразием вещей обнаруживаются немногие элементы. Эти элементы, по-разному соединяясь, дают все многообразие вещей.

Возьмем многообразие живых организмов. Биологи говорят: все живое — из клетки. Клетка как раз является праматерией живого.

Все многообразие химических веществ (а их насчитывается свыше семи миллионов) — из комбинации нескольких десятков химических элементов, разных типов атомов.

Многообразие атомов — из комбинации трех видов элементарных частиц: протонов, нейтронов и электронов.

Различные элементарные частицы — из комбинации субчастиц: кварков.

Концепция праматерии основывается на двух представлениях: *во-первых*, что одно состоит из другого, а это другое — из третьего и так до бесконечности; *во-вторых*, что за наблюдаемым многообразием обязательно скрывается единство и не может быть чистого многообразия без единства.

Идея праматерии — это как идея абсолютной истины в познании. Мы никогда не найдем первых "кирпичиков" мироздания, лежащих в фундаменте материи, но поиск "кирпичиков", из которых состоят уже познанные виды материи, является необходимым условием дальнейшего познания материи, раскрытия ее тайн. Когда мы найдем эти ближайшие "кирпичики", то встанет задача отыскать "кирпичики" этих "кирпичиков" и так до бесконечности.

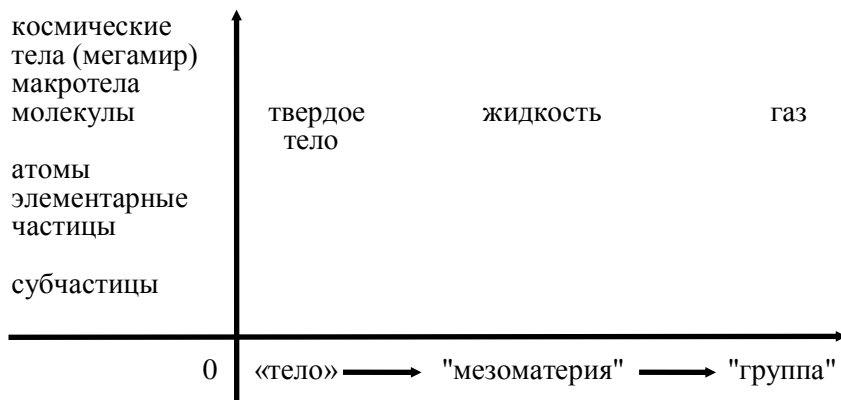
Концепция праматерии опирается на идею единства всех многообразных форм материи. Мы видим перед собой много-

образии каких-либо вещей. Однако из прежнего опыта знаем, что за этим многообразием стоит единство, общее происхождение, тождество исходных элементов. В результате поисков мы рано или поздно находим эти элементы. И все многообразие вещей оказывается сведенным к некоторому единству, которое воплощается в немногих элементах-кирпичиках.

Понятие первоматерии близко по смыслу понятию субстанции. Если определять его место в системе субкатегорий материи, то его можно было бы поместить где-то между субстанцией и конкретным видом материи.

Уровни материи

По-видимому, имеет право на существование и понятие "уровень материи". Если структуру материи представить в некоторой воображаемой системе координат, то виды материи будут располагаться по оси абсцисс (по горизонтали), а уровни материи — по оси ординат (по вертикали). См. рис. ниже:

Каждому уровню материи соответствует свой "набор" частных видов материи. Характеризуя особенности уровней материи, физик Д. Бом писал: "на всех этих уровнях мы находим типичную относительную независимость поведения и существование совокупностей качеств, законов и соотношений, которые являются характерными для рассматриваемого уровня". Понятие "уровень материи" имеет качественно-количественный характер. Оно отражает, с одной стороны, количественные границы, масштабы каждого уровня материи, а

с другой, качественные различия между разными уровнями материи.

3.2.2. СТОРОНЫ МАТЕРИИ: КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО, МЕРА

322.2. Качество

О категориальном и некатегориальном значениях понятия "качество"

Во введении (п.1.4) указывалось, что трудность исследования категорий обусловлена тем, что их языковые носители — слова — употребляются неоднозначно в философской и научной литературе. Наряду с категориальным значением продолжают функционировать различные формы некатегориального значения этих слов, что приводит к путанице понятий, к смысловым искажениям категорий. Яркий пример в этом отношении — *понятие качества*.

Этимология слова "качество" восходит к вопросительно-относительному местоимению "какой" в его краткой форме "какъ"¹. Определяемое им содержание шире содержания категории качества. До сих пор слово "качество" нередко употребляется в значении "признак, определенность предмета", когда им обозначают все, что так или иначе характеризует предмет, что отвечает на вопрос "какой?" О распространенности использования слова "качество" в этом значении можно судить по тому факту, что оно зафиксировано в "Словаре современного русского литературного языка" как одно из значений слова. Примером подобного употребления слова "качество" философами является понятие качества в философии Д. Локка. Под "качеством предмета" Локк понимал "силу, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею"². К первичным "качествам" он относил такие некачественные определения, как "форма", "движение", "покой", "объем", "протяженность", "число". Вполне очевидно, что локковское понятие качества ничего

¹ Сравн. лат. *qualitas* — от *qualis*. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2, М., 1967. С. 214.

² Локк Д. Соч. Т. 1, М., 1985. С. 183 ("Опыт...", гл. 8).

общего не имеет с *категорией* качества; для этого понятия безразлично, какую определенность оно выражает. Количественные определения в данном случае являются лишь частными, подчиненными общему понятию качества. Для Локка не существовало проблемы взаимосвязи качества, количества и меры, хотя только в этом соотношении категорий и раскрывается действительный смысл категории качества. До сих пор в западной, особенно англо-американской, философии можно встретить случаи употребления слова "качество" в локковском смысле¹.

Более умеренной формой некатегориального значения слова "качество" является его употребление в значении, близком к грамматической форме качественного прилагательного. В этом случае проводят определенное различие между качественными и количественными терминами. Так, по мнению *Р. Карнапа* "качественный язык ограничивается предикатами" типа "трава зеленая", а "количественный язык вводит то, что называют символами функторов, т. е. символы для функций, которые имеют численное значение"². Р. Карнап понимает различие качества и количества только как различие в языке, в концептуальной системе. Отсюда его тяготение к логико-грамматической форме представления этих понятий. Для него качественный язык — это язык качественных терминов, под которыми подразумеваются различного рода прилагательные. Понимание качественности как предикативности, выражаемой именем прилагательным, не соответствует действительному содержанию категории качества. В фиксировании однозначной связи качества и прилагательного мы имеем пример смешения категории мышления и формы языка. Качество ставится в зависимость от существования имени прилагательного. Это неизбежно ведет к нечеткому, неоднозначному употреблению понятия качества, к размыванию его границ, так как естественный язык выражает не только логически выверенные понятия, но и понятия практические, являющиеся, как правило, многозначными, состоящими из элементов, которые относятся к разным категориям мышления. Когда, например, говорят о качественных представлениях как доколичественных

¹ См., например: Хилл Т. Современные теории познания. М., 1963. С. 67, 180.

² Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. С. 107.

(или донаучных), то в действительности имеют в виду не только собственно качественные представления, но и приближительные, оценочные представления о количественной стороне материи, которые называют качественными, так как в языке им соответствуют качественные прилагательные.

С другой стороны, очевидно, что языковое выражение качества не ограничивается рамками одной части речи. Объективная качественность предметов отображается всеми формами качественного языка (разными частями речи, сочетаниями слов, предложениями), а также средствами искусственных языков (научной терминологией, математической или иной символикой). Связывать выражение качественности в языке только с именем прилагательным — это значит суживать значение понятия качества, изображать его как феноменологическое, интуитивное, непосредственное понятие, пригодное лишь для фиксации результатов субъективной (чувственной или интуитивной) оценки явлений. Не случайно Р. Карнап, отмечая различие между ньютоновским и гётевским подходами к изучению природы, характеризует первый словами "количественный", "аналитический", "экспериментальный", а второй словами «качественный», "феноменологический", "непосредственный", "интуитивный". Качественность оказывается в одном ряду с понятиями, которые характерны для доколичественного (и, в определенном смысле, донаучного) познания. Такое понимание качественности является односторонним. Качественный подход в этом случае существует как бы сам по себе, независимо, вне связи с количественным подходом, что противоречит реальному соотношению категорий качества и количества. Как стороны материи они не только отрицают, исключают друг друга, но и обуславливают, опосредствуют друг друга. Качественный же подход, понимаемый феноменологически, рассматривает качественность лишь с одной стороны: как *не*количественность (или, в лучшем случае, как понятие, дополняющее понятие количества). Здесь игнорируется неразрывная связь качества и количества.

Существование различных форм некатегориального значения слова "качество" связано с тем, что понятие качества лишь постепенно определилось в своем категориальном содержании. Эти формы — рудиментарные остатки, в которых зафиксировано содержание понятия качества на разных этапах его

осознания как категории.

Структура качества

До сих пор о качестве говорилось в основном как об элементе системы категорий. Теперь заглянем внутрь него и осмотрим его "хозяйство". Здесь вполне естественно возникает вопрос о структуре качества, о системе субкатегорий (частных понятий, определений), составляющих содержание категории "качество". Мы не согласны с теми, кто считает качество простой и бедной определениями категорией. Если бы это было так, то о качестве вообще нельзя было бы говорить как о категории. Ведь оно имеет категориальное значение, является категорией не только потому, что принадлежит к системе категорий (как "часть" семейства "качество-мера-количество"), но и потому, что внутри себя образует систему понятий.

Понимание качества как простой и бедной определениями категории логически связано с трактовкой его как категории чувственного познания, выполняющей исключительно функцию специфицирования. Чтобы положительно решить вопрос о структуре качества, нужно отказаться от односторонней трактовки его как специфицирующей категории. Это тем более необходимо, что в отечественной философской литературе такая трактовка до недавнего времени была преобладающей. Она в некотором смысле приобрела прочность предрассудка. В этом представлении наших философов своеобразно соединились традиции эмпирической философии, занимающей номиналистическую позицию отрицания реальности общего в вещах, и традиции гегелевской трактовки качества как определенности наличного бытия, благодаря которой "нечто противостоит иному".

Характеристика качества как специфицирующей определенности предмета — это по существу номиналистическая трактовка категории. Мир в этом случае выглядит как совокупность отдельных качественных единиц наподобие лейбницевских монад, каждая из которых представляет собой абсолютно уникальное, неповторимое явление. Здесь есть многообразие, но нет единства, общности. Понимание качественно предметов только как их специфичности приводит к абсолютизации специфических черт, особенности этих предметов.

Например, акцентирование внимания на качественном отличии биологических объектов от физико-химических приводило в недавнем прошлом некоторых ученых-биологов к недооценке физико-химических методов исследования биологических явлений, в частности, к отрицанию научной значимости хромосомной теории наследственности. То же самое мы наблюдаем при рассмотрении сущности человека. Некоторые философы акцентируют внимание на качественном отличии человека от животных, рассматривают его только как социальное существо и игнорируют или недооценивают его биологическую природу.

Трактовка качества как специфицирующей категории проникает, к сожалению, и в область научно-практических исследований проблем качества продукции, что приводит к дезориентации ученых-практиков. Если бы авторы, определяющие качество как специфику вещей, последовательно придерживались своих определений, то они должны были бы тогда прийти к отрицанию возможности счета и измерения, классификации и систематизации явлений.

В последние десятилетия в связи с предпринятым широким исследованием категорий качества и количества некоторые философы стали обращать внимание на односторонность понимания качества как специфицирующей категории. Авторы все чаще стали характеризовать качество как единство общего и специфического.

Качественно общее существует не только в смысле полного сходства, тождества предметов. Качественно общим являются и различные степени сходства, подобия: от максимального сходства до минимального (см. об этом подробнее ниже). В конечном счете все реальные предметы имеют одну общую природу — материальную. Вся иерархию качеств венчает универсум, всеобщее "качество" — *материя*. Те, кто понимает общее в смысле полного сходства, тождества вещей, мыслят недиалектически. Они рассматривают общее в отрыве от частного, специфического как полностью исключаящее противоположные моменты.

Стороны и моменты качества: всеобщее-общее-частное-специфическое.

Итак, ясно, что в *качестве* одинаково присутствуют оба момента: специфическое и общее. Они-то и составляют основу структуры качества, иначе говоря, "делают" его сложным, структурированным. Ведь сложность, структурированность чего-либо обусловлена тем, что в этом чем-либо наличествуют различные и даже противоположные элементы. В нашем случае — это специфическое и общее. Отнимите у качества один из указанных моментов и вы получите простую, бесструктурную, бедную определениями категорию. В одном случае это будет специфицирующая определенность, в другом — немое всеобщее (что-то вроде элеатовского всеединого). Ни специфическое, ни общее в отдельности не составляют качество. Только вместе они делают качество качеством. Это значит, что они являются *сторонами, ближайшими определениями* качества.

Здесь нужно сделать одну важную поправку. Правильнее говорить не о специфическом и общем, а о *специфическом* и *всеобщем*. Именно эти определения противоположны в подлинном смысле, т. е. являются крайними моментами, полюсами качественной определенности. *Специфическое* характеризует только один, единичный, данный, отдельный объект. *Всеобщее* характеризует все объекты без исключения в пределах данной качественной определенности. А что же *общее*? Это понятие характеризует, фиксирует один из моментов перехода от всеобщего к специфическому. Причем очевидно, что общее ближе стоит к всеобщему, чем к специфическому (на это указывает прежде всего терминологическое сходство слов "общее" и "всеобщее"; последнее образовано путем приставления к слову "общее" слова "все"; приставка "все" усиливает значение слова "общее", доводит его до крайних пределов). Далее, возникает вопрос: а есть ли понятие, которое фиксирует момент перехода, стоящий ближе к специфическому? Да, такое понятие есть. Это — *частное*. В самом деле, общее и частное нередко сопоставляются, соотносятся как умеренные противоположности, занимающие промежуточное положение между крайними противоположностями, полюсами качественной определенности, каковыми являются всеобщее и специфическое.

Итак, с учетом поправки сторонами качества следует считать *всеобщее* и *специфическое*. А *общее* и *частное* будут в таком случае промежуточными моментами, звеньями качественной определенности. Таким образом, структура качества выражается прежде всего в тетраде субкатегорий:

всеобщее-общее-частное-специфическое.

(Несколько слов о понятии общего. Это понятие иногда употребляют не в паре с понятием частного, а в паре с такими понятиями как специфическое, отдельное, единичное, особенное. Насколько оправдано такое употребление? С одной стороны, вроде бы нет ничего плохого в том, что общее сопоставляют, соотносят с указанными понятиями. Частное, особенное, отдельное, единичное специфическое — это все *соответственные* понятия. Они различны, но в то же время расположены по одну сторону "баррикад". А общему соответствуют всеобщее, связь, неспецифическое, множественное. Последние понятия расположены по другую сторону "баррикад". Но, с другой стороны, мы должны сделать выбор и остановиться на какой-то одной противоположности общего. Больше всего для этой роли (для роли *своей* противоположности общего) подходит *частное*. Общее не носит характер предельного понятия (за ним стоит еще всеобщее) и частное тоже не носит характер предельного понятия (особенней частного является специфическое). Что же касается других "антиподов" общего (единичного, отдельного, особенного, специфического), то их следует считать не противоположными общему, а *антисоответственными* ему. Каждый из этих "антиподов" обременен своей, только ему присущей противоположностью. Так, единичному по смыслу противоположно не общее и не всеобщее, а множественное. *Своей* противоположностью отдельного (как изолированного, обособленного) является связанное, не существующее вне связи, обособленно от других.)

Указанная тетрада субкатегорий обуславливает *иерархию* уровней внутри качественной определенности реальных объектов. Уровни различаются по степени специфицировании и общности — от самого конкретного уровня, соответствующего данному, единичному предмету, до самого общего уровня, соответствующего абстракции материи вообще. Например, качество меди — это не только ее качество как *данного* элемен-

та, отличного от других элементов; оно включает в себя и качество металла, поскольку медь является металлом, и качество химического элемента, поскольку медь является химическим элементом, и качество вещества, поскольку медь является веществом, и качество материи, поскольку медь является материальным образованием.

В самом деле:

специфическое — то, что характеризует исключительно один, данный объект;

частное — то что характеризует некоторые объекты (далеко не все, только часть объектов);

общее — то, что характеризует не один, а два, либо несколько, либо многие, большинство объектов;

всеобщее — то, что характеризует все объекты без исключения.

Специфическое, частное, общее и всеобщее дают общую схему иерархии качественных уровней. Они как верстовые столбы отмечают основные пункты в этой иерархии.

Внутри каждой из указанных категорий имеется своя градация уровней. Например, когда мы говорим об общем, то нередко употребляем выражения "более общее" и "менее общее". Это, так сказать, непрерывно-количественная градация уровней. Иной пример градации дает категория всеобщего. Градация уровней внутри этой категории носит прерывно-количественный характер. Всеобщее в пределах одной качественной определенности выступает как частное в пределах другой, более общей качественной определенности. Например, для млекопитающих всеобщим признаком является кормление молоком. А для позвоночных животных, являющихся более широким классом животных, этот признак не является всеобщим. Всеобщие разного уровня соотносятся друг с другом примерно так же, как бесконечный ряд четных чисел и бесконечный ряд натуральных чисел. Первый ряд, хотя и является "частью" второго, так же бесконечен, как и этот второй. Более того, указанные ряды равноможны, так как каждому элементу одного ряда соответствует элемент другого ряда. Разные всеобщие "ведут себя" подобным образом. Одно всеобщее может быть "частью" другого всеобщего и тем не менее оставаться всеобщим. Иерархия всеобщих разного уровня восходит как к своему пределу — к абстракции материи вообще. Все более и более "общие" всеобщие как бы теряются в дымке

этой абстракции. *Материя вообще* является всеобщим всех всеобщих, универсально-всеобщим или всеобщим универсумом.

Иерархия качественных уровней предполагает как отграниченность, разнообразие, многообразие предметов, так и их связь, общность, единообразие.

Ниже дана *диаграмма (структурная схема) категории "качество"*.

Существование качеств различной степени общности обнаруживает относительность различия качества и количества. Качественные различия на одном уровне выступают как количественные на другом, более общем уровне. Это позволяет измерять и соизмерять качественно различные объекты.

Качество и количество — взаимопроницающие противоположности. В качественных определениях необходимо

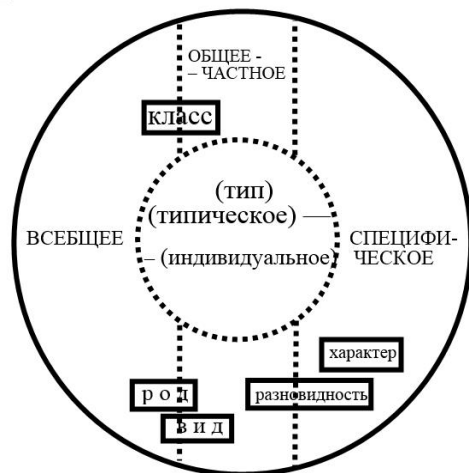

Рис. *Диаграмма (структурная схема) категории «К А Ч Е С Т В О»*

присутствует количественный момент. Так, мы говорим о качествах различной степени общности. Мы говорим также о качественном многообразии реальных объектов.

Как уже отмечалось во втором разделе, существует определенное соответствие между сторонами качества — всеобщим и специфическим — и сторонами количества — бесконечным и конечным. В таблице соответствий указаны и другие соот-

ветствия.

Структура качества, конечно, специфична, присуща только ему, но в то же время она имеет много общих черт со структурами других категорий.

Органические виды качества: типическое, индивидуальное, тип.

На диаграмме категории в центре обозначен пунктирной линией круг. В пределах этого круга соответственно общей наглядно-логической схеме отображения структуры категории должна располагаться субкатегория или субкатегории, которые осуществляли бы органический синтез, опосредствование противоположных сторон качества и характеризовали бы качественную определенность органических видов материи (организмов и их сообществ). Что же это за субкатегории? Пожалуй, к таким субкатегориям можно отнести понятия "*типическое*" и "*индивидуальное*". Эти понятия при всем своем сходстве с понятиями общего и специфического существенно отличаются от последних. Отличие заключается в феномене опосредствования.

Типическое — это общее, опосредованное специфическим. Его формула: $T = (Об — Сп — Об)$.

Индивидуальное — это специфическое, опосредованное общим. Его формула: $I = [Сп — Об — Сп]$.

Поясним смысл указанных опосредствований на примере создания художественного образа в искусстве.

Если художник хочет показать в своем произведении какие-то типические черты в поведении и облике людей, то он должен воплотить создаваемые типы в неповторимые художественные образы во всей их конкретности и специфичности. Индивидуальное в типическом характере не есть нечто внешнее; это не привесок к родовой или социальной сущности в виде отдельных странностей или отклонений от правил. Каждый человек — неповторимая индивидуальность. Отсюда многообразие типических характеров, выражающих один и тот же тип человека. В. Г. Белинский отмечал, что, например, такая черта характера, как скупость, может быть воплощена художником в самых различных образах. "Плюшкин Гоголя гадок, отвратителен — это лицо комическое. Барон Пушкина ужасен — это лицо трагическое... Оба они пожираемы одною гнусной страстью и все-таки несколько один на другого не похож, потому что и тот, и другой — не аллегорическое олицетворение выражаемой ими идеи, но живые лица, в которых

общий порок выразился индивидуально, лично"¹. Как видим, чтобы общее стало художественно типическим, оно должно быть опосредовано специфическим, т. е. индивидуализировано.

Теперь возьмем другой случай опосредствования: специфического общим. Нередко в своих творческих исканиях художники идут от конкретных фактов, индивидуального, неповторимого и даже исключительного в реальной жизни и поднимаются до высокой степени художественного обобщения, типизации. Например, роман Л.Н. Толстого "Воскресение" начинался с "Коневской повести" (выражение самого Толстого) — того, что поведал известный юрист А.Ф. Кони автору романа об одном случае из судебной практики. В процессе работы над романом, осмысляя отношение Нехлюдова к Катюше Масловой, Толстой все большее внимание уделял проблеме не личных только, но прежде всего сословных, классовых связей и противоречий². В значительной степени благодаря этому роман после выхода в свет произвел, по словам Кони, "сильнейшее впечатление на души многих молодых людей" и заставил их "произвести по отношению к самим себе и к житейским отношениям нравственную переоценку ценностей"³. Если бы Толстой ограничился только сырыми фактами, сообщенными ему А. Ф. Кони, то мы имели бы в лучшем случае еще одну мелодраматическую повесть.

Специфическое, особенное, исключительное должно быть опосредовано общим, т. е. обобщено, чтобы стать в подлинном смысле художественно индивидуальным. Иначе это будет протокол, натурализм, фотография и все, что угодно, только не произведение искусства.

Выше мы говорили об индивидуальном и типическом в искусстве. Но и в жизни вообще они "функционируют" как взаимопосредствующие стороны сложной органической качественности. Сравнительно недавно, например, открыто явление *биологической индивидуальности*, связанное с самими основами жизни. Нашу биологическую индивидуальность опре-

¹ Белинский В.Г. Собр.соч. в трех т.т. Т. 3, М., 1954. С.622.

² См.: Маймин Е.А. Лев Толстой. М., 1978. С. 166.

³ Кони А.Ф. Избранные произведения в 2-х т.т. Т. 2, М., 1959. С. 276.

деляют антигены или белки тканевой совместимости. Иначе их называют "белками самости", как бы подчеркивая этим, что благодаря им каждый из нас остается самим собой¹. Однако биологическая индивидуальность и, соответственно, биологическая общность составляют лишь один аспект соотношения индивидуального и типического в человеке. Неповторимая индивидуальность человеческой личности и ее типические черты обусловлены также *социальными* условиями жизни, включенностью человека в общество. Возьмем, например, *социально типическое*. Это и профессиональная принадлежность, и сословно-классовая принадлежность, и национальная принадлежность и, наконец, принадлежность ко всему человеческому.

Теперь о понятии «тип». Это понятие чаще всего употребляется для характеристики сложноорганизованных объектов — биологических и, в особенности, социальных, человеческих. Оно далеко не равнозначно таким общим классификационным понятиям как "класс", "разряд", "вид". Вот что пишет по этому поводу Д.П. Горский:

"На основе понятия нечеткого множества можно ввести важное для обществознания понятие о типе. В обществознании оно сосуществует наряду с понятием о множестве (классе), а иногда и вытесняет его. Выработкой понятия типа в отличие от класса (множества) в истории науки и философии занимались некоторые ученые и философы (И. Гете, В. Дильтей)... С типами мы встречаемся уже на уровне биологии, но в еще большей мере в социально-культурном мире. Понятие о типе в отличие от множества (класса) было до сих пор неопределенным. Его можно уточнить следующим образом. В классической логике, как известно, элемент x принадлежит или не принадлежит множеству A . Характеристическая функция принадлежности элемента классу принимает лишь два значения: 1, когда x действительно принадлежит A , и 0, когда x не принадлежит A . По отношению к нечетким множествам этого сказать нельзя. Когда мы говорим, что элемент x принадлежит \underline{A} (\underline{A} — нечеткое множество), то это означает, что x принадлежит A лишь в известной степени. Выражение

$$\underline{A} = (x_1/0,2), (x_2/0), (x_3/0,3), (x_4/1), (x_5/0,8) \quad (1)$$

означает, что элементы x_1, x_2, x_3, x_4, x_5 , взятые из более широкого множества E , чем \underline{A} (куда последнее входит в качестве правильного подмножества), принадлежит нечеткому множеству \underline{A} с разной степенью. Так, x_1 принадлежит ему со степенью 0,2; x_2 со степенью 0

¹ См.: Говалло В.И. "Почему мы не похожи друг на друга. Очерки о биологической индивидуальности". М., 1984. С. 3.

(т. е. он не принадлежит ему); x_3 — со степенью 0,3; x_4 принадлежит ему со степенью 1 (т. е. принадлежит ему безусловно); x_5 — со степенью 0,8.

Пусть речь идет о людях (это то множество E , о котором мы рассуждаем). Нечеткое множество \underline{A} — множество высоких людей. Тогда наше выражение (1) можно прочесть так: человек x_1 из множества людей E является высоким лишь со степенью принадлежности 0,2 нечеткому множеству \underline{A} ; человек x_2 вообще невысок; человек x_3 — высок со степенью принадлежности 0,3; человек x_4 безусловно является высоким; x_5 — высокий лишь со степенью принадлежности 0,8. Элементы, принадлежащие \underline{A} со степенью 0, исключаются из \underline{A} .

Таким образом, если мы умеем в множестве E выделить элементы, которые безусловно (т. е. со степенью 1) принадлежат нечеткому множеству \underline{A} , и далее будет выяснено, что иные элементы E обладают этим свойством лишь с известной степенью принадлежности (и по этой характеристике мы можем упорядочить какие-то элементы E) то нечеткое множество \underline{A} будет представлять собой тип.

Так, нечеткое множество высоких людей есть тип, поскольку мы, исходя из практики и разумных соображений, можем выделить безусловно высоких людей, а остальных упорядочить по степени их принадлежности до той границы, за которой находятся безусловно невысокие люди (степень принадлежности их множеству $\underline{A} = 0$)...

Поскольку мы в общественных науках зачастую имеем дело не с множествами (классами), а с типами, то принцип абстракции к ним не применим. Для класса, как мы видели, любой элемент некоторого множества может быть представителем всего множества, так как все они становятся неразличимыми с точки зрения определенного свойства, по которому мы отождествляем предметы в множество. Когда мы имеем дело с типом, то различные элементы различным образом его представляют, характеризуют. Так, тип "страны, принадлежащие к рабовладельческой формации" наиболее полно и глубоко экземплифицируется, например, Грецией и Римом, но не другими странами, в которых рабовладение не проявилось в своей классической форме. Это означает, что *в общественноведении диалектика единичного и общего выступает в гораздо более сложной форме, чем в естествознании и математике*¹.

Если интерпретировать мысли Д.П. Горского в аспекте теории опосредствования, то суть дела будет выглядеть следующим образом. Тип не является таким же абстрактно общим как класс, поскольку он опосредован специфическим, т. е. поскольку он существует лишь при наличии *индивидов* (элементов, представляющих тип), которые наиболее полно воплоща-

¹ Горский Д.П. Обобщение и познание. М., 1985. С. 176-179.

ют в себе тип. Д.П. Горский говорит об этом несколько раз. Тип как определенный класс существует лишь при наличии *индивидов-типов* (одного или нескольких). Индивиды-типы — это такие индивиды, в которых тип экземплифицируется наиболее полно и глубоко. Д.П. Горский называет их в частном случае "классическими образцами", т. е. образцами, в которых черты типа "реализуются в своей полной и наиболее развитой форме". Здесь налицо глубокое опосредствование общего специфическим. Ведь индивид специфичен. Реально существующий индивид-тип представляет собой органическими синтез общего и специфического (типического и индивидуального). И только благодаря этому синтезу существует *тип*.

Качество как ценностно-практическая категория

Особое место в системе субкатегорий качества занимают понятия, которые хотя и обозначаются словом "качество" имеют отчетливо специфический смысл. Это понятия "качество продукции", "качество товара", "качество труда", "качество жизни" и т. д. Для всех этих понятий характерно то, что они имеют *ценностно-практический* аспект, т. е. включены в систему ценностно-практических отношений человека к действительности. Еще Аристотель писал о хорошем и плохом качестве. К сожалению, с тех пор пути философской категории качества и ценностно-практического понятия качества разошлись. В "Науке логики" Гегеля ценностно-практический аспект категории вообще не рассматривается. Это и неудивительно. Для философии Гегеля и для многих других философских учений нового времени характерен определенный крен в сторону гносеологизма, т. е. абсолютизации познавательного отношения человека к миру. Почти то же мы наблюдаем и сейчас. В философской литературе, посвященной исследованию категории качества, философский и гносеологический аспекты этой категории, как правило, отождествляются. Это вызвано тем, что категория качества рассматривается философами преимущественно в аспекте познания (как объект и средство познания). Без внимания остается другой немаловажный аспект категории — ее функционирование в сфере практики. Дело доходит до того, что некоторые наши философы высказывают сомнение в существовании *связи* проблем качества

продукции с философской категорией качества. Они даже задают вопрос: не имеем ли мы дело здесь с *омонимами*, т. е. с понятиями, которые совпадают по звучанию и написанию, но совершенно различны по содержанию. Вообще такой взгляд знаменателен. Он сам является следствием определенного разрыва между философскими и научно-практическими исследованиями проблемы качества.

В последние десятилетия в условиях научно-технической революции резко возросло значение проблемы улучшения качества жизни, качества предметной среды, преобразуемой трудом человека. Технические, социально-экономические и экологические потребности общественного воспроизводства послужили мощным стимулом к разворачиванию научно-практических исследований проблемы качества, которые в свою очередь подталкивают философов к осмыслению этой проблемы. Это вызывается, с одной стороны, настоятельной необходимостью решения методологических вопросов, стоящих перед учеными-практиками, а с другой, новым обширным материалом, который доставляет практика философии. Этот материал совершенно по-новому освещает многие проблемы философии качества.

Философского осмысления практических проблем качества требует и сама философия. Ведь категории — не только средство познания, объяснения. Как орудия мыслительной деятельности они активно "участвуют" в практическом освоении мира. Поскольку философская категория качества является всеобщей и охватывает все многообразие качественных состояний материи, постольку она служит общей основой и для качества как объекта и средства познания, и для качества как практической категории (объекты или средства целенаправленного воздействия). Человек не только исследует, познает качественную сторону объективного мира, не только вырабатывает и применяет качественные методы познания, но, будучи существом практически действующим, целенаправленно изменяет, преобразует качественную сторону материальной реальности, творит новый мир качеств. Реальная качественность выступает перед ним, с одной стороны, как гносеологический феномен, а с другой, как средство удовлетворения практических потребностей, как объект практического воздействия. Вполне понятно, что качество продукта труда совсем

иное понятие, чем то, которое функционирует в естественно-научном познании. С ним связаны определенные специфические проблемы, которые не могут быть решены в рамках гносеологического анализа. Это такие проблемы как проблема улучшения качества продукции, проблема управления качеством, экономика качества, оценка и измерение качества, стандартизация.

Качество и межкатегориальные понятия

Помимо собственно качественных понятий, выражающих различные аспекты категории качества, существуют такие понятия, которые носят *межкатегориальный* характер, т. е. объединяют в себе качественные и иные категориальные определения. Это хорошо видно на примере понятия "качественное изменение". Само выражение "качественное изменение" говорит за себя. Понятие объединяет две категориальные формы: *качество* и *изменение*. Имеются и другие понятия, употребляемые для характеристики качественных изменений, — это *превращение, возникновение, уничтожение, скачок* (сравн. аналогичные количественные понятия: количественное изменение, рост, увеличение, уменьшение, размножение).

Существует целый класс *качественно-пространственных* понятий. К ним принадлежат такие понятия как *линия, фигура*. Все геометрические формы, фигуры являются в известном смысле пространственными качествами. Также и геометрические подобия между ними являются *пространственно-качественными отношениями*.

Некоторые философы рассматривают любые пространственные определения как количественные. Это, конечно, неверно хотя бы уже потому, что пространство не является субкатегорией количества. Оно является *иным* категориальным определением и по отношению к качеству, и по отношению к количеству.

Если отказаться от понимания пространства как абстрактно-чувственной, внешней категории, и от понимания качества как конкретно-чувственной, специфицирующей категории, то мы увидим целый мир качественно-пространственных определений и отношений. Возьмем такие геометрические фигуры как *треугольник* и *круг*. Различие между ними носит отчетливо качественный характер. Они, конечно, могут различаться и

количественно (по площади, по длине периметра). Однако, если количественное различие их можно свести на нет (при равенстве площадей и периметров), то качественное различие между ними непреодолимо. Количественная несоизмеримость некоторых пространственных величин (например, диаметра и окружности, гипотенузы и катетов треугольника) обусловлена как раз качественным различием этих величин (различием между прямой и кривой линией — в случае диаметра и окружности, и различием между прямой и ломаной линиями — в случае гипотенузы и двух катетов). Интересно сопоставить качественно-пространственные отношения подобия и неподобия линий, фигур с количественно-пространственными отношениями равенства (пропорциональности) и неравенства (непропорциональности) длин, площадей, объемов. Здесь мы наблюдаем определенное соответствие между указанными отношениями (как и в случае качественных и количественных изменений).

Существуют также и *качественно-временные* понятия. Например, *период* и *ритм* (в противоположность количественно-временным понятиям, таким как длительность, течение времени, последовательность). В самом деле, некоторые реальные относительно замкнутые процессы имеют соответствующее замкнутое, круговое время, которое обычно именуют *периодом* (например, год — период обращения Земли вокруг Солнца или сутки — период обращения Земли вокруг своей оси). Период выражает некоторую целостность временного порядка. Чем круг является в сфере пространства, тем период — в сфере времени. Примерно такой же смысл имеет понятие *ритм*.

Ритм, как и период, выражает целостность временного порядка. Целостность же — не количественное, а качественное определение, точнее она соответственна качеству и антисоответственна количеству (см. выше, раздел второй, таблицу соответствий).

Категория качества рефлексивирует, отражается кроме рассмотренных и в других категориях. В последующих параграфах и разделах мы будем по мере возможности выявлять межкатегориальные понятия, соединяющие качественные и иные категориальные определения.

Качественные формы деятельности

Будучи одной из основных категорий мышления качество несет на себе огромную методологическую нагрузку. Методологическая функция этой категории выступает в различных специфически *качественных* формах мыслительной, познавательной и практической деятельности. Последние суть не что иное как *межкатегориальные* формы, объединяющие, по крайней мере, две категории: *качество* и *деятельность*. К ним относятся:

- 1) аналогия, теория подобия, моделирование;
- 2) дедукция, индукция, обобщение, ограничение;
- 3) классификация (классифицирование).

Самые общие соображения таковы. Все эти формы деятельности основаны на использовании того или иного соотношения сторон качества (всеобщего, общего, частного и специфического). Аналогия, теория подобия и различные формы моделирования основаны на движении от одного специфического или частного к другому специфическому (частному) через общее, выступающее в этом случае как *подобие* (*подобное*). Дедукция и ограничение основаны на движении от всеобщего и общего к частному, специфическому. Индукция и обобщение основаны на движении от специфического и частного к общему. Различные формы классификации основаны на обоюдном движении — от специфического и частного к общему и всеобщему и от всеобщего (общего) к частному и специфическому.

Качественные формы деятельности взаимодействуют с количественными, в различной степени включают их в себя, опосредуются ими.

Подобие, моделирование, аналогия

Общее в (мыслимых и действительных) отношениях между объектами выступает как *подобие*. Понятие подобия играет в качественных методах примерно такую же роль, какую понятие *равенства* — в количественных методах.

На понятии подобия строится, как известно, *теория подобия* учение об условиях подобия объектов и методах их математического описания.

На понятии подобия и его производных (изоморфизма и гомоморфизма) строятся также различные *методы моделиро-*

вания.

Теперь об *аналогии*. Эта форма носит характер универсальной мыслительной процедуры, в которой качественное отношение подобия выступает в самом общем виде. Аналогия или аналогизирование как способ мышления одинаково применяется и в познавательной, и в практической, и в художественной деятельности. Аналогизирование является мыслительным ядром во всех специальных формах, приемах и методах деятельности, связанных с использованием качественного уподобления объектов.

Аналогия имеет иерархический характер соответственно иерархии качественных уровней, как это мы наблюдаем в объективном мире. Может быть более общая и более глубокая аналогия, а может быть менее общая и менее глубокая аналогия.

Аналогизирование, являясь мыслительным процессом самого общего характера, может выступать и выступает в различных и даже противоположных формах, способах мышления. Многие исследователи, например, подчеркивают важную роль аналогии в интуитивном мышлении. Но аналогия является важным инструментом и логического мышления. Как логически осмысленный процесс она выступает либо в виде *умозаключения по аналогии* либо в еще более сложной форме — в виде *метода аналогии*.

Классификация (классифицирование)

Классификация дала миру биологическую систематику, периодическую систему химических элементов, систему пространственных групп симметрии Е.С. Федорова, систематику элементарных частиц. Без классификации объектов и средств деятельности невозможно и шага сделать в сфере практики. Такая роль классификации в науке и жизни обусловлена тем, что ее базисом служит объективно-реальная иерархия качественных уровней (типов, видов, родов, классов), пронизывающая все "этажи" материи.

Выше отмечалось, что классификация как специфически качественный способ деятельности означает в своей основе двустороннее движение мысли от специфического и частного к общему и всеобщему и от последних к частному и специфич-

ческому (как бы движение вверх-вниз по лестнице качеств). Это значит, то она ориентируется и на общие, сходные черты предметов и на специфические, отличительные черты. Между тем в определениях классификации мы встречаемся с односторонними и потому противоположными, взаимоисключающими точками зрения. Одни авторы определений фиксирует внимание на моменте общего, сходного. Другие фиксируют внимание на моменте отличия. Дело не только в различных односторонних определениях, а в том *как понимать классификацию*. За односторонними определениями скрываются различные подходы. Одни исследователи сближают классификацию с индукцией, рассматривают ее по существу как частный вид индукции. Другие оценивают ее как дедуктивный процесс, как членение, деление, разделение.

Классификация включает в себя элемент деления понятий (т. е. дедуктивный процесс), но не сводится к нему. Конечно, классификация может быть и сравнительно простой операцией (если мы имеем дело с хорошо знакомыми объектами и классифицируем по произвольно выбранным признакам). Но если понимать ее как способ *осмысления, постижения* реальности, как форму *научного познания, научной оценки*, то мы должны признать, что это может быть весьма сложная форма мыслительной деятельности, опосредствованная другими формами и методами деятельности. Глубина и сложность классифицирования зависит от того, *кто* классифицирует, *с какой целью* и *что* классифицирует. Ситуация здесь такая же, как и в случае пользования аналогией. Могут быть пустые, вздорные, поверхностные аналогии, а могут быть глубокие, серьезные, научно или практически значимые аналогии. Может быть пустое, произвольное классифицирование, игра в классифицирование, а может быть классифицирование, которое опирается на всю сумму знаний — теоретических и эмпирических. Таким классифицированием как раз и занимался Д.И. Менделеев, когда распределял химические элементы по рядам и периодам, расставлял их по определенным местам в системе.

Последние 100-150 лет ознаменовались эпохальными достижениями метода классификации. Триумфальное шествие он начал с открытия периодической системы химических элементов. Ученые явственно осознали громадное эвристическое значение метода. Затем, как верстовые столбы, появились тео-
100

рия пространственных групп симметрии Е.С. Федорова, периодическая система атомов, теория унитарной симметрии и развившаяся на ее основе теория кварков.

Эти достижения метода классификации не случайны. Они обусловлены как раз фундаментальной ролью категории качества, лежащей в основе метода, и тем, что из всех качественных методов он наиболее полно выражает суть категории. В самом деле, что такое иерархия качественных уровней как не реально существующая классификационная система, которую ученые не совсем точно называют естественной классификацией.

Метод классификации следует отличать от системного подхода. Их нередко рассматривают под общей шапкой "системных исследований". Путаницу вносят также термины "систематика" и "систематизация", которые часто употребляются как синонимы классификации и классифицирования. Порой и ученые, открыватели классификационных систем, именуют их просто системами. Менделеев, например, называл свою периодическую систему "естественной системой химических элементов". Ясно, однако, что периодическая система химических элементов является *классификационной* системой, а не системой в смысле упорядоченного объединения взаимодействующих элементов.

Системный подход основывается на категории "система", определяемой в рамках семейства "система-структура-элементы". Метод классификации имеет дело с иерархией качественных уровней, для обозначения которой нет какого-то одного устоявшегося термина. Ее называют то естественной классификацией, то систематикой, то классификационной системой, то просто системой. Чтобы устранить разноречивую терминологию и не смешивать два различных подхода (классификацию и системный подход), предлагаем называть объекты классифицирования специальным термином — "*классема*"¹. Поскольку "классы", "типы", "роды", "виды" являются по сути *подразделениями* классемы, ее можно определить как упорядоченную совокупность разных уровней общности классов,

¹ Термин образован в результате соединения слов "*класс*" и "*система*". Такое соединение слов вполне логично. Ведь классема и есть классификационная система или система классов.

типов, родов, видов и подобных им понятий. Короче говоря, классема есть иерархия качественных уровней. Если мы еще не познали, не открыли классему, то, значит, качество предстает перед нами как эмпирическая, фиксируемая в чувственном созерцании определенность предмета. Классема есть именно *иерархия* качественных уровней — от специфического и частного до самого общего. Замыкание накоротко самого частного и самого общего уровней не является еще познанием классемы. Например, химики задолго до Менделеева знали, что железо — металл и более того, что оно принадлежит к классу химических элементов. Однако, от этого знания до классемы Менделеева — дистанция огромного размера. Нужно было установить все звенья, все подразделения классемы, чтобы действительно познать ее, не как формальнологическую родо-видовую иерархию, а как естественно упорядоченную совокупность подразделений, иерархию качественных уровней.

Введение специального термина для обозначения объекта (результата) классификации решает также проблему разграничения метода, процесса классификации объекта, результата классификации. Стараясь проводить различие между тем и другим, ученые не нашли ничего лучшего как употреблять слово "классификация" в смысле "классификационная система", прибавляя при этом эпитеты "естественная" или "искусственная". А для обозначения самого метода, процесса классификации они стали употреблять громоздкое слово "классифицирование". В этом слове какое-то нагромождение суффиксов и окончаний. Ведь слово "классификация" и означает буквально "делание классов", "распределение по классам". Вот для того, чтобы классификацию не называть классифицированием, и предлагается естественную или искусственную "классификацию" (классификационную систему) называть специальным термином — классемой. Тогда термин "классификации" можно будет использовать исключительно по своему назначению, как распределение по классам, т. е. как метод, процесс классификации.

Классификация в настоящее время широко используется в самых различных сферах человеческой деятельности. Прежде всего она существует как род познавательной деятельности. Ее целью и результатом в этом случае является открытие

102

естественной классификационной системы (классемы).

В отдельных случаях в качестве вспомогательного познавательного средства применяется искусственная классификационная система. Такой системой в свое время была классификационная система растений Карла Линнея. Сам Линней хорошо понимал искусственность своей системы, но считал, что "искусственные системы необходимы, если нет естественной"¹. Линней всю жизнь работал, чтобы найти естественные классы вместо искусственных: "Искусственная система служит только, пока не найдется естественная. Первая учит только распознавать растения, — говорил он, — вторая научит нас самой природе растения"². Естественная система должна строиться на "естественном методе" — таков был научный замысел Линнея. Задачи ботаников, полагал он, найти естественные классы, естественные порядки, то есть такие группировки растений, которые создала сама природа.

Классификация существует и как род практической деятельности. Ее результатом является создание классификационной системы, служащей целям ориентирования в условиях многообразия. Такая система является либо целиком искусственной, либо смешанной — искусственно-естественной. Примером практической классификационной системы является классификатор промышленной и сельскохозяйственной продукции.

На базе общей идеи классификации формируются различные частные направления: таксономии, типология, районирование, периодизация, сортировка и т. д.

Здесь упомянуты лишь некоторые виды классификации. Развивающаяся в настоящее время наука о классификации (классиология) должна решить нелегкую задачу — методологическое и теоретическое осмысление, упорядочение пока еще хаотического, весьма разнородного материала, который дает классификационное движение в различных областях науки и практики.

¹ См.: Корсунская В.М. Карл Линней. М., 1984. С. 60.

² См. там же.

322.3. Количество

В структуре материи количество занимает такое же место, как и качество. Оно является ближайшим определением, стороной материи, соотносительной с качеством.

Количество нельзя рассматривать как не-качество, т. е. нельзя изображать отношения качества и количества в смысле простого отрицания, по принципу "А и не-А".

Количество и качество противоположны друг другу как *стороны* материи и в то же время суть одно, поскольку их общей основой, носителем является *материя*.

Структура количества

На следующей странице дана *диаграмма (структурная схема) категории "количество"*. Из этой диаграммы видно, что сторонами или моментами количества являются, во-первых, бесконечное и конечное, и, во-вторых, непрерывное и дискретное. Отсюда следуют два «внутренних» (структурообразующих) определения категории:

1. *Количество есть единство бесконечного и конечного.*

2. *Количество есть единство непрерывного и дискретного.*

Эти определения количества выражают разные аспекты категории. Они дополняют друг друга. Между ними имеется определенное *соответствие*. Бесконечное соответственно непрерывному. Конечное — дискретному.

В самом деле, непрерывное или континуальное таит в себе бесконечность. Мысленно его можно делить на сколько угодно частей, до бесконечности. С другой стороны, бесконечное по своей природе континуально. Круг, являющийся образом бесконечности, образован *непрерывной* линией, не отрезком линии, а именно *нигде не прерывающейся* линией.

Дискретное делимо лишь до определенного *предела*, значит оно конечно. Иными словами, дискретное есть *взаимоко-нечное*, т. е. взаимопределиение, взаимограничение, взаимо-оконечивание конечных. Одно ограничивает, оконечивает другое; это другое делает конечным третье и так далее. Ряд оконечивающих друг друга конечных есть как раз дискретное. Или, по-другому, всякое дискретное — это сосуществующие или следующие друг за другом конечные. Для каждого конечного должно быть *другое* конечное. Они *вместе* и в то же вре-

мя *разделены*. Разделенность конечных и есть прерывность, дискретность.

Структура количества аналогична структуре качества. Бесконечное и конечное соответствуют всеобщему и специфическому. Чем в сфере качества является всеобщее, тем в сфере количества — бесконечное. Всеобщее есть качественное выражение бесконечного. Бесконечное есть количественное выражение всеобщего. То же можно сказать о специфическом и конечном. См. об этом выше, п. 2.2. Бесконечное и конечное, непрерывное и дискретное соответствуют всему ряду категорий и понятий, указанных в *таблице соответствий* (см. п. 2.1.).

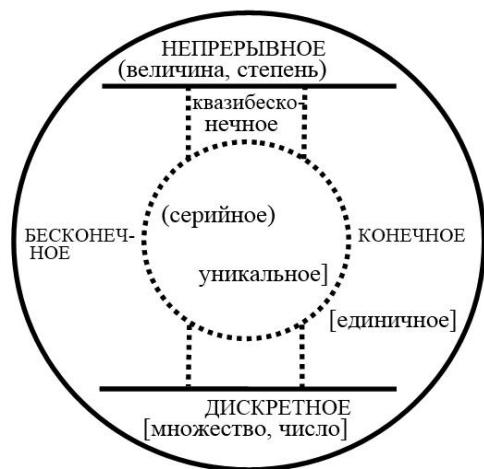

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «К О Л И Ч Е С Т В О»

Бесконечное, непрерывное *соответственны*: материи, качеству, телу, пространству, движению в пространстве, целому, системе, всеобщему, классу, типу, роду, подобию, равенству, симметрии, обратимости, "кругу времени", покою, сохранению, тождеству, внутреннему противоречию, связи, действительности, эволюции, закону, порядку, необходимости, вещи, абсолютному.

Конечное, дискретное *соответственны*: движению, количеству, группе тел, времени, движению во времени, части, элементу, специфическому, характеру, неподобию, неравенству, асимметрии, необратимости, "стреле времени", перемещению, изменению, различию и противоположности, внешнему противоречию, столкновению, возможности, революции, явлению, беспорядку, случайности, отношению, относительному.

Особо отметим ответственность бесконечного и непрерывного качеству, конечного и дискретного — количеству. Из этих соответствий следует, что в *количестве акцент падает на конечное, дискретное*, а бесконечное и непрерывное — это та сторона количества, которая его, так сказать, *окачивает*.

Стороны количества: конечное и бесконечное

Итак, с нашей точки зрения конечное и бесконечное являются сторонами количества, т. е. *количественными* определениями.

Философы и ученые всегда пытались осмыслить конечное и бесконечное в аспекте субординации категорий, подчиненности их какой-то одной категории. Чаще всего они относили их к категории количества, рассматривали как количественные определения.

Существует, однако, и другая традиция — рассматривать конечное и бесконечное как самостоятельные категории, которые помимо количественного имеют качественный, пространственно-временной и иные аспекты. Наиболее ярким представителем этой традиции является Гегель.

Итак, абстрактно можно представить три варианта соотношения количества и пары "конечное-бесконечное":

- 1) конечное имеет всецело количественное содержание; бесконечное же имеет другой категориальный статус;
- 2) конечное и бесконечное — самостоятельная пара категорий и соотносятся с количеством лишь в каком-то одном аспекте;
- 3) конечное и бесконечное — подчиненные моменты количества.

Первый вариант не может быть принят по той причине, что он разрывает пару "конечное-бесконечное", относя конечное к количеству, а бесконечное к другим категориям (в частности, к качеству). Если мы говорим о качественном бесконечном, то по логике вещей должны говорить и о качественном конечном. Ведь конечное и бесконечное — соотносительные, взаимоопределяемые категории и одна без другой не существует. Их нельзя распределять по разным категориальным семействам.

Каким-то оправданием для отнесения конечного к количеству, а бесконечного к качеству является лишь то, что конеч-

ное *соответственно* количеству, а бесконечное — качеству. Но соответственность не есть принадлежность или подчиненность одного другому.

Теперь о втором варианте соотношения категорий. По нашему мнению конечное и бесконечное не могут быть признаны самостоятельной парой категорий, иначе они "повисают в воздухе", т. е. оказываются "вне игры" как подсистема категорий мышления. Включенность тех или иных категорий в систему категорий, в категориальную логику означает их подчинение какой-то более общей и фундаментальной категории. Если мы говорим только о коррелятивных связях пары "конечное-бесконечное" с другими категориями, то нельзя тогда говорить об их включенности в *систему* категорий и вообще о *системе* категорий. Система необходимо предполагает не только корреляцию элементов, но и их иерархию, субординацию, соподчиненность. Если конечное и бесконечное — противоположные категории, то спрашивается, противоположными определениями, моментами, сторонами *чего* они являются? На этот вопрос нет ответа у тех, кто считает их самостоятельной парой категорий.

Итак, какая более фундаментальная категория является носителем конечного и бесконечного как противоположных определений?

У Гегеля в "Науке логики" конечное и бесконечное рассматриваются как категории (определения) бытия, но их статус не определен так четко, как статус качества, количества и меры. Они как бы "вкраплены" в состав указанных категорий. Более того, у него фактически получаются *две пары* конечного и бесконечного: *качественные* конечное и бесконечное и *количественные* конечное и бесконечное. Гегель, так сказать, разорвал понятия конечного и бесконечного на две части и одну отнес к качеству, а другую — к количеству. Разрыв мы видим, а вот *единых, цельных* категорий конечного и бесконечного у Гегеля нет.

В нашей философской литературе вопрос о подчиненности конечного и бесконечного более общей, фундаментальной категории по-настоящему не обсуждался и до сих пор остается открытым.

Остается, таким образом, лишь один вариант — рассматривать конечное и бесконечное как частные определения, точ-

нее, как противоположные моменты, стороны количества. На этот вариант указывает преобладающая философская и научная традиция, о чем говорилось выше. На этот же вариант указывает логика системного подхода к категориям, *категориальная логика*. Конечное и бесконечное должны занимать определенное место в иерархической системе категорий, т. е. должны быть "привязаны" к какой-то одной конкретной категории, которая была бы их "родительской" категорией. Из фундаментальных категорий на эту роль больше всех "претендует" *количество*.

Таковы общие соображения, касающиеся определения количества как единства конечного и бесконечного.

Моменты количества: дискретное и непрерывное

То, что дискретное и непрерывное — ближайшие определения, моменты количества, было известно давно, со времен Аристотеля, т. е. с тех пор, как категория количества стала предметом философской рефлексии.

Между тем, многие философы до сих пор рассматривают дискретное и непрерывное вне рамок количества, как самостоятельные категории. Это зафиксировано даже в философских словарях и энциклопедических изданиях.

Здесь примерно такая же ситуация, как и в случае с конечным и бесконечным. Осознанию философами факта принадлежности пары "дискретное-непрерывное" категории количества мешает прежде всего отсутствие ясного понимания того, что категории — ступени в иерархической системе категориальной логики и в свою очередь имеют внутри себя иерархическую структуру. У Аристотеля идея иерархии категорий не выражена явно; она как бы спрятана среди других идей связи категорий (например, идеи парности категорий, идеи связи категорий через промежуточные звенья). Гегель дает уже более четкое представление об иерархии категорий. И все же последующая философия так и не развила гегелевскую идею иерархии категорий, не осмыслила ее как всепроникающую основу категориальной логики (достаточно сказать, что сама идея систематизации категорий до сих пор подвергается нападкам со стороны определенной части философов). Вот почему найденные Гегелем некоторые иерархические зависимости категорий не оценены должным образом, не исследовались и о них про-

сто забыли. Это касается и принадлежности пары "дискретное-непрерывное" категории количества.

Независимые определения, с одной стороны, понятий дискретного и непрерывного, а с другой, — понятия количества отнюдь не способствуют уяснению их категориальной сущности и, напротив, вносят путаницу в их понимание.

Реальное количество не существует иначе как дискретное и непрерывное, *в виде* множества, числа, величины, степени. Процедура счета фиксирует дискретное количество, процедура измерения — непрерывное количество. Чисто количественный вопрос "сколько?" задается именно по отношению к дискретному количеству. Другой чисто количественный вопрос — "в какой степени?" — задается обычно по отношению к непрерывному количеству. Количественные отношения "больше", "меньше", "равно" имеют реальный смысл лишь в операциях сравнения, базирующихся на учете (совместном использовании) дискретной и непрерывной составляющих количества.

Часто встречающиеся в литературе, в справочных изданиях *операциональные* определения количества и определения его *через перечисление* также указывают на наличие в количественной определенности дискретной и непрерывной составляющих.

Что же такое дискретное и непрерывное как моменты количества? Ясно, что это не виды количества. Всякое *реальное* количество есть некоторая количественная целостность, целокупность, которая существует только благодаря *единству* дискретного и непрерывного. Последние — стороны, "части" количества. Как нельзя представить реку без двух берегов, атом без электронной оболочки и ядра, так и количественную определенность нельзя представить без дискретной и непрерывной составляющих. Только в мыслях, в абстракции можно представить чисто дискретное или чисто непрерывное количество.

А что же является *видами* количества? Можно ли говорить о разных видах количества. Можно и нужно! Совершенно очевидно, что реальное количество бывает разным и, следовательно, его можно классифицировать по видам.

Виды количества: множество, величина, число, степень и т. д.

В самом деле, мы можем наблюдать, с одной стороны, реальные *совокупности*, *множества* разрозненных тел (например, груды камней, множество деревьев, звезд на небе, толпу людей), а, с другой, реальные *величины* отдельных тел, представляющие собой некоторую нераздельную (непрерывную) количественную определенность (величину отдельного камня, размеры отдельного дерева, степень яркости отдельной звезды, рост отдельного человека). Между этими крайними видами количества (множеством и величиной) — целый спектр промежуточных, переходных видов.

Различие между указанными видами количества — не выдумка людей, не плод абстрагирующей способности их мышления. Эти виды на самом деле существуют как реальные виды количества. Когда мы режем батон хлеба на отдельные куски, то осуществляем совершенно реальную операцию, преобразующую непрерывное количество целого батона в дискретное множество отдельных кусков хлеба. Когда мы с помощью горячего прессования превращаем металлический порошок в сплошной металл, то осуществляем операцию преобразования дискретного количества, множества металлических частичек в непрерывное количество цельного металлического изделия. Чтобы преобразовать реальную величину в реальное множество и наоборот, нужны порой значительные усилия или особые условия. Таковы, например, ядерные реакции распада и синтеза. С точки зрения количества реакции являются ничем иным, как формами преобразования одного вида количества в другой (в случае распада — величины в множество; в случае синтеза — множества в величину).

Поскольку *всякое* количество — единство дискретного и непрерывного, постольку *разные виды* количества образуются не иначе как в результате *различных сочетаний* этих сторон количества. В *множестве* преобладает дискретная составляющая; это — *дискретно-непрерывное* количество. В *величине* преобладает непрерывная составляющая; это — *непрерывно-дискретное* количество. Таковы *реальные* множество и величина.

Реальное множество не является чисто дискретным количеством. Оно всегда есть некоторая целокупность элементов,

а, значит, некоторая непрерывность. Множество не было бы множеством, если бы составляющие его элементы были абсолютно разделены, отделены друг от друга как нечто чисто прерывное. Ведь в этом случае его нельзя было бы отделить, отграничить от других множеств. Действительность же такова, что реальные множества отделены друг от друга и в гораздо большей степени, чем элементы самих множеств. Например, груды камней, лесные массивы, газовые оболочки Земли и Венеры. В случае, если множества не отделены друг от друга в большей степени, чем элементы внутри них, происходит неизбежное смешение этих множеств (например, диффузия газов) и образуется *одно* множество.

Так же и *реальная величина* не является чисто непрерывным количеством. Дело в том, что о большей или меньшей величине можно говорить лишь по отношению к *другим* величинам. А это значит, что мы должны выйти за рамки данной величины, прервать непрерывное, чтобы определить его значение (величину). Реальная величина не является абсолютно непрерывной и в том смысле, что ее всегда (в принципе) можно разделить, раздробить, рассечь, поскольку она — величина целого, которое по определению состоит из частей.

Вслед за Аристотелем мы называем противоположные виды количества *множеством* и *величиной*. Эти термины как нельзя лучше подходят для обозначения *дискретно-непрерывного* и *непрерывно-дискретного* количеств.

Следует, однако, иметь в виду, что «множество» и «величина» служат не только для обозначения *реальных* видов количества. В математике и других науках они используются для выражения отвлеченных понятий, специфических абстракций. Математическое понятие величины по содержанию гораздо *уже* общего понятия величины. Так же и понятие множества, используемое в теоретико-множественной математике, имеет ограниченное, специфическое содержание, определяемое системой аксиом Цермело-Френкеля. Соотношение общих (или философских) понятий величины и множества и конкретно-научных понятий величины и множества — особая проблема. Смешивать эти два типа понятий ни в коем случае нельзя. По сравнению со вторыми первые неизмеримо богаче по содержанию, хотя и менее определены, точны. Первые отражают все бесконечное многообразие реальных величин и множеств,

данное в человеческом опыте, известное человеку и еще неизвестное. Вторые отражают лишь какие-то аспекты реальных величин и множеств в рамках тех или иных теоретических конструкций. Конкретно-научные понятия величины и множества могут лишь асимптотически приближаться по содержанию к философским понятиям величины и множества, никогда не сливаясь с ними.

К видам количества относятся также *число* и *степень*. Интуитивно ясно, что в числе преобладает дискретная составляющая количества, а в степени — непрерывная составляющая.

Количество и межкатегориальные понятия

Количество помимо основного, категориального значения, воплощенного в термине «количество», имеет еще различные отраженные (рефлексивные) значения, зафиксированные в межкатегориальных понятиях. Категория количества отражается практически во всех других категориях, не принадлежащих к семейству "качество-мера-количество". Это можно видеть на примере некоторых межкатегориальных понятий, приведенных в таблице ниже:

<i>родительские категории</i>	<i>Межкатегориальные понятия, фиксирующие отраженные значения категории "количество"</i>
ПРОСТРАНСТВО	протяженность (длина, ширина, глубина, высота, площадь, объем), расположение, граница, безграничное
ВРЕМЯ	длительность (миг, мгновение, секунда, минута, час, сутки, год, эра) последовательность, преходящее, вечность.
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, ДВИЖЕНИЕ	скорость, быстрота, ускорение, замедление
ИЗМЕНЕНИЕ	увеличение, уменьшение, деление, размножение
РАЗВИТИЕ	рост организма, деление клетки, размножение организмов, вымирание
ПРОТИВОРЕЧИЕ	минимумы и максимумы противоречий, нарастание противоречия, минимизация противоречия
ВОЗМОЖНОСТЬ	вероятность наступления события, степень риска
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	счет, вычисление, измерение (сложение, вычитание, умножение, деление, возведение в степень, извлечение кор-

В аристотелевском делении количества на количество в собственном смысле и количество, присущее другим категориальным формам, мы видим зачаток представления о существовании наряду с основным, категориальным значением рефлексивных значений количества.

Многие философы, особенно те, которые следовали аристотелевской традиции, признавали такое деление количества. Например Ф. Бэкон, Т. Гоббс.

Различение двух типов количественных определений (собственных и рефлексивных) позволяет решить проблему отграничения категории количества от других категориальных форм. Это касается прежде всего проблемы отграничения количества от пространства (и времени). Декарт в свое время полагал, что количество и протяженность, т. е. пространство, тождественны. Гегель также склонялся к взаимоопределению количества и пространства. Это и понятно. До недавнего времени непрерывное количество изучалось математикой почти исключительно на материале пространственных отношений и фигур. Само понятие *величины* было по своему происхождению количественно-пространственным; оно прежде всего указывало на пространственные размеры материальных объектов. Однако, по мере накопления эмпирического материала по непространственным формам количества, математики стали пытаться рассматривать количественные понятия независимо от пространственных представлений. Г. Кантор, пишет А. О. Маковельский, в своих математических работах "показал, что понятие непрерывной величины может быть построено независимо от данных нам в чувственной интуиции времени и пространства, что отправляясь от понятия прерывной величины, можно при помощи чистой логической конструкции достигнуть понятия непрерывной величины"¹. Б. Рассел, философ и математик, в своей "Истории западной философии" критиковал пространственное понимание чисел, которое отстаивал А. Бергсон. По мнению Б. Рассела понятие числа и вообще понятие множества не включают в себя пространствен-

¹ Маковельский А.О. Досократики. Ч. 2, Казань, 1914. С. 71.

ные представления¹. В свете сказанного представляются неоправданными попытки некоторых отечественных философов приписывать количеству пространственные и иные категориальные характеристики.

По нашему же мнению корень приписывания количеству пространственных, временных и любых других категориальных характеристик состоит в том, что не осознается и не проводится различие между собственно количеством (как некоторой категориальной сущностью) и рефлексивными количественными определениями, которые всегда отягощены "материей" других категориальных форм.

Теперь обратимся к приведенной выше *таблице межкатегориальных понятий*. В левом столбце помещены категории, с которыми количество, вступая в "химическую связь", образует *межкатегориальные* понятия, расположенные в правой части таблицы. В этих понятиях зафиксированы рефлексивные значения количества и категорий из левого столбца. Возьмем, например, такие понятия как *уменьшение* и *увеличение*. Они выражают противоположно направленные *количественные изменения*, точнее, *изменения величины* чего-либо. В них, таким образом, присутствуют две категориальные формы: количество и изменение. Не обладая статусом категорий, указанные понятия носят отчетливо межкатегориальный характер.

Уменьшение и *увеличение* выражают в основном изменения *непрерывного* количества, *величины*. Существуют также межкатегориальные понятия, выражающие изменения *дискретного* количества, *множества*. Это прежде всего *деление* и *размножение*.

Целый класс межкатегориальных понятий, объединяющих количество и деятельность, характеризуют математические и вообще количественные действия, операции, процедуры: счет, вычисление, измерение, сложение, вычитание, деление, умножение, возведение в степень, извлечение корня, дифференциальное и интегральное исчисление и т. д. Среди них следует выделить *счет* и *измерение*. Это наиболее фундаментальные формы количественного познания и оценки. Не случайно Аристотель определял дискретное и непрерывное количество, множество и величину через указанные операции.

Счет и измерение — *первичные, непосредственные* формы

¹ Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С.809-810.

познания и оценки реального количества. Все другие количественные операции, действия, процедуры имеют выход на реальное количество не непосредственно, а через счет или измерение.

Как уже указывал Аристотель, счет и измерение ориентированы на разные виды количества: счет — на познание и оценку дискретного количества, множества, а измерение — на познание и оценку непрерывного количества, величины. Этим объясняется их неравноценность, неравнозначность как количественных форм деятельности. Выше мы говорили, что в количестве акцент падает на дискретное, а непрерывное — та сторона количества, которая ближе стоит к качеству. В самом деле, счет — сугубо количественная процедура; он максимально удален от качественной стороны реальности. Измерение же является по существу количественно-качественной процедурой. На это, кстати, указывает этимология слова «измерение». Корнем его является «мера» — слово, обозначающее отнюдь не чисто количественное понятие.

Вот вкратце то, что мы хотели сказать о межкатегориальных понятиях, включающих в себя количественную составляющую.

Конечное и бесконечное

Проблема конечного и бесконечного — одна из самых сложных и запутанных. Прежде всего это связано с выражением понятий конечного и бесконечного в языке. Исторически понятие бесконечного возникло как отрицание конечного. На это указывает этимология слова "бесконечное". Оно буквально означает "неконечное", то, что не является конечным (так не только в русском, а и в других языках: древнегреческом — *apeiron*, латинском — *infinitum*, немецком — *unendliches*, английском — *endlessness* и т. д.). В течение многих веков и тысячелетий печать отрицательного содержания слова "бесконечное" лежала тяжким бременем на понятии и категории бесконечного. До сих пор некоторые исследователи понимают бесконечное именно в этом простом отрицательном смысле. Э. Кольман, например, пишет: "Как я считаю, "бесконечность" является, собственно, просто формальнологическим отрицанием «конечности», отношение между ними контрадикторно (т. е. противоречиво, как А и не-А — Л. Б.)». Формальнологи-

ческий подход к соотношению конечного и бесконечного мы должны отвергнуть как совершенно бессодержательный и пустой. В самом деле, с точки зрения формальной логики в объеме понятия "не-конечное" входит *все, что угодно*, кроме самого конечного. Например, "острое", "влажное", "глупое". Ясно, что бесконечное не является такого рода "неконечным". Оно не просто отрицание, а "свое иное" конечного. "Свое" в словосочетании "свое иное" означает, что конечное и бесконечное не являются самостоятельными определениями, а принадлежат или относятся к более общей категории, которая делает их своими друг для друга (эта категория либо подразумевается, либо называется; в нашем случае чаще всего называется "количество").

Именно как "свое иное" конечного понимают бесконечное его исследователи. Далее, это было бы совсем неплохо, если бы отношение "своего иного" было *взаимным*: не только бесконечное — "свое иное" конечного, но и конечное — "свое иное" бесконечного. Но в том-то и дело, что многие исследователи рассматривали и продолжают рассматривать бесконечное лишь в его отрицательном содержании, как *иное* конечного, пусть *свое*, но все же *иное* конечного, а конечное — как всецело *положительную* категорию, играющую роль *базового* определения, *точки отсчета* для характеристики бесконечного. В соответствии с такой логикой на долю бесконечного достаются исключительно отрицательные определения: неопределенность, неупорядоченность, иррациональность и т. п.

Первыми философами, рассматривавшими бесконечное (беспредельное) как неопределенное, неупорядоченное, иррациональное, по существу как антитезу бытия, были *пифагорейцы*. Числу как символу определенности, завершенности, совершенства они противопоставляли "беспредельное" — символ неопределенности, незавершенности. Пифагорейское учение представляет мир в виде шара, окруженного со всех сторон «беспредельным». "Беспредельное" пифагорейцев, в отличие от апейрона Анаксимандра, не является первоначалом, оно противопоставлено вещам и явлениям мира как совершенно от них отличное и не связанное с ними. Поздние пифагорейцы понимали под беспредельным просто пустоту, отсутствие всякого бытия, небытие. Одним словом, к пределу пифагорейцы относили все положительное, к беспредельному все отрицательное. Противопоставление предела и беспре-

116

дельного в социально-нравственном плане ассоциировалось с противоположностью закона и беззакония. Об этом говорит сохранный Диогеном Лаэртским (VIII, 23) фраза: "Содействовать закону, с беззаконием воевать"¹. Известно также высказывание пифагорейца Филолая: "Ложь и зависть присущи природе беспредельного, бессмысленного и неразумного"².

Пифагорейскую точку зрения на бесконечное разделяли крупнейшие мыслители древности — Платон и Аристотель. Последний оставил после себя подробное исследование проблемы бесконечного (см.: Физика III 4-8; Метафизика XI 10).

* * *

Итак, с нашей точки зрения реальные *конечное* и *бесконечное* существуют в единстве друг с другом, как моменты *количества*. В математике имеют дело с различными *идеализациями* конечного и бесконечного, возникают и конкурируют теории, берущие за основу либо одно, либо другое, либо третье. Так, существует *финитная* математика или математика конечного. А, с другой стороны, с ней сосуществует и конкурирует математика бесконечных множеств (актуально бесконечного). Существуют также и промежуточные концепции математики, признающие потенциальную бесконечность, но отрицающие актуальную. Ясно, что общие понятия, отражающие *реальные* конечное и бесконечное, не то же самое, что математические абстракции конечного и бесконечного. Как категории мышления (и, соответственно, как философские категории) они богаче и глубже математических понятий конечного и бесконечного. С другой стороны, последние обладают большей определенностью и они успешно «работают» в естественнонаучном познании и в практике. Математические и конкретно-научные абстракции конечного и бесконечного расширяют эмпирическую базу познания реальных конечного и бесконечного.

Вопрос о соотношении конечного и бесконечного следует решать двояко. С одной стороны, бесконечное *внешне* конечному, есть *выход за пределы конечного*; там, где есть бесконечное, нет конечного, и, наоборот, где есть конечное, нет бесконечного. Здесь налицо простое отрицание одного другим. Об этом говорит и этимология слова «бесконечное». С

¹ См. там же.

² См.: Маковельский А.О. Досократики. Ч. 3, Казань, 1916. С.36.

другой стороны, бесконечное — как «*свое иное*», как *противоположность* конечного — *внутренне* ему. Иными словами, отношение конечного и бесконечного является не только внешним, но и внутренним, не только отрицательным, но и *положительным*. Это такая пара противоположных определений, которые не существуют друг без друга, взаимопределяются.

Нетрудно показать, что в известном смысле *всякое конечное внутри себя бесконечно*, т. е. то, что мы принимаем за конечное, *в себе, внутри себя* бесконечно. Нечто только тогда конечно, когда оно выходит за пределы самого себя, т. е. когда оно или сравнивается, или реально взаимодействует с чем-либо другим, или переходит в другое.

Возьмем сначала конечное в пространственном смысле — *ограниченное*. Всякий раз, когда мы говорим об ограниченном, то имеем в виду, что это ограниченное ограничено чем-то другим. Иначе невозможно было бы провести *границу*. Только при условии, что есть *другое*, кроме этого нечто, можно говорить об ограничении нечто. Другое и «делает» нечто ограниченным, т. е. конечным. Иными словами, всякое тело ограничено другими телами, а не потому, что оно *внутри себя, само по себе* ограничено. Значит, внутри себя ограниченное (нечто, принимаемое за ограниченное) неограниченно, бесконечно, попросту говоря — целая вселенная. Любое тело, атом или частица, если бы не было *других* тел, атомов, частиц, представляли бы собой вселенную. В какой-то мере это так и есть.

Теперь возьмем конечное во временном аспекте — как *временное, преходящее*. Всякое нечто когда-то не существовало и когда-то не будет существовать. Временное, преходящее означает, что до *этого* временного существовало *другое* временное, из которого оно возникло, и, в свою очередь, «уступит место» другому временному, которое будет существовать после него. Таким образом, *другие* временные до и после *этого* временного *оконечивают* его во времени. Но внутри себя, само по себе это нечто не конечно, не временно, не преходяще, а *вечно*. *Вечность* — не потусторонняя категория; она присутствует здесь, сейчас, внутри того, что мы принимаем за временное, преходящее. Диалектическая связь вечного и преходящего состоит не только в том, что первое «складывается» из второго (преходящих «вещей»), а и в том, что вечное присутствует в самом преходящем. «Механизм» этого присутствия

хорошо показал еще Эпикур на примере соотношения жизни и смерти. «Смерть, — писал он, — не имеет отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам». Этим рассуждением Эпикур как бы развел жизнь и смерть по разным «углам». Он наглядно продемонстрировал, что конечность бытия и само бытие — разные «вещи». Об этом же говорит и другой его афоризм: «Когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем». Пусть смерть оконечивает жизнь индивидуума, но поскольку она нечто другое по сравнению с жизнью, постольку сама жизнь внутри себя не смертна, не временна, т. е. вечна, бессмертна. Правильно сказал Эмерсон: «Жизнь — это вечность в миниатюре». Мы живем ради того, чтобы жить, а не ради того, чтобы умереть.

Итак, вечное присутствует в том, что мы принимаем за временное, преходящее. Повторимся здесь: прав был Гегель, когда истинное бесконечное характеризовал как посястороннее, замкнутое в себе, актуально бесконечное. Знаменательно, что истинную бесконечность он представлял именно в виде круга («Истинная бесконечность, повернутая обратно к себе, имеет своим образом *круг*, достигшую себя линию, которая замкнута и всецело налична, не имея ни *начального* пункта, ни какого-либо *конца*»¹). Как мы уже говорили, круг в нашей версии категориальной логики является геометрическим образом *внутреннего* противоречия, определяемого как взаимопереход противоположностей. Круг же является образом обратимого времени («круг времени»), обратимых процессов, обуславливающих существование *целостных* материальных образований (стабильных элементарных частиц, атомов, молекул, твердого тела и т. д.). Вспомним также, что круг (колесо, шар) у многих народов был символом вечности, незабываемости, порядка.

Могут спросить: а как быть с бесконечным многообразием, неисчерпаемостью, всегда незавершенным процессом смены состояний? Это так называемая открытая или незамкнутая бесконечность. Вслед за Гегелем скажем, что она не является истинной бесконечностью. Она якобы — как бы — квазибесконечность. Ее место — где-то в промежутке между конечным

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 215.

и бесконечным. В ней конечное *переходит* в бесконечное. Открытая бесконечность не является подлинной бесконечностью еще потому, что она, если брать ее целиком, существует только в возможности, потенциально. Актуально она существует лишь в виде конечного.

[Выше мы уже говорили, что слово "бесконечное" обозначает, представляет не одно, а два понятия или, лучше сказать, две категории бесконечного: бесконечное в смысле *сильного* отрицания, *противоположности* конечного (антиконечного) и бесконечное в смысле *слабого* отрицания, *полуотрицания* конечного, просто как неконечное, нескончаемое. Первое бесконечное фигурирует в философии и науке под именами абсолютного, актуального, действительного, собственного, истинного, категорематического бесконечного. Второе бесконечное фигурирует под именами потенциального, несобственного, синкатегорематического бесконечного, неистинной, дурной бесконечности, бесконечного прогресса, ряда. В нашей *таблице соответствий* бесконечное в первом смысле именуется просто бесконечным, а бесконечное во втором смысле — квазибесконечным.]

Квазибесконечное (промежуточное между конечным и бесконечным)

Хотелось бы несколько развить мысль о промежуточных, переходных состояниях звеньях между конечным и бесконечным. Мы рассматриваем конечное и бесконечное не как противостоящие друг другу стороны, не имеющие никаких точек соприкосновения между собой, а как противоположности, постепенно переходящие друг в друга. Такому взгляду на соотношение конечного и бесконечного мешает установившаяся среди философов традиция (о чем мы говорили выше) рассматривать бесконечное как *неконечное*, т. е. по принципу «или-или»: либо конечное, либо бесконечное — третьего не дано. Традиция обусловлена в значительной мере не критическим отношением философов к особенностям формирования слова и понятия «бесконечное» в естественном языке, а именно тем, что это понятие образовано путем приставления к слову «конечное» частицы «бес», т. е. через простое отрицание. В самом *слове* «бесконечное» мы видим только отрицательное содержание. Это противоречит реальному смыслу *понятия*

«бесконечное», которое, напротив, выражает нечто в высшей степени положительное (вечное, незыблемое, непреходящее). Нужно отказаться от буквального понимания термина «бесконечное» и основанной на нем традиции рассматривать бесконечное лишь в его противопоставленности конечному. Так же, как между качественными субкатегориями «всеобщее» и «специфическое» существуют промежуточные звенья, выражаемые понятиями «общее», «частное», так и между бесконечным и конечным имеются плавные переходы, выражаемые теми или иными понятиями. Если, например, взять конечное существование во времени (временное, преходящее), то можно увидеть, как различны сроки существования тел и организмов. Время существования стабильных элементарных частиц (протонов, электронов) сравнимо с временем существования нашей части Вселенной (15-18 млрд лет), т. е. приближается к бесконечности. А, с другой стороны, время существования нестабильных элементарных частиц исчезающе мало (например, продолжительность жизни нейтральных пионов / π^0 -мезонов/ — около 10^{-16} с). Таким образом, границы временного, преходящего «простираются» от исчезающе малого до чрезвычайно длительного, долговременного, долговечного. Мы привели пример с элементарными частицами, т. е. неорганическими телами. Не менее впечатляюще различие между сроками существования живых организмов: от нескольких часов (бабочки-однодневки) до нескольких десятков тысяч лет (некоторые виды деревьев).

В живой природе и человеческом обществе связь конечного и бесконечного приобретает характер *взаимоопосредствования*. Это отчетливо видно на примере соотношения смертности и бессмертия¹.

322.4. Мера

Мера — одна из наименее изученных категорий. Вплоть до Гегеля она рассматривалась лишь как слово или понятие, но не как фундаментальная философская категория, а тем более категория мышления. Дело в том, что первые исследователи категорий выделяли и классифицировали их в основном по

¹ См.: Л.Е. Балашов. Жизнь, смерть, бессмертие. М., 1996; Л. Е. Балашов. Практическая философия. М., 2001. С. 37-130.

признаку парности. Мера не является парной категорией; именно поэтому она долгое время рассматривалась вне категориальных пар и семейств. И хотя ее чаще всего связывали с категорией количества, она не осознавалась как принадлежащая к семейству "качество-количество". Философы интуитивно понимали, что мера имеет особый статус, т. е. не является чисто количественным понятием, выходит за рамки категории количества. Однако в силу недостатка опыта классифицирования они не могли найти ей места среди категорий.

Широта смыслового содержания понятия меры указывает на фундаментальный характер понятия, но в то же время объективно препятствует оформлению его в категорию.

Первоначально люди рассматривали меру исключительно в русле своей практической деятельности и поведения — как средство или принцип деятельности. Многочисленные свидетельства этому мы находим в ранней античной литературе и у семи греческих мудрецов, живших в 7-6 веках до н. э.

Настоящим отцом категории меры стал *Гегель*. Он первый назвал ее категорией, более того, причислил к разряду важнейших философских категорий. Он определил ее место в семействе "качество-количество", этим сделав важный шаг в познании категориальной логики, т. е. сделав настоящее категориально-логическое открытие. Он попытался рассмотреть ее с разных сторон, на материале различных наук. Он, наконец, выдвинул идеи системы отношений мер и узловой линии мер, предвосхитив этим идеи естественной классификации и стандартизации.

С другой стороны, нет философа, который бы так напутал с этой категорией.

Основное противоречие гегелевской концепции меры в том, что Гегель, с одной стороны, провозглашает меру третьей категорией, объединяющей качество и количество как противоположные категории, а, с другой, в конкретных рассуждениях о мере рассматривает ее преимущественно как количественную категорию, отдает в ней предпочтение количественной стороне. Одно исключает другое. В самом деле, мера может быть третьей категорией по отношению к качеству и количеству лишь при условии, что относится к ним одинаково, как синтез по отношению к тезису и антитезису. (Антитезис в синтезе — согласно гегелевской логике — не может быть важнее тезиса) . Что же мы видим в рассуждениях Гегеля о

мере? Явный крен в сторону количества.

С нашей точки зрения, если уж считать меру третьей категорией по отношению к качеству и количеству, то она действительно должна быть *третьей*, т. е. не качественной и не количественной, иначе она теряет свою самость и, соответственно, свою объяснительную ценность.

Оценивая меру как преимущественно количественную категорию Гегель, естественно, оставил без внимания вопрос о развитии меры в более высокие и сложные формы, которые функционировали бы на уровне органического и, далее, духовного. Ведь количество у него — самая ничтожная категория бытия, не говоря уже о том, что он рассматривал *в целом* категории бытия (качество, количество и меру) как низшие, имеющие самостоятельное значение лишь в неорганической природе, а в сфере органического и в "царстве духа" подчиняющиеся "более высоким отношениям", т. е. категориям сущности и понятия.

(Гегелевской мере не повезло дважды: и как категории с преобладающим количественным содержанием, и как категории бытия, относящейся к самому низкому уровню категориальной реальности).

В силу указанных причин Гегель практически ничего не знал о норме как сложной органической мере. Эти же причины помешали Гегелю осознать по-настоящему значение меры как стандарта, а мерного процесса как стандартизационного. У него имелись лишь отдельные намеки — в виде идей системы отношений мер, рядов мер, узловой линии мер. Эти намеки-идеи были для своего времени эвристически значимыми и сыграли положительную роль.

Теперь об *общей характеристике меры*. Вслед за Гегелем мы рассматриваем ее в координатах качества и количества, как их *единство*. Параметры меры определяются ее принадлежностью к *семейству* категорий "качество-мера-количество". Качество и количество — стороны материи. Мера — то, что связывает эти стороны, делает качество количественно определенным, а количество — качественно определенным. Вся материя мерно определена. В строгом смысле о мере нельзя говорить ни как о качественно определенном количестве, ни как о количественно определенном качестве. Это

все односторонние определения меры. Мера есть именно единство качества и количества. Качественно определенное количество и количественно определенное качество суть лишь *стороны* меры. См. *диаграмму /структурную схему/ категории "мера"* ниже:

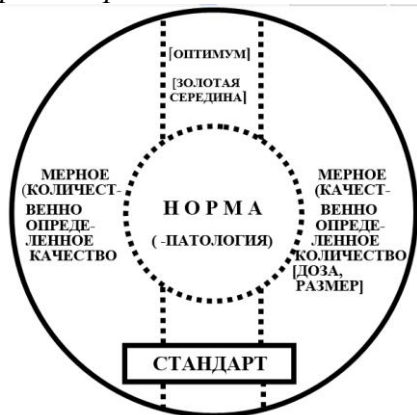

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «М Е Р А»

Примерами качественно определенного количества являются *доза, размер, удельный вес*. Примерами количественно определенного качества являются *стандарт, образец, эталон*.

В мере качество и количество *взаимозависимы, взаимобусловлены, соответствуют друг другу, соотносительны*. Они функционируют в ней на паритетных началах, как равноправные партнеры-участники. Суть

меры в том и состоит, что она снимает, преодолевает качество и количество как односторонние определения (т. е. в ней преодолевается односторонность качества и количества).

Данная здесь *общая* характеристика меры есть характеристика ее как категориального определения мира. Все другие характеристики меры являются либо односторонними, либо частными, либо имеющими лишь эмпирическое значение.

Например, меру характеризуют порой как определенный интервал количественных характеристик или изменений, в рамках которого может существовать данное качество. Ясно, что эта характеристика меры является неполной, односторонней. Во-первых, акцент в ней падает на количественную сторону. Во-вторых, в центр характеристики ставится понятие (количественного) интервала, которое имеет лишь частное значение. В самом деле, не во всех случаях мы можем наблюдать интервал значений "больше", "меньше" внутри данного качества. Яркий пример: заряд ядра атома.

Наука не знает (во всяком случае, на сегодняшний день) увеличения или уменьшения заряда ядра атома в пределах данной качественной определенности, Всякое увеличение или

уменьшение заряда ядра атома сопровождается изменением качественной определенности атома. В ядре атома находится целое число протонов. А именно от их количества зависит заряд ядра.

Очень часто меру, как и качество, рассматривают лишь применительно к *отдельным, конкретным* телам, предметам, вещам, объектам. Это тоже односторонний подход. Меры имеют как отдельные, конкретные тела, так и их совокупности, как целостные образования, так и нецелостные. Носителем меры как категориального определения является не какое-то отдельное, существующее наряду с другими отдельными, а *вся материя*. (Мера вместе с качеством и количеством является ближайшим определением материи, а материя — родительской категорией по отношению к мере).

Иерархии качеств (специфических, менее общих и более общих) соответствует *иерархия мер*. *Специфические меры* присущи отдельным, данным, конкретным объектам. *Общие меры* присущи объектам того или иного вида, рода, класса, типа и т. д.

Из представления о принадлежности меры отдельному объекту вытекает и другое одностороннее представление. Обычно под мерой имеют в виду связь, взаимозависимость качественных и количественных характеристик *одного* объекта (данного, отдельного, конкретного). Между тем мера связывает не только эти характеристики; она связывает также качество объектов и *их количество, множество*. Иными словами, мы утверждаем, что качество и количество взаимосвязаны не только в одном объекте, но и как качество и количество объектов. Этот второй момент взаимосвязи качества и количества не менее важен для меры, чем первый. Выше мы говорили об *общих* мерах. Они как раз воплощают в себе второй момент. Общие меры являются общими не только потому, что они определяют качественно-количественную одинаковость или сходство объектов, но и потому, что они определяют качественно-количественное единство *совокупности* объектов. Поясним это на примерах. Так, разные виды живых существ воспроизводят себе подобных в разных количествах. Рыба может произвести на свет миллионы мальков, а самка млекопитающего всего лишь несколько детенышей. Здесь очевидна связь качества и количества живых существ. С одной стороны,

их количество зависит от их качества. Млекопитающие не могут размножаться в таком количестве, как рыбы. С другой стороны, качество особей зависит от их количества. Если рыба будет производить на свет не миллионы, а всего лишь десятки мальков, то данный вид вымрет, прекратит свое существование. Вообще существует совершенно определенная связь качества и количества живых организмов на Земле. Млекопитающих, например, на много порядков меньше, чем одноклеточных организмов. И невозможно представить обратную картину.

В неорганической природе подобную взаимосвязь качества и количества мы можем наблюдать, к примеру, у химических элементов. Водород — наиболее распространенный химический элемент. И это, безусловно, связано с его относительно простой и устойчивой качественной определенностью. С другой стороны, весьма редки тяжелые радиоактивные элементы, что связано с их относительной сложностью и нестабильностью.

В человеческом обществе очевидным примером взаимосвязи качества и количества в указанном смысле имеется взаимосвязь качества и количества продукции, продуктов труда. Эта взаимосвязь осознается людьми как серьезная научно-практическая проблема и является предметом все более широких и глубоких исследований ученых-практиков, прежде всего стандартологов.

Стандартология, или наука о стандартизации, есть по существу наука о практически создаваемых и применяемых *объектах, серийных мерах*, именуемых вполне справедливо *стандартами*.

Итак, примеров достаточно.

Теперь о *норме*. Это одна из разновидностей меры, субкатегория меры. На диаграмме категории "Мера" (см. выше) она помещена в центральном круге. Этим мы определили ее как субкатегорию меры, осуществляющую органический синтез, взаимоопосредствование количественно определенного качества и качественно определенного количества. *Норма*, по нашему мнению, — *это сложная органическая мера, характеризующая взаимосвязь, взаимоопосредствование качественных и количественных определенностей живых систем, как биологических, так и человеческих, социальных*. Примером нормы является здоровье. Если говорить о здоровье человека,

то это весьма сложная, многогранная категория. Можно говорить о физическом, психическом, нравственном, духовном здоровье. Это всё меры нашей жизни, нашего бытия¹.

Близким по смыслу к понятию нормы является понятие *оптимума* или *оптимальности*. Это тоже субкатегория меры.

К разновидностям меры относится также понятие-образ *середины* или *золотой середины*.

* * *

Итак, внешние границы меры определяются ее принадлежностью к материи в составе семейства "качество-мера-количество", а внутренние границы — ближайшими к ней субкатегориями, такими как специфическая мера, общая мера, стандарт, мерное количество (доза, размер и т. п.), норма, оптимум, оптимальность, середина, золотая середина. Эти субкатегории образуют некоторое поле, пространство меры. Последнее мы и попытались изобразить на *диаграмме (структурной схеме) категории "мера"* (см. выше).

Помимо указанных субкатегорий меры имеется множество межкатегориальных понятий, образованных на "стыке" меры с другими категориями. К ним относятся, например, такие понятия:

- "мера" в значениях "единица или средство измерения",
- "мероприятие", "мера воздействия";
- "измерение" (мера + действие, деятельность);
- "примерка", "размерность";
- "стандартизация" (стандарт + деятельность, процесс);
- "нормализация" (норма + процесс, изменение);
- "нормирование" (норма + деятельность);
- "оптимизация" (оптимум + деятельность, процесс).

¹ Примером нормы применительно к поведению человека в обществе является *золотое правило поведения*. Категориально-логический анализ этого правила дан в книгах: Л.Е. Балашов. Золотое правило поведения. М., 1999; Л.Е. Балашов. Этика. М., 2008. С. 41-68.

3.3. ДВИЖЕНИЕ

3.3.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВИЖЕНИЯ

Движение, как и материя, имеет сложную категориально-логическую структуру, выражается в системе субкатегорий.

Очень важно для уяснения категориальной сущности движения, с одной стороны, понимать его достаточно широко, всеобъемлюще, а, с другой, не допускать его расширительного толкования (о чем мы говорили в разделе "Материя и движение").

Пример узкой трактовки движения: понимание его как пространственного перемещения. Эта точка зрения давно уже оставлена большинством философов.

Другим примером узкой трактовки движения является понимание его как *изменения вообще* (Ф. Энгельс). Эта трактовка кажется на первый взгляд достаточно широкой. Она во всяком случае шире понимания движения как пространственного перемещения. Но вот вопрос: куда мы денем *покой, сохранение*? Эти понятия соотносительны *перемещению* и *изменению*. Перемещение как категориальное определение обременено своей противоположностью — *покоем*, а изменение — *сохранением*. Перемещение-покой и изменение-сохранение составляют единые категориальные пары, категориальные блоки. Мы не можем «вынуть» *перемещение* из блока "перемещение-покой", а *изменение* из блока "изменение-сохранение" и рассматривать их отдельно, как определения движения. Это было бы нарушением *категориальной логики*.

На следующей странице дана *диаграмма (структурная схема) категории "движение"*. Из диаграммы видно, что сторонами, т. е. ближайшими к движению определениями являются *пространство* и *время*. Отсюда "внутреннее" определение категории таково:

Движение есть единство пространства и времени.

Это определение вытекает из всей совокупности представлений, связанных с категориальной картиной мира. Движение не может быть вне пространства и времени. С другой стороны, пространство и время *действительны* лишь в движении. Чем для материи являются качество и количество, тем для движения являются пространство и время.

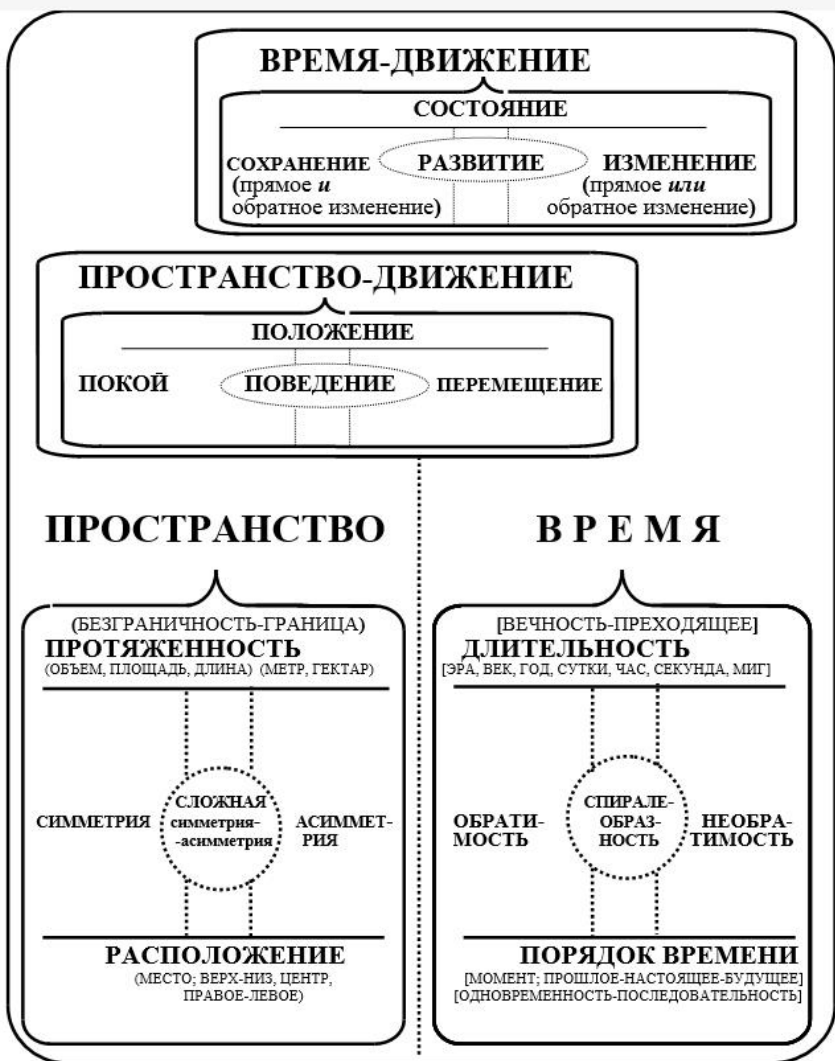

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «Д В И Ж Е Н И Е»

Такое понимание движения со всей определенностью от-
стаивал Гегель. В "Философии природы" он пишет: «Лишь в

движении пространство и время действительны"¹. Эта фраза примечательна. Из положения, что лишь в движении пространство и время действительны, следует, что реальные пространство и время нельзя рассматривать как рядоположенные движению. Они — моменты, стороны движения, которое является родительской категорией по отношению к ним. Всякий последовательно мыслящий человек должен принять одно из двух: либо то, что пространство и время — моменты, стороны движения, либо то, что они — формы бытия материи *наряду* с движением. Мы принимаем первую точку зрения и считаем, что у материи достаточно своих собственных определений и она вполне может "отдать" движению пространство и время. Богу богово, а кесарю кесарево. Материи материиво, а движению движенииво!

Если пространство и время являются *сторонами* движения, то значит *видами* движения должны быть такие, в которых обнаруживается различие пространства и времени, т. е. в которых последние "преломляются" по-разному. И действительно, такие виды есть. Это прежде всего — *перемещение* и *изменение*.

Итак, мы определили, что сторонами движения являются пространство и время, а соответствующими им видами — перемещение и изменение. Интересно отметить, что в истории человеческой мысли наблюдаются две крайности в понимании движения, связанные с абсолютизацией каждого из указанных видов движения в отдельности. Одни философы и ученые рассматривали движение преимущественно или только как пространственное перемещение (атомисты, Декарт, Спиноза, Гоббс, Гассенди, Локк). Другие рассматривали движение как течение во времени, изменение, длительность, временной поток (А. Бергсон).

Сторонники концепции движения в пространстве в отдельных случаях заходили так далеко, что допускали возможность движения вне времени. Это можно видеть на примере того, как философы и ученые понимали распространение света. Пока О. Ремер в 1676 г., а Д. Брэдли в 1738 г. не установили, что свет имеет конечную скорость распространения, до тех пор многие считали, что свет распространяется мгновенно, т. е.

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 2. М., 1975. С. 63.

для его распространения не нужно времени¹.

Приведенный пример весьма поучителен. Он показывает как важна правильная мировоззренческая и методологическая ориентация. Ведь если бы философы и ученые с самого начала стояли на том что всякое движение есть единство пространства и времени, то они ни минуты не сомневались бы, что свет распространяется с конечной скоростью, что он перемещается в пространстве в течение какого-то времени. Отсюда, как пишет С.Г. Гиндикин, не были бы сильно осложнены исследования Декарта и Ферма по геометрической оптике. И признание теории Ремера пришло бы как минимум на 50 лет раньше. Методологические ошибки, как видим, дорого обходятся человечеству.

Приведенный пример поучителен и в том плане, что он показывает необходимость *системного представления* категорий. Не какие-то обрывки связей категорий (в данном случае — движения и пространства), а система категорий в полном ее объеме должна лежать в основе *осмысленного* подхода к изучению и освоению мира. Некоторым философам может показаться искусственным деление движения на два вида: перемещение и изменение, т. е. движение в пространстве и движение во времени. В самом деле, различие между ними не так явно, как различие между пространством и временем. Более того, всякое изменение материального объекта сопровождается перемещением его частей или частиц, и, наоборот, всякое перемещение материального объекта означает то или иное изменение системы объектов, в которой он является частью или частицей. Как видим, отношение перемещения и изменения *взаимно*. Одно без другого невозможно. И тем не менее мы утверждаем, что это два *разных вида* движения. Из того, что одно неразрывно связано с другим, не вытекает, что между ними нет никакого различия. Например, мужчина не может существовать без женщины, а женщина — без мужчины (иначе жизнь прекратилась бы). Тем не менее, мужчина и женщина не просто различные, а противоположные в половом отношении люди.

Различие между перемещением и изменением обнаружива-

¹ Гиндикин С.Г. Рассказы о физиках и математиках. М., "Наука", 1985.

ется в таком факте. Если мы возьмем отдельный материальный объект (тело или группу), то увидим, что перемещение этого объекта не обязательно связано с его изменением, и, наоборот, изменение объекта не обязательно должно сопровождаться его перемещением. Это различие объективно, т. е. не является результатом манипулирования с системами отсчета. Материальный объект находится как бы в двух режимах: в "режиме" изменения (или сохранения) и в "режиме" перемещения (или покоя). Спутать эти "режимы" никак нельзя. Следовательно, различие между перемещением и изменением *реально*, не выдуманно людьми.

До сих пор мы говорили о "движении в пространстве" и "движении во времени" в основном как о перемещении, в первом случае, и изменении, во втором случае. На самом деле эти понятия не совпадают. "*Движение в пространстве*" — это *целокупность моментов перемещения и покоя*. "*Движение во времени*" — это *целокупность моментов изменения и сохранения*. Было бы ошибкой представлять движение только как перемещение или изменение. От этой ошибки один шаг к абсолютизации текучести, изменчивости и недооценке покоя, сохранения, устойчивости.

Известный тезис об абсолютности движения и относительности покоя также льет воду на мельницу ошибочного представления (ему сродни и тезис об абсолютности борьбы и относительности единства). Если, конечно, представлять движение как целокупность моментов перемещения и покоя, изменения и сохранения, то, действительно, его можно интерпретировать как абсолютное, а покой — как относительное. Ведь покой только *момент* движения! Да, но в таком случае и изменение, и перемещение суть нечто относительное (они ведь тоже моменты движения). Акцентирование внимания на абсолютности движения и относительности покоя так или иначе ведет к абсолютизации изменчивости, текучести и т. п.

Почему мы относим сохранение и покой к движению, хотя по видимости они не представляют собой движения, изменения? Дело в том, что изменение и сохранение, перемещение и покой — родственные категории и в качестве таковых они имеют общий корень. Этим корнем, родительской категорией, обнимающей указанные противоположные определения, может быть только *движение*. В итоге образуется семейство ка-

тегорий, во главе которого стоит "движение". Если использовать понятия *прямого* и *обратного* изменения (а в природе все процессы состоят по существу из прямых и/или обратных изменений), то нетрудно увидеть, что *сохранение* — это тоже изменение, вернее *взаимопереход* прямых и обратных изменений. Собственно изменение, в таком случае, можно интерпретировать как прямое *или* обратное изменение или как процесс, в котором преобладают прямые или обратные изменения. В *сохранении* ни одно из противоположных изменений не преобладает; поэтому *в целом* мы наблюдаем сохраняющийся процесс. Те же рассуждения можно провести по отношению к перемещению и покою. В состоянии покоя противоположные перемещения уравнивают друг друга. Особенно наглядно это видно на примере движения планет вокруг Солнца. Благодаря движению по эллипсоидной орбите они то приближаются к нему, то удаляются, а в целом находятся в состоянии относительного покоя, как бы привязаны к Солнцу, не падают на него и не "улетают" от него.

Итак, универсально-всеобщими видами движения являются "движение в пространстве" (перемещение + покой) и "движение во времени" (изменение + сохранение). За их пределами никаких других видов движения нет и быть не может. Логическое членение движения на указанные виды обусловлено диалектикой взаимоотношения его сторон — пространства и времени, и именно в силу этого оно является полным, исчерпывающим членением.

Все конкретные формы и типы движения, изучаемые различными науками, являются либо подвидами его видов в отдельности, либо *объединяющими* видами, осуществляющими органический синтез, взаимоотнодействие перемещения и покоя (в рамках "движения в пространстве") или изменения и сохранения (в рамках "движения во времени"). К объединяющим видам относятся *поведение* и *развитие*. Поведение — это сложное движение в пространстве, органически соединяющее перемещение и покой. Развитие — это сложное движение во времени, органически соединяющее изменение и сохранение.

3.3.2. СТОРОНЫ ДВИЖЕНИЯ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

332.1. Пространство

Пространство — сторона движения, соотносительная с другой его стороной — временем.

Пространство само по себе еще не есть движение. Только в единстве с временем оно становится движением. С другой стороны, пространство не существует вне единства с временем, т. е. вне движения. Таким образом, пространство, рассматриваемое отдельно, — это всего лишь абстракция реального пространства.

Структура пространства выражается в системе определенных, представленной на *диаграмме* (см. следующую стр.).

Пространство есть прежде всего единство протяженности и расположения. Протяженность выражает непрерывно-количественный аспект пространства. *Расположение* выражает дискретно-количественный аспект пространства. Этим аспектам пространства соответствуют *длительность* и *порядок времени* — аспекты времени.

Протяженность делится на ограниченную и безграничную. Ограниченная протяженность в разных аспектах характеризуется следующими понятиями: *длина (ширина, глубина, высота, расстояние), площадь, объем*. Единицами измерения протяженности являются метр, сантиметр, километр и т. д.

Расположение есть различие и тождество *мест*. *Место* играет такую же роль в системе пространственных субкатегорий, какую *момент* в системе субкатегорий времени.

Различие *мест* выражается в понятии *рядоположенности*. Последняя — момент расположения. (Виды расположений и соответствующих им *мест*: левое-правое; верх-низ; спереди-сзади-сбоку; середина-край; центр-периферия; здесь-там; ближе-дальше; внутри-снаружи и т. д.).

Место — ячейка пространства, где находится или совершается что-либо, откуда или куда движется что-либо.

Слово "место" употребляется в самых различных контекстах. Одно только перечисление различных употреблений слова показывает, сколь многообразно содержание категорий «место».

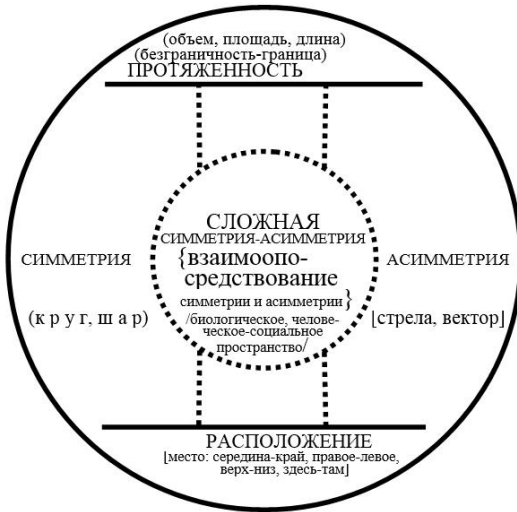

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «ПРОСТРАНСТВО»

Далее, *пространство есть единство симметрии и асимметрии*. Это — второе определение пространства. Симметрии и асимметрии в системе субкатегорий времени соответствуют *обратимость* и *необратимость*. В системе субкатегорий движения во времени им соответствуют *сохранение* и *изменение*, в системе субкатегорий движения в пространстве — *покой* и *перемещение*.

На диаграмме категории "пространство" в центральном круге представлены *сложные органические* формы пространства, к числу которых мы относим биологическое пространство и человеческое (социальное) пространство. Последние еще очень мало изучены. Тем не менее ученые уже оперируют этими понятиями, признают их особый статус, несводимость к неорганическим формам пространства¹. Так, например, они активно используют понятие *жизненного* пространства. Это понятие получило широкую известность и пользовалось дурной славой благодаря идее *fix* немецких нацистов о необходимости расширения жизненного пространства. Со времен второй мировой войны утекло много воды. Ученые теперь прекрасно сознают научную значимость этого понятия. Биологи исследуют его на материале поведения животных. То же самое ученые делают при изучении человеческого поведения. Они, в частности, выяснили, что каждому человеку необходим свой

¹ См.: Пространство и время. Киев, 1984. С. 246-290; 152-168.

минимум жизненного пространства.

Понятие жизненного пространства не исчерпывает всего содержания понятия *человеческого* пространства. Важное значение имеют также понятия *внутренней среды* человеческого организма и *внутреннего мира* человека как субъекта, индивида, личности.

Понятие *социального* пространства, по-видимому, является частным или зависит от понятия человеческого пространства, поскольку *общество* не является *особой* реальностью, стоящей над человеком, в которую последний входит как часть в целое. Общество есть реальность *человеческих* отношений.

332.2. Время

Время — сторона движения, соотносительная с пространством. Само по себе время еще не есть движение. Только в единстве с пространством оно становится движением. С другой стороны, время не существует вне единства с пространством, т. е. вне движения. Отсюда следует, что время, рассматриваемое отдельно, — лишь абстракция реального времени.

Время выражается в системе определений-понятий, представленной на *диаграмме (структурной схеме)* — см. ниже.

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «ВРЕМЯ»

Прежде всего *время есть единство длительности и порядка времени*. Длительность выражает непрерывно-количественный аспект времени. Порядок времени выражает дискретно-количественный аспект времени.

Длительность делится на конечную (*временное, преходящее*) и бесконечную (*вечность, непреходящее, бессмертие*). Конечная длительность характеризуется

следующими понятиями: *миг, мгновение, секунда, минута, час, день, сутки, неделя, месяц, год, век, эра* и т. д.

Порядок времени есть тождество, различие и противоположность *моментов*. Частным случаем порядка времени является *последовательность*. Последняя выражает только различие или противоположность моментов времени. Порядок времени или временной порядок включает помимо последовательности тождество, обратимость моментов времени (*одновременность, одномоментность*). Виды последовательности: "прошлое-настоящее-будущее", "утро-день-вечер-ночь", "весна-лето-осень-зима", "детство-юность-зрелость-старость" и т. д.

Момент — ячейка времени, в которой пребывает или совершается что-либо, откуда или куда изменяется что-либо. Момент — чисто временное понятие; в движении во времени (изменении и сохранении) ему соответствует *состояние*.

Длительность и последовательность выражаются в понятии "*течение времени*". Последнее означает переход от одного момента времени к другому. "Течению времени" в системе субкатегорий пространства соответствует *путь* (дорога, траектория и т. п.). "Течение времени" не тождественно изменению. Первое является абстракцией второго так же, как время является абстракцией движения во времени или вообще движения. Когда мы говорим: "время не ждет" или "время остановилось", то этим выражаем *объективный* характер движения во времени, что что-то изменяется или сохраняется независимо от нашей воли и сознания. "Течение времени" или его "нетечение" указывает нам, что мы должны действовать, чтобы успеть "во время" или, напротив, не должны торопиться, "подгонять время".

"Течение времени", являясь абстракцией движения во времени, является также и абстракцией *реального* времени. Измеряемое секундой, минутой, часом, сутками, годом и т. п., оно является *формальным, искусственным* временем и служит лишь в качестве *средства* человеческой деятельности. Такое время характеризует некоторое абстрактное изменение, общее, ритмически однородное, на фоне которого происходят реальные изменения или сохраняется что-то. Течение времени или формальное время есть не что иное, как система отсчета для всех реальных изменений, временных процессов, служащая

для их сравнения (оценки их последовательности, одновременности, длительности, равномерности и неравномерности). Реальное время для каждого реального изменения свое, конкретное. Оно не является единым, общим для всех реальных изменений. В этом смысле человек не может использовать в своей деятельности только такое реальное время. Ему нужно единое "мировое" время, равномерно и непрерывно текущее. Оно будет формальным для почти всех реальных изменений кроме одного: времени обращения Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси. Формальное время — это как деньги; на него можно все обменивать; с его помощью можно все сравнивать, оценивать. Формальное время — инструмент человеческой деятельности подобно тому, как деньги — инструмент товарообмена, экономических отношений производителей и потребителей. Часы служат для измерения формального времени (течения времени) и для относительного измерения реального времени.

Из того факта, что формальное время равномерно и непрерывно течет в одном направлении, от прошлого через настоящее к будущему, *не следует*, что реальное время реальных процессов также равномерно и непрерывно течет от прошлого к будущему. Реальное время, как установил А. Эйнштейн, может течь быстрее или медленнее в зависимости от скорости реальных изменений, а может и вообще не течь, как бы стоять на месте или быть обратимым.

Когда все время имеют дело с формальным временем в конкретных видах деятельности, то это порождает иллюзию тождества формального и реального времени. Последнему приписываются, навязываются свойства, черты формального времени, а именно: непрерывность, равномерность, заданный темп, необратимость (течение от прошлого к будущему).

Здесь мы переходим ко второму "внутреннему" определению времени:

время есть единство обратимости и необратимости.

Это определение соответствует определению пространства как единства симметрии и асимметрии.

Как следует из определения, необратимость не является универсальным свойством времени. Между тем среди философов и ученых распространено представление о необратимости времени. В чем тут дело? Выше мы уже указали одну из причин такого представления, а именно, вольное или неволь-

ное отождествление реального времени с формальным, искусственным. Другой причиной является неприятие обратимости как реального свойства времени *наряду* с необратимостью, о чем мы уже писали во втором разделе "Соответствия и антисоответствия между категориями". Пики философов и ученых часто направлены против абстракции идеальной обратимости. Справедливо полагая, что реально отсутствует полная или абсолютная обратимость процессов, они вместе с водой из ванны выплескивают и ребенка, т. е. отбрасывают понятие неабсолютной реальной обратимости. А в мире ведь вообще нет ничего абсолютно абсолютного. И необратимость не существует реально, если брать ее в чистом виде, как абсолютную необратимость, исключаящую всякий элемент обращения, возврата к исходному состоянию. Чистая необратимость тоже всего лишь абстракция. Она означает полный разрыв между исходным и последующим состояниями. Ведь ничем иным, как абсолютизацией необратимости является представления различного рода анархистов и ультраревolucionеров о полном разрушении старых основ жизни. В естествознании такой абсолютизацией необратимости была гипотеза тепловой смерти Вселенной. Сам термин "необратимость" направлен своим содержанием против какой бы то ни было обратимости. И если необратимость провозглашать универсальным свойством времени, то ничего не остается, как предавать анафеме все, связанное с понятием обратимости.

Время принадлежит к числу фундаментальных определений мира и приписывание ему в качестве универсальных тех или иных конкретных, частных свойств, черт чревато опасностью одностороннего истолкования категории времени. Хорошо сказал *Г. Рейхенбах*: "Мы не можем говорить о направлении времени, взятом в целом; только определенные отрезки времени обладают направлениями и эти направления не одинаковы"¹.

Итак, реальное время столь же обратимо, сколь и необратимо. Оно протекает как бы в двух противоположных ипостасях: в виде обратимого и необратимого времени. Соответственно ему и все процессы в неорганической природе делятся на обратимые и необратимые. *М. Планк* считал такое деление

¹ Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962. С. 162.

настолько важным, что позволил себе нечто вроде пророчества: "в теоретической физике будущего первым и самым важным делением физических процессов будет деление их на обратимые и необратимые"¹. М. Планк говорил, правда, о *физических* процессах. Мы, однако, знаем, что физические процессы составляют самый фундамент всех (известных на сегодняшний день) реальных процессов. Существование необратимых процессов делает невозможной абсолютную обратимость времени, а существование обратимых процессов делает невозможной абсолютную необратимость времени.

Прекрасной иллюстрацией к проблеме обратимости-необратимости времени и соответственных им категорий является глава "Ньютоново и бергсоново время" в книге Н. Винера "Кибернетика". Н. Винер отчетливо показал существование двух противоположных подходов и форм объективной реальности, в которых время рассматривается или существует как обратимое, с одной стороны, и необратимое, с другой².

В неорганической природе имеет место *взаимовлияние* обратимого и необратимого времени. В живой природе и человеческом обществе к этому взаимовлиянию прибавляется *взаимоопосредствование* противоположных "ипостасей" времени. В процессах развития и становления мы воочию видим органическое соединение, взаимоопосредствованные обратимости и необратимости. В этих процессах время имеет *спиралевидную* форму, соединяющую "стрелу времени" и "круг времени", ритмичность, обратимость временного порядка.

3.3.3. ВИДЫ ДВИЖЕНИЯ

333.1. Движение в пространстве

3331.1. Перемещение, покой

Ниже дана *диаграмма (структурная схема) категории "движение в пространстве"*. В ней представлены четыре суб-категории: перемещение, покой, поведение, положение.

¹ Планк М. Физические очерки. М., 1925. С. 16.

² Винер Н. Кибернетика. М., 1983. С. 82-86.

Перемещение и покой — противоположные виды или моменты *движения в пространстве*. В чистом, непосредственном виде они действуют в неорганической природе.

Поведение — органический синтез, взаимоопосредствованные перемещения и покоя.

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ»

Эта категория действует в живой природе и человеческом обществе.

Положение — связующее звено между "движением в пространстве" и пространством; *это* нахождение материального объекта в том или ином *месте* пространства. Отсюда "внутренние" определения перемещения и покоя будут такими:

Перемещение есть переход из одного положения в другое.

Покой есть пребывание в одном и том же положении.

Перемещение является весьма сложной, неоднозначной категорией, о которой философы толком ничего не знают. Слово "перемещение" не имеет статуса философского термина, а тем более, категории. В философских словарях и энциклопедиях мы не найдем статей, посвященных понятию перемещения. Такое отношение к понятию обусловлено, в частности, двумя ошибочными представлениями о нем. Во-первых, отождествлением перемещения с *механическим* движением (механической формой движения). И, во-вторых, его характеристикой как *простого* движения, употребляя словосочетание "простое перемещение"¹.

¹ Дурной пример подал Энгельс. Часто цитировалось следующее его высказывание: "Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова... обнимает собой все происходящие во вселенной изменения

По поводу первого ошибочного представления скажем следующее. Механическое движение — это движение, описываемое законами классической механики. Оно является абстракцией реальных процессов и характеризует только те формы действительного движения, которые попадают под действие законов механики. Перемещение же как движение в пространстве имеет место везде и всюду. Оно также всеобщее, универсально, как движение и как пространство. Будучи одной из универсальных форм движения перемещение описывается не только законами механики, но и другими законами (см. об этом ниже цитату из книги "Пространство, время, движение"); поэтому его нельзя интерпретировать как механическое движение. Ведь механика — конкретная наука и она описывает только механическое движение, которое так же относится к перемещению, как механическая масса, тело к материи вообще. Мы же не считаем материю механической массой. Так почему же мы отождествляем перемещение (движение в пространстве) с механическим движением?! В самом содержании понятия перемещения нет ничего специфически механического, конкретно-научного. Это понятие образовано путем соединения двух всеобщих категориальных форм: движения и пространства. Мы же не даем пространству эпитет "механическое". И перемещение не заслуживает того, чтобы именовать его механическим движением.

По поводу простоты перемещения и сложности изменения скажем следующее. Противопоставлять перемещение и изменение по этому критерию — все равно, что утверждать, что пространство есть нечто простое, а время — нечто сложное. Очевидная нелепость. Тот, кто утверждает, что перемещение — *простое* движение, *просто* не дает себе труда как следует изучить виды перемещения. А они бывают разными: и простыми, и сложными. В качестве примера сложных перемещений можно привести поведение живого существа. Возьмем полет птицы или движения тигра, охотящегося за добычей. А танец человека? Это сложнейшие по своему рисунку движе-

и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 391). Кстати, мышление не является движением или формой движения. Оно принадлежит к совсем другой категории — деятельности. Мышление — вид деятельности, деятельностная категория.

ния тела в пространстве. Чтобы овладеть искусством танца-балета артисты учатся 10-15 лет.

Перемещения бывают, конечно, и относительно простыми. Не сравнить, например, движение планеты с поведением живого существа. Однако и в случае самых простых перемещений все не так просто. Те же движения планет подвержены многочисленным флуктуациям (долгое время, например, ученые не могли разгадать причину несколько необычного "поведения" Меркурия; только общая теория относительности смогла дать более или менее удовлетворительное объяснение этому "поведению"). Законы классической механики описывают лишь упрощенные варианты перемещения небесных тел, которые существуют только в воображении людей, а не в действительности. Если же говорить о "поведении" элементарных частиц в микромире, то здесь совсем исчезает иллюзия простоты.

Видов перемещения существует столько же, сколько пространственных фигур. Шару, цилиндру, конусу и им подобным фигурам соответствует вращательное движение. Кругу или эллипсу соответствует орбитальное движение. Прямой линии — прямолинейное, поступательное перемещение. Кривой линии — криволинейное движение. Синусоиде — колебательно-поступательное движение (например, распространение волн). Спирали — вращательно-поступательное или орбитально-поступательное движение (например, штопор — фигура высшего пилотажа) и т. д.

Перемещения различаются также по *скорости, ускорению и замедлению*. Различия по скорости могут быть весьма значительными. В современной науке существуют даже две различные механики: механика медленных перемещений (ньютоновская) и механика быстрых перемещений, сравнимых со скоростью света (релятивистская).

Скорость, ускорение и замедление — это межкатегориальные понятия, объединяющие количество и движение. Они характеризуют как перемещение, так и изменение.

Понятиями, объединяющими перемещение и количество (непрерывное) является *приближение (сближение)* и *удаление*. В системе субкатегорий изменения им соответствуют *увеличение* и *уменьшение*. Очевидно, можно говорить и о таком понятии (виде перемещения), которое объединяет перемещение и

качество. (В системе субкатегорий изменения ему должно соответствовать *превращение* — качественное изменение). Таким понятием может быть *скачок*. Например, переход электрона в атоме с одной орбиты на другую носит характер скачка (при этом либо поглощается, либо излучается порция энергии). Скачок — не то же самое, что приближение или удаление. Последние носят характер плавного, непрерывно-количественного перехода (например, приближение планеты к Солнцу и удаление от него). Скачок в этом случае следует интерпретировать как дискретно-количественное перемещение. Это уже второе понимание скачка.

О предельной скорости перемещения

Выше был рассмотрен вопрос о конечной скорости света, о том, что она не может быть беспредельной (см. 3.3.1. "Общая характеристика движения"). Думается, сейчас уже никто не станет утверждать, что возможно распространение взаимодействия с бесконечной скоростью, т. е. мгновенно. Ученые и философы в основном поняли, что движение совершается не иначе как в *пространстве* и *времени*. Однако не все еще заблуждения преодолены в отношении скорости перемещения. Так, некоторые философы непомерно абсолютизируют выводы, следующие из теории относительности Эйнштейна и касающиеся предельной скорости движения в окружающем мире. Теория относительности в строгом смысле объясняет только два вида взаимодействия — электромагнитное и гравитационное. Следовательно, ее утверждения о предельной скорости распространения взаимодействия и соответственно скорости движения материальных частиц имеют *ограниченный* смысл. Говорить о том, что "скорость света есть верхний предел возможных скоростей"¹ — это распространять частный вывод частной научной теории на весь материальный мир (не только познанный, но и еще непознанный). Частный научный

¹ См.: "Диалектика отрицания отрицания". М., 1983. С. 282. Н.Ф. Овчинников приписывает этот вывод теории относительности утверждая, что она "принимает" его "в качестве принципа". Теория относительности по самому смыслу своему, как конкретная научная теория, опирающаяся на эмпирический базис, на экспериментальные данные, *не может делать каких-либо заключений относительно всех возможных случаев, всего мира в целом.*

вывод возводится в философский принцип.

Да, действительно, движение с бесконечной скоростью — абстракция, которой реально ничего не соответствует. Скорость движения отдельного материального объекта так или иначе ограничена. Однако это не значит, что она ограничена лишь 300 000 км в сек. Конечная, предельная скорость движения может быть и несколько метров в секунду (для птицы, например), и несколько километров в секунду для спутника Земли), и 300 000 км в сек. (для фотонов, нейтрино), и миллиард километров в секунду (для еще непознанных материальных образований), и миллиард миллиардов км в сек. Миллиард миллиардов км в сек. — это ведь тоже конечная, ограниченная скорость движения. Вообще нельзя говорить о предельности скорости движения безотносительно к конкретным материальным образованиям. Каждое конкретное материальное образование конечно и все формы движения, присущие ему, тоже имеют соответственные конечные скорости. Птицы не могут двигаться со скоростью звука. Самолет не может лететь с космической скоростью. Спутник Земли не может двигаться со скоростью света и т. д. В настоящее время неизвестны материальные объекты, которые двигались бы со скоростью, превышающей скорость света. Однако ученые уже ищут эти объекты и строят различные гипотезы. Представьте себе, что было бы, если бы они относились к теории относительности не как к частной научной теории, а как к философской концепции, т. е. как к теории, объясняющей все процессы, происходящие в мире. Тогда они не стали бы искать указанные объекты и выдвигать гипотезы о существовании скоростей, превышающих скорость света. Наука остановилась бы.

Утверждение о том, что ограниченная, конечная скорость в 300 000 км в сек. является пределом всех возможных скоростей, принципиально неверно с точки зрения диалектики конечного и бесконечного, относительного и абсолютного. Ведь это утверждение означает, что конечная скорость может быть *абсолютным* пределом, т. е. пределом, не знающим исключений. На самом деле *конечное* в принципе не может быть абсолютным. Оно по смыслу своему является *относительным* (точнее, соответственно *относительному*). Если мы допускаем, что может быть скорость *меньше* 300 000 км в сек., то совершенно логично предположить, что возможна скорость

больше 300 000 км в сек. Иначе получается логическая неувязка. Конечное потому и конечное, что оно ограничивается с одной стороны *меньшим* конечным, а с другой — *большим* конечным. В противном случае мы получаем какое-то половинчатое конечное. В отношении скорости света так и выходит. Несмотря на то, что мы совершенно однозначно фиксируем ее конечную величину (300 000 км в сек.), в качестве предела всех возможных скоростей она оказывается *бесконечной*, что абсурдно.

3331.2. Поведение

Поведение — сложное движение в пространстве, органическое единство (взаимоопосредствование) перемещения и покоя. Оно присуще живым организмам, существам, человеку, их сообществам. Перемещение и покой живых существ и человека коренным образом отличаются от перемещения и покоя неорганических тел.

Во-первых, поведение живого существа органически соединяет перемещение и покой, в то время как в неорганическом мире они *разделены*. Если неорганическое тело перемещается (движется), то о нем нельзя сказать, что оно покоится, и, наоборот, если неорганическое тело покоится (например, камень на земле), то оно не перемещается (не движется). Поведение живого существа складывается из моментов перемещения и моментов покоя. Например, заяц, убегая, скрываясь от волка, не обязательно перемещается (бежит, скачет); он также делает остановки, замирает, прислушивается, оценивает обстановку, т. е. как-то *ведет* себя. Эти "остановки", т. е. пребывания в покое, органично входят в поведение зайца, в основе которого лежит стремление спастись от преследования волка. Или возьмем такую сложную форму поведения как танец человека. Это целый комплекс поступательных, круговых, вращательных движений, остановок, ускорений и замедлений.

М.В. Демин в книге "Природа деятельности" обращает внимание на эту особенность поведения¹. Соглашаясь с *М.В. Деминым* в оценке поведения, мы не можем, однако, согласиться с его противопоставлением поведения деятельности. Нельзя изображать деятельность как чистую активность и на этом основании противопоставлять ее поведению. Если дея-

¹ Демин М.В. Природа деятельности. М., 1984. С. 19.

тельность и отличается от поведения, то только не в этом. Ведь и *отдых* является формой деятельности. А формой отдыха является такой вид "бездействия" как *сон*. Но и во сне человеческий организм осуществляет сложные формы деятельности вплоть до мыслительных операций.

Во-вторых, поведение живого существа органически соединяет упорядоченное, законосообразное перемещение (подобно движению планет вокруг Солнца) и неупорядоченные, хаотические перемещения (подобно броуновскому движению молекул). В неорганической природе перемещения того и другого рода также разделены. Одни неорганические тела перемещаются по строго определенным орбитам (планеты вокруг Солнца, электроны вокруг ядра атома). Другие неорганические тела движутся неупорядоченно, хаотично, случайным образом (броуновское движение молекул, перемещение элементарных частиц, приводящие к столкновениям). Поведение живого существа не является ни жестко упорядоченным (необходимым, законосообразным), ни хаотичным (чисто случайным), а соединяет в себе моменты того и другого, являясь в подлинном смысле *свободным*, т. е. основанным на возможности и способности живого существа выбирать путь в пространстве. Способностью выбирать путь в пространстве не обладают ни планеты, электроны, движущиеся по строго определенным орбитам, ни частицы газа, постоянно меняющие направление движения вследствие бесчисленных столкновений друг с другом. Опять же, если мы возьмем поведение зайца, когда он убегает от волка, то наглядно увидим, что в его "убегании" одинаково присутствуют моменты необходимости, упорядоченности и моменты случайности, неупорядоченности. Момент необходимости состоит в том, что поведением зайца руководит инстинкт самосохранения, потребность в самосохранении. Вследствие этого его перемещения упорядочены, если брать их в целом (как поведение), так как они сводятся в конечном счете к движению в сторону от волка, уйти от преследования волка подальше. Момент случайности в поведении зайца сводится к тому, что стоящая перед зайцем проблема освобождения от преследования может быть решена по-разному, в зависимости от обстановки и наличных сил самого зайца (в частности, от степени его усталости). В реальной обстановке "убегания" заяц бежит не строго по прямой линии от

волка, а зигзагами, совершая время от времени обманные движения, прыжки в сторону, останавливаясь, замирая и прислушиваясь и т. д. Заяц часто намеренно пытается запутать следы и этим самым бессознательно использует в своих "интересах" случайность. Для зайца в ситуации "убегания" случайное, хаотическое, непредсказуемое поведение — благо, а для волка такое поведение зайца — зло.

Если взглянуть на поведение живого существа или человека в течение всей его жизни (всего жизненного цикла развития), то можно увидеть, что моменты упорядоченности и неупорядоченности в поведении как бы распределены во времени, т. е. находятся в разном соотношении на разных стадиях жизненного цикла.

Движения младенца, ребенка по преимуществу хаотичны, беспорядочны, случайны. Младенец, например, может случайно ткнуть ручку в глаз и испугаться, заплакать. А кто наблюдал стайку ребят возле взрослых, то невольно, наверное, сравнивал поведение этой стайки с броуновским движением молекул. Во время перемены в школе творится самый настоящий бедлам.

Движения старика, напротив, очень скупы, строго упорядочены и совершаются лишь по необходимости (мы берем, конечно, крайний случай).

Движения человека в зрелом возрасте свободны, непринужденны, в меру расточительны и в меру скупы.

Будучи *сложным* движением в пространстве поведение может быть разной степени сложности (в соответствии с тем или иным уровнем организации живого). Поведение в этом плане подобно таким категориям, как развитие, сложное противоречие, организм, свобода, сущность.

Поведением обладают уже простейшие живые организмы - одноклеточные. Об этом пишут в своих исследованиях *этологи*¹. Они говорят и об элементарных формах, актах поведения (клинокинезе, тропизмах и т. д.) и о "высших формах поведения". Р. Шовен пишет:

"в отличие от аналогичных работ по поведению основное внимание (в книге — Л. Б.) будет уделено *максимальным функциональным возможностям живой машины*, т. е. высшим формам поведения. Я вовсе не хочу сказать, что элемен-

¹ Шовен Р. Поведение животных. М., "Мир", 1972, с. 407-438.

тарные явления, вроде тех, что встречаются у примитивных организмов, лишены интереса, но, как сказал Кёлер, "нет ничего загадочнее начала"¹.

У животных и человека четко прослеживаются две формы поведения в зависимости от суточного ритма активности: *бодрствование* и *сон*. Перемещение и покой как будто нарочно разделены, "разведены" по разным "углам" жизненного цикла. Получается, как в неорганической природе они разделены, так и в живой природе они *в какой-то мере* обособлены друг от друга. Формами обособления являются как раз бодрствование ("экологическая ниша" для перемещения) и сон ("экологическая ниша" для покоя). Нетрудно, однако, заметить, что это обособление не абсолютно, оно только "в какой-то мере". Формы обособления являются в то же время сложными формами опосредствования перемещения покоем (в случае бодрствования) и покоя перемещением (в случае сна). Хотя в состоянии бодрствования человек почти непрерывно двигается, совершает различного рода перемещения, он все же немало времени пребывает и в относительном покое вплоть до кратковременного дневного сна. Также и сон опосредован различными движениями тела. В стадии "быстрого" сна человек может совершать сложные координированные движения (например, грести руками). Специалисты утверждают, что "быстрый сон" и связанные с ним телодвижения необходимы для полноценного отдыха.

333.2. Движение во времени

333.2.1. Изменение, сохранение

На следующей странице дана *диаграмма (структурная схема) категории "движение во времени"*.

На диаграмме представлены четыре субкатегории: изменение, сохранение, развитие, состояние.

Изменение и *сохранение* — противоположные виды или моменты *движения во времени*. В чистом, непосредственном виде они действуют в неорганической природе. *Развитие* — органический синтез, опосредствование изменения и

¹ Там же. С.14.

сохранения.

Эта категория действует в живой природе и человеческом обществе.

Состояние — связующее звено между "движением во времени" и временем; *это* — *нахождение или пребывание материального объекта в том или ином моменте времени.*

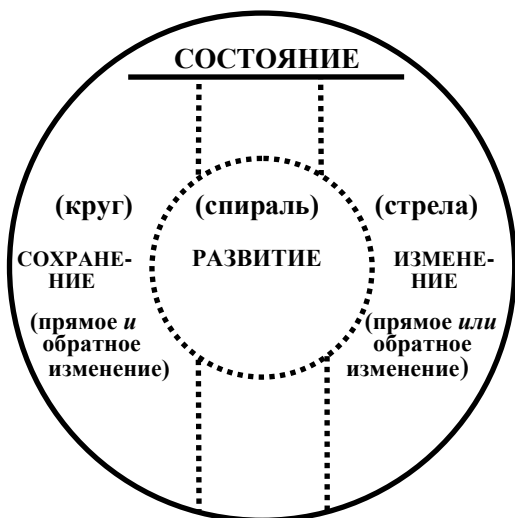

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории «ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ»

Если в отношении *изменения* это более или менее ясно со времен гераклитовского *panta rei* ("все течёт"), то в отношении *сохранения* вопрос не так прост. С одной стороны, все знают древнее изречение "ничего нет нового под луной". С другой, различного рода релятивисты, псевдодиалектики, революционеры очень не любят эту категорию и все, что за ней стоит. Философы стали серьезно обсуждать проблемы сохранения и говорить о консерватизме в хорошем смысле лишь в связи с открытием принципов-законов сохранения, прежде всего закона сохранения энергии, и с открытием фундаментального генетического консерватизма в живой природе. Важность категории сохранения видна из того, что ей соответствуют *тождество, внутреннее противоречие, связь, необходимость, закон, порядок, целое, всеобщее (общее), подобие, равенство, покой, симметрия.*

Отсюда «внутренние» определения изменения и сохранения будут такими:

Изменение есть переход из одного состояния в другое.

Сохранение есть пребывание в одном и том же состоянии.

Таким образом, "движение во времени" выражается в двух субкатегориях и ни одна из них не является преобладающей, главной. В мире одинаково "сильны позиции" изменения и сохранения.

Сохранение — это выражение тождества в движении во времени. А изменение — выражение различия и противоположности в движении во времени.

О категории "состояние"

Несмотря на различные толкования категории "состояние", у разных авторов прослеживается одна линия понимания категории¹.

Итак, понятие состояния связывается 1) с процессами изменения и сохранения, и 2) с временем, точнее, с нахождением в данный момент времени. Такой подход вполне соответствует нашему. Имеются отдельные разночтения, но они не имеют существенного значения. Их можно отнести на тот счет, что авторы определений почти интуитивно, почти наощупь "улавливали" смысл понятия состояния, пользуясь лишь разрозненным эмпирическим материалом. В нашей же версии категориальной логики смысл этого понятия фиксирован совершенно четко, однозначно.

Рассмотрим теперь вопрос о том, к чему относится состояние или, по другому, о состоянии *чего* следует говорить. Выше, в определении этой категории мы говорили о состоянии *материального объекта*. В подлинном смысле речь должна идти не о состоянии материального объекта (ведь объект можно интерпретировать как отдельный, единичный, изолированный предмет, вещь), а о состоянии *материи*. Переход из одного состояния материи в другое может быть и количественным, и качественным, и предметно-субстанциальным, и каким угодно другим. Любое изменение материи есть изменение ее состояния, есть переход из одного состояния в другое. Если возьмем отдельный материальный объект (например, какой-нибудь химический элемент), то в случае превращения этого объекта в другой мы будем иметь не просто изменение состояния данного объекта, а изменение состояния вида материи, к которому объект относится (химического элемента). Мы,

¹ См.: Столяров В.И. Процесс изменения и его познание. М., 1966. С. 26. Свечников Г.А. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971. Симанов А.Л. Понятие "состояние" как философская категория. Новосибирск, 1982. С. 60.

например, знаем, что в результате радиоактивного распада уран в конечном счете превращается в свинец. Как будто здесь речь идет не об изменении состояния объекта, а о его превращении в другой. Однако, если мы поставим вопрос о состоянии химического элемента вообще, то увидим, что превращение урана в свинец означает переход химического элемента из одного состояния в другое. Такое же рассуждение можно провести и в случае, когда атом полностью разрушается, распадается на элементарные частицы. Превращение атома в отдельные элементарные частицы есть не что иное, как изменение состояния *вещества* — вида материи в более широком смысле. Далее, если мы рассмотрим ситуацию, когда вещество превращается в поле (т. е. аннигилирует), то в таком случае следует говорить уже не об изменении состояния вещества, а об изменении состояния *физической материи* и т. д.

Нельзя понимать состояние только как состояние *данного* объекта. По своей сути оно является *многослойным, иерархичным*, так же как многослойны, иерархичны материя и движение.

Еще один пример. Физики говорят о трех и даже о пяти агрегатных состояниях вещества: твердом, жидком, газообразном, плазменном и сверхплотном. (Часто вместо понятия "агрегатное состояние" они используют другие понятия — *фазовое состояние* или просто *фаза* /говорят, например, о веществе, находящемся в твердой, жидкой или газообразной фазе/). Понятия состояния и фазы выбраны физиками не случайно. Исторически сложилось так, что главное внимание они обращали на переходы из одного состояния вещества в другое. Поэтому для них удобнее было говорить не о видах вещества, а о состояниях вещества.

Можно сделать общий вывод: *виды материи, рассматриваемые с точки зрения их превращения друг в друга, суть состояния материи. Вопрос о состоянии чего-либо возникает всякий раз, когда речь заходит об изменении или сохранении этого чего-либо.* Мы, таким образом, лишним раз убеждаемся в том, что состояние — субкатегория движения, точнее, движения во времени.

Кстати, представления физиков об агрегатных состояниях вещества являются одним из лучших опровержений той точки зрения, что понятие состояния характеризует лишь данный объект предмет, явление). В самом деле, вещество — это не

данный объект, а *вид* материи. Далее, если мы рассмотрим состояния вещества в отдельности, то увидим, что каждое из них имеет *свои* состояния. Например, твердое тело может находиться в более нагретом и менее нагретом состоянии. А если мы закалим сталь, то "переведем" ее из относительно мягкого состояния в более твердое. Налицо многослойность, иерархия состояний. *Всякое состояние есть в конечном счете состояние материи.*

Всякое изменение можно представить как переход или "кусочек" перехода из одного противоположного состояния в другое. Причем, степень противоположности между состояниями весьма различна. Например, сталь в качестве твердого тела может быть мягкой или твердой. Это одна противоположность состояний. Если мы возьмем твердое и газообразное состояния вещества, то это уже другая, более глубокая противоположность состояний. Если мы возьмем для сравнения вещество и поле, то это будет еще более глубокой противоположностью состояний физической материи. Наконец, если мы возьмем для сравнения вещество и антивещество, то это будет самой глубокой противоположностью состояний физической материи из известных на сегодняшний день. Вполне возможно, что наука будущего обнаружит еще более глубокие противоположности, т. е. еще более противоположные состояния материи. Материя беспредельна и беспредельна глубина ее противоположных состояний (беспредельна противоположность ее состояний).

Придет время, когда вещество и антивещество будут рассматривать как противоположные состояния какого-то еще более фундаментального вида материи. Физики, кстати, приближаются к этому времени. На роль фундаментального вида материи претендует физический вакуум.

Виды изменения

Непрерывно-количественные изменения: *рост, увеличение, уменьшение* (изменения величины).

Дискретно-количественные изменения: *размножение, вымирание, тиражирование, рассеяние, распыление* и т. п. (изменение множества).

Качественные изменения: *превращение (возникновение и*

уничтожение, исчезновение).

Целое + изменение: *объединение, соединение, синтез, слияние, интеграция* и т. п.

Часть + изменение: *разрушение, распад, разложение, дробление, разъединение, деление* (например, ядра атома) и т. п.

Структура + изменение: *деструкция, деформация, кристаллизация* и т. п.

Организация + изменение: *организация* (как процесс), *дезорганизация*.

Новое и старое + изменение: *обновление, старение*.

Как показывает анализ, все указанные виды изменения делятся на *прямые* и *обратные*. Можно заранее утверждать, что и любой другой вид изменения, который не указан здесь, также делится на прямое и обратное изменение. Такова диалектика движения во времени. Прямыми изменениями являются процессы увеличения, размножения, возникновения, объединения, структурализации и т. п. Обратными изменениями являются процессы уменьшения, вымирания, разрушения, уничтожения, деструкции и т. п.

Отсюда легко перейти к категории сохранения. Те процессы, в которых прямое и обратное изменения более или менее уравнивают друг друга, являются как раз *сохраняющими* процессами или процессами сохранения. Сохранение в таком случае можно определить как *взаимопереход* прямых и обратных изменений. (Понятие равновесия здесь меньше подходит, поскольку равновесие прямых и обратных изменений в сохраняющем процессе есть лишь момент их взаимоперехода).

Прямые и обратные изменения в чистом виде мы наблюдаем только в неорганической природе (например, аннигиляция и/или рождение пары "частица-античастица"). В живой природе и человеческом обществе, а точнее, в процессах *развития* прямые и обратные изменения *опосредуют* друг друга и в целом изменение и сохранение в процессах развития глубоко опосредуют друг друга (см. ниже).

3332.2. Развитие

Развитие есть сложное органическое движение во времени, органическое единство (взаимоопосредствование) изменения и сохранения.

Развитию соответствуют в семействе "виды материи" *организмизм* и *сообщество*, в семействе "качество" — *индивидуальное*

и *типическое*, в семействе "мера" — *норма*, в семействе "противоречие" — *сложное противоречие*, в семействе "становление" — *деятельность*, в семействе "возможность" — *свобода*, в семействе "действительность" — *сущность*, в семействе "движение в пространстве" — *поведение* и т. д.

Развитие — сложноорганизованное изменение циклического характера. В нем, как уже было сказано, осуществляется органический синтез изменения и сохранения. Момент сохранения в развитии выражается в понятии *повторяемости* или возвращения якобы к старому. Момент изменения — в понятиях *необратимость. поступательность*. См. рис.

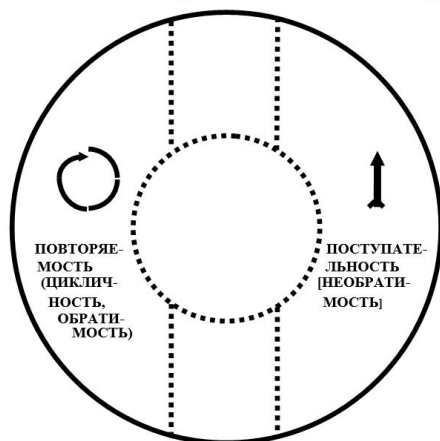

Рис. Диаграмма
(структурная схема)
категории «РАЗВИТИЕ»

Геометрическим образом развития, как и сложного противоречия, является *спираль*. Развитие органически соединяет *стрелу времени* и *круг времени* (периодичность, ритм), т. е. необратимость и обратимость.

Развитие — это реорганизующее, а не разрушающее или созидующее, изменение. Это изменение *во имя* сохранения (наверное, можно сказать и наоборот: сохранение *во имя* изменения; ни одна из указанных сторон в развитии не преобладает, если говорить о развитии вообще, в целом, как категориальном определении).

Если рассматривать развитие с точки зрения соотношения

прямых и обратных изменений, то вырисовывается такая картина. Когда речь идет просто об *изменении*, то это *либо* прямое изменение (возникновение, созидание), *либо* обратное изменение (уничтожение, разрушение). Здесь действует «закон» *или*.

Когда речь идет о *сохранении* (сохраняющемся процессе), то в нем прямое и обратное изменение уравнивают друг друга и в целом мы наблюдаем сохранение. В этом случае действует «закон» *и* (прямое *и* обратное изменение).

Теперь, если мы возьмем *развитие*, то увидим, что в нем действуют сразу оба «закона»: *или* и *и*. Рассмотрим это на примере индивидуального развития человека. Сначала рождение, затем рост, взросление, возмужание. Здесь преобладают процессы, которые имеют характер прямого изменения (возникновение, созидание). На стадии старения преобладают процессы, имеющие характер обратного изменения (разрушения, уничтожения). В зрелом возрасте процессы созидания и разрушения уравниваются. Таким образом, в одном случае мы видим "или": либо рост и взросление, либо старение и умирание; а в другом случае — "и": созидание и разрушение в зрелом возрасте, т. е. человек в этот период одновременно растет и стареет, причем в одинаковой мере.

Далее, в зависимости от *глубины* опосредствования изменения и сохранения развитие бывает *разной степени сложности* (говорят еще о *низших и высших формах* развития).

Развитие *первой* степени сложности (низшая форма развития) это, очевидно, развитие простейшего живого организма, каковым является одноклеточный организм. Такое развитие имеет две стадии (ступени, фазы): рост (метаболизм) и деление (митоз). На стадии роста (метаболизма) мы видим опосредствование изменения сохранением. Формула опосредствования: (И — Сх — И), где И — изменение, Сх — сохранение. Если взять простейший метаболический процесс — ферментативную реакцию, — то увидим, что в этом процессе направленное *изменение* опосредуется ферментом — белком с *сохраняющейся* структурой. На уровне всеобщего метаболизма клетки таким опосредователем выступает молекула ДНК.

На стадии деления (митоза) мы видим противоположное опосредствование — сохранения изменением: (Сх — И — Сх). Сохранение в "лице" молекулы ДНК опосредуется митотическим процессом деления — молекула ДНК изменяется, но так, 156

что в конечном счете она остается той же самой. Сохранение опосредуется изменением. (Подробнее о процессах, происходящих в одноклеточном организме, см. ниже, 344.6. "Сложное (органическое) противоречие 1-ой степени").

Таким образом, развитие 1-ой степени сложности можно выразить в виде формулы взаимоопосредствования:

$$P^1 = (C_x \text{ — } [I \text{ — } C_x] \text{ — } I)$$

Развитие высших животных — это уже развитие n-ой степени сложности. В нем мы видим не две стадии (рост и деление), а несколько: зародыш, детеныш, взрослая особь, старая особь. Взрослая особь дает потомство. Так что и в развитии n-ой степени сложности просматриваются два фундаментальных процесса: рост и размножение, обмен веществ (метаболизм, ассимиляция + диссимиляция) и воспроизведение себе подобного.

Спиралевидность развития наиболее ярко выступает в факте воспроизведения себе подобного. Рождение и воспитание новой особи — это возвращение якобы к старому: рождению и воспитанию особи-родителя.

Как мы уже говорили, повышение степени сложности развития обусловлено или выражается в *углублении* взаимоопосредствования изменения и сохранения. Это углубление происходит как бы скачками. Развитию 1-ой, 2-ой, 3-ей и т. д. степени сложности соответствуют различные дискретные уровни взаимоопосредствования.

Чем сложнее развитие, тем более глубокие слои (пласты) изменения и сохранения оно "захватывает" в результате взаимоопосредствования этих противоположных форм движения во времени.

Сопоставим для примера: *развитие* одноклеточного организма и *развитие* высшего животного. Последнее на несколько порядков сложнее-выше первого. И что же мы видим?

Рамки сохранения и изменения у высших животных раздвинуты неизмеримо больше, чем у одноклеточных организмов. Глубина и спектр изменений намного сильнее выражены у высших животных (взять хотя бы такой аспект изменений, как энергетический: энергия преобразований в организме высоко развитого животного не идет ни в какое сравнение с энергией преобразований в одноклеточном организме. То же можно сказать о сохранении или сохраняемости (устойчивости).

Например, продолжительность жизни одноклеточного организма в среднем намного меньше продолжительности жизни высшего животного (мы не берем, конечно, случаи анабиоза, когда одноклеточные организмы могут в споровидном состоянии существовать очень долго).

Выше мы приводили примеры *индивидуального* развития, т. е. развития отдельных организмов, живых существ, особей, людей. Однако развиваться могут и их *сообщества*. Сообщество, если это действительно сообщество, имеет определенные черты организма и поэтому оно не просто изменяется, а развивается *подобно* организму. В самом деле, мы говорим, например, о народах, нациях, странах, цивилизациях, которые в прошлом "проходили" определенный цикл развития, "переживали" разные фазы своего развития подобно живому организму, а именно, *возникновение, подъем, расцвет, упадок, гибель* (сравн. фазы индивидуального развития человека: рождение, юность, зрелость, старость, смерть). — См. ниже *диаграмму (структурную схему) высших форм развития* — 1+n-ой степени сложности:

Следует подчеркнуть: развитие сообщества подобно, но не тождественно развитию организма. Здесь скорее нужно говорить о двух *разных типах* развития: *историческом* и *индивидуальном*. Поскольку под историческим развитием порой имеют в виду то, что мы называем *становлением* (см. 3.5.1. "Общая характеристика становления"), будем употреблять

лишь выражение "развитие сообщества".

Итак, в развитии сообщества более сильно выражены статистические, вероятностные моменты. Это, во-первых. Во-вторых, развитие сообщества, как бы сказать, менее правильно, менее спиралевидно. Оно может представлять собой толь-

ко один сильно вытянутый виток спирали или несколько вытянутых витков. (Развитие организмов представляет собой, как правило, непрерывный ряд витков — длинную и достаточно сжатую спираль, или непрерывную цепь поколений). Одним словом, развитие сообщества по сравнению с развитием организма более "размыто", менее четко выражено и, в самом деле, напоминает становление. Развитие организма по форме ближе к кругу, а развитие сообщества — ближе к стреле. Исходный и конечный пункты в цикле индивидуального развития ближе друг к другу, точнее, более подобны друг другу, чем исходный и конечный пункты в цикле развития сообщества.

Субкатегориями развития являются следующие:

цикл развития (это как бы "целое" развития);

фаза, стадия, ступень развития (а это как бы "часть" развития);

рост и размножение (это как бы "непрерывное и дискретное количество" развития; *рост* — непрерывно-количественное изменение (увеличение), а *размножение* — дискретно-количественное изменение);

эмбриогенез, рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть — качественно отграниченные стадии индивидуального развития. Им соответствуют понятия *взросление, созревание, возмужание, старение, развитость, неразвитость, недоразвитость, взрослость* и т. д.);

возникновение, подъем, расцвет, упадок, гибель — качественно отграниченные стадии развития сообщества (преимущественно, человеческих сообществ).

Таков примерный список субкатегорий.

Дадим некоторые пояснения диаграмме развития. Из диаграммы видно, что мы проводим различие между "взрослостью" и "зрелостью". "Взрослость" — это просто промежуточное состояние между "юностью" и "старостью", а "зрелость" — органический синтез всего положительного, что имеется в "юности" и "старости". Мы говорим, например, о зрелости индивидуума и отличаем ее от простой "взрослости". Показателем зрелости является возраст. Показателем зрелости является не только возраст, но и деяния, как говорят, не мальчика, но мужа. Для высшего животного показателем зрелости является не просто способность к воспроизведению себе подобного, а рождение и воспитание детеныша. Именно этим живот-

ное оправдывает свою жизнь. Зрелость — это такое состояние организма, когда возникает действительная связь поколений, когда передается эстафетная палочка родовой жизни другим поколениям. И для человека мериллом зрелости является "делание" бессмертия: в эстафете родовой жизни он должен стремиться к тому, чтобы факел его жизни не угас прежде, чем он передаст огонь другим людям, другим поколениям.

3.4. Противоречие

3.4.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОТИВОРЕЧИЯ

Если выразить суть диалектики одним словом, то это будет — *противоречие*. Когда мы говорим о *диалектике* чего-либо или называем нечто *диалектическим*, то подразумеваем под этими словами реальное противоречие, реальную противоречивость, реально противоречивый характер чего-либо.

В нашей версии категориальной логики противоречие¹ занимает одно из центральных мест. Оно выражает абстрактное единство материи и движения. Оно есть то, что связывает их, что «делает» материю движущейся, а движение материальным.

Объективный смысл реальных противоречий — в том, что они не плод досужего воображения и не следствие логических ошибок, а присущи вещам и процессам объективного мира независимо от того, мыслим мы их или нет.

Противоречие осуществляет диалектическую связь материи и движения, "сталкивает" их как противоположные определения и в то же время сливает их воедино. Противоречие является всеобъемлющей, универсальной формой единства материи и движения. Иными словами, противоречивость реального мира имеет универсально-всеобщий характер.

Вместе со становлением противоречие является после ма-

¹ Здесь и далее речь будет идти о реальных, объективных, одним словом, диалектических противоречиях. В тех случаях, когда нужно провести различие между понятием реального противоречия и понятием (формально)логического противоречия, будут употребляться соответственно выражения "реальное, объективное, диалектическое противоречие" или "логическое, формальнологическое противоречие".

терии и движения наиболее фундаментальным определением мира.

«Внешнее" определение противоречия

Характеристика противоречия как абстрактного единства материи и движения есть его "внешнее" определение. Необходимость такого определения диктуется следующими соображениями.

Общее соображение таково: нам представляется (и об этом мы уже говорили во введении), что определенность любой философской категории может быть выявлена в полной мере лишь в том случае, если определено не только ее внутреннее содержание, связь с подчиненными ей категориями и понятиями, но также и ее связь с теми категориями, которые являются основополагающими в данной системе категорий.

Частное соображение, касающееся категории противоречия, таково: противоречие можно считать одной из основных философских категорий и, соответственно, категорий мышления лишь в том случае, если определено его отношение и материи и движению — наиболее фундаментальным определениям мира и, соответственно, основополагающим философским категориям.

Что дает "внешнее" определение для понимания противоречия?

1. Это определение, фиксируя связь категории противоречия с категориями материи и движения, характеризует противоречие именно как категорию, включенную в систему категориальной логики. Простое указание на центральное положение этой категории в категориальной логике, как это обычно делали при ее характеристике, не решает проблемы. В этом случае остается неясным, в каком конкретном отношении находится противоречие к основополагающим категориям.

2. Из определения вытекают такие существенные черты противоречия как *реальность* и *всеобщность*.

3. Определение позволяет перейти от декларирования связи материи и движения к ее философскому, категориально-логическому (не естественнонаучному) исследованию: исследуя противоречие (и становление), мы тем самым исследуем связь материи и движения.

4. Данное определение по-новому ставит вопрос о соотношении противоречия и движения. Из него вытекает одно важное следствие: если противоречие есть связь материи и движения, то, значит, нет противоречивости движения самого по себе.

Все дискуссии о противоречивости движения самого по себе, по нашему мнению, не могут привести к положительному результату, так как они с самого начала исходят из ложной посылки, заключающейся в том, что движение противоречиво само по себе, что его можно рассматривать как противоречие вне связи с материей, которая низводится в этом случае до положения абстрактной точки или абстрактного тела, т. е. фактически выводится за скобки.

В этой связи методологически несостоятельны попытки исследовать противоречивость *механического* движения. Они, кстати, несостоятельны и с точки зрения современной физики. Говорить об отображении механического движения в понятиях нельзя по той простой причине, что само это движение является лишь понятием, т. е. лишь абстракцией реального движения. Реального механического движения как особого вида движения не существует.

Как классическая, так и квантовая механика изучает движение в известном отвлечении от материи. Реальное движение представляется в них как некая идеализированная модель, абстрагированная от материи. Этой моделью и является механическое движение. Поэтому, если следовать определению противоречия как единства материи и движения, то нельзя говорить о противоречивости механического движения.

5. «Внешнее» определение ориентирует на познание иерархической структуры противоречия. Что это значит? Как мы уже говорили в п. 3.1. "Материя и движение", мир противоречив, "соткан" из бесчисленного множества реальных противоречий. Если рассматривать его как более или менее упорядоченное целое, то нужно признать, что множество противоречий — это не набор сосуществующих противоречий, расположенных одно возле другого и не связанных друг с другом. Оно представляет собой иерархическую систему взаимосвязанных противоречий. А иерархическая система предполагает основное противоречие, которое содержит в себе все другие противоречия. Такое противоречие по смыслу должно связывать основные определения мира. Ими как раз и являются, по нашей

версии, материя и движение. Последние, образно говоря, стягивают все противоречия мира в один узел. Какое бы конкретное противоречие мы ни взяли, оно будет либо непосредственным частным выражением противоречия между материей и движением, либо опосредованным отражением (рефлексированием) этого противоречия в системе других категориальных определений, подчиненных материи и движению. Все пары (диады) и триады категорий являются ничем иным, как *отражением* категории противоречия в системе определений родительской категории (например, в системе определений категории "качество" такой парой категорий являются всеобщее и специфическое).

«Внутреннее» определение противоречия

"Внутреннее" определение противоречия таково: *противоречие есть возникновение и/или уничтожение противоположностей*. В этом определении противоречие характеризуется как единство *тождества* и *противоположности*. Последние являются *сторонами* противоречия. Возникновение противоположностей означает переход от тождества к противоположности; уничтожение противоположностей означает переход от противоположности к тождеству. Промежуточными звеньями, моментами, осуществляющими переход от одной стороны противоречия к другой являются *сходство* и *различие*. Таким образом, выстраивается цепочка переходов: "тождество-сходство-различие-противоположность". Противоречие есть *целокупность* указанных моментов. Каждый из них в отдельности не составляет противоречия. Только вместе они "делают" противоречие противоречием.

Проанализируем теперь под критическим углом некоторые наиболее распространенные в нашей философской литературе недавнего прошлого определения диалектического противоречия.

Нередко противоречие характеризовали просто как *отношение противоположностей*.

Во-первых, это определение, хотя и этого его авторы или нет, отождествляет по существу понятие противоречия с понятием противоположности. Ведь слово "противоположность" имеет двоякий смысл. Оно может употребляться как в смысле

отношения сторон (например, противоположность между белым и черным), так и в смысле *сторон* отношения (например, северный и южный полюсы противоположности друг друга). Оба смысла слова "противоположность" практически совпадают. В самом деле, всякое отношение противоположностей есть в то же время отношение противоположности и, наоборот, всякое отношение противоположности является отношением противоположностей, между противоположностями. Отсюда видно, что определение противоречия как отношения противоположностей не позволяет отличить понятие противоречия от понятия противоположности.

Во-вторых, если даже под отношением противоположностей понимать не противоположность, а что-то другое, скажем, единство, борьбу или взаимодействие, то и в этом случае определение противоречия как отношения противоположностей нельзя признать удовлетворительным. Оно слишком широко. Под отношением противоположностей можно понимать как единство, борьбу, взаимодействие, взаимные переходы противоположностей, так и неподвижное противостояние, сосуществование противоположностей. Человеческий ум видит много противоположностей и полярностей в окружающем мире. Даже самый закоренелый противник диалектики не станет отрицать существование целого ряда противоположностей, таких как правое-левое, верх-низ, черное-белое, север-юг и т. п. Но все дело в том, что он, признавая противоположности и их присущность вещам объективного мира, не признает существование объективных противоречий. Для него отношение противоположностей есть нечто фиксированное. Понятие реального противоречия тем и отличается от понятия противоположностей, что оно выражает не просто отношение противоположностей, а их движение, их переходы друг в друга, их возникновение и гибель.

И, в-третьих, данное определение неприемлемо потому, что оно содержит в себе возможность вульгаризаторского истолкования противоречия.

Философы, исходящие из того, что стороны противоречия — противоположности, недооценивают, по нашему мнению, момент тождества сторон противоречия. Диалектически понимаемые тождество и противоположность — не только внутренние, взаимопроникающие моменты противоречия, но также и внешние, исключаящие, вытесняющие друг друга мо-

164

менты. Поэтому, если мы говорим о противоречии только как некотором соотношении противоположностей, то здесь на первый план выступает именно момент противоположности, вытесняющий, "оставляющий за бортом" другой его момент — тождество.

В определении противоречия как деятельного соотношения противоположностей (будь то единство, борьба или взаимодействие) не преодолевается до конца представление о статическом отношении (*противостоянии*) противоположных сторон. Термины "единство", "борьба", "взаимодействие" и т. п. подчеркивают динамичный характер противоречия, но эта динамичность не идет дальше отношения противоположения, противостояния. В ней можно только угадывать, предполагать диалектику переходов противоположностей друг в друга, их возникновение и уничтожения.

Другие философы, которые характеризуют противоречие как некоторое соотношение *различных* сторон, совершают, на наш взгляд, противоположную ошибку: они допускают существование противоречий, в которых отсутствует момент противоположения.

Те и другие философы мыслят альтернативой: либо стороны противоречия всегда противоположны, а различию и тождеству их нет места в противоречии, либо стороны противоречия только различны и не обязательно должны быть противоположными. Между тем диалектическое противоречие потому и противоречие, что оно соединяет вместе, сплавляет тождество, различие и противоположность.

Близки к такому пониманию противоречия философы, которые определяют его как *тождество противоположностей*. Однако и это определение содержит в себе некоторую однобокость, а именно, "понятие тождества применительно к противоречию может быть понято как *полное* тождество противоположностей — в таком случае исчезает само противоречие, поскольку противоположности "растворяются" друг в друге".

Выражение "тождество противоположностей" содержит в себе возможность абсолютизации тождества и недооценки противоположности. Сама конструкция его такова, что на первый план выдвигается момент тождества, совпадения противоположных сторон. Здесь также есть возможность для истолкования диалектического противоречия в духе релятивизма и

софистики.

Итак, критический анализ некоторых аспектов понимания категории противоречия в нашей философской литературе показывает, что для осмысления диалектики противоречий во всей полноте и глубине нужна целостная концепция, теория противоречий, а не просто отдельные соображения по поводу тех или иных аспектов проблемы противоречий. Определение противоречия должно играть роль категориально-логического центра концепции-теории. В противном случае оно (определение) превращается в *толкование*, т. е. в определение на уровне толкового словаря. Предлагаемое нами "внутреннее" определение противоречия решает как раз задачу формирования концепции-теории. Оно лежит в основе определений *внутреннего* и *внешнего* противоречий, которые в свою очередь образуют фундамент "здания" диалектики противоречий.

В нашем определении противоречия ключевым словом является "*противоположность*". Это слово нуждается в пояснении. Философы, при всем различии подходов к пониманию противоположности, сходятся в одном: что противоположность и отрицание (в смысле А и не-А) — не одно и то же.

Так же и реальное диалектическое противоречие, определяемое через противоположности, *отличается* от логического противоречия, имеющего форму простого отрицания. Конечно, лучше было бы, если бы диалектическое противоречие обозначалось другим термином, но так уж исторически сложилось, что то и другое противоречия мы называем одинаково.

(Этим мы обязаны Гегелю — создателю учения о диалектических противоречиях. Именно он первый утверждал и пытался доказать, что диалектика противоречий пронизывает *всю* реальность. Как первооткрыватель диалектических противоречий Гегель не вполне ясно представлял себе их отличие от логических противоречий. В ряде случаев он изображал их в форме логических противоречий (как «А и не-А»)¹. Но, с дру-

¹ Вот пример: "Само внешнее чувственное движение есть непосредственное наличное бытие противоречия. Нечто движется не так, что оно в этом "теперь" находится здесь, а в другом "теперь" там, а только так, что оно в одном и том же "теперь" находится здесь и не здесь, в одно и то же время находясь и не находясь в этом "здесь". Необходимо согласиться с древними диалектиками, что указанные 166

гой стороны, связывая понятие диалектического противоречия с понятием противоположности¹ Гегель по существу дал, сам того не подозревая, критерий разграничения диалектического и логического противоречий.)

Итак, противоположность и отрицание — разные "вещи". Такие пары понятий, как "утверждение-отрицание", "белое-небелое", "стол-нестол", "движение-недвижение", не составляют противоположности, так как одно из этих понятий определяется исключительно через отрицание другого. Отношение отрицания только тогда является отношением противоположности, когда одна сторона не просто отрицает другую, а противостоит ей.

Чтобы определить противоположность, нужно выполнить, по крайней мере, три условия.

Первое условие: соотносящиеся стороны должны отрицать, исключать друг друга.

Второе условие: та сторона, которая отрицает другую, должна иметь помимо этого отрицательного содержания также некоторое положительное содержание, которое являлось бы ее собственным, самоопределяющим содержанием.

Этого условия вместе с первым еще недостаточно для того, чтобы считать соотносящиеся стороны противоположными. Поясним это на примере: зеленое по отношению к белому является небелым (имеет отрицательное содержание) — выпол-

ими противоречия в движении действительно существуют; но отсюда не следует, что движения поэтому нет, а следует, напротив, что движение — это само *налично суще*е противоречие" — Гегель. Наука логики. Т. 2, М., 1971. С. 66.

¹ Приведем две характерные цитаты. Из Малой логики: "нет вообще абсолютно ничего, в чем мы не могли бы и не были бы вынуждены обнаружить противоречие, т. е. противоположные определения" (Гегель. Энциклопедия филос. наук, т. 1, М., 1974. С. 227; § 89). Из Большой логики: "*мыслящий* разум заостряет, так сказать, притупившееся различие разного, простое многообразие представления до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь доведенные до крайней степени противоречия, многообразные /моменты/ становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности" (Гегель. Наука логики. Т. 2, М., 1971. С. 68).

няется первое условие; кроме того, зеленое имеет вполне определенное положительное содержание, отличающее его от других небелых (красного, серого и т. д.) — выполняется второе условие; тем не менее, зеленое нельзя считать противоположностью белого.

(Кстати, гегелевское "свое иное" не может служить эквивалентом противоположности, так как оно не в полной мере характеризует последнюю. "Свое иное" обозначает лишь то, что иное нечто принадлежит к тому же роду, классу, что и само нечто. В вышеприведенном примере зеленое — это "свое иное" белого. Ведь они принадлежат к одному и тому же роду, а именно, к цвету. Не своим иным для белого является, например, звук, твердость, запах. Гегелевское "свое иное" может характеризовать противоположность лишь в тех немногих случаях, когда существуют два и только два объекта одного и того же рода, находящиеся в отношении противоположности. Например, для берега реки "своим иным" может быть только противоположный берег реки. То же самое справедливо для стороны улицы.)

Итак, необходимо выполнить еще одно, *третье условие*: каждая из соотносящихся сторон должна иметь такое положительное и отрицательное содержание, которое делало бы ее не просто "иным" другой стороны и не просто некоторым определенным "иным", а "иным" в наибольшей степени. Такое содержание имеют стороны, которые определены как *противостоящие* друг другу. Одна сторона противостоит другой, если она отрицает ее в наибольшей степени, является ее "отсутствием, которое выявлено в полной мере" (Аристотель), и если между сторонами имеется или возможно некоторое промежуточное состояние, по отношению к которому они выступают как крайние члены.

Данное условие обнаруживает тот факт, что между противоположными сторонами имеет место не только отношение отрицания, исключения, но и отношение взаимного полагания, обусловленности. В самом деле, если некоторая сторона определена как сторона отношения противоположности, то ей вовсе не безразлично, какая сторона ее отрицает; из всех отрицающих сторон она "выбирает" лишь ту, которая противостоит ей. Налицо отношение полагания: полагается противоположной сторона, противостоящая ей.

Рассмотренные условия определения противоположности

позволяют охарактеризовать ее так: *противоположности* — это такие соотносящиеся стороны, которые исключают (*противны* друг другу) и обуславливают (*полагают*) друг друга. Само слово очень точно характеризует понятие "противоположность".

Далее, следует иметь в виду, что не всякая *мыслимая* противоположность является *диалектической* противоположностью. Например, такие противоположности как "правое-левое", "верх-низ", "север-юг" осознаются обычно (обыденным сознанием) как застывшие, фиксированные противоположности. Диалектической является лишь такая противоположность, которая определена как *момент* диалектического противоречия. Сформулированное выше "внутреннее" определение противоречия характеризует не только противоречие, но и противоположность. В полном своем значении оно является *взаимоопределением* понятий противоречия и противоположности.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о таких соотносительных понятиях как «конечное-бесконечное», "дискретное-непрерывное", «порядок-беспорядок». Одно из этих понятий образовано через отрицание другого, буквально путем приставления частиц отрицания "без" и "не". Это, однако, не значит, что указанные понятия только отрицают (в смысле А и не-А) и не могут рассматриваться как противоположности отрицаемых понятий. Возьмем понятие бесконечного. Разве оно только не-конечное? С точки зрения формальной логики в объеме понятия "не-конечное" входит все, что угодно, кроме самого конечного. Например, "острое", "влажное", "глупое". Бесконечное не является таким "не-конечным". Оно, во-первых, и прежде всего, — "свое иное" конечного, т. е. объединено с конечным в более общую категорию (в нашем случае — в количестве). Во-вторых, оно может быть как просто "своим иным" конечного, своим отрицанием конечного в разной степени, так и "неконечным" в наибольшей степени, т. е. противоположностью конечного. То же самое можно сказать о *непрерывном, беспорядке* и всех подобных понятиях.

О том, что бесконечное и непрерывное не являются в содержательном смысле отрицательными понятиями, говорит также следующее. Одно из частных значений бесконечного, его отражение во времени — вечное, вечность — является

всцело положительным понятием. Еще интереснее дело обстоит с понятием непрерывного. В русском языке у этого понятия-слова имеются положительные синонимы — сплошной, континуальный (от лат. *continuus* — сплошной, непрерывный). Более того, во многих европейских языках вместо отрицательного понятия "непрерывное" фигурирует вполне положительное понятие, производное от латинского "*continuum*". Так, в немецком языке непрерывность переводится как "*Kontinuitat*". Имеется и чисто немецкое слово "*Stetigkeit*". Любопытно, что наше русское положительное понятие "прерывность" фигурирует в немецком языке как отрицательное — "*Diskontinuitat, Unstetigkeit*".

Воистину пути естественного языка неисповедимы. Наша задача — вовремя выявлять языковые аномалии и не давать сбить себя с толку этими аномалиями. В самом деле, понятия, образованные путем простого отрицания, — это такого рода аномалии, которые могут подтолкнуть на ложный путь отождествления диалектических и формальнологических противоречий, что чревато, с одной стороны, невообразимой путаницей и "деланием" диалектических глупостей, а с другой, сознательной фальсификацией концепции диалектики и софистикой.

3.4.2. СТРУКТУРА ПРОТИВОРЕЧИЯ

Как определено выше, *сторонами* противоречия являются *тождество* и *противоположность*. Они составляют основу структуры противоречия.

Далее, если мы говорим о *множестве* реальных противоречий, (а этот факт вряд ли кто будет оспаривать), то неизбежно встает вопрос о видах противоречий, так как это множество заведомо не может быть ни собранием абсолютно одинаковых противоречий, ни собранием абсолютно уникальных противоречий.

Очевидно, что различие видов противоречий обусловлено, прежде всего, *различным* соотношением (взаимоотношением) сторон противоречий — тождества и противоположности.

Естественно предположить, что в противоречиях одного вида (назовем их противоречиями типа "P") преобладает *противоположность*, а в противоречиях другого вида (назовем их противоречиями типа «Q») преобладает *тождество*. Мы

разделили, таким образом, противоречия на два типа: "P" и "Q". Основанием деления в данном случае является различное соотношение сторон противоречия — тождества и противоположности.

Посмотрим теперь, является ли это основание деления единственным. В жизни, в мире мы наблюдаем не только некоторое множество сосуществующих, рядоположенных противоречий, но и *иерархию* противоречий. Одни противоречия сосуществуют, расположены одно рядом с другим, а другие противоречия "взаимодействуют" и даже "связываются" друг с другом, образуя сложные, составные противоречия. Значит, противоречия могут различаться не только по характеру взаимоотношения их сторон, но и по степени сложности, составленности одних противоречий из других. Одни противоречия являются более сложными, а другие — менее сложными или более простыми.

Таким образом, другим основанием деления противоречий является их деление *по степени сложности*. Противоречия составлены, в некотором смысле как матрешки, одни из других. Деление противоречий по степени сложности будет чисто формальным, пустым, если мы не свяжем его с делением противоречий на тип "P" и тип "Q". В самом деле, разве можно назвать противоречие сложным, если оно составлено из однородных, одинаковых противоречий? Очевидно, нет. Обязательным признаком сложного противоречия следует признать его составленность из *разных* противоречий, а именно, противоречий типа "P" и типа «Q». Далее, видимо, есть предел деления сложных противоречий на более простые. Этим пределом должен быть переход от видов к сторонам противоречий, т. е. деление сложных противоречий на более простые прекращается там, где дальнейшее "расщепление" противоречий упирается в разделение самих противоречий (как категориальных определений) на их стороны — на тождество и противоположность в чистом виде. А мы знаем, что последние, по определению, являются *моментами* противоречия (грубо говоря, двумя половинками целого) и сами по себе существовать не могут.

(Да и противоречия не могут существовать сами по себе, без других категориальных определений — материи, движения и т. д., но это уже другой вопрос, выходящий за рамки

данной темы).

Итак, мы пришли к выводу, что существуют противоречия, далее неразложимые. Назовем их *простыми*. Остальные противоречия будем называть *сложными*. Простые противоречия с точки зрения сложных можно интерпретировать как противоречия *нулевой степени сложности*.

Если сложные противоречия — это та или иная комбинация (взаимопосредствование) противоречий типа "P" и типа "Q", то простые противоречия — это противоречия типа "P" или типа "Q", не опосредованные друг другом. В простых противоречиях "P" или "Q" преобладание одной из сторон — противоположности или тождества — может быть выражено в высшей степени. Иными словами, простое противоречие "P" в своем *крайнем* выражении почти равно противоположности, а простое противоречие "Q" в своем *крайнем* выражении почти равно тождеству. (В скобках заметим: в этом "почти" вся суть; ведь благодаря "почти" простое противоречие "P" отличается от противоположности, а простое противоречие "Q" — от тождества). Кстати, мы не случайно говорили о простых противоречиях "P" и "Q" в их *крайнем* выражении. Как между противоположностью и тождеством существуют переходные, промежуточные звенья (различие и сходство), так и между различными простыми противоречиями существуют или возможны переходные, промежуточные типы, в которых преобладание противоположности (тождества) или совсем не выражено, или выражено слабо, слабее, чем в крайних типах простых противоречий. Можно выстроить такой ряд противоречий:

PP — P — p — pq — ? — qp — q — Q — QQ

Полученные в результате двух делений *простые противоречия* «Q» и "P" — исходные, базисные виды противоречий. Это как раз те противоречия, которые обычно называют *внутренними* и *внешними* противоречиями. Более сложные противоречия типа "Q" или "P" не являются в чистом виде внутренними или внешними, так как они содержат в своем составе оба вида простых противоречий.

Теперь мы должны выяснить, каков "механизм" и какова специфика простых (внутренних и внешних) противоречий. Мало утверждать, что во внутреннем противоречии преобладает тождество, а во внешнем — противоположность. Этим мы лишь обозначаем их различие, причем не как простых про-

172

тиворечий, а как противоречий типа "Q" и типа "P". Вспомним: в общем определении противоречия говорится о возникновении и уничтожении противоположностей. Это не только переходы тождества в противоположность и противоположности в тождество, но и переходы противоположностей друг в друга — уничтожение одних противоположностей и возникновение других означает переход от одних противоположностей к другим или одних в другие. Подумаем теперь, как выразить внутреннее и внешнее противоречия через переходы противоположностей, чтобы при этом на первый план, в одном случае, выступало тождество, а в другом, — противоположность. Здесь возможны только два варианта: либо *взаимопереход противоположностей*, либо *необратимый переход одной противоположности в другую*.

Во взаимопереходе противоположности как бы гасятся, нейтрализуются и на первый план выступает *их тождество* (подобно тому как это имеет место в электрически нейтральном атоме водорода, состоящем из положительно заряженного протона и отрицательно заряженного электрона).

В ситуации необратимого перехода одной противоположности в другую как бы фиксируется состояние противоположности между начальным и конечным моментами перехода (ведь обратного перехода нет!). Здесь на первый план выступает *противоположность*. Отсюда следует однозначный вывод: *внутреннее противоречие есть взаимопереход противоположностей; внешнее противоречие есть необратимый переход одной противоположности в другую*. Этим мы решили задачу определения внутреннего и внешнего противоречий.

Как мы уже говорили выше, простые (внутренние и внешние) противоречия составляют самый фундамент иерархии противоречий. В чистом (неопосредствованном) виде они существуют только в неорганической природе. В живой природе и человеческом обществе их сложными (опосредованными) "аналогами" являются *гармонические* и *антагонистические* противоречия. Эти противоречия являются сложными противоречиями типа "Q" и типа "P".

И последнее. Если в простых противоречиях мы видим переходы противоположностей, то в сложных противоречиях имеет место *взаимоопосредствование противоположных*

противоречий (типа "Q» и типа "P")¹. Разница между опосредствованием и простым переходом противоположностей примерно такая же, как между каталитической химической реакцией и простой химической реакцией. В случае катализа химический процесс опосредуется катализатором — веществом, возбуждающим или ускоряющим химическую реакцию. В неорганической природе каталитические процессы случайны представляют собой лишь островки опосредствования. В живой природе каталитические процессы в виде ферментативных реакций составляют большую часть всех биохимических процессов. Без них невозможна жизнедеятельность организмов. И это не случайно. Взаимоопосредствование противоположных противоречий составляет само существо жизни, живого. (Об этом подробнее см. ниже, п. 3432.1).

Различие противоречий по степени сложности обусловлено различием по уровню (глубине) взаимоопосредствования сторон этих противоречий. Сложное противоречие 1-ой степени есть непосредственное взаимоопосредствование простых (внутренних и внешних) противоречий. Сложное противоречие 2-ой степени есть взаимоопосредствование непосредственных опосредствований внутреннего и внешнего противоречий и т. д. Чтобы избежать нагромождения слов и для наглядности будем представлять взаимоопосредствование противоречий в виде той или иной формулы. Воспользуемся для этого общими формулами взаимоопосредствования противоположных категориальных определений (см. п. 1.4).

Если внутреннее противоречие обозначить нулем (0), а внешнее — единицей [1], то сложное противоречие 1-ой степени будет выглядеть так:

$$(0 — [1 — 0] — 1) \text{ или } [1 — (0 — 1) — 0],$$

где (0 — 1 — 0) — формула опосредствования внутреннего противоречия внешним,

[1 — 0 — 1] — формула опосредствования внешнего противоречия внутренним.

Формула сложного противоречия 2-ой степени будет таковой:

$$\{ (0 — 1 — 0) — < [1 — 0 — 1] — (0 — 1 — 0) \} — [1 — 0 — 1] >$$

¹ См. общие замечания о взаимоопосредствовании противоположных категориальных определений в п. 1.4.

или
 $\langle [1 - 0 - 1] - \{ (0 - 1 - 0) - [1 - 0 - 1] \} - (0 - 1 - 0) \rangle$

Формула сложного противоречия 3-ей степени будет состоять опосредствований сложного противоречия 2-ой степени, заключенных в фигурные ({ }) и угловые (< >) скобки. И т. д.

Выше мы говорили о противоречиях типа "Q" и типа "P". Взаимоопосредствование этих противоречий и выражает общую суть сложных противоречий. Если использовать их символы (Q и P), то можно представить сложное противоречие в обобщенной форме:

$$(Q - [P - Q]) - P \text{ или } [P - (Q - P) - Q],$$

где "Q" может быть либо (0), либо (0-1-0),

либо $\{(0-1-0)-[1-0-1]-(0-1-0)\}$ и т. д.,

а "P" может быть либо [1], либо [1-0-1], либо $\langle [1-0-1]-(0-1-0)-[1-0-1] \rangle$ и т. д.

Если "Q" и "P" пронумеровать (0, 1, 2, ... n) и соответствующим образом интерпретировать, то можно составить формулу сложного противоречия n-ой степени:

$$СП_n = (Q_{n-1} - [P_{n-1} - Q_{n-1}] - P_{n-1}) \text{ или}$$

$$СП'_n = [P_{n-1} - (Q_{n-1} - P_{n-1}) - Q_{n-1}],$$

где СП_n — сложное противоречие n-ой степени.

Тогда формула сложного противоречия 1-ой степени будет:

$$СП_1 = (Q_0 - [P_0 - Q_0] - P_0) \text{ или } СП'_1 = [P_0 - (Q_0 - P_0) - Q_0],$$

где Q₀ — внутреннее противоречие (0), а

P₀ — внешнее противоречие [1].

И так далее.

Вышеизложенное составляет основу предлагаемой концепции диалектических противоречий. Наглядное и концентрированное представление о ней дает приводимая на следующей странице *диаграмма (структурная схема) категории «противоречие»*.

Резюмируем сказанное. Все противоречия делятся на противоречия, которые составлены из других противоречий — *сложные* противоречия, — и противоречия, которые не составлены из каких либо противоречий, а из которых составля-

ются все остальные, — *простые* противоречия. Всякое сложное противоречие, каким бы сложным оно ни было, составлено в конце концов из простых (внутренних и внешних) противоречий, которые являются как бы элементарными кирпичиками, неделимыми атомами противоречивой структуры мира.

Внутренние и внешние противоречия действуют раздельно, самостоятельно, обособленно друг от друга лишь в неорганической природе. В живой природе и человеческом обществе они действуют как моменты сложных противоречий.

Деление реальных противоречий на простые и сложные имеет примерно то же основание, что и деление всех естественных процессов окружающего мира на живые и неорганические, биологические и физико-химические процессы. Окружающая нас на Земле неорганическая природа представлена тремя основными состояниями вещества: твердым, жидким и газообразным. Эти три состояния, хотя и переходят друг в друга, существуют все же раздельно и исключают друг друга; твердое тело не может быть одновременно газообразным, а газообразное — твердым; жидкость не может быть твердым телом или газом. Напротив, в живых организмах эти три состояния вещества настолько связаны, опосредованы друг другом, что представляют собой нечто единое, органически целостное. То же наблюдаем и в мире противоречий. Внутренние и внешние противоречия, как простые противоречия, разделены и исключают друг друга точно так же, как разделены и исключают друг друга твердое и газообразное состояния вещества в неживой природе. Сложные же противоречия, подобно живым организмам, переплетают "крепким узлом" внутренние и внешние противоречия. Поэтому про такие противоречия можно сказать, что они являются одновременно внутренними и внешними и даже более того, про них нельзя говорить, что они только внутренние или только внешние противоречия.

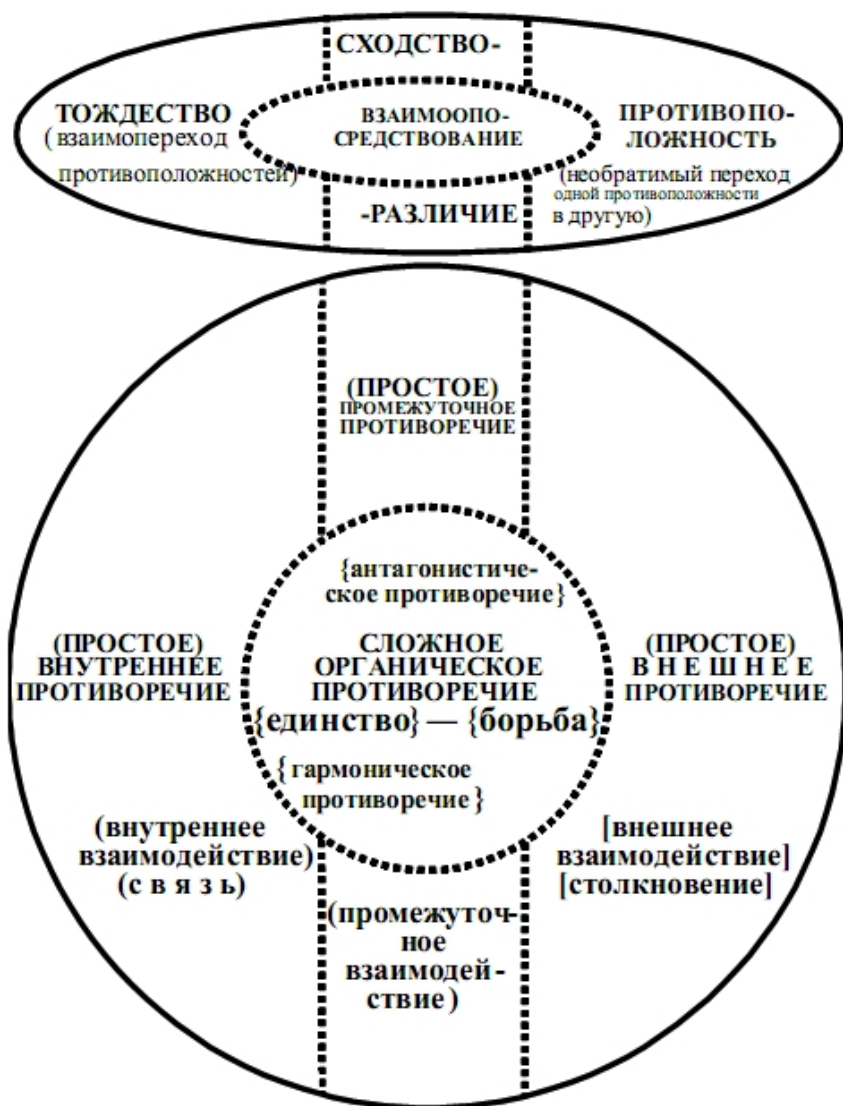

Рис. 15. Диаграмма (структурная схема) категории “ПРОТИВОРЕЧИЕ”

3.4.3. ПРОСТЫЕ (ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ) ПРОТИВОРЕЧИЯ

343.1. Идея внутренних и внешних противоречий

Из таблицы соответствий между категориями (см. п. 2.1.) можно видеть, что внутренним противоречиям соответствует сохранение, а внешним противоречиям — изменение. Если мы принимаем концепцию, что противоречия ответственны за все существующее и происходящее в мире или, как говорят еще, являются источником и движущей силой всего существующего и происходящего, то тогда должны признать и то, что *внутренние* противоречия обуславливают целостность, устойчивость, сохранение материальных тел, а *внешние* противоречия, вызывая столкновение, внешнее взаимодействие тел, обуславливают их движение, изменение, разрушение или образование.

Идея деления противоречий на внутренние и внешние впервые возникла, по-видимому, в марксистской философии. У Гегеля были лишь отдельные намеки на эту идею. Следует, однако, признать, что и в марксистской философии она не получила достаточного развития, носила скорее формальный характер. Ведь главное в идее то, что различные противоречия ответственны за разные процессы — внешние противоречия вызывают процессы изменения, преобразования, возникновения и уничтожения, а внутренние противоречия обуславливают процессы, направленные на сохранение целостности объектов. По Гегелю же и по мнению многих философов-марксистов противоречия — причина изменения, возникновения и уничтожения, но никак не источник сохранения целостных объектов.

Справедливости ради следует сказать, что Гегель говорил чаще всего не о простых внешних противоречиях в нашем понимании (которые вызывают и поддерживают изменение, движение), а о сложных органических противоречиях, которые *и изменяют и сохраняют*. Не случайно он употреблял при этом слова "жизненность", "деятельное", "деятельность", "побуждение". Это всё слова, характеризующие сложноорганизованные системы и процессы. А в них внутреннее и внешнее, положительное и отрицательное, сохранение и изменение пе-

реплетены самым тесным образом, так что отделить одно от другого невозможно, не омертвив живое.

Против идеи внутренних и внешних противоречий может быть выдвинуто такое возражение: как можно предполагать существование противоречий, которые бы раздельно обуславливали изменение и сохранение вещей, являлись бы причинами только изменения или только сохранения вещей? Ведь сохранение и изменение, будучи моментами *всякого* противоречия, находятся в неразрывном единстве и оторвать их друг от друга — значит убить противоречие. Это возражение кажется неоспоримым. В самом деле, если подходить к данному вопросу абстрактно, имея в виду только общую мысль о нераздельности сохранения и изменения, то, действительно, налицо противоречие между указанной идеей и диалектическим положением о единстве сохранения и изменения. Однако, если подходить к вопросу конкретно, если рассматривать реально существующее единство сохранения и изменения, то можно увидеть, что в разных процессах оно преломляется по-разному. В одних случаях изменение тела как целого ничтожно, незначительно, а его неизменность, устойчивость не вызывает сомнения; все многообразные изменения, происходящие внутри тела как бы гасят, нейтрализуют друг друга и в целом оно сохраняется (например, внутри молекулы водорода имеют место колебания атомных ядер вокруг некоторого положения равновесия, электроны движутся по молекулярной орбите, происходит непрерывная перезарядка атомов — и при всех этих изменениях молекула остается неизменной). Здесь изменение подчинено сохранению; ведущей стороной в единстве сохранения и изменения оказывается *сохранение*.

Напротив, в других случаях сохранение как бы принесено в жертву изменению. Столкновение элементарных частиц, атомов, молекул, твердых тел приводят к необратимым изменениям их состояний, а именно к разрушению сталкивающихся тел и к образованию новых. Здесь мы видим отрицание сохранения. Это отрицание не является, однако, полным, абсолютным. Изменение затрагивает один или несколько структурных уровней материи, но оно не может "произвести переворот" сразу во всех структурных уровнях материи. Иными словами, изменение всегда происходит на базе сохранения. Таким образом, и в этих случаях имеет место неразрывная связь измене-

ния и сохранения.

Разобранные случаи свидетельствуют о том, что мысль о противоречиях, раздельно обуславливающих сохранение и изменение вещей, не противоречит общему диалектическому положению о единстве сохранения и изменения.

Итак, различие реальных процессов и состояний определяется различием противоречий, порождающих или поддерживающих эти процессы и состояния.

Те противоречия, которые обуславливают целостность, устойчивость, сохранение материальных объектов, естественно называть *внутренними*, а те противоречия, которые, обуславливая столкновение, внешнее взаимодействие материальных объектов, вызывают их изменение, естественно называть *внешними*.

Таково наше понимание внутренних и внешних противоречий. Оно существенно отличается от того, что обычно имели в виду под этими противоречиями в марксистской философии.

Здесь мы должны рассмотреть под критическим углом зрения наиболее распространенные в марксистской философии определения внутренних и внешних противоречий. Вот типичный пример этих определений:

"Внутреннее противоречие — это взаимодействие противоположных сторон внутри данного объекта". "Внешнее противоречие — это взаимодействие противоположностей, относящихся к разным объектам"¹.

Эти определения довольно-таки формальны, пусты. В них на уровне толкового словаря дается пояснение слова "внутреннее" ("внутри данного объекта", "между сторонами данного предмета или явления", "заключенное в предметах или явлениях", "присущее самой вещи или явлению") или слова "внешнее" ("относящихся к разным объектам", "между различными предметами и явлениями", "отношение вещи к другим вещам") и это пояснение внешним образом привязывается к понятию противоречия. Подобные определения характеризуют не *внутреннее противоречие*, а *внутреннее противоречие*, не *внешнее противоречие*, а *внешнее противоречие*, оставляя при этом в покое понятие противоречия, которое в

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 546 (Спиркин А.Г.).

данном случае совершенно безразлично к тому, как его называют: внутренним или внешним. Эти определения в существе своем тавтологичны, так как ничего нового не утверждают, кроме того, что и так говорят сами за себя термины "внутреннее" и "внешнее".

Другой недостаток этих определений состоит том, что они не позволяют четко различать внутренние и внешние противоречия и допускают возможность их отождествления. Вот что пишет один из авторов подобных определений: "одно и то же противоречие может быть внешним для узкого круга явлений и в то же время внутренним в рамках более широкого единства и наоборот. Так, противоречия между электронами и ядром атома — внешние по отношению к электрону и ядру, в рамках же всего атома они являются внутренними"¹. Нельзя не согласиться с Ф.Ф. Вяккеревым, резко критикующим подобный подход к проблеме внутренних и внешних противоречий. "Этот подход, — пишет он, — является упрощенным и мало что дает для анализа противоречия. Если противоречие между двумя системами считать внутренним, то от этого в структуре, в "механизме" его ничего не изменится, изменится лишь название. Поэтому только создается видимость всестороннего диалектического подхода к проблеме. На деле вместо исследования структуры противоречий получается бесплодное различение "систем отсчета", что и вытекает из эклектической точки зрения "в одном отношении — в другом отношении"

В самом деле, какой вообще смысл проводить различие между внутренними и внешними противоречиями, если любое противоречие можно представить и как внутреннее, и как внешнее?!

Подобные определения внутренних и внешних противоречий объективно ведут к признанию полной относительности различия между ними. Не случайно то, что их авторы отмечают, как правило, только относительность различия тех и других противоречий, а некоторые даже противопоставляют относительное абсолютному: различие внутренних и внешних противоречий, заявляют они, "не абсолютное, а относительное".

По нашему мнению, различие внутренних и внешних про-

¹ Горбач В.И. О видах противоречий. Минск, 1964. С. 81.

тиворечий как относительно, так и абсолютно. Относительность различия означает, что те и другие противоречия в одинаковой мере являются противоречиями, что между ними имеются посредствующие, промежуточные звенья и нет такой пропасти, которая исключала бы всякое сходство и соприкосновение этих противоречий. Абсолютность различия означает, что внутреннее противоречие *в любых отношениях* остается внутренним, а внешнее внешним, и если имеются в объективной действительности противоречия, являющиеся одновременно внутренними и внешними, то это *сложные* противоречия, составленные из тех и других противоречий.

343.2. Внутренние и внешние взаимодействия (связь и столкновение)

По нашей классификации внутренние и внешние противоречия являются простыми и в чистом, непосредственном виде действуют лишь в неорганической природе. Их физико-химическими аналогами или эффектами являются *внутренние и внешние взаимодействия*. Рассмотрим подробнее эти взаимодействия. Ниже приводится *таблица*, иллюстрирующая различие между ними:

<i>примеры внутреннего взаимодействия</i>	<i>примеры внешнего взаимодействия</i>
Связи внутри твердого тела	столкновение бильярдных шаров, выветривание горных пород
Связи внутри кристалла	взаимодействие кристалла со средой, в результате которого он растет или разрушается
связи внутри молекул, атомов	столкновение молекул, в результате которого происходит броуновское движение, тепловые процессы, диффузия газов
химическая связь	химические реакции, (разрушающие или образующие химическую связь)
внутриядерная связь	ядерные реакции распада или синтеза
связи внутри стабильной элементарной частицы	столкновение элементарных частиц, в результате которого рождается или аннигилирует пара частица-античастица
испускание <i>и</i> поглощение квантов без воздействия извне (виртуальный обмен частицами внутри атома, ядра, нуклона)	испускание <i>или</i> поглощение квантов в результате внешнего воздействия (столкновения частиц)

Из таблицы видно, что различие между внутренними и внешними взаимодействиями являются достаточно определенным. Оно состоит в следующем.

Внутреннее взаимодействие осуществляется внутри целостного образования (почему оно и называется внутренним); оно направлено на сохранение этого образования; стороны внутреннего взаимодействия находятся в отношении взаимозависимости и взаимообусловленности. Чем прочнее и целостнее данное материальное образование, тем в большей зависимости друг от друга находятся составляющие его части. Процессы, из которых складывается внутреннее взаимодействие, не нуждаются ни в каком внешнем источнике. Все изменения, которые имеют место во внутреннем взаимодействии, взаимно гасят, нейтрализуют друг друга и *в целом* объект, основывающийся на внутреннем взаимодействии, остается без изменения.

Для внешнего взаимодействия характерно другое. Его стороны относительно независимы друг от друга и встречаются случайным образом в форме столкновения. Внешнее взаимодействие направлено не на сохранение, а на изменение взаимодействующих объектов. Если внутреннее взаимодействие характеризует *связь* тел и частиц, их совместное, согласованное и потому упорядоченное движение (например, колебание атомных остовов в узлах кристаллической решетки твердого тела), то внешнее взаимодействие является источником хаотического, беспорядочного движения тел относительно друг друга (пример: броуновское движение молекул).

Внутреннее взаимодействие — это всегда какая-либо *связь* (в смысле связи частей целого).

Внешнее взаимодействие — это всегда какое-либо *столкновение*.

Различие между внутренними и внешними взаимодействиями столь же абсолютно, сколь и относительно. К сожалению, некоторые наши философы распространили представление об относительности различия внутренних и внешних противоречий и на соотношение внутренних и внешних взаимодействий. "Деление взаимодействий на внутренние и внешние, — пишет один из них, — носит относительный характер. Внешние взаимодействия для одной системы являются внутренними для

другой, если первая есть часть второй и наоборот"¹. Получается знакомая картина: бесплодное различие "систем отсчета" вместо действительного исследования природы тех и других взаимодействий.

Релятивизация различия внутренних и внешних взаимодействий логически ведет к субъективизации этого различия. Взаимодействие считается внутренним или внешним в зависимости от того, в какой системе отсчета рассматривает его исследователь.

На самом деле различие между внутренними и внешними взаимодействиями объективно и не зависит от прихоти исследователя; внутреннее взаимодействие в любых отношениях является внутренним, а внешнее — внешним. Конкретный пример: между протоном и электроном могут быть два совершенно различных типа взаимодействия. В одном случае взаимодействие и электроном носит характер *устойчивой связи* между ними — это внутреннее взаимодействие; оно обеспечивает существование атома водорода, являющегося системой, объединяющей эти частицы. В другом случае взаимодействие носит характер *столкновения*, в результате которого изменяется состояние той и другой частицы (например, из свободных частиц они превращаются в связанные) — это внешнее взаимодействие. Считать одно и то же взаимодействие внутренним и внешним так же невозможно, как невозможно отождествить эти два типа взаимодействия.

На различие и даже противоположность внутренних и внешних взаимодействий указывает также то, что наряду с ними существуют *промежуточные* взаимодействия. Внутренние и внешние взаимодействия как крайние типы плавно переходят друг в друга, образуя промежуточные формы.

Примерами промежуточных взаимодействий являются взаимодействия, которые обуславливают метастабильные, квазистационарные и возмущенные состояния микрофизических систем. Благодаря этим взаимодействиям существуют резонансные частицы, про которые сами физики говорят, что они носят промежуточный характер. Благодаря им происходит также самопроизвольный распад неустойчивых ядер атомов. О радиоактивном распаде часто говорят как о внутреннем, им-

¹ Чусовитин А.Г. Внешние взаимодействия и принцип суперпозиции в физике. Автореферат. М., 1967. С. 10.

манентно присущем неустойчивому ядру атома процессе. При этом имеют в виду пространственно внутреннее. Однако, не все пространственно внутреннее является внутренним по существу. Последнее — это то, что определяет целостность объекта, устойчивую связь частей целого. Радиоактивный распад — порождение промежуточного взаимодействия, соединяющего в ослабленном виде черты внутреннего и внешнего взаимодействия. Он, с одной стороны, внутренне присущ ядру атома и в какой-то мере упорядочен (осуществляется по экспоненциальному закону), а, с другой, присущ *неустойчивому* ядру и подвержен влиянию внешних условий.

Между внутренними и внешними взаимодействиями нет непроходимой грани также потому, что сами они в реальной ситуации не являются чисто внутренними или чисто внешними.

Внутреннее взаимодействие может вызывать эффекты, которые присущи внешнему взаимодействию. Приведем такой пример. Между Луной и Землей имеет место внутреннее взаимодействие, которое обуславливает их устойчивую связь друг с другом (между этими космическими телами действуют так называемые *консервативные* силы). Из наук о Земле известно, однако, что лунное притяжение, которое является одной из сторон этого взаимодействия, оказывает деформирующее влияние на земную поверхность, вызывает лунные приливы и отливы и даже сдвиги земной коры. Эти явления имеют признаки внешнего взаимодействия, так как они, порождая трения на земной поверхности, разрушают ее отдельные элементы и тем самым изменяют первоначальный облик Земли.

Также и внешнее взаимодействие может вызывать эффекты, имеющие характер внутреннего взаимодействия. Проиллюстрируем это на примере аннигиляции электрон-позитронной пары. Физиками установлено, что в процессе столкновения электрона и позитрона до того момента, когда эти частицы аннигилируют, они на очень короткое время образуют своеобразный электронный атом позитроний, — т. е. между электроном и позитроном возникает кратковременная связь, имеющая признаки внутреннего взаимодействия.

Теперь о внутренних и внешних взаимодействиях как *обратимых* и *необратимых* процессах.

Идея деления всех физических процессов на обратимые и

необратимые имеет свою историю. Ученые давно вынашивали ее. Макс Планк даже предсказывал ей большое будущее¹.

Обратимые и необратимые процессы, о которых пишут и говорят физики, суть не что иное как *научно-физическая модель* внутренних и внешних взаимодействий. Эта модель приблизительная и тем не менее она дает определенные ориентиры в познании внутренних и внешних взаимодействий.

Итак, рассмотрим, почему процессы, происходящие во внутренних взаимодействиях, носят обратимый характер.

Выше мы говорили, что внутренние взаимодействия обуславливают устойчивую связь элементов системы. Отсутствие в системе внешних взаимодействий, т. е. столкновений элементов, является залогом ее стабильности, неизменности, целостности. Сама по себе устойчивая физическая система измениться не может, а тем более разрушиться. Это запрещает закон сохранения энергии. Если она изменяется, то это значит, что она подвергается воздействиям извне (в пространственном отношении они могут идти изнутри, от изменяющихся элементов системы. Ведь всякая система ограничена не только извне, но и изнутри. В пространственном отношении она может подвергаться воздействиям как на внешней своей границе, так и на внутренней). Система, основанная на связях, сама по себе измениться не может.

Возникает вопрос, как примирить факт неизменности, устойчивости системы в целом с фактом тех изменений элементов, которые вызываются внутренними взаимодействиями. Ведь всякие взаимодействия, в том числе и внутренние, производят какие-то изменения. Возьмем любую систему и мы найдем в ней те или иные изменения, движения элементов:

в Солнечной системе планеты движутся вокруг Солнца и то удаляются от него, то приближаются к нему;

в кристаллах и молекулах атомы колеблются вокруг некоторого положения равновесия, причем эти колебания не прекращаются даже при абсолютном нуле;

электроны движутся вокруг ядер в молекулах и кристаллах, выполняя при этом роль связующих, цементирующих частиц;

в атомах и ядрах атомов имеет место непрерывное излучение и поглощение виртуальных частиц — фотонов и глюонов, осуществляющих связь электронов с ядрами и нуклонов с

¹ Планк М. Физические очерки. М., 1925. С. 12, 16.

нуклонами;

в адронах (нуклонах и мезонах) связь между кварками осуществляется с помощью глюонов.

Факты устойчивости системы в целом и многочисленных движений внутри ее можно примирить, лишь предположив, что каждому прямому изменению во внутреннем взаимодействии соответствует обратное изменение, которое как бы гасит, нейтрализует его и в целом система представляется как устойчивое, целостное образование. Это предположение подтверждается свидетельствами ученых-физиков и данными об орбитальных движениях в Солнечной системе, о колебаниях атомов и движении электронов в молекулах и кристаллах, об излучении и поглощении виртуальных частиц в атомах и ядрах.

Если говорить о данных, относящихся к взаимодействиям внутри устойчивых систем, то о них кратко можно сказать следующее. К настоящему времени установлено, что все физико-химические взаимодействия сводятся к четырем фундаментальным или элементарным взаимодействиям: сильному, электромагнитному, слабому и гравитационному. Эти взаимодействия осуществляются посредством переноса промежуточных (виртуальных) частиц. Во *внутренних* взаимодействиях, утверждают физики, имеет место непрерывный обмен виртуальными частицами, благодаря которому и существует устойчивая связь взаимодействующих частиц, тел.

В качестве примера внутреннего взаимодействия рассмотрим внутриядерное взаимодействие нуклонов. Носителями этого взаимодействия являются пи-мезоны¹. Непрерывно появляясь и исчезая, они переходят от одного нуклона к другому и обратно. Получается, что на некоторое время один нуклон становится более легким, а другой, пока он не возвратит первому нуклону полученный им взаимобразно пи-мезон более тяжелым, чем обыкновенный (невзаимодействующий) нуклон. Такое изменение массы нуклонов допускается соотношением

¹ В настоящее время (2012 г.) физики внесли уточнения в картину сильных взаимодействий. Установлено, что переносчиками сильных взаимодействий внутри ядер атомов и внутри адронов (нуклонов и мезонов) являются глюоны. Пи-мезоны (пионы) составлены из одного кварка и одного антикварка. См. также сноску на стр. 186.

неопределенностей ($\Delta p \cdot \Delta x \geq h$ или $\Delta E \cdot \Delta t \geq h$). В течение времени $4,7 \cdot 10^{-24}$ сек. неопределенность в энергии нуклона равна собственной энергии пи-мезона, а неопределенность в массе нуклона — массе пи-мезона. За это время нуклон может отдать и получить обратно пи-мезон. При этом закон сохранения энергии не нарушается. На обратимость процессов, происходящих во внутриатомных и химических связях, указывает *уравнение Шредингера*. В этом уравнении направление времени *не выделено*.

"Появление уравнения Шредингера в 1926 году, — пишет Р. Фейнман, — явилось великим историческим моментом, отметившим рождение квантово-механического описания материи. Многие годы внутренняя атомная структура вещества была великой тайной. Никто не был в состоянии понять, что скрепляет вещество, отчего существует химическая связь, и, особенно, как атомам удастся быть устойчивыми. Хотя Бор и смог дать описание внутреннего движения электрона в атоме водорода, которое, казалось бы, объяснило наблюдаемый спектр лучей, испускаемых этим атомом, но причина, отчего электроны движутся именно так, оставалась тайной. Шредингер, открыв истинные уравнения движения электронов в масштабах атома, снабдил нас теорией, которая позволила рассчитывать атомные явления количественно, точно и подробно. В принципе его уравнение способно объяснить все атомные явления, кроме тех, которые связаны с магнетизмом и теорией относительности. Оно объясняет уровни энергии атома и все, что касается химической связи"¹.

Интересен такой факт. В отсутствие измерения, т. е. пока отсутствуют возмущения, связанные с измерением, *обратимое уравнение Шредингера* играет роль достоверного закона природы, в то время как в процессе измерения оно уже не применимо и его место занимают *необратимые статистические механизмы*. О чем это говорит? Это говорит о том, что *обратимое* уравнение Шредингера справедливо только для внутренних взаимодействий, в отсутствие возмущающих внешних воздействий, а *необратимые* статистические механизмы характерны для *внешних* взаимодействий.

¹ Фейнман Р. Лекции по физике. Вып. 9. Квантовая механика. М., 1967. С. 96.

В наблюдениях и экспериментах, связанных с исследованием микрообъектов, нельзя непосредственно обнаружить обратимый процесс, поскольку он является *замкнутым* (этакой вещью в себе), т. е. не выделяет энергии во вне. Обнаружить обратимый процесс можно только разомкнув его, т. е. частично или полностью разрушив, а это уже внешнее взаимодействие, необратимый процесс.

Обратимый, замкнутый процесс можно наблюдать лишь в том случае, если средства эмпирического наблюдения не оказывают существенного влияния на нормальный ход обратимого процесса, если они в энергетическом отношении неизмеримо слабее его. В качестве примера можно привести астрономические наблюдения орбитальных движений планет в Солнечной системе, которые осуществляются благодаря электромагнитным взаимодействиям. Последние не оказывают сколько-нибудь возмущающего влияния на гравитационное взаимодействие планет с Солнцем. Напротив, в квантовой механике и физике элементарных частиц наблюдения микропроцессов, осуществляемые с помощью электромагнитных волн различной длины и частоты, существенно влияют на них. Вследствие этого проблема взаимодействия прибора с микрообъектом занимает важное место в исследованиях физиков-элементарщиков.

Итак, прямые и обратные изменения во внутреннем взаимодействии в целом составляют *обратимый процесс*. Последний есть *взаимопереход* прямых и обратных изменений.

Как видим, *это* понятие обратимого процесса отличается от принятого в физике. Под обратимым процессом ученые обычно имеют в виду процесс, который *можно* обратить, т. е. обращение которого разрешено тем или иным физическим законом (например, обращение свободного падения тела на Землю разрешено законами механики; однако, с нашей точки зрения, свободное падение не является обратимым процессом). Реально обратимым является лишь такой процесс, который *сам по себе* обращается (подобно движению маятника вправо влево или движению планет вокруг Солнца). Именно таковы процессы, происходящие во внутренних взаимодействиях. Физическая абстракция обратимого процесса — лишь приближенная модель реального обратимого процесса.

Внутреннее взаимодействие — строго обратимый процесс.

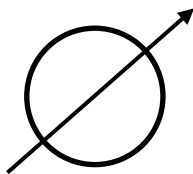
Это значит, что обратимость не является чем-то случайным, необязательным для него. Она характеризует самую суть внутреннего взаимодействия. Взаимодействие является внутренним лишь постольку, поскольку оно является обратимым, замкнутым в себе процессом.

И еще. Не следует отождествлять обратимость реального процесса с идеальной, абсолютной обратимостью теоретически мыслимого процесса. Идеально обратимый процесс есть процесс, совершенно изолированный от воздействия извне. Реальные обратимые процессы были бы таковыми, если бы в природе отсутствовали внешние взаимодействия. Но этого, как известно, не может быть.

Несколько слов о необратимых процессах, происходящих во внешних взаимодействиях. Выше мы уже коснулись этого вопроса в связи с проблемой возмущающих воздействий при измерении микрообъектов. Физиков не надо убеждать в том, что внешние взаимодействия, столкновения имеют характер необратимых процессов. Для них это неоспоримый факт. Достаточно красноречивым является такое утверждение Р. Фейнмана: "если вы подвергаете систему случайностям, происходящим в природе, столкновению молекул, например, то все происходит необратимым образом, только в одну сторону"¹.

Подробнее вопрос о необратимости внешних взаимодействий мы рассмотрим в следующем параграфе.

343.3. Основные характеристики внутренних и внешних противоречий (взаимопереход и необратимый переход противоположностей)

На внешнем уровне переход означает исчезновение одной противоположности в другой, и в этом смысле здесь имеет место необратимость противоположностей. На внутреннем уровне переход противоположностей является одновременно взаимопереходом...

Ф.Ф. Вяккерев²

¹ Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1968. С. 120.

² См.: Вяккерев Ф.Ф. Структура диалектического противоречия, — Вопросы философии, 1964, № 9. С. 25.

От обратимых и необратимых процессов нетрудно перейти к внутренним и внешним противоречиям. Покажем, что в основе внутреннего взаимодействия лежит *взаимопереход противоположностей*, а в основе внешнего взаимодействия — *необратимый переход одной противоположности в другую*¹.

Как мы уже говорили выше, все физико-химические взаимодействия сводятся в настоящее время к четырем фундаментальным или элементарным взаимодействиям: сильному, электромагнитному, слабому и гравитационному. Эти взаимодействия осуществляются посредством промежуточных, виртуальных частиц.

Рассмотрим три крайних случая взаимодействия частиц:

- 1) когда частицы связаны друг с другом — это случаи внутреннего взаимодействия;
- 2) когда связь частиц разрушается и
- 3) когда она еще только образуется — это случаи внешнего взаимодействия.

Сначала *первый* случай — *внутреннее* взаимодействие. Как известно, частицы, связанные друг с другом, имеют массу покоя, меньшую той, которой они обладают, находясь в свободном состоянии, Благодаря обмену между ними третьей частицей и происходит непрерывное восполнение недостающей массы то у одной, то у другой частицы. Рассмотрим моменты этого восполнения на примере внутриядерного взаимодействия.

Момент 1. Пи-мезон, переносчик взаимодействия, находится в составе нуклона (а). Последний обладает достаточной массой покоя. В этот же момент другой нуклон (б) не обладает достаточной массой, так как пи-мезон, переносчик массы, принадлежит не ему, а нуклону (а). Налицо противоположность обладания и необладания. Положительной стороной этой противоположности является нуклон (а), а отрицательной — нуклон (б).

Момент 2 (промежуточная стадия). Пи-мезон оторвался от

¹ Под *противоположностью* в том и другом случае мы имеем в виду противоположность обладания и необладания (лишенности). Еще Аристотель говорил об этой противоположности как основной противоположности бытия.

нуклона (а), но еще не принадлежит нуклону (б). В этой стадии нуклоны тождественны друг другу, так как каждый из них одновременно обладает и не обладает пи-мезоном и соответствующей массой покоя.

Момент 3. Пи-мезон в составе нуклона (б). Нуклоны поменялись местами: теперь нуклон (б) обладает пи-мезоном и необходимой массой, а нуклон (а) не обладает. Здесь опять противоположность обладания и необладания, но уже обратная той, которая была в момент 1. Положительной стороной этой противоположности стал нуклон (б), а отрицательной — нуклон (а).

Таким образом, мы наблюдали *взаимопереход* противоположностей. Этот *взаимопереход* не является однократным: обмен пи-мезоном между нуклонами ни на мгновение не прекращается и поэтому вновь и вновь будут возобновляться все три рассмотренных момента взаимодействия. Итак, если с физической точки зрения внутриядерное взаимодействие осуществляется благодаря обмену пи-мезонами¹, то с категориально-логической точки зрения это взаимодействие осуществляется благодаря *взаимопереходу* противоположностей. Это утверждение справедливо не только для внутриядерного взаимодействия, но также и для любого другого внутреннего взаимодействия, будь-то гравитационное взаимодействие космических тел, электромагнитное взаимодействие внутри атомов или же химическая связь внутри молекул и кристаллов. Все эти взаимодействия, как и внутриядерное, осуществляются благодаря обмену промежуточными частицами.

Рассмотрим теперь случай *внешнего взаимодействия, разрушающего связь*. В начальный момент этого взаимодействия частицы, связанные друг с другом, *не обладают* полной массой покоя, т. е. такой массой, которую они имеют в свободном состоянии. В конечный момент взаимодействия частицы, пе-

¹ В настоящее время (2012 г.) физики иначе представляют сильное взаимодействие, обеспечивающее связь нуклонов в атомном ядре. Теперь переносчиками взаимодействия считаются глюоны. Они же связывают кварки внутри адронов (нуклонов и мезонов). С философской точки зрения это не меняет сути дела. Переносчики взаимодействия, связывающие нуклоны внутри ядер и кварки внутри адронов, так или иначе «действуют» по схеме *взаимоперехода* противоположностей, т. е. внутреннего противоречия.

решедшие из связанного состояния в свободное, *обладают* уже полной массой покоя. Таким образом, переход из связанного состояния в свободное есть в то же время переход от необладания к обладанию, т. е. переход отрицательной противоположности в положительную. Этот переход является необратимым. В самом деле, в соответствии с законами физики взаимодействие, разрушающее связь, не может само по себе восстановить ее, т. е. невозможен самопроизвольный переход данного взаимодействия из конечного состояния в начальное. А это значит, что переход отрицательной противоположности в положительную необратим.

Если проследить моменты *внешнего взаимодействия, образующего связь*, то можно увидеть картину, обратную той, которую мы наблюдали в предыдущем случае: в результате перехода из свободного состояния в связанное частицы теряют часть своей массы, совершается переход положительной противоположности в отрицательную. Этот переход также необратим, как и переход отрицательной противоположности в положительную в случае разрушения связи. Частицы, перешедшие в связанное состояние, сами не могут расторгнуть связь; для ее расторжения им нужна энергия, которой они не обладают.

Необратимый переход одной противоположности в другую имеет место и в том случае, когда внешнее взаимодействие не разрушает связь и не образует ее, а лишь передает импульс от одной частицы к другой. Это видно на примере упругого столкновения электрона с протоном. В начальный момент взаимодействия электрон *обладает* фотоном и соответствующим импульсом q , а протон *не обладает*. Налицо противоположность обладания и необладания. Положительной стороной этой противоположности является электрон, а отрицательной — протон. В конечный момент взаимодействия, после того как фотон перенес импульс от электрона и протону, противоположность обладания и необладания стала обратной той, которая была в начальный момент: теперь уже протон является положительной стороной, а электрон — отрицательной. Совершился переход одной противоположности в другую. Этот переход необратим, поскольку встреча частиц, разлетающихся после взаимодействия в разные стороны, и обратный перенос импульса крайне маловероятны.

Разобранные случаи показывают, что внешнее взаимодействие, столкновение осуществляется благодаря необратимому переходу одной противоположности в другую.

Если рассматривать внутренние и внешние взаимодействия не с точки зрения противоположности обладания и необладания, а с точки зрения противоположности форм энергии (кинетической или энергии движения и потенциальной или энергии покоя), то и в этом случае мы увидим переходы противоположностей друг в друга.

Во внутреннем взаимодействии — взаимопереход кинетической и потенциальной энергий.

Во внешнем взаимодействии — необратимый переход энергии движения в энергию покоя или же энергии покоя в энергию движения.

Примером необратимого перехода энергии движения в энергию покоя может служить рождение пары частица-античастица, а перехода энергии покоя в энергию движения — аннигиляция пары частица-античастица.

Итак, ясно, что внутреннее взаимодействие осуществляется благодаря взаимопереходу противоположностей, а внешнее взаимодействие — благодаря необратимому переходу одной противоположности в другую. Взаимопереход противоположностей и необратимый переход одной противоположности в другую как *крайние* случаи переходов противоположностей представляют собой четко очерченные крайние типы противоречий. Взаимопереход противоположностей — *внутреннее* противоречие, поскольку он лежит в основе *внутреннего* взаимодействия, а необратимый переход одной противоположности в другую — *внешнее* противоречие, поскольку он лежит в основе *внешнего* взаимодействия.

Минимумы и максимумы противоречий

О минимумах и максимумах противоречий говорил еще Джордано Бруно. "Кто хочет познать наибольшие тайны природы, — писал он, — пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей¹. Это весьма важная и плодотворная идея. Она еще нуждается в своей разработке.

Кратко о минимумах и максимумах внутренних и внешних

¹ Бруно Дж. Диалоги. М., 1949. С. 291.

противоречий можно сказать следующее. Как уже было отмечено, эти противоречия не являются неподвижно противоположными категориальными определениями. В своих максимумах они, действительно, резко отличны друг от друга, но зато в своих минимумах они почти неразличимы и незаметно переходят друг в друга, образуя промежуточные формы.

К максимуму внешнего противоречия можно отнести всякое возникновение или уничтожение целостного материального образования (например, рождение или аннигиляция пары частица-античастица). Переход одной противоположности в другую является полным или почти полным.

К минимуму внешнего противоречия можно отнести всякое столкновение тел, которое не приводит к их разрушению или образованию новых тел (такowymi являются столкновение бильярдных шаров, упругое столкновение элементарных частиц). В подобном столкновении осуществляется лишь очень небольшая часть перехода одной противоположности в другую.

Максимумом внутреннего противоречия является такой взаимопереход противоположностей, при котором стороны противоречия наиболее полно переходят друг в друга. Взаимопереход сторон внутриядерного взаимодействия, например, осуществляется более полно, чем взаимопереход сторон химического взаимодействия. Пи-мезоны — носители внутриядерного взаимодействия — гораздо тяжелее и массивнее (в 270 раз!) электронов — носителей химического взаимодействия. Чем ближе внутреннее противоречие к максимуму, тем устойчивее связь, основывающаяся на нем, тем труднее эту связь разрушить.

Наоборот, чем ближе это противоречие к минимуму, тем слабее связь, тем легче ее разрушить. Взаимопереход противоположностей при такой связи не является достаточно глубоким. Он затрагивает лишь самые поверхностные слои связанных частиц. Чем неустойчивее подобная связь, тем она больше напоминает столкновение. Например, в жидкостях всегда имеются группы молекул, которые "на короткое время располагаются в правильную кристаллическую решетку". Малейшее воздействие со стороны других молекул разрушает эти "не-

устойчивые субмикрорекристаллы»¹.

Геометрические образы внутренних и внешних противоречий

Понятия внутреннего и внешнего противоречий можно выразить через геометрические представления.

Идеальным геометрическим образом внутреннего противоречия является *круг*, как воплощение замкнутости и бесконечности процесса взаимоперехода противоположностей.

Идеальным геометрическим образом внешнего противоречия является *стрела*; она, также как необратимый переход одной противоположности в другую, имеет одно направление, имеет начало и конец.

Если говорить о более точном соответствии геометрических образов реальным противоречиям, то следует сказать, что геометрическим образом внутреннего противоречия является не круг, а сильно сжатая спираль, а геометрическим образом внешнего противоречия — не прямая стрела, а слегка изогнутая. Эти поправки — результат взаимного влияния внутренних и внешних противоречий. Если бы не было внешних противоречий, то взаимопереход противоположностей длился бы бесконечно долго и конец в точности совпадал бы с началом; мир был бы точной копией элеатовского бытия. Если бы не было внутренних противоречий, то процессы в природе были бы совершенно необратимы и протекали бы очень быстро, мгновенно; господствовали бы абсолютная неустойчивость, абсолютный хаос и абсолютная раздробленность; мир был бы подобен кратиловскому потоку или мифическому первичному Хаосу.

Энергия и сила

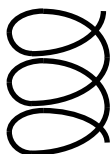
Как нам представляется, физические понятия энергии и силы в категориально-логическом плане выражают различие внутренних и внешних взаимодействий, а через них — внутренних и внешних противоречий. Энергия — мера внутреннего взаимодействия-противоречия. Сила — мера внешнего взаимодействия-противоречия.

В частных значениях понятия энергии и силы могут выражать и выражают меры *любых* взаимодействий — и внутрен-

¹ См.: Кульман А.Г. Общая химия. М., 1961. С. 71.

них и внешних. Если брать не энергию как таковую, а ее изменение, то она может выражать внешнее взаимодействие. Если брать не силу как таковую, а силы, действующие как моменты связи (например, попеременно чередующиеся силы притяжения и отталкивания в рамках взаимодействия Солнца и планет), то они могут выражать отдельные элементы внутреннего взаимодействия.

3.4.4. СЛОЖНЫЕ (ОРГАНИЧЕСКИЕ) ПРОТИВОРЕЧИЯ

Все живое и истинно только как целое, как внутреннее и внешнее, как всеобщее и единичное — сосуществующее. Жизнь связывает эти моменты; жизнь — процесс их вечного перехода друг в друга.

А.И. Герцен

Как мы уже говорили, отличие сложных противоречий от простых того же рода, что и отличие живых организмов от неорганических систем.

Всякое сложное противоречие составлено из внутренних и внешних противоречий, есть такая организация этих противоречий, при которой они не только исключают друг друга, но и обуславливают, дополняют, опосредствуют друг друга.

Сложные противоречия отличаются друг от друга прежде всего *степенью сложности*. Сложное противоречие 1-ой степени составлено из простых (внутренних и внешних). Сложное противоречие 2-ой степени составлено из сложных противоречий 1-ой степени и т. д. Это аналогично тому, что мы наблюдаем при сравнении уровней организации живой материи. Одноклеточные организмы — простейший уровень организации живой материи и они составлены непосредственно из атомов и молекул — частиц и тел неорганической природы. Развитые многоклеточные организмы составлены из клеток. Человеческое общество составлено из людей — высокоразвитых живых существ.

344.1. Сложное (органическое) противоречие 1-ой степени

Рассмотрим теперь, как, каким образом из противоречий неорганической природы строится противоречие, обусловли-

вающее жизнедеятельность простейшей живой системы. Выше, в п. 3.4.2., на основе идеи взаимоопосредствования был предложен общий подход к решению проблемы: *сложное противоречие 1-ой степени определяется как взаимоопосредствование внутренних и внешних противоречий*. Формула сложного противоречия 1-ой степени такова:

$$(0 - [1 - 0] - 1) \text{ или } [1 - (0 - 1)] - 0,$$

где **0** — внутреннее противоречие; **1** — внешнее противоречие;

$(0 - 1 - 0)$ — формула опосредствования внутреннего противоречия внешним;

$[1 - 0 - 1]$ — формула опосредствования внешнего противоречия внутренним.

Этим определением и формулой выражена абстрактная суть понятия сложного противоречия 1-ой степени. Теперь нужно наполнить его конкретным содержанием. Для этого обратимся к данным наук. Если в предыдущем разделе, при рассмотрении простых противоречий, использовался материал физико-химических наук, то теперь естественно использовать данные биологических наук. Это касается прежде всего наук о клетке, одноклеточном организме. Последнее объясняется тем, что сложное противоречие 1-ой степени — самое простое из всех сложных противоречий и ему по логике вещей должна соответствовать простейшая живая система. Таковой является клетка, вернее, одноклеточный организм, способный к самостоятельному существованию, к обмену веществом и энергией с окружающей средой, к росту и размножению.

Итак, обратимся к данным биологических наук и попробуем связать обобщенный материал этих наук с предложенной интерпретацией понятия сложного противоречия 1-ой степени.

Прежде всего ознакомимся с основными фактами жизнедеятельности клетки (одноклеточного организма).

Основные факты жизнедеятельности клетки

Клетка является элементарной живой системой, состоящей из двух важнейших, неразрывно связанных между собой частей — цитоплазмы и ядра. Она представляет собой основу развития, строения и жизнедеятельности всех животных и растений. Клетки существуют на разных уровнях организации

живой материи. На уровне организменном они представлены одноклеточными животными и растениями. К суборганизменному уровню относятся тканевые клетки многоклеточных животных и растений¹.

Здесь нас интересуют только одноклеточные организмы, как самые простые живые системы, обладающие самостоятельностью существования и всеми особенностями жизни, главнейшими из которых являются обмен веществ (метаболизм) и размножение (на уровне клетки — митотическое деление).

Основным частям клетки — цитоплазме и ядру — соответствуют ее основные вещества — белки и нуклеиновые кислоты. Если белки являются главным выразителем обмена веществ, то нуклеиновые кислоты ответственны за сохранение, передачу и реализацию наследственности.

Большая часть белков синтезируется в цитоплазме, в специальных органоидах, называемых рибосомами.

Главное местопребывание нуклеиновых кислот — в ядре. Существуют два типа этих кислот: дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) и рибонуклеиновая кислота (РНК). В молекулах ДНК хранится наследственная информация или, как говорят, в них заключен "основной план строения клетки". Через ДНК осуществляется также передача наследственной информации от клетки к клетке. В соединении с белками она образует хроматиновые нити (хроматин). В период деления клетки эти нити предельно скручиваются и свертываются, образуя видимые в оптический микроскоп палочкообразные тельца, которые называют хромосомами.

Кроме хроматиновых нитей в ядре имеются также ядрышки. В них синтезируется большая часть РНК. Эта кислота ответственна за реализацию наследственной информации; благодаря ей осуществляется синтез белка. Различают три вида РНК: 1) информационную РНК (и-РНК), 2) рибосомную РНК (эта РНК в соединении с белками образует рибосомы — фабрики белка) и 3) транспортную РНК. Информационная РНК синтезируется на ДНК-матрице, находящейся в хроматине. Затем ее путь лежит через ядрышки в цитоплазму, к рибосомам. Чтобы происходил синтез белка, кроме РНК трех видов

¹ См.: Руководство по цитологии. Т. 1, М.-Л., 1965. С. 7, 10.

нужны еще исходные вещества для образования белка — аминокислоты — и энергия макроэргических (богатых энергией) соединений (главным образом, аденозинтрифосфорной кислоты — АТФ). Транспортные РНК присоединяют к себе активированные аминокислоты и подводит их к месту сборки белка. В рибосоме посредством и-РНК, которая в данном случае является матрицей, аминокислоты соединяются в полипептидную цепь — первичную структуру белка. И-РНК задает нужную последовательность аминокислот в этой цепи, благодаря чему образуются высокоспецифичные белки, предназначенные для выполнения строго определенных функций в клетке. После синтезирования полипептидная цепь проходит стадии спирализации, скручивания и объединения скрученных цепочек. После каждой стадии образуются соответственно вторичная, третичная и четвертичная структуры белка.

Большинство белков являются ферментами (биокатализаторами). Работа в качестве ферментов — это их самая существенная функция, их основная профессия. Благодаря белкам в клетке совершается великое множество биохимических реакций.

Если белки непосредственно управляют отдельными биохимическими реакциями, то молекулы ДНК, определяя строение белков и их синтез, управляют этими процессами опосредованно, вторично. Образно говоря, белки — это младший комсостав клеточного метаболизма, а молекулы ДНК — его генералы.

Жизненный цикл клетки включает в себя два периода: интерфазный (метаболический) и митотический (период деления). Как и основные вещества клетки (белки и нуклеиновые кислоты), каждый из этих двух периодов имеет свой "центр тяжести". "Центром тяжести" метаболического периода являются превращения в *цитоплазме* (генерирование энергии, синтез белка, активный обмен веществ с окружающей средой). А "центром тяжести" митотического периода является распределение *ядерных* структур — хромосом — между дочерними клетками.

В метаболический период происходит *рост* клетки, ее количественное *удвоение*, которое осуществляется, главным образом, за счет цитоплазмы.

"Биологическое увеличение в своей основе представляет собой процесс, масштабы которого ограничиваются удвоени-

200

ем"¹. Метаболизм ядра в этот период является лишь отражением метаболизма цитоплазмы. Причем, главное вещество ядра — ДНК — наименее способна к метаболическим превращениям (ведь каждое ее изменение влечет за собой изменение наследственности, а это в большинстве случаев катастрофично для клетки). Роль ядра в метаболический период состоит, главным образом, в *управлении* основными метаболическими процессами, к каковым прежде всего относится синтез белков в рибосомах.

В митотический период роли ядра и цитоплазмы меняются местами. Метаболизм клетки в значительной степени затухает. Главные превращения претерпевает уже не цитоплазма, а ядро. Увеличение живой массы сменяется в этот период *делением* клетки: вместо одного организма — материнской клетки — получаются *два* организма — дочерние клетки. И если метаболизмом в предыдущий период управляли в основном ядерные структуры, то митотическим делением заведует цитоплазменная структура — так называемый делительный аппарат.

Такие поочередные воздействия ядра и цитоплазмы друг на друга характеризуют самую суть ядерно-цитоплазменного взаимодействия. Последнее же и есть то, что мы называем жизнедеятельностью клетки.

Сложное противоречие 1-ой степени — основа ядерно-цитоплазменного взаимодействия

Мы выдвигаем следующее частное определение: *сложное противоречие 1-ой степени лежит в основе ядерно-цитоплазменного взаимодействия.*

В противоположность приведенному выше определению, выражающему всеобщую суть сложного противоречия 1-ой степени, это определение является *частным*, поскольку оно связывает рассматриваемое противоречие с вполне определенными объектами, конкретно, с простейшими живыми организмами.

Ядерно-цитоплазменное взаимодействие, как мы уже говорили, складывается из двух основных процессов: метаболизма клетки и клеточного деления (митоза). Эти процессы разделе-

¹ Живая клетка. М., 1966. С. 92.

ны во времени. В период метаболических превращений клетка не делится, а когда наступает митоз, метаболизм ее замирает.

Мы связываем формулы взаимного опосредствования внутренних и внешних противоречий с этими периодами жизнедеятельности клетки. *Формула [1 — 0 — 1] выражает абстрактную суть клеточного метаболизма. Формула (0 — 1 — 0) выражает абстрактную суть клеточного деления (митоза).* Если мы докажем эти два положения, то тем самым докажем и правильность частного определения сложного противоречия 1-ой степени.

Формула [1 — 0 — 1] и метаболизм клетки

В самом общем виде формулу [1 — 0 — 1] можно интерпретировать следующим образом.

Хотя метаболизм клетки — чрезвычайно сложный, многогранный и многоступенчатый процесс превращения веществ, в нем можно разглядеть некоторую схему. Если абстрагироваться от промежуточных реакций и веществ и иметь в виду, с одной стороны, взаимодействие организма со средой, а с другой, главных участников метаболических превращений — белки и нуклеиновые кислоты, — то получится довольно-таки ясная, простая картина опосредствования этих взаимодействий главными участниками метаболических превращений:

[1 — 0 — 1] — подчеркнутые знаки — это внешние противоречия, лежащие в основе взаимодействий одноклеточного организма со средой. Они обозначают начало и конец метаболических превращений веществ. Начало — когда вещества из окружающей среды присоединяются к клетке [+1]. Конец — когда они удаляются из нее [-1].

0 — обозначает внутреннее противоречие, опосредующее указанные внешние противоречия. На нем зиждется сложная структура белка и двойная спираль ДНК (эти вещества образованы посредством самых обыкновенных химических связей — ковалентной, ионной, водородной и т. д.).

Рассмотрим теперь подробнее картину клеточного метаболизма. Выделим для этого три уровня рассмотрения:

- 1) отдельная биохимическая (ферментативная) реакция;
- 2) сопряжение энергетически противоположных (экз- и эндэргонических) реакций;
- 3) регуляция клеточного метаболизма со стороны ДНК.

Эти три уровня рассмотрения выбраны не случайно. Они характеризуют клеточный обмен веществ как в целом, так и в частности, и в каждом отдельном случае.

1. Элементарная биохимическая реакция — своего рода неделимая единица, атом клеточного метаболизма. Превращение веществ осуществляется в ней не прямо, не непосредственно, а посредством, при обязательном участии биологического катализатора — фермента. Благодаря такому опосредствованию достигается значительное повышение скорости и строго направленное течение биохимической реакции. Ферментативная реакция начинается и заканчивается соответственно присоединением метаболита к ферменту и его отделением от фермента. Промежуточный комплекс метаболита и фермента, как утверждают биохимики, "имеет решающее значение для осуществления ферментативного процесса"¹. Если схематически изобразить этот процесс, то он будет выглядеть как [1 — 0 — 1].

2. Следующий уровень — сопряжение энергетически противоположных реакций. Такого рода сопряжение как единичное явление возможно и в неживой природе. Но там этот процесс носит случайный характер. Совсем иное дело — живая клетка. Для внутриклеточных превращений, для обмена веществ сопряжение экз- и эндэргонических реакций имеет жизненно важное значение. Оно является подлинным законом жизнедеятельности клетки.

Сопряжение энергетически противоположных реакций (в том числе связь процессов анаболизма и катаболизма, поскольку они энергетически противоположны) осуществляется благодаря наличию общих метаболитов. Этими метаболитами являются макроэргические (богатые энергией) соединения, главным образом АТФ.

Формула сопряжения экз- и эндэргонических реакций подобна формуле отдельного ферментативного процесса. Превращения веществ при экз- и эндэргонических реакциях являются крайними членами в формуле [1 — 0 — 1]. Средним членом формулы является, конечно, АТФ. Ведь она служит связующим, опосредствующим звеном между экз- и эндэргоническими реакциями. Роль АТФ и других макроэргических со-

¹ Ферменты. М., 1964. С. 237.

единений в клеточном обмене веществ можно уподобить роли денег в товарном обращении. Как известно, деньги делают возможным самое широкое разделение труда. Отдельному товаропроизводителю нет надобности производить разные продукты. Ему достаточно производить только один товар, который затем он может продать и на вырученные деньги купить все, что ему нужно для жизни. (Эта купля-продажа совершается по известной формуле $[T - D - T]$). АТФ подобно деньгам "оплачивает стоимость" любой работы, производимой клеткой. И ничего удивительного нет в том, что формула товарного обращения $[T - D - T]$ и формула сопряжения $[1 - 0 - 1]$ сходны между собой. Обмен товаров и обмен веществ это явления одного порядка. В их основе лежит *опосредствование* одного другим.

3. Если на уровне отдельной биохимической реакции роль опосредователя играет фермент, а на уровне сопряженных биохимических реакций — АТФ, то на уровне всей клетки в роли опосредователя клеточного метаболизма выступает сама ДНК — вещество наследственности. "В молекулах ДНК заключен основной план строения клетки, передающийся по наследству. Эти молекулы управляют синтезом белковых ферментов, которые в свою очередь, управляют всеми химическими реакциями, связанными с жизнью"¹. "Наследственность, как сохранение и воспроизведение определенного типа обмена веществ, оказывается *коренным проявлением внутреннего* во взаимоотношении организма и среды"².

Вещество наследственности воплощает в себе *внутреннее* клетки. В метаболический период оно опосредствует клеточный обмен веществ в целом по формуле $[1 - 0 - 1]$, а в период деления клетки само опосредуется внешними для него факторами — по формуле $(0 - 1 - 0)$.

Формула $(0 - 1 - 0)$ и деление клетки.

Осмысливая деление клетки как опосредствование внутреннего противоречия внешним (в виде формулы $(0 - 1 - 0)$), мы исходим из того общего соображения, что *внутреннее* (на уровне простого внутреннего противоречия) само по себе измениться не может, что лишь воздействия со стороны могут как-то его изменить.

¹ Живая клетка. М., 1966. С. 51.

² Философские проблемы биологии. М.-Л., 1966. С. 70.

В качестве простых противоречий внутреннее и внешнее противоречия действуют как независимые и чуждые друг другу силы. Внутреннее противоречие "всеми силами стремится" удержать сохранение; оно консервативно по своей сущности. Внешнее противоречие, напротив, "стремится всеми силами" изменить сохранение. Если оно вступает во "взаимодействие" с внутренним противоречием, то либо уничтожает последнее, либо "переделывает" его, воссоздает в другом виде. Совсем иное дело, когда внешнее противоречие является моментом сложного противоречия. В этом случае оно воздействует на внутреннее противоречие как сила, которая изменяет его для того, чтобы затем воссоздать вновь (изменяет для того, чтобы сохранить; изменяет сохранение во имя сохранения же). В этом, как нам кажется, и состоит смысл опосредствования внутреннего противоречия внешним.

Примерно такую же картину мы наблюдаем при делении клетки. Перед началом деления происходит удвоение (редупликация) ДНК. Уже этот процесс совершается по формуле $(0 - 1 - 0)$.

Само по себе наследственное вещество не может удвоиться, как-то измениться. Необходимо воздействие извне, вмешательство внешнего фактора. Но чтобы не произошло необратимого разрушения ДНК, это вмешательство должно носить характер собственного отрицания (изменение во имя сохранения). Так оно и происходит в действительности. Деспирализация (частичное разрушение) ДНК сопровождается обратным процессом: на деспирализованных цепочках синтезируются комплементарные им полинуклеотидные цепи, в результате чего образуются две новые спирали ДНК. Внешнее воздействие на ДНК играет роль опосредователя процесса редупликации ДНК. В результате этого внешнего воздействия ДНК (внутреннее клетки) изменяясь, т. е. удваиваясь, сохраняется.

Последующее деление клетки есть продолжение начатого уже процесса удвоения. Это продолжение выражается в том, что удвоенное вещество наследственности точно распределяется между дочерними клетками. Весь смысл митоза состоит в этом распределении.

Деление клетки есть организованный процесс. Реорганизация ее структуры в период деления происходит с тем расчетом, чтобы после распределения хромосом между дочерними

клетками и последующей реконструкции вновь образованные клетки могли нормально жить и развиваться.

В функциональном отношении различают три периода митоза:

1) *период реорганизации*, в течение которого из синтезированного во время интерфазы клеточного материала строятся основные участники последующего затем "танца хромосом" — хромосомы и делительный аппарат, — одновременно разрушаются или перестраиваются некоторые элементы ядра и цитоплазмы (разрушается ядерная оболочка и ядрышко, уменьшается в размерах и претерпевает деструкцию эргастоплазматическая сеть, сжимаются митохондрии), синтетические процессы в цитоплазме практически прекращаются, резко падает потребление клеткой кислорода;

2) *период движений* — основа митоза, его кульминационный пункт. Под действием тянущих нитей веретена деления хромосомы начинают расходиться к полюсам. Одновременно центральные нити веретена, соединяющие полюса, удлиняются и полюса расходятся еще дальше. Хромосомы движутся пассивно за сокращающимися нитями, прикрепленными к центромерам (участкам хромосом);

3) *период реконструкций*. С расхождением хромосом основная задача митоза выполнена. Поэтому в каждой из дочерних клеток постепенно наступают структурные преобразования, восстанавливающие ее интерфазное состояние и структуры.

Структура клетки претерпевает изменения для того, чтобы затем она вновь восстановилась, но уже в виде двух самостоятельных структур. Таким образом, деление клетки — это то же удвоение ДНК, но только гораздо более расширенный и сложный процесс, охватывающий всю клетку. И подобно удвоению ДНК оно осуществляется по формуле $(0 \rightarrow 1 \rightarrow 0)$.

344.2. Гармонические и антагонистические противоречия

По мере усложнения противоречий в живой природе и, далее, в человеческом обществе они дифференцируются на противоречия типа "Q" и типа "P" вплоть до возникновения полярно-противоположных. К таким полярно-противоположным сложноорганическим противоречиям относятся *гармонические* и *антагонистические* противоречия. В первых преобладают

внутренние противоречия, во вторых — внешние.

Простейшей формулой гармонических противоречий будет, наверное, такая:

$$\{ (0 - 1 - 0) - < [1 - 0 - 1] - (0 - 1 - 0) \} - [1 - 0 - 1] >$$

Соответственно, простейшей формулой антагонистических противоречий будет:

$$< [1 - 0 - 1] - \{ (0 - 1 - 0) - [1 - 0 - 1] \} > - (0 - 1 - 0) \}$$

Примерами гармонических противоречий в живой природе являются взаимоотношения мужских и женских организмов и особей, различные формы симбиоза растений и/или животных. В человеческом обществе это любовь, дружба, сотрудничество, кооперация, мир (как антитеза войны) и т. д.

Примерами антагонистических противоречий в живой природе являются различные формы борьбы живых существ — борьбы самцов за обладание самкой, борьбы за обладание пищей, территорией и т. д. В человеческом обществе — это вражда, война и т. д. (драка, схватка, бой, битва, поединок, сражение, борьба в узком смысле).

Между гармоническими и антагонистическими противоречиями "располагаются" промежуточные — слабогармонические и слабоантагонистические противоречия. В жизни мы можем найти немало примеров этих противоречий (например, приятельские отношения — в одном случае, и размолвка, ссора — в другом).

Сложноорганическим противоречиям типа "Q" и типа "P" соответствуют сложноорганические взаимодействия, каковы-ми являются, по нашему мнению, *единство* и *борьба*.

*Единство*¹ — взаимодействие гармонического типа; в его основе лежит гармоническое противоречие.

Борьба — взаимодействие антагонистического типа; в основе борьбы лежит антагонистическое противоречие.

Единство и борьба — это сложноорганические аналоги внутреннего и внешнего взаимодействий (*связи* и *столкновение*). Сравнивая, например, борьбу и столкновение, мы видим, что они, с одной стороны, похожи друг на друга, где-то даже

¹ "Единство" берется здесь лишь в одном из значений — как цельность многообразного, сплоченность, сложная гармоническая связь противоположного (например, единомыслие, единство действий, любовь, единство семьи, единство народа, нации).

совпадают, а, с другой, разнятся как сложное и простое. Столкновение бильярдных шаров или даже случайное столкновение людей на улице — это нечто простое, одномоментное. А вот борьба самцов или борьба людей на ринге, ковре — это весьма сложные, длящиеся во времени формы взаимодействия, в которых мы видим и множество разных столкновений, и разные кратковременные связи-сцепления.

Борьба, как правило, заканчивается *победой* одной стороны и *поражением* другой.

Наиболее острой формой борьбы, антагонистического противоречия в человеческом обществе является война (военное столкновение (конфликт)).

Если теперь сопоставить *единство* и *связь*, то увидим, с одной стороны, их очевидное сходство, а, с другой, не менее очевидное различие, подобное различию между борьбой и столкновением. Единство, как правило, весьма сложное гармоническое взаимодействие, а связь — очень простое взаимодействие, сцепление. (Про связь можно сказать, что она механическая, а про единство такого не скажешь).

Нередко вместо слова "единство" употребляют слово "гармония"; при этом имеют в виду практически то же самое. Употребление слова "гармония" в самом широком смысле, эквивалентном слову "единство", дает нам право обозначить этим словом сложноорганические противоречия, лежащие в основе гармонических взаимоотношений, взаимодействий. То, что эти гармонические противоречия именно противоречия, не должно вызывать сомнения. Возьмем такой пример — любовь мужчины и женщины. В любви мужчина и женщина выступают как гармонические противоположности: только благодаря своим противоположным половым качествам они любят друг друга¹. Их любовные взаимоотношения, духовные и физические, весьма сложны. Если они заканчиваются, то не победой или поражением одной из сторон, а общим делом их любви — рождением и воспитанием детей.

¹ Могут сказать, а как же гомосексуальные отношения? Ответ прост. Во-первых, гомосексуальные отношения не так уж часты; они — исключение из правила, которое лишь подтверждает правило. Во-вторых, и в гомосексуальных отношениях образуются так или иначе своеобразные противоположности, именуемые "активом" и "пассивом".

Гармонические противоречия направлены на воспроизведение, сохранение и развитие живых индивидов, на сохранение и развитие наиндивидуальных сообществ, в частности, на продолжение рода.

Антагонистические противоречия направлены на изменение, трансформацию индивидов и наиндивидуальных сообществ вплоть до их преобразования в другие, более высокоорганизованные индивиды, сообщества или до их уничтожения.

Гармонические противоречия — большей частью, по преимуществу "*внутри*" (внутри живого организма, индивида, общества), а антагонистические противоречия — большей частью, по преимуществу "*вне*", "*между*".

Интересна интерпретация диалектики противоречий русским философом *Б. П. Вышеславцевым*¹. Его мысли во многом созвучны нашим идеям. Очень важным является замечание о том, что "диалектика имеет два принципа: война и мир, антагонизм и гармония, взаимопожирание и взаимопитание противоположностей". Наряду с диалектикой изменения, считает Б. П. Вышеславцев, существует также диалектика сохранения. Наряду с противоположностями антагонистическими существуют противоположности гармонические.

Б. П. Вышеславцев справедливо критикует Гегеля, Маркса и марксистов за однобокость, за то, что они практически признавали только диалектику изменения. Правда, сам он не удержался на высоте Диалектики, отдавая предпочтение второму принципу — мира и гармонии. Диалектика потому и диалектика, что в ней нельзя отдавать предпочтения ничему. В общем балансе мирового порядка-беспорядка всего хватает: и сохранения, и изменения, и пребывания, и разрушения, и гармонии-связи, и антагонизма-столкновения.

Если у Маркса и марксистов диалектика хромеет на левую ногу, то у Вышеславцева она хромеет на правую.

Б.П. Вышеславцева можно упрекнуть и за то, что он в своих рассуждениях о диалектике мира, космоса, вещей слегка грешит антропо- и биоморфизмом. Ведь в неорганической природе нет ни гармонии, ни согласия, ни борьбы-вражды, ни антагонизма. Вместо гармонии-согласия мы видим связь, вме-

¹ См.: Вышеславцев Б.П. "Философская нищета марксизма". — Философский вестник "Эпоха". М., 1991, № 0. С. 129-133.

сто борьбы-вражды — столкновение, вместо взаимопитания противоположностей — взаимопереход противоположностей, вместо взаимопожирания противоположностей — уничтожение противоположностей и т. д. и т. п. Этот антропо- и биоморфизм простителен древним философам, но никак не современным.

Б. П. Вышеславцев активно использует гераклитовские образы-символы — лук и лиру. Это очень сильные образы-символы. Он правильно обращает внимание на то, что в них содержится идея двух принципов диалектики. Лук — образ-символ войны, антагонизма, изменения. Лира — образ-символ мира, согласия, гармонии, сохранения. У Гераклита много высказываний, в которых он обыгрывает идеи диалектики тождества и противоположности, сохранения и изменения, единого и многого, единства и борьбы, согласия и вражды, мира и войны. "Лира" и "лук" в концентрированном виде выражают все эти идеи. Они же прообразы гармонических и антагонистических *противоречий*. В этом их эвристическое значение. От них — один шаг к "дружбе" и "вражде" Эмпедокла, первым логически осмысленным понятиям-образам внутренних, гармонических и внешних, антагонистических противоречий.

С чем мы не можем согласиться у Гераклита, так это с тем, что он слишком увлекается отождествлением противоположных понятий и образов. По свидетельству Платона и Аристотеля он утверждал, что "расходящееся всегда сходится" (или: "враждебное всегда в ладу"), "супротивное сходится" (или: "враждебное ладит"; "/враждующее /antizoyn/ соединяется"), "все рождается из раздора" (или: "все происходит через распрю"). Действительно, вражда может смениться дружбой, раздор — согласием, война миром, антагонизм — гармонией. Но это не значит, что из первого с необходимостью следует второе, а тем более, что первое есть второе. Война может закончиться миром, а может — гибелью воюющих сторон. Из вражды самки и самца детеныш не родится, из какафонии не возникнет симфония. И т. д. и т. п.

3.4.5. ПРОТИВОРЕЧИЯ В МЫШЛЕНИИ

Реальные противоречия (внутренние и внешние, гармонические и антагонистические) своеобразно преломляются, отражаются в человеческом мышлении.

Внутренние и гармонические противоречия могут выступать в виде логически непротиворечивых мыслей, суждений, высказываний. Внешние и антагонистические противоречия могут выступать в виде логически противоречивых мыслей, суждений, высказываний.

На одном полюсе мышления мы видим известные законы (принципы, правила) логики — прежде всего закон тождества и закон запрета противоречия. Они требуют тождества-соответствия в мыслях (об одном и том же), требуют тождества-соответствия мыслей предмету мыслей.

На другом полюсе мышления мы видим логически противоречивые суждения, парадоксы, антиномии и т. п. Они продуцируют несовпадение, нетождество мыслей (об одном и том же) вплоть до их противоположности, продуцируют несовпадение, нетождество, несоответствие мыслей предмету мыслей.

В первом случае работает *логика*, во втором — *интуиция*. Логика и интуиция — порядок и хаос мышления, мышление по правилам и мышление без правил. Логика — против отождествления нетождественного и растождествления тождественного, интуиция не против отождествления нетождественного и растождествления тождественного; она допускает и/или продуцирует противоречивые суждения, антиномии, парадоксы. Последние играют отрицательную роль в мышлении, мешают правильному (логическому) мышлению. Тем не менее именно они заставляют думать, будят мысль, тревожат, беспокоят мысль человека. Столкновение противоречащих мыслей — неотъемлемая составная часть мыслительного процесса.

Парадоксы

Парадоксальный ум относится к уму оригинальному так же, как жеманство к грации.

Ж. Лабрюйер

...как только противоречия признаются, вся наука должна разрушиться.

К. Поппер

Концепция диалектических противоречий родилась из противопоставления формально-логическому закону запрета противоречия. Согласно этому закону нельзя говорить об одном и том же **да** и **нет**. А некоторые философы (во главе с Гегелем)

считают, что так можно говорить. Что такое движение по их мнению? — Тело находится в данном месте и в то же время не находится. Вот их характеристика движения как реально существующего противоречия в формально-логическом смысле. На самом деле, диалектическое противоречие — не утверждение и отрицание в одном пакете. Оно представляет собой некое единство, взаимодействие противоположностей. Последние же не только отрицают друг друга. Возьмем белое и небелое. Белое — утверждение, а небелое — отрицание утверждения. Ясно, что небелое не является противоположностью белого. Таковой является черное. В черном же есть содержание, которое путем отрицания белого никак не высвечивается. Ведь небелым является и зеленое, и красное, и желтое и черное... Как видим, по гегелевски настроенные философы путают отрицание и противоположность. Отрицательное понятие включает в себе абсолютно всё. Если рассматривать небелое, то здесь имеется в виду цвет. А при формально-логическом подходе небелое — всё, кроме белого. Истинно диалектическая формула — это соединение противоположностей типа белого и черного.

В марксизме постоянно путали формально-логические противоречия с диалектическими, и от этого возникло много парадоксов и софистических уловок, которые приводили к грубым ошибкам и трагедиям. Это было характерно не только для марксистов. Есть такое высказывание Екатерины Медичи, матери французского короля Карла IX: “С ними человечно — быть жестоким, жестоко — быть человечным” — так она сказала в оправдание резни гугенотов, устроенной в Варфоломеевскую ночь). Она обернула понятия. Это пример псевдиалектики, парадоксального высказывания. То же у Шекспира: “Чтоб добрым быть / Я должен быть жесток” — Гамлет.

Известный философ XX столетия К. Поппер резко выступал против диалектики Гегеля именно по причине ее парадоксальности. Критический запал К. Поппера можно понять. Действительно, эта путаница с логическими и реальными противоречиями ведет порой на дорогу ложного и ядовитого философствования, что пагубно отражается на философии и культуре в целом. К. Поппер демонстрирует, какие опасные нигилистические выводы можно сделать из вроде бы безобидного отождествления Гегелем бытия и ничто. В самом деле, немецкий философ недвусмысленно заявляет о тождестве бытия и ничто, предварительно, правда, выхолостив содержание бытия

212

[говоря о нем как о чистом, лишенном конкретных определений бытии]. По форме это тождество бытия и ничто выглядит как логическое противоречие “А и не-А”. А раз логическое противоречие — из него может вытекать всё, что угодно, в частности прямо противоположные жизненные концепции: оптимистическая, жизнеутверждающая и нигилистическая, жизнеотрицающая. Гегель как философ-оптимист склонял чашу весов в сторону бытия, бытийности [не случайно он “снял” бытие и ничто не в исчезании, не в перехождении, а в становлении, т. е. в направленности к бытию]. Хайдеггер же из гегелевского отождествления бытия и ничто вывел нигилистическую концепцию “бытия, идущего к смерти”.

Писатели, драматурги, философы часто грешат этим способом выражения мыслей, поскольку не чувствуют, не сознают ответственности за практические последствия своих мыслей-слов. Они играют, играют порой опасно, как это делают малые дети, играющие с огнем. И ведут себя подобно детям-глупышам или подросткам-сорванцам.

В отдельных случаях парадоксальные высказывания имеют определенный положительный смысл, как перчик в мясном блюде или гомеопатическая доза в лечении. Пример: сократовское “я знаю, что ничего не знаю”¹. По форме это логически противоречивое утверждение (если человек ничего не знает, то не может знать и о том, что он не знает). По содержанию же это своеобразная попытка сформулировать принцип познавательной скромности.

Злоупотребляющие парадоксальными высказываниями, в сущности, снимают с себя ответственность делать выбор, решать задачу в ту или иную сторону, принимать решение по одному варианту, как бы запирают себя в пределах (в темнице) мышления, не позволяют мысли выйти на простор действия. Кажется безграничной свободой — думать и говорить парадоксами (думать и говорить как хочется). На самом деле,

¹ Доподлинно неизвестно, произносил ли Сократ эту фразу. В сочинении Платона «Апология Сократа» приводится близкое по смыслу рассуждение Сократа. Подобное утверждение (“Я знаю только то, что ничего не знаю”) приписывается Демокриту. – В 304 Diels. См. примечание № 16 к «Апологии Сократа» издания 1968 года, под редакцией А. А. Тахо-Годи.

парадоксально мыслящие — крайне несвободные люди. Принимая-примиряя альтернативные, взаимоисключающие варианты, они тем самым отвергают самую возможность выбирать, лишают себя и других права на выбор. Такие люди в буквальном смысле не могут судить. Допустим, они признают человека совершившим преступление и в то же время оправдывают его, ссылаясь на то, что он оказался в беде и не виноват в своем преступлении.

В практической сфере нельзя вести себя парадоксальным образом. Когда это всё же случается, наступает хаос. Как-то ученые проводили эксперимент с собаками: им давали пищу и одновременно били током. В итоге собаки буквально сходили с ума.

3.5. Становление

Мир не дан, а становится¹

Л. Окен

3.5.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАНОВЛЕНИЯ

Становление — конкретное единство материи и движения

Становление не является видом движения, изменения, как это принято думать. Оно включает в себя движение, но не сводится к нему. В подлинном смысле становление есть единство материи и движения, т. е. того, что двигается, изменяется и самого движения, изменения. Изменение просто указывает на факт изменения, что происходит какое-то изменение. Становление указывает не только на факт *изменения*, но и на то, *что* изменяется, *каким образом* изменяется.

Далее, становление является не просто единством материи и движения, а *конкретным* единством. Это значит, что оно есть *особое* единство материи и движения, которое осуществляется в какой-то одной области мира. Мир в целом не становится и не развивается. Понятие становления характеризует лишь процессы, относящиеся к конкретным областям мира (например, к живой природе и человеческому обществу).

Примерами становления являются:

- а) биологический прогресс — движение от низших форм жизни к высшим;
- б) исторический прогресс;
- в) индивидуальное становление человека как творческой личности (таланта, гения).

С нашей точки зрения *становление* является более фундаментальной категорией, чем *развитие*. Между тем философы незаслуженно обходят вниманием эту категорию. Если и употребляют термин "становление", то лишь как синоним развития или в значении "формирование", "восходящая ступень

¹ Эпиграф принадлежит выдающемуся немецкому биологу и натурфилософу Лоренцу Окену. Как биолог он, конечно, имел в виду не вообще мир, а мир живой природы.

развития". В той мере, в какой понятие становления недооценивается, значение понятия развития преувеличено, гипертрофировано. Становление означает восхождение от низшего к высшему (от низших форм действительности к высшим). Развитие же означает рост, усложнение, совершенствование в пределах одной и той же формы действительности. По отношению к развитию становление означает переход от развития меньшей степени сложности, так сказать, низшего порядка, к развитию большей степени сложности, более высокого порядка.

Хотя Гегель и уделил определенное внимание категории становления в своей "Науке логики", в целом его роль в утверждении этой категории была отрицательной. Он слишком абстрагировал ее, лишил конкретного, специфического содержания. В самом деле, определение Гегелем становления как единства бытия и ничто, возникновения и уничтожения является весьма общим и не характеризует становление в его специфическом содержании. Это скорее определение противоречия.

Отрицательная роль Гегеля в познании категории становления проявилась в том, что он невольно своим авторитетом навязал целому ряду поколений философов свое понимание этой категории. В марксистской философии гегелевская трактовка категории становления была преобладающей. В Философской энциклопедии читаем: «*Становление* — процесс, главная черта которого состоит в том, что существование явления уже началось, но еще не приобрело завершенной формы. Становление есть единство бытия и небытия, возникновения и уничтожения, ведущее к результату, ставшему» (В. Гордон)¹. Как видим, почти буквальное повторение Гегеля. Гегельянская трактовка категории становления по существу блокировала исследование этой категории. Свидетельство тому — весьма скудные упоминания о ней в нашей философской литературе. Все богатейшее содержание категории было отнесено к категории развития. А это, как нам представляется, искажает картину реальных процессов.

¹ Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970. С. 126.

Структура категории "становление"

Внутренними моментами становления являются возможность и действительность, эволюция и революция. Возможность и действительность — *стороны* становления. Эволюция и революция — *виды* становления. См. *диаграмму (структурную схему) категории "становление"* ниже.

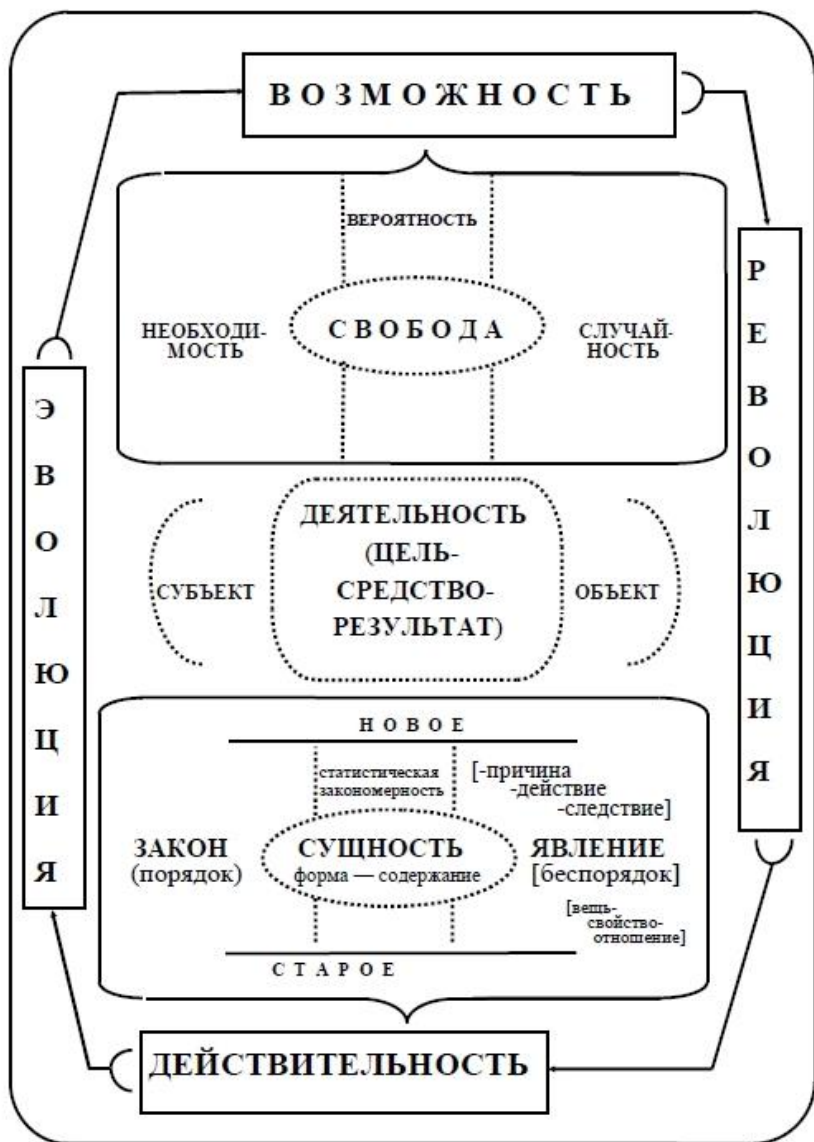
Первое "внутреннее" определение категории таково:

Становление есть единство (взаимопереход) возможности и действительности.

Становление только тогда является становлением, когда оно вовлекает в свою "орбиту" *все* моменты возможности и действительности, а именно, необходимость, случайность, свободу и закон, явление, сущность.

Определение становления как единства возможности и действительности является более правильным и точным, чем гегелевское определение его как единства бытия и ничто. Последние являются слишком абстрактными, непосредственными категориями. Они противостоят друг другу как две скалы. Бытие есть бытие, ничто есть ничто. В противоположности бытия и ничто есть что-то *деревянное, косное, застывшее*. Не случайно в истории философии была концепция, которая признавала только реальность бытия. Совсем другое дело, возможность и действительность. Эти категории трудно представить друг без друга; они *предполагают друг друга*. В сущности это те же бытие и ничто, но взятые в их диалектической взаимосвязи. Бытие есть не просто бытие, а *действительность*. Ничто есть не просто ничто, а *возможность*. Интересно в этом плане высказывание *Я.Ф. Аскина*: "Понятие небытия фиктивно, если понимать под ним некий особый мир, рядоположенный бытию. Понятие небытия в его рациональном толковании отражает не какой-то особый мир, сосуществующий с миром бытия, а характеризует неосуществившиеся потенции материального мира. Становление этих потенций, переход их в действительность — этот процесс и означает переход от небытия к бытию в диалектико-материалистическом смысле"¹.

¹ Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966. С. 77.

Взгляд на становление как единство возможности и действительности не является абсолютно новым. Он имеет определенную традицию. Еще Аристотель указывал, что различие

возможности и действительности является необходимым условием "движения и возникновения". Критикуя мегарцев, отрицавших реальность возможного, он писал: "Далее, если неимеющее возможности — это то, что лишено возможности, то получается, что то, что еще не произошло, не будет иметь возможность произойти; если же о неимеющем возможности произойти утверждают, что оно есть или будет, то говорят неправду (ведь именно это означало "неимеющее возможности"), и, следовательно, такие взгляды отвергают и движение и возникновение. В самом деле, то, что стоит, всегда будет стоять, и то, что сидит, — сидеть; раз оно сидит, оно не встанет, ибо невозможно, чтобы встало то, что не имеет возможности встать. Если поэтому утверждать такое недопустимо, то ясно, что возможность и действительность — не одно и то же (между тем приведенные взгляды отождествляют возможность и действительность, а потому и пытаются опровергнуть нечто немаловажное)"¹.

В отечественной философии неоднократно высказывалось мнение, что становление выражает единство возможности и действительности, их переходы друг в друга. Выше мы уже приводили замечание Я.Ф. Аскина по поводу небытия как возможности. Это замечание он делает в контексте анализа категории становления². Хотя Я.Ф. Аскин исходит из гегелевской трактовки становления как единства бытия и небытия, он, однако, идет дальше и пытается осмыслить эту категорию в координатах возможности и действительности. У Гегеля этого не было. Между становлением, с одной стороны, и возможностью и действительностью, с другой, у немецкого философа непроходимая грань: эти категории рассматриваются им в разных разделах логики (становление — в "учении о бытии", возможность и действительность — в "учении о сущности").

Такую же попытку делает В. М. Гордон. В своей статье "Становление" ("Философская энциклопедия", т.5) он сначала дает определение этой категории *a la* Гегель, а затем пишет: "оно (становление — Л. Б.) выступает как процесс зарождения возможностей и превращения одной из них в действитель-

¹ Аристотель. Соч. Т. 1, М., 1976. С.337-238 (1047a 10-20).

² Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966. С. 77-78.

ность". И еще немного ниже: "Выражая состояние незавершенности существования, становление раскрывает переход возможности в действительность и может рассматриваться как промежуточное звено между ними"¹. Как видим, В. М. Гордон понимает, что становление есть нечто, соединяющее возможность и действительность. Однако, он не сделал решающего шага: не стал рассматривать становление как категорию, *обнимающую* собой возможность и действительность. Оно для него лишь промежуточное звено между ними. Разница между тем и другим пониманием становления вроде бы незначительная, но в ней вся суть. Возможность и действительность — *моменты* становления, а не внешние ему категории, которые оно связывает в качестве промежуточного звена. Такой взгляд на возможность и действительность помимо всего прочего позволяет рассматривать их не как самостоятельную пару категорий, а как включенные в *систему* категорий, категориально-логически. Становление является по отношению к ним *родительской* категорией.

Теперь о втором "внутреннем" определении категории "становление". Оно формулируется так:

Становление есть единство революции и эволюции.

Это определение связано с первым следующим образом:

Революция есть превращение возможности в действительность.

Эволюция есть превращение действительности в возможность.

Здесь необходимо ввести еще две категории, обозначающие разные "формы" действительности в аспекте становления. Это — *старое* и *новое* (*старая* и *новая* действительности).

Тогда приведенные выше определения эволюции и революции можно интерпретировать так:

Эволюция — вызревание в недрах старой действительности возможности новой действительности, постепенная подготовка старой действительности к переходу в новую действительность. Переход же в новую действительность, т. е. реализацию возможности новой действительности осуществляет *революция*.

Эволюция — это превращение новой действительности в старую, *старение* действительности.

¹ Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970. С.126.

Революция, напротив, — переход от старой действительности к новой, *обновление* действительности.

Почему переход возможности в действительность характеризуется как революция? Дело в том, что действительность — это целокупность, объединяющая явление, сущность, закон, и ее изменение, переход в другую действительность означает не только смену явлений, но и переход от старой сущности к новой, от законов, управлявших старой действительностью, к новым законам. Законы и сущности, как и явления, не вечны. Их смена также естественна, как и смена явлений. Правда, если смена явлений происходит все время, то сущности и законы меняются только в период революции, т. е. в период перехода старой действительности в новую, в период коренного изменения, обновления действительности.

В недрах старой действительности зарождаются законы новой действительности, но они выступают на данном этапе не как законы, а как *необходимость*. Последняя есть возможность нового закона, предпосылка возникновения нового закона. Закон есть действительность необходимости, есть реализованная необходимость. Неплохо сказано в "Словаре иностранных слов": "эволюция подготавливает революцию и создает для нее почву, а революция увенчивает эволюцию и способствует дальнейшему развитию, открывая качественно новые возможности эволюции"¹.

Как мы уже говорили, старое и новое являются моментами действительности в аспекте становления. В этой связи следует подчеркнуть, что становление включает оба перехода: от старого к новому *и* от нового к старому. Обычно, когда говорят о прогрессе, то видят только один переход — от старого к новому, обновление действительности. В тени остается другой переход: от нового к старому (нового в старое), старение того, что когда-то было новым. Ультрареволюционеры, сверхпрогрессисты постоянно забывают об этой второй стороне становления. Отсюда их нетерпение, торопливость. В самом деле, для того, чтобы можно было переходить от старого и новому, нужно, чтобы старое *было*, чтобы прежнее, предыдущее новое *как следует состарилось*, т. е. как можно полнее *одействовательно* и *исчерпало* себя. Только при этом условии воз-

¹ Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 570.

можен переход от старого к новому. (А иначе это будет непрерывный переход от одного нового к другому новому, скачки, ведущие к хаосу).

Индивидуальное становление человека

"Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть" — сказал К. Гельвеций. "*Жить* — значит непрерывно двигаться вперед" — этот афоризм принадлежит Самюэлу Джонсону. Оба высказывания говорят о том, что человек в процессе индивидуальной жизни не просто живет, развивается, действует, а *становится* тем или иным. Становление человека как творческой личности может продолжаться всю жизнь.

Далее, в индивидуальном становлении человека время от времени бывают свои революции. Например, в жизни Канта — переход от докритического периода к критическому, создание трех "Критик". В жизни И. П. Павлова — переключение научных интересов из области общей физиологии в область физиологии высшей нервной деятельности. В жизни Рахманинова — создание Второго концерта после периода длительной творческой депрессии. Эти индивидуальные революции можно назвать еще *взлетами*. Человек сразу как бы "взбегает" высоко по лестнице становления.

Жизненные переломы бывают, однако, не только в сторону дальнейшего становления (так сказать "взлетного" порядка), но и в обратную сторону. Человек не всегда удерживается на высоте становления. Может быть так, что первую половину жизни он *становится* как творческая личность, а потом сдает позиции, в некотором смысле деградирует. Например, уход М. А. Балакирева от активной композиторской деятельности или творческий кризис В. И. Сурикова после смерти жены.

Итак, в индивидуальной жизни человека может быть "движение вперед" — становление, прогресс и "движение назад" — антистановление, деградация, регресс.

Становление и развитие

Становление по определению является движением от старого к новому и от нового к старому. Не таково развитие. Его нельзя рассматривать как движение от старого к новому и от нового к старому. Развитие — это ряд изменений организма (сообщества), которые приводят к его усилению, т. е. это не

переход от старого к новому, а развитие нового. Например, индивидуальное развитие человека от его рождения до зрелости. Здесь нет перехода от старого к новому и от нового к старому (как в случае становления). Дитя, ребенок не является старым. Это народившееся новое, которое затем развивается до полной зрелости, "развитости". Или, например, у человека обнаружались какие-то задатки, которые затем развиваются в способности, а последние — в талант.

Процессы развития и становления тесно переплетаются друг с другом. Так, указанные выше цепочки развития "дитя-юноша-взрослый" или "задаток-способность-талант" вплетаются, если можно так выразиться, в ткань становления. Если в одном отношении талант или гений являются *развитием* задатков, способностей, то в другом отношении следует говорить о *становлении* таланта, гения, т. е. о появлении нового, *небывалого*, о новом взлете человеческого гения (в смысле взлета человеческой культуры и гения вообще).

В отличие от становления развитие нельзя считать движением от низшего к высшему. Разве можно дитя называть низшим, а взрослого человека — высшим, или семя растения — низшим, а его плод высшим? Они несравнимы в этом плане. Нельзя также говорить, что взрослый находится на более высокой ступени развития, чем юноша. Да, конечно, для взрослого характерна "развитость", а для ребенка "неразвитость". Но эти ступени развития (неразвитость-недоразвитость-развитость или детство-юность-зрелость) нельзя называть более низкими и более высокими ступенями развития. Можно говорить о "возмужании", "созревании", "взрослении", "развитии", "росте", но не о "движении вперед" или движении от низшего к высшему, от старого к новому.

Конечно, человек в своем индивидуальном развитии повторяет некоторые этапы становления природы и человеческой культуры и в этом смысле можно говорить о его развитии в смысле движения от низшего к высшему (он ускоренно "проходит" или "пробегает" этапы предшествующего становления). Но это движение "от низшего к высшему" принципиально отличается от того движения от низшего к высшему, которое происходило *впервые* в природе или в человеческой культуре.

Когда движение от низшего к высшему происходит *впер-*

вые — это *становление* (отличительная черта становления как категориального определения — движение к новому, небывалому), но когда это движение "от низшего к высшему" "закрепляется" в виде постоянно повторяющегося циклического изменения, пробегания одних и тех же стадий, т. е. когда оно "закрепляется" в виде определенного "механизма", "организма" изменения, то это — *развитие*, а не становление. Так, в эмбриональном развитии живого организма повторяются некоторые стадии предшествующего становления — «эволюции» живого — это именно развитие, а не становление.

Не все то, что "было", можно характеризовать как "старое" и не все то, что "есть" или "будет" можно характеризовать как "новое". У человека "были" детство, юность, но это не старое; у него "будет" старость, но это не новое. С другой стороны "старое" и "новое" могут совпадать с временным порядком "было-есть-будет".

Уже длительное время предметом острой дискуссии в философии и биологии является проблема различных типов развития. Ученые и философы все больше приходят к выводу, что между *онтогенезом* (индивидуальным развитием) и *филогенезом* (историческим развитием) имеется *коренное* различие. Имевшее место в прошлом сведение филогенеза к онтогенезу, когда филогенез понимали как простую совокупность или цепь онтогенезов, связано помимо всего прочего с тем, что и тот и другой процесс обозначались одним и тем же понятием — "развитие". А ведь в "развитии", если брать этимологию слова, его происхождение, значительный удельный вес принадлежит тому, что впоследствии стали называть онтогенезом, эмбриогенезом, индивидуальным развитием. Развитие — это "развивание", "развертывание" того, что уже есть, было. В филогенезе же значительный удельный вес принадлежит тому, что появляется впервые, чего не было никогда, что по самому смыслу своему не является результатом "развертывания", "развития" существующего. Поэтому методологически неоправданным является обозначение (понимание) филогенеза как развития. Между филогенезом и онтогенезом столь глубокое различие, что их лучше причислить не к разным типам развития, а к разным категориальным определениям: онтогенез считать типом развития, а филогенез — типом становления.

Следует отметить, что различие между становлением и

развитием можно только до известной степени уподобить различию между филогенезом, историческим развитием и онтогенезом, индивидуальным развитием. Дело в том, что становление может быть "свойственно" индивидууму (о чем мы писали выше), а развитие — *сообществу*, т. е. той или иной группе живых организмов, существ, людей, как-то связанных друг с другом. Сообщество имеет определенные черты организма и поэтому оно может развиваться *подобно* организму. (См. об этом выше: 3332.2 "Развитие").

Пока для "становления" и "развития сообщества" используется один термин: "историческое развитие". По всей видимости и "филогенез" обозначает два разных понятия. Те ученые, которые сближают филогенез с онтогенезом, имеют в виду "развитие сообщества", а те ученые, которые противопоставляют филогенез онтогенезу, имеют в виду "становление", т. е. восхождение от низшего к высшему.

Важно не путать "становление" и "развитие сообщества". Сообщество может развиваться, но при этом оставаться в пределах одной и той же "формы" действительности, т. е. не изменяться в направлении от низшего к высшему. (Это видно на примере биологического вида, который представляя тупиковую ветвь эволюции живого, тем не менее может бурно развиваться).

Развитие — это, так сказать, запрограммированное изменение. Становление — незапрограммированное изменение, хотя, конечно, оно "имеет" объективные предпосылки. Но объективные предпосылки — не программа.

Специфическими субкатегориями становления являются "новое", "старое", "низшее", "высшее", "простое", "сложное", "эволюция", "революция", "движение вперед", "прогресс" и т. д.

Специфическими субкатегориями развития являются "детство", "юность", "зрелость", "старость", "созревание", "взросление", "рост", "возмужание", "взрослость", "развитость" и т. д.

Всякое становление сопровождается развитием, необходимо предполагает развитие, но не всякое развитие предполагает становление, т. е. не всякое развитие является моментом становления. Например, одноклеточные организмы являются развивающимися организмами, но большинство из них не изме-

няется в смысле становления. Когда-то, на заре жизни одноклеточные организмы постепенно преобразовались в многоклеточные. Это был становящийся процесс, прогресс. Теперь же практически все одноклеточные организмы по-прежнему проходят свой цикл развития, делятся, изменяются как-то, но *не становятся*.

Как мы уже говорили, развитие бывает разной степени сложности. Самое простое развитие "свойственно" одноклеточным организмам. Самые сложные, высшие формы развития мы наблюдаем в человеческом обществе. Становление можно представить как переход или цепь переходов (восхождение) от низших форм развития к высшим, от развития одной степени сложности к развитию другой, более высокой степени сложности.

Здесь следует дать некоторые пояснения относительно понимания становления как движения от низшего к высшему. Реальный процесс становления не так однозначен, одномерен, однонаправлен, как это может показаться при такой его характеристике. Движение от низшего к высшему — не столбовая дорога, не некоторый прямой или спиралеобразный путь. Только задним числом, ретроспективно мы можем оценить-определить, где низшее, а где высшее. Последнее при своем возникновении может оказаться (или показаться) таким гадким утенком становления. И вообще, непосредственный переход от низшего к высшему может состояться совсем не там, где его ждут или где, казалось бы, он должен быть. Как отмечают биологи-эволюционисты, более высокие формы организации живого возникают не от самых развитых, но сильно специализированных форм, а от менее развитых и менее специализированных форм.

3.5.2. СТОРОНЫ СТАНОВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

352.1. ВОЗМОЖНОСТЬ

3521.1. Общая характеристика возможности

Категория возможности является категорией, соотносительной с категорией действительности. Ей принадлежат все

определения, выражающие в той или иной мере возможное, т. е. еще не существующее в действительности, но *могущее* быть.

Возможность есть предпосылка перехода одной действительности в другую или старой действительности в новую.

Как категория, соотносительная с категорией действительности, возможность включает в себя (за исключением невозможных и чудесных "явлений") *все виды* отсутствия действительности и наличия возможности: от самого случайного через менее и более вероятное до самого необходимого. Отсюда "внутреннее" определение категории возможности таково:

Возможность есть целокупность, объединяющая случайность, вероятность, необходимость, свободу.

Случайность и необходимость — противоположные стороны или виды возможности.

Вероятность является промежуточной категорией, осуществляющей постепенный переход от случайности к необходимости. Меньшая вероятность ближе стоит к случайности; большая вероятность — к необходимости.

Свобода — органическое единство, взаимоопосредствование случайности и необходимости.

Ниже см. *диаграмму (структурную схему) категории возможности.*

Случайность есть специфическая, единичная возможность, одна из многих возможностей.

Необходимость есть всеобщая (точнее одна, единственная) возможность, исключаящая все другие возможности. Эти характеристики случайности и необходимости не являются изобретением автора. В той или иной форме их можно встретить даже в справочных философских изданиях. Так, в "Философском энциклопедическом словаре" читаем: "Случайность — отражение в основном... единичных связей... Необходимость — вещь, явление в их всеобщей закономерной связи; ...способ превращения возможности в действительность, при к-ром в определенном объекте имеется только одна возможность, превращающаяся в действительность"¹. Непонятно только, почему случайность — отражение, а

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 421 (Н.В. Пилипенко).

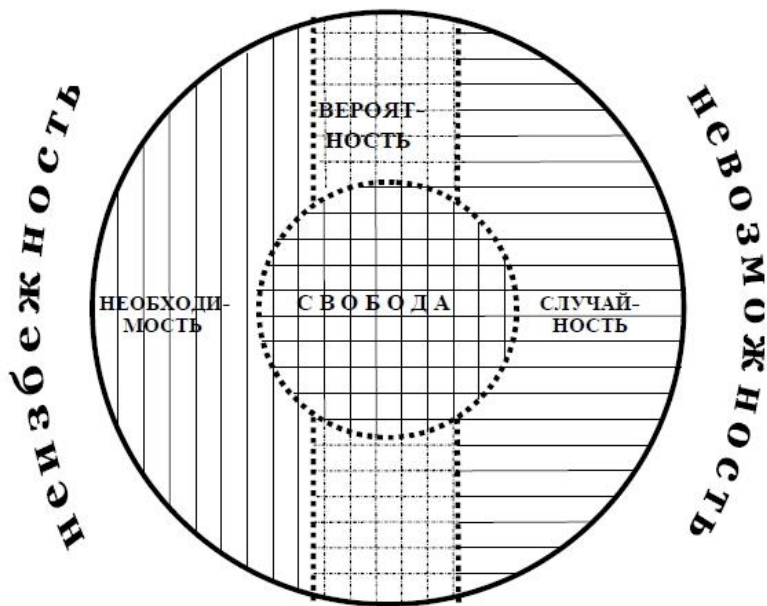

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории "ВОЗМОЖНОСТЬ"

необходимость — вещь, явление. Здесь какая-то логическая грязь, неряшливость мысли. И о необходимости как способе превращения возможности а действительность тоже неправильно. Необходимость — это только возможность. Например, у животного существует постоянная потребность в питании. Это железная необходимость. Однако, животное не всегда может удовлетворить эту свою потребность вплоть до голодной смерти. Где же тут действительность питания? Ни о какой действительности или полудействительности необходимости говорить не приходится.

Далее, если *случайность* определяет многообразие возможностей, а *необходимость* — их единообразие, то *свобода* есть единство возможностей в их многообразии или многообразие возможностей в их единстве.

Случайность — может быть так, а может быть и совсем по-другому вплоть до наоборот. Случайность, таким образом, — это различие и противоположность, воплощенные в возмож-

ности, "существующие" как возможность.

Необходимость — может быть так и только так (должно быть так). Необходимость — это тождество, воплощенное в возможности, "существующее" как возможность.

Вероятность — может быть так, а может быть и несколько иначе в большей или меньшей степени.

Случайность — *внешняя* возможность; ей соответствует внешнее противоречие.

Необходимость — *внутренняя* возможность; ей соответствует внутреннее противоречие.

Вероятность — *промежуточная* возможность; ей соответствует промежуточное противоречие.

Свобода — *сложная* возможность, единство внутренней и внешней возможности; ей соответствует сложное противоречие.

В сфере действительности случайности соответствует явление, необходимости — закон, вероятности — статистическая закономерность, свободе — сущность.

О других соответствиях случайности и необходимости см. *таблицу соответствий*.

Если оценивать случайность и необходимость с точки зрения вероятности, то случайность можно интерпретировать как вероятность, приближающуюся или близкую к нулю, а необходимость как вероятность, близкую или приближающуюся к единице.

Собственно вероятность как *промежуточная* возможность между случайностью и необходимостью имеет место в интервале значений от близких к нулю до близких к единице. Случайность "плавно" переходит в вероятность. На границе перехода случайность носит явно статистический характер; ее можно назвать *статистической случайностью* (именно такая случайность является предметом математической статистики, теории вероятностей). Необходимость также "плавно" переходит в вероятность. На границе перехода необходимость носит явно статистический характер; ее можно назвать *статистической необходимостью*.

Про вероятность обычно говорят: малая (или меньшая) вероятность, большая (или большая) вероятность — отмечая этим постепенный, плавный переход от одной противоположной стороны возможности к другой. Следует иметь в виду, что

слово "возможность" кроме основного, категориального значения (как категории, соотносительной с категорией действительности) имеет и другие, некатегориальные значения. Так, возможность часто употребляют в узком значении, как возможность наступления одного события или как большую или меньшую вероятность (в значении вероятности). Отсюда нередко происходит путаница понятий. Философы порой разделяют и даже противопоставляют категории возможности и необходимости, что совершенно неправильно с точки зрения категориальной сущности этих понятий. Ведь необходимость — это еще не сама действительность, а только возможность наступления действительного события, пусть даже если эта возможность носит категорический, императивный характер (об этом мы уже говорили выше). От необходимости до реального осуществления может быть дистанция огромного размера. Для этого нужен переход от одной категориальной "формы" — возможности — к другой — действительности.

Необходимость — это все то, что необходимо, но пока еще существует не в действительности, а в возможности. Поэтому необходимость — сторона, вид возможности. Повторяем еще раз: возможность, как категория, соотносительная с категорией действительности, включает в себя все виды отсутствия действительности и наличия возможности — от самого случайного, т. е. почти невозможного, через менее и более вероятное до самого необходимого вплоть до неизбежного.

В практике словоупотребления мы, конечно, встречаемся и будем встречаться с противопоставлением "возможного" и "необходимого", когда говорят: это только возможно, а это необходимо. Однако такая практика пусть нас не вводит в заблуждение. Это только поверхность явлений. В сущности же необходимость как категориальное определение является частным видом, стороной возможности как более общей и фундаментальной категории. Здесь на ум приходит сравнение с видимым движением Солнца. В языке прочно закрепилось выражение: "Солнце движется по небу, всходит и заходит". Тем не менее все знают, что на самом деле не Солнце движется вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. В естественном языке можно найти много таких неувязок, поскольку он отражает наряду с новыми, современными, более точными представлениями немало явно устаревших представлений. Со временем понадобится, может быть, коренная реформа естественного

языка. Старое без боя не уступит своего места новому.

В марксистской философии существовало взятое от Гегеля деление на формальные и реальные возможности, причем формальная возможность обычно связывалась со случайностью, а реальная возможность — с необходимостью. Определения, которые давали философы понятиям формальной и реальной возможности, были похожи на определения случайности и необходимости...

Как говорится, плод давно созрел и пора уже освободиться от "строительных лесов" (понятий формальной и реальной возможности). Плохо то, что наши философы, основательно завязнув в сетях гегелевской логики, так и не смогли сделать шаг от *косвенного* признания случайности и необходимости как моментов возможности в виде понятий формальной и реальной возможности к *прямому* признанию их в качестве моментов возможности. Сложившееся положение с категориями случайности, необходимости и возможности еще раз доказывает важность разработки проблем категориальной логики. Философы-марксисты за неимением лучшего вынуждены были пользоваться гегелевскими понятиями и представлениями, которые далеко не всегда соответствуют реальному положению вещей.

Случайность и необходимость можно рассматривать в известном смысле как неопределенность и определенность.

Случайность есть некоторая неопределенность наступления того или иного события, есть некоторое неопределенное поле возможностей.

Необходимость, напротив, есть определенность или, точнее, предопределенность наступления того или иного события.

Извечные *хочу*, *могу* и *надо* отражают в житейско-просторечной форме реальные категориальные определения: случайность, свободу и необходимость. В нашем "хочу" всегда есть элемент произвола или, как говорил Гегель, "случайности воли, хотения". "Могу" выражает степень нашей свободы, что мы можем реально. Чем больше мы можем, тем более свободны. И, наконец, "надо" выражает элемент необходимости в нашем поведении. Говорят, например: "есть такое слово "надо"! Говорят еще: "счастье — это когда "надо" и "хочется" совпадают". В самом деле "хочу", "могу" и "надо" должны соответствовать друг другу, чтобы человек был свободен и

счастливы.

Кроме упомянутых выше "внутренних" категориальных определений возможность имеет еще "внешние" категориальные определения, расположенные как бы рядом с ней, родственные ей. Это *невозможность* и *неизбежность*. *Невозможность* — тень возможности; она существует лишь как мысль, как понятие. Она находится с той стороны возможности, которая "заканчивается" случайностью. Ее вероятность равна нулю. *Неизбежность* находится с той стороны возможности, которая "заканчивается" необходимостью. Ее вероятность равна единице.

Невозможности как антиподу возможности соответствует понятие *недействительности*, являющееся антиподом действительности.

Невозможность и *недействительность* существуют лишь идеально, в сознании человека, в виде понятий, которым реально ничего не соответствует или скрывается (в случае недействительности) нечто другое. Тем не менее эти понятия имеют ту ценность, что они обозначают и объясняют целый ряд внутренних явлений сознания.

Мысли о невозможности или недействительности чего-либо имеют важное регулятивное значение. Они ограничивают произвол нашей фантазии, ставят предел достоверности чувственных восприятий и образов. Таковы, например, мысль о невозможности вечного двигателя или мысль о недействительности бога, ведьм, чертей. Если бы все плоды нашего воображения мы принимали как существующие или могущие быть в действительности, то это затруднило бы нашу деятельность и даже просто сделало бы ее невозможной. Неразвитому уму очень многое кажется возможным. Он готов поверить и в "летающие тарелки" и в телекинез и во многое другое. Своеволие мысли можно как раз сдерживать путем неустанного изучения границ возможного и невозможного. А в сфере возможного есть такой "сорт" возможностей, о которых лучше не думать. Мы имеем в виду возможности типа маниловских мечтаний. К такому же "сорт" возможностей относятся "пустые" возможности, о которых писал Гегель. У него есть на этот счет весьма интересное высказывание. Вот оно: "Чем необразованнее человек, чем менее известны ему определенные отношения предметов, которые он намерен рассматривать, тем более он склонен распространяться о всякого рода пустых возмож-

ностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных"¹.

С другой стороны, неразвитому уму многое кажется невозможным. Он порой признает только то, что есть и что он сам пощупал и потрогал.

Правильно понимать соотношение возможного и невозможного залог прогресса мысли и успехов в деятельности. Тот, кто считает слишком многое невозможным, обрекает себя на консерватизм, косность мысли, застой. А тот, кто считает слишком многое возможным, склонен к безудержному фантазированию, пустым мечтаниям и непродуманным импульсивным действиям.

В неорганической природе возможность выступает в виде непосредственных противоположностей случайности и необходимости, а также промежуточного звена — вероятности. В живой природе и человеческом обществе к этим видам возможности прибавляется *свобода*. Как взаимоотношение случайности и необходимости свобода появляется только на стадии живой природы, когда живые существа не просто взаимодействуют с окружающей средой, а осуществляют *деятельность*.

Гегель почти угадал такое распределение видов возможности. В "Философии природы" он писал: "Природа тем самым являет в своем наличном бытии не свободу, а *необходимость* и *случайность*"². И немного ниже: "природа не свободна, а лишь необходима и случайна"³. Гегеля можно упрекнуть лишь в том, что он не разглядел в *живой* природе возникновение *свободы*. Человеческий мир у него отделен почти непроходимой пропастью от природы вообще и от живой природы в частности. Впрочем, такой взгляд на природу и человека был характерен не только для Гегеля, а был господствующим в среде интеллектуальной элиты общества почти до середины XX века. Это, по всей видимости, было обусловлено влиянием христианской традиции.

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 316.

² Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 2, М., 1975. С. 29 (§ 248).

³ Там же. С. 32.

3521.2. Случайность

Многие философы прошлого недооценивали категорию случайности. Некоторые вообще отрицали ее объективно-реальный статус. Спиноза, например, утверждал, что случайное "есть недостаток нашего восприятия, а не что-либо реальное"¹.

Гегель, несмотря на признание объективного характера случайности, всячески ее третировал, давал ей уничижительные характеристики. Что стоит, например, такое высказывание немецкого философа: "От случайности мы должны отказаться при вступлении в область философии. Подобно тому как необходимо развитие понятия в философии, точно так же необходима и ее истина; движущимся началом является внутренняя диалектика форм"². Это высказывание весьма характерно для Гегеля. В его философии внутреннее и необходимое всегда на первом плане, а внешнее и случайное — нечто негативное, что едва можно терпеть и от чего лучше избавиться.

Случайность недооценивали К. Маркс, Ф. Энгельс, их последователи и интерпретаторы. У Ф. Энгельса имеются высказывания, которые напоминают гегелевскую трактовку случайности и необходимости. Вот что он пишет, например, в "Людвиге Фейербахе": "где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы"³. Точно как у Гегеля!

Недооценка Энгельсом случайности проявляется также в абсолютизации им связи свободы с необходимостью. Вот некоторые его высказывания на этот счет:

"Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости. "Слепа необходимость, лишь поскольку она не понята". Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы действовать для определенных целей... Таким образом, чем свободнее суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей необходимостью

¹ Спиноза Б. Избран. произведения. Т. 1, М., 1957. С. 277.

² Гегель. Лекции по истории философии. — Соч. Т. IX, М., 1932. С. 438.

³ Маркс К., Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 306-307. См. также: Маркс К., Ф. Энгельс. Соч. Т. 39. С. 175.

будет определяться содержание этого суждения, тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывают свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы господстве над нами самими и над внешней природой, она поэтому является необходимым продуктом исторического развития... (при помощи огромных, связанных с паровой машиной производительных сил) только и становится возможным осуществить общественный строй, где... впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни и гармонии с познанными законами природы"¹.

Если в одних случаях Энгельс говорит о том, что отношения случайности и необходимости взаимно, что они — "полюсы взаимозависимости", то в других случаях, в частности, в цитированном выше тексте, говоря о связи свободы с необходимостью, он ни словом не упоминает о случайности. Где же тут логика? Разве свобода не связана также и с другим полюсом взаимозависимости — случайностью? Концы с концами не сходятся у Энгельса. Мало того, что в цитированном тексте он игнорирует связь свободы со случайностью. Он объявляет несвободным выбор между различными и противоречащими друг другу возможными решениями. Метод случайного поиска, как мы знаем, в настоящее время все активнее используется учеными и практиками для познания, диагностики и эффективного управления, т. е. в конечном счете для расширения действительной человеческой свободы². Энгельс совершенно неправильно связывает неуверенность с незнанием, а уверенность, твердость решения — с знанием. Человек может *знать* и тем не менее быть неуверенным, колебаться из-за недостатка смелости или из-за неумения. И, наоборот, человек может *не знать* и поступать, однако, смело, решительно, уверенно.

Словесной эквилибристикой следует считать высказывание

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116-117.

² "Поняли и оценили важную и полезную роль случайности экономисты и военные, которым приходится решать задачи о выборе наилучшего поведения в конфликтной обстановке. Они убедились, что очень часто наилучшим поведением бывает случайное" — Растринин Л.А. Этот случайный, случайный, случайный мир. М., 1974. С. 7.

Энгельса о том, что "чем *свободнее* суждение человека по определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения". Под необходимостью здесь он понимает уверенность, основанную на знании законов природы. Мы, однако, знаем, что для осуществления свободы мало одной уверенности, основанной на знании законов. Свобода суждения — слагаемое многих факторов, а не только знания необходимости.

Далее, Энгельс несколько раз повторяет известный (спиновско-гегелевский) тезис о свободе как познании необходимости или основанной на познании необходимости. Возникает законный вопрос: почему только необходимости. А как же быть с познанием случайности? Разве последнее ничего не дает для осуществления свободы. Или познание случайности — только "часть" познания необходимости и поэтому Энгельс счел нужным не говорить специально о познании случайности? Похоже, что именно так он думал (об этом же говорит приведенная выше цитата из "Людвига Фейербаха"). Где же тогда взаимность отношений, взаимозависимость случайности и необходимости? Если необходимость "поглощает" случайность и познание случайности не имеет самостоятельного значения, то в таком случае случайность — менее важная категория по сравнению с необходимостью. Данный вывод следует из всего контекста высказываний Энгельса по поводу свободы и необходимости. В действительности, познание, учет и использование случайности не менее важны для осуществления свободы, чем познание, учет и использование необходимости, законов. Об этом мы еще будем специально говорить ниже, в данном подразделе и в подразделе 3521.5 "Свобода".

(Кстати, у Энгельса есть разумная фраза о свободе воли как способности принимать решения со знанием дела /мы ее опустили в приведенной выше цитате/. Знание дела — это уже не только знание необходимости, законов. Чтобы по-настоящему знать какое-нибудь дело, человек должен войти во все подробности, детали этого дела, а не только знать его в общем, в общих чертах. Если он будет знать только схему дела, что от него *требуется*, и что он *должен* дать, то он никогда не освоит дело, не будет *свободно* в нем ориентироваться. Именно знание массы подробностей, в том числе случайных, наряду с знанием общей схемы делает человека свободным, свободно владеющим материалом и орудиями).

Недооценка случайности проявляется также в том, что ее роль в историческом процессе сводится по существу к роли ускорителя или замедлителя исторического процесса. А необходимость в таком случае выступает как ведущая тенденция этого процесса.

Случайность в истории, как и в природе, "действует" *наравне* с необходимостью. Сводить ее роль только к роли ускорителя или замедлителя исторического процесса — это значит фактически признавать ее менее важной категорией по сравнению с необходимостью. Случайность "действует" и на изломах истории, когда речь идет не об ускорении или замедлении исторического процесса, а о его начале, прекращении или коренном преобразовании. Например, вторжение европейцев на американский континент было случайным для существовавших в то время американских цивилизаций. И мы знаем, к чему привело это вторжение. Исторический процесс развития исконных американских цивилизаций не просто замедлился, а прекратился. Они перестали существовать. Такая случайность как вторжение европейцев оказалась губительной для них. Или другой пример. Сейчас никто не станет отрицать, что человечество может погибнуть в результате термоядерной катастрофы. Исторический процесс на Земле вообще может прекратиться. Разве эта возможность является *необходимой*? Нет, конечно.

Итак, повторяем, что отношение случайности и необходимости взаимно, что они — полюсы взаимозависимости. Из этого вытекает, что данные категории следует рассматривать как равноправные; ни одна из них не находится в одностороннем подчинении у другой. "Тиха, — сказал Н. Винер, — столь же неумолимая владычица, как Ананка"¹. То же самое, но иными словами, сказал биолог Б. Медников: "В природе господствуют одновременно и случайность и необходимость"². К этому выводу сейчас пришли многие ученые. Вывод вполне соответствует диалектической концепции случайности и необходимости. Случайность не просто объективно существу-

¹ Винер Н. Кибернетика. М., 1983. С. 92. Примечание редактора: Тиха (или Тюхе) по-гречески — Случай, Ананка — Рок, образы античной мифологии.

² См.: "Наука и жизнь", 1973, N 3. С. 88.

ет, но существует как бы на паритетных началах с необходимостью.

Когда мы рассматриваем какой-либо факт, то не так-то просто отнести его к тому или иному виду возможности (или к промежуточному виду — вероятности). Здесь одинаково неприемлемы обе крайности: когда факт однозначно истолковывают как выражение случайности, а он на самом деле свидетельствует о необходимости, или когда факт истолковывают как выражение необходимости в то время как он является случайным по происхождению. В эти крайности чаще всего "ударяются" те, кто абсолютизирует ту или иную категорию, т. е. фаталисты (абсолютизирующие необходимость) или индетерминисты (абсолютизирующие случайность). Ведь реальность в общем и целом дает примерно равное число примеров "действия" необходимости и случайности. Если кто-нибудь занимает одностороннюю позицию (например, абсолютизирует необходимость), то он *заведомо* ошибается примерно в половине случаев, истолковывая случайные события как выражение необходимости. Занимающий же диалектическую позицию (т. е. признающий случайность и необходимость равноправными видами возможности) будет делать гораздо меньше ошибок. *Установка* диалектически мыслящего человека такова, что он волей-неволей будет истолковывать случайные события именно как случайные, а необходимые именно как необходимые и лишь в тех случаях, когда сведений о событии очень мало, он может делать ошибки, т. е. принимать случайность за необходимость, а необходимость за случайность.

Возьмем, например, *совпадения*, которые порой встречаются на жизненном пути. Эти совпадения бывают случайными, а бывают и неслучайными. Если совпадение неслучайное, то могут быть два отношения к нему. Одни считают его все же случайным и не пытаются осмыслить, установить закономерность, скрывающуюся за ним. Другие считают совпадение неслучайным и оказываются правы. В истории науки немало было сделано открытий благодаря такому подходу к совпадениям, кажущимся случайными.

Не менее часто бывают совпадения случайные. Люди обычно не придают им значения, так и считают их случайными. Однако имеется определенная категория людей, которая склонна принимать случайные совпадения за неслучайные. Это различного рода фаталисты, верящие в судьбу, суеверные

238

и просто чрезмерно мнительные люди. В 1185 году в районе Путивля воины князя Игоря, выступавшие в поход против половцев, и провожающие их наблюдали солнечное затмение. Это случайное совпадение затмения Солнца и начала похода многие приняли тогда за грозное предзнаменование. Кто знает, не сыграло ли тревожное умонастроение воинов, вызванное таким отношением к событию, роковую роль в поражении русского войска?!

Мнимые случайности

Рассмотрим подробнее вопрос о мнимых случайностях, т. е. такого рода случайностях, которые на самом деле не являются случайностями. Они относятся уже не к объективному миру, а к особенностям человеческого мышления, познания, практики, художественной деятельности. Их можно назвать мыслительными, познавательными, практическими, художественными феноменами, т. е. феноменами, так или иначе связанными с деятельностью человеческого сознания, мышления, воли.

Прежде всего о случайностях как познавательных, гносеологических феноменах. Их называют еще *кажущимися* случайностями. Ученые и мыслители, отрицавшие объективный характер случайности, чаще всего имели в виду эти случайности. Они говорили, что случайность — это то, причину чего мы не знаем. Отсюда следует, что как только мы узнаем причину, случайность исчезает. Действительно, такого рода случайности не существуют объективно, на самом деле, а существуют лишь в представлении людей. Вероятно, первым обратил внимание на эти случайности *Демокрит*. Он говорил: "Люди измыслили идол (образ) случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность" (перевод А.О. Маковельского, повторяющий немецкий перевод Г. Дильса¹) или: "Люди сотворили себе кумир из случая как прикрытие для присущего им недомыслия"², или: "Люди создали /из случая/ идол судьбы в оправдание

¹ См.: Горан В.П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск, 1984.С.29.

² Перевод С.Я. Лурье. Цит. по: там же. С. 52-53.

собственного неразумия" (перевод В.П. Горана)¹.

В.П. Горан, написавший специальное исследование "Необходимость и случайность в философии Демокрита" утверждает, что Демокрит скорее всего имел в виду в этом фрагменте *мифологему судьбы*, а не объективную случайность, которую он признавал². Судьба — это мифологический, полумифологический или просто суеверный образ будущего, возможности, в котором слиты наивные представления об объективном характере случайности и необходимости. В одних случаях люди подчеркивают аспект необходимости, неизбежности, говоря: "От судьбы не уйдешь", "чему быть — того не миновать", "что на роду написано, так тому и быть". В других случаях они выделяют аспект случайности, причем в двух вариантах: благоприятном (подарок судьбы) и неблагоприятном (удары судьбы).

В новое время многие философы и ученые писали о случайности как феномене незнания. *Гоббс* отмечал: "Все, что происходит, не исключая случайного, происходит по необходимым причинам... Дождь, который, завтра пойдет, обусловлен необходимыми причинами. Но мы его рассматриваем как нечто случайное, ибо не знаем его причин, которые уже теперь существуют". "Случайным или возможным, называется вообще то, необходимую причину чего нельзя разглядеть"³.

Ярким представителем такой точки зрения был *Спиноза*. Он утверждал, что "возможное и случайное не являются состояниями вещей", что они — "лишь недостаток нашего разума". То и другое "есть недостаток нашего восприятия, а не что-либо реальное"⁴; они "обозначают только недостаток нашего знания относительно существования вещи"⁵. "Случайной... какая-либо вещь называется единственно по несовершенству нашего знания"⁶. "От одного только воображения зависит то, что мы смотрим на вещи, как на случайные, как в отношении к прошедшему, так и в отношении к будущему"⁷.

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С. 28-55.

³ Гоббс Т. Избр. соч., М.-Л., 1926. С. 91.

⁴ Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1, М., 1957. С. 277.

⁵ Там же. С. 278.

⁶ Спиноза Б. Этика. М., 1932. С. 26.

⁷ См.: кор.1, теорема 44, ч. П. Цит.по: Коников И.А. Материализм 240

"Природе разума свойственно рассматривать вещи не как случайные, но как необходимые"¹.

Значительная доля пафоса Спинозы, направленного против случайности, обусловлена его неприятием всевозможных фантазий, религиозных выдумок, разговоров о чудесах, порожденных невежеством, незнанием и желанием во что бы то ни стало объяснить происходящее. Ведь что такое чудо, как не нарушение естественного порядка, закона, как что-то не необходимое, т. е. случайное?! (В XIX веке по этому поводу родились два "симметричных" афоризма: "Чудо есть религиозный псевдоним случая" и "Случай есть атеистический псевдоним чуда")². То, что Спиноза связывал случайность с понятием чуда, видно из следующего фрагмента его письма: "Чудеса и невежество я взял как равнозначащие понятия потому, что те, которые пытаются обосновать существование бога и религию на чудесах, хотят доказать одну темную вещь посредством другой, которая еще более темна и которую они меньше всего знают, — и таким образом они вводят новый род доказательства — а именно приведение не к невозможному (как говорится), а к незнанию"³. А вот как Спиноза критикует сторонников телеологии: если камень, упавший с кровли, пробьет голову человеку и убьет его, они будут доказывать, что камень упал именно для того, чтобы убить человека; "так как если бы он упал не с этой целью по воле бога, то каким же образом могло бы случайно соединиться столько обстоятельств (так как часто их соединяется очень много)?" Если же ответить им, что это случилось потому, что подул ветер, а человек шел по этой дороге, то они будут стоять на своем: почему ветер подул в это время, почему человек шел по этой дороге именно в это же самое время? Если же ответить, что ветер поднялся потому, что море начало волноваться, а человек был приглашен в гости, то они опять будут задавать неизменный вопрос "почему", ибо "вопросам нет конца"⁴.

П. Гольбах, борясь против теологического учения о сотво-

Спинозы. М., 1971. С. 179.

¹ Там же.

² См.: Габинский Г.А. В поисках чуда. М., 1979.

³ Спиноза Б. Переписка. М., 1932. С. 218 (Письмо 75).

⁴ Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1, М., 1957. С. 398.

рении мира, также связывал случайность с незнанием. Даже *Гельвеций*, признававший объективный характер случайности и порой абсолютизовавший ее, дал трактовку этой категории как феномена незнания: "Я предупреждаю читателя, что под словом случай я понимаю неизвестное нам сцепление причин, способных вызвать то или иное действие"¹.

Итак, достаточно. Вряд ли можно объяснить столь распространенный взгляд на случайность лишь абсолютизацией необходимости или путаницей понятий, в частности отождествлением случайности с беспричинностью. У этого взгляда имеется основание, заключающееся в том, что случайность, действительно, существует и в форме кажущейся, мнимой случайности, являющейся следствием нашего незнания, невежества.

Рассмотрим несколько примеров. История науки знает немало случаев, когда обнаруженные факты истолковывались как случайное совпадение, как курьез, а затем, порой после долгих и мучительных исканий, выяснялось, что за этими фактами стоит необходимость, закономерность. Выше мы уже приводили пример с открытием конечной скорости распространения света. Ведь кроме Ремера никто поначалу не воспринял всерьез совпадение между запаздыванием затмений Ио и наибольшей удаленностью Юпитера от Земли. За этим совпадением не увидели закономерности, того, что свет распространяется всегда с постоянной конечной скоростью.

А вот пример другого сорта. В далеком прошлом люди относили затмение Солнца как чрезвычайно редкое, необычное явление к разряду случайных и даже чудесных. Служители культа, пользуясь темнотой народа, нещадно "эксплуатировали" это явление в целях запугивания и устрашения. А на поверку чудесность затмения Солнца оказалась мыльным пузырем.

Интересна история открытия периодической системы химических элементов. В первой половине XIX века как из рога изобилия хлынули открытия неизвестных ранее химических элементов. У химиков стало возникать ощущение хаоса, случайности химических элементов. Не что иное, как отрывочность, фрагментарность знаний о химических элементах породила это явление кажущейся случайности. Вот как сам Д.И.

¹ Гельвеций К. Соч. в 2-х т.т. Т. 1, М., 1974. С. 33.

Менделеев описывает ситуацию "до и после": "До периодического закона простые тела представляли лишь отрывочные, случайные явления природы; не было поводов ждать каких-либо новых, а вновь находимые в своих свойствах были полной неожиданной новинкой. Периодическая законность первая дала возможность видеть неоткрытые еще элементы в такой дали, до которой невооруженное этой законностью химическое зрение до тех пор не постигло"¹. Здесь мы видим, как на смену кажущейся случайности химических элементов пришло представление об их строгой упорядоченности, необходимости.

И последний пример. В прошлом философы и историки нередко объясняли важные исторические события, повороты как результат действия случайных, незначительных причин. Так, Гельвецию казалось, что уничтожением католицизма Англия обязана личным особенностям короля Генриха VIII². Он имел в виду вызвавшую разрыв с папой Римским женитьбу английского короля на Анне Болейн. В действительности эта женитьба использовалась лишь как предлог для разрыва с Римом. Случайность здесь, конечно, сыграла определенную роль. Но за ней стояла историческая необходимость реформации. Гельвеций преувеличил роль незначительной случайности, возвел ее в ранг необходимости, т. е. принял необходимость за случайность. Это и есть мнимая или кажущаяся случайность.

До сих пор речь шла о мнимой случайности как феномене незнания, невежества. Но субъективная случайность может быть и результатом нашей умственной лени, нежелания думать, «шевелить мозгами». В результате, скажем, непродуманных действий человек наделал массу ошибок, "наломал дров", а потом объясняет себе и другим, что неприятные последствия были вызваны *случайными* обстоятельствами. На самом деле случайность такого рода обусловлена не объек-

¹ Менделеев Д.И. Периодический закон. М., 1958, с. 261.

² Гельвеций писал буквально следующее: "Как уверяют врачи, повышенная кислотность семенного вещества была причиной непреодолимого влечения Генриха VIII к женщинам. Таким образом, этой кислотности Англия была обязана уничтожением католицизма" (К.Гельвеций. Соч. в 2-х т.т. Т. 2, М., 1974. С. 33).

тивными причинами, а особенностями мыслительного процесса, уровнем и качеством мышления. Примером мыслительной случайности является логическая ошибка.

В целом о мышлении можно сказать, что это самый настоящий генератор случайности наподобие электронного генератора случайных чисел. "Отделом" мышления, заведующим случайностью, является интуиция. Если логическая ошибка, как правило, — неприятная, досадная случайность мыслительного процесса ("сбой", "шум" правильного логического мышления), то интуиция, являясь источником, генератором случайных мыслей, играет важную роль в мышлении (в чем-то положительную и в чем-то отрицательную).

К разряду субъективной случайности относится и *практическая* случайность. Эта случайность является феноменом нашей практической деятельности. Ее нельзя изображать как следствие незнания, недомыслия. Она производна от наших практических качеств (слабости воли, нравственной расхлябанности, отсутствия навыков, недостатка умений, организованности и т. д.).

Очень хорошо сказал о такого рода случайности ученый-кораблестроитель А.Н. Крылов: "... часто истинная причина аварии лежала *не в действии неотвратимых и непреодолимых сил природы*, не в «неизбежных случайностях на море», а в непонимании основных свойств и качеств корабля, несоблюдении правил службы и самых простых мер предосторожности, непонимании опасности, в которую корабль ставится, в небрежности, неосторожности, отсутствии предусмотрительности и тому подобных отрицательных качествах личного состава"¹. А.Н. Крылов называет среди прочих причин мнимой случайности такие, как несоблюдение правил службы и самых простых мер предосторожности, небрежность, неосторожность. Действительно, как часто спихиваем мы на случайность свои огрехи, промахи, свою собственную нераспорядительность, неорганизованность, небрежность, халатное отношение к делу и т. д. и т. п. Бедная случайность! Козел отпущения! Приключилась с нами болезнь. Опять же относим это на счет случая.

В самом нашем характере, как и в мышлении, "сидит" ге-

¹ Крылов А.Н. Авария броненосца "Орел". В: Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1979. С. 372.

нератор случайности в виде своеволия, каприза, прихоти, наплевизма, безалаберности, надежды на авось.

Почти во всех делах человека есть элемент риска. На риск идут все те, кого жизненная практика заставляет действовать в сложной, случайной, порой неожиданной обстановке. По смыслу своему риск сопряжен с объективной случайностью, т. е. человек рискует всякий раз, когда он действует перед лицом объективной случайности. Однако риск порой бывает связан не с объективной случайностью, а с субъективной — так называемой случайностью хотения. Человек в таком случае руководствуется формулой "я так хочу" и ни о чем другом слышать не хочет. Это пример неоправданного риска. Чаще всего он создается искусственно. Из-за случайности хотения у человека возникает иллюзия, что он действует в условиях объективной случайности. В.А. Абчук приводит такой абстрактный пример: "Возможность столкновения судов, идущих в узкости с высокой скоростью в малую видимость, — событие, безусловно случайное. Между тем, если расчет показывает, что вероятность такого случайного события близка к единице, — можно считать столкновение неизбежным, а риск — неоправданным"¹. Как видим, объективной случайности в данной ситуации практически нет, т. е. столкновение почти неизбежно, а капитан все же может пойти на такой неоправданный риск. В.А. Абчук, так же как и А.Н. Крылов, указывает, что причиной аварий и катастроф на море может быть несоблюдение правил, требований, инструкций².

Риском пытаются также оправдать свои ошибки, промахи, неумение. Здесь практическая случайность служит целям маскировки, дезинформации.

Можно говорить еще о мнимой случайности как художественном феномене. Деятели искусств часто используют в своей работе и в своих произведениях эффект мнимой случайности для создания иллюзии достоверности, подлинности изображаемого. Актер, например, может затратить массу усилий на отработку какого-нибудь жеста, действия и все для того, чтобы зритель воспринял потом этот жест, действие как

¹ Абчук В.А. Теория риска в морской практике. Л. "Судостроение", 1983 С. 142.

² Там же. С. 138.

абсолютно случайное, непреднамеренное. Искусство не терпит искусственности. Художественная случайность — это мнимая случайность, но как она похожа на подлинную случайность!

Итак, беглый анализ проблемы мнимой случайности показал, что эта случайность весьма многолика и очень важно не путать ее с объективной случайностью.

Общая характеристика случайности дана в п. 3521.1. Напомним основные моменты характеристики.

Случайность есть вид возможности, противоположный необходимости.

Случайность есть единичная возможность, одна из многих возможностей. Случайности образуют многообразие возможностей. Их можно также рассматривать как некоторое неопределенное поле, "пространство" возможностей.

Случайность — это неопределенность возможности, неопределенность наступления того или иного события.

Случайность — может быть так, а может быть и совсем по-другому вплоть до наоборот. Отсюда ясно, что случайность — это различие и противоположность, воплощенные в возможности, "существующие" как возможность.

Случайность есть внешняя возможность; ей соответствует внешнее противоречие. Внешний характер случайности обусловлен тем, что она не вытекает из внутренних условий существования объекта как целостности. Случайность там, где нецелостность, где целостные объекты вступают во внешние отношения друг с другом, т. е. сталкиваются как независимые объекты (образуется новая целостность или разрушается старая). Именно во внешних отношениях, взаимодействиях независимых объектов появляется множество разнообразных возможностей и каждая из этих возможностей носит случайный характер, т. к. она одна из *многих*.

Случайности соответствуют в других категориальных семействах следующие категории: явление, противоположность, столкновение, специфическое, конечное, дискретное, нецелое (части), асимметрия, необратимость, изменение, перемещение, беспорядок.

Если оценивать случайность с точки зрения вероятности, то ее можно интерпретировать как вероятность, приближающуюся или близкую к нулю. Это связано с тем, что случай-

ность, по определению, — единичная, одна из многих возможностей. Естественно, что вероятность наступления события, реализующего эту возможность очень мала.

Большая путаница проистекает из того, что специалисты по теории вероятностей всякое вероятное событие называют случайным, в том числе и такое, которое близко к единице¹. (К чести специалистов не все из них поступают так. Вентцель Е.С., например, избегает определения вероятного события как случайного. Она говорит просто о событии²).

Истоки термина «случайное событие» по всей видимости восходят к *Блезу Паскалю*. Вот как излагает суть дела от имени Паскаля венгерский математик *А. Реньи*: "Замечу сразу же, что степень возможности (уверенности) события я назвал *вероятностью*. Я много размышлял над выбором слова и в конце концов именно это счел наиболее выразительным. Помоему, выбранное название находится в полном соответствии с обычным словоупотреблением. В будничной речи обычно говорят о некотором случайном событии, что оно очень вероятно или невероятно или же что одно событие вероятнее другого. В своей теории я исхожу из моего основного предположения, что каждому событию, наступление которого зависит от случая, можно поставить в соответствие определенное число, заключенное между нулем и единицей, в качестве его вероятности. Вероятности событий, которые в разговорной речи называют вероятными, близки к единице, т. е. к вероятности достоверного события; точно так же вероятности событий, которые в обыденной, речи называют невероятными, близкими к нулю, т. е. к вероятности невозможного события"³. Здесь всякое вероятное событие называется случайным на том основании, что наступление его "зависит от случая". Как будто все правильно и придраться не к чему. Ведь даже весьма вероятное событие в какой-то мере зависит от случая, случайности. Однако возникает законный вопрос: почему вероятное событие связывается только со случайностью? А где ж необходимость? Разве наступление события зависит только от случая, а

¹ См.: Хургин Я.А. Как объять необъятное. М., 1985. С. 14; Чубарев А.М. Холодный В.С. Невероятная вероятность. М. 1976. С. 13; Тарасов Л.В. Мир, построенный на вероятности. М., 1984. С. 14 и т. д.

² Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М., 1962.

³ Реньи А. Письма о вероятности. М., 1970. С. 28.

не также от законов, необходимости? Вот где зарыта собака. Всякое вероятное событие именуется случайным в соответствии с формальнологической дихотомией: не-необходимое — значит случайное. Согласно этой дихотомии получается, что между случайным и необходимым нет промежуточных звеньев. Естественно поэтому ученые относят случайное к вероятному, а вероятное — к случайному. Получается также, что необходимости мы отводим весьма узкий "участок" возможности, на котором "топчутся" так называемые достоверные события. Поскольку достоверных событий сравнительно немного, а спектр возможностей в основном заполнен "случайными событиями", то естественен вывод, что в мире господствует случайность. Как мы знаем, этого вывода придерживаются некоторые ученые и философы¹. Формально, т. е. с точки зрения исторически сложившейся, устоявшейся терминологии, они правы, а по существу — ложь.

Итак, мы видим, что за кажущейся безобидностью употребления термина "случайное событие" вместо более точного термина "вероятное событие" может стоять целая философия, абсолютизирующая случайность, неупорядоченность, необратимость и т. д. и т. п. То же можно сказать о выражении "математика случайного", которое нередко употребляют по отношению к теории вероятностей и вообще к вероятностно-статистическим методам². Здесь та же ложь. Нельзя именовать теорию вероятностей математикой случайного. Как следует из определения теории вероятностей, данного самим Паскалем, она соединяет "неопределенность случая" с "точностью математических доказательств". Здесь налицо и случайность, и

¹ Винер Н. в книге "Кибернетика и общество" неосторожно замечает, что случайность "выступает теперь во всей наготе как цельная основа физики". Здесь же он говорит о том, что случай есть основной элемент в строении самой вселенной. См.: Винер Н. Кибернетика и общество, М., 1958. С. 26, 27.

² См., например, предисловие Б.В. Гнеденко к книге А. Реньи "Письма о вероятности" (с. 5). Опять же Б. Паскаль дал повод называть теорию вероятностей математикой случайного. "Это учение, — пишет он, — объединяющее точность математических доказательств с неопределенностью случая и примиряющее эти, казалось бы противоречивые элементы, с полным правом может претендовать на титул — математика случайного» (цит. по: Тарасов Л.В. Мир, построенный на вероятности. М., 1984. С. 14).

необходимость. Паскаль сознает, что теория вероятностей объединяет эти противоречивые элементы. И тем не менее он неудачно называет ее математикой случайного (вместо того, чтобы называть математикой вероятного). И опять, дело не только в словах, не только в неудачности выражений, а в том, что они пусть немного, но ориентируют все же исследователей в направлении абсолютизации случайности или... отрицания ее объективного значения. В первом случае мы имеем концепции индетерминистов, иррационалистов и соответствующим образом ориентированных ученых. Во втором случае — концепцию П. Лапласа.

Реальную случайность можно разделить на три вида:

- 1) случайность как таковую (чистую случайность или случайную случайность, исключительную случайность);
- 2) вероятную или статистическую случайность;
- 3) случайность как момент свободы, т. е. случайность, опосредованную необходимостью или опосредующую ее, находящуюся в органическом единстве с необходимостью.

К разряду *чистых* случайностей можно отнести случайность *исключительных (уникальных)* событий. Например, максимальный выигрыш данным человеком в лотерее. В жизни этого человека подобный выигрыш носит чисто случайный характер. Или приведенный выше случай с гробом американского актера, "волею судеб" оказавшимся у берегов острова, где родился актер. Чистые случайности, хотя и бывают весьма редки, могут оказывать серьезное влияние на ход событий. Пример тому — случайные мутации в живой природе, ведущие к созданию новых видов. В отличие от мутаций, так сказать, внутривидового порядка эти мутации чрезвычайно редки. Они в подлинном смысле случайны, а не более или менее вероятны. Именно о такого рода случайных мутациях ученые говорят как о фундаментальном факторе эволюции.

Чистые случайности носят нестатистический характер; они не являются случайностями массовых явлений и не поддаются изучению методами теории вероятностей.

В приведенных цитатах ясно очерчивается проблема разграничения вероятных, статистических случайностей и нестатистических случайностей. Судя по тому, что авторы сами изобретают термины, обозначающие нестатистические случайности ("неопределенное событие", "плохая" неопределен-

ность), эта проблема возникла и осознана сравнительно недавно. В самом деле многие философы думали и продолжают думать сейчас, что проблема случайности целиком схватывается вероятностно-статистическими представлениями. Так же думают и некоторые ученые. Биолог Э. Майр, правильно отмечая, что "случайность создает беспорядок", пишет, например: "Случайность часто разрушительна, отбор часто созидателен. Тем не менее, как случайность, так и отбор представляют собой статистические явления"¹.

Если говорить о роли чистой случайности в жизни человека, то можно сказать, что человек сравнительно редко надеется, полагается на нее или боится, избегает ее. Например, многие люди не любят участвовать в различного рода лотереях, а если и участвуют, то в очень малой степени рассчитывают на крупный выигрыш. Надежда на такой выигрыш не имеет для человека жизненно важного значения, в противном случае несуществствие этой надежды было бы для него катастрофой. Человек надеется, полагается прежде всего на самого себя, на свою осмотрительность и деятельность, а не на случай. Классический пример: чтобы быть сытым человек работает, трудится, как-то действует, а не надеется на "манну небесную". Кстати, выражение "манна небесная" хорошо передает смысл чистой случайности. В конкретном представлении о манне небесной выражена отчаянная надежда людей на чудесное спасение от голода, нужды, гнета. Еще говорят: "везение", "фортуна", "подарок судьбы", "счастливый случай".

Так же мало человек боится чистой случайности. Например, человек не утруждает, не мучает себя боязнью выйти на улицу вследствие опасения попасть в дорожно-транспортное происшествие и пострадать. Еще меньше человек боится жить или находиться в каком-нибудь здании вследствие опасения, что это здание рухнет.

И все же чистые случайности, хотя человек старается не думать о них, могут внести серьезные коррективы в его жизнь. Именно в таких случаях говорят о подарке судьбы (если коррективы благоприятные) или об ударах судьбы, роковом стечении обстоятельств (если коррективы неблагоприятные). Важно выработать к ним "философское" отношение. Счастливый случай не должен вскружить голову (человек может за-

¹ Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974. С. 145.

знаться, утратить осторожность и т. п.), а "удар судьбы" не должен вызывать состояние безысходности, отчаяния, когда человек "теряет голову". В прошлом люди, не зная истинной природы чистой случайности (что это именно случайность), нередко гипертрофированно воспринимали ее, т. е. либо покорялись своей участи, становились пассивными, "опускали руки", либо преждевременно торжествовали, становились излишне самонадеянными.

Если человек попал в беду, он не должен терять присутствие духа. Замечательным примером мужественного отношения к роковой случайности является поведение гениального композитора Бетховена, потерявшего слух. История сохранила его гордые слова: "Я схвачу судьбу за глотку, совсем согнуть меня ей не удастся" (из письма Вегелеру, 19 ноября 1801 г.). Хорошо сказал Демокрит; "Мужество делает ничтожными удары судьбы". И еще: "Удары судьбы ломают слабых людей и закаляют сильных".

Именно чистую случайность имел в виду Аристотель, когда писал: "Привходящим, или случайным, называется /1/ то, что чему-то присуще и о чем может быть правильно сказано, но присуще не по необходимости и не большей частью, как, например, если кто, копая яму для растения, нашел клад. Это нахождение клада, конечно, случайно для того, кто копал яму: ведь не с необходимостью следует одно из другого или после другого и не в большинстве случаев находят клад, сажая растения. И точно так же может какой-нибудь образованный человек быть бледным; но так как это бывает не по необходимости и не в большинстве случаев, то мы называем это привходящим. Так как, стало быть, то, что присуще, есть что-то и принадлежит чему-то, а что-то из присущего присуще лишь где-то и когда-то, то привходящим будет то, что, правда, какой-то вещи присуще, но присуще не потому, что это была именно вот эта вещь, или именно вот в это время, или именно вот в этом месте. Итак, для случайного нет никакой определенной причины, а есть какая попадется, т. е. неопределенная. Например, кому-нибудь случилось прибыть на Эгину, если он прибыл туда не потому, что хотел попасть туда, а потому, что его занесла буря или похитили морские разбойники. Таким образом, случайное произошло или есть, но не поскольку оно само есть, а поскольку есть другое, ибо буря была причиной того, что человек попал не туда, куда плыл, а это оказалась

Эгина"¹.

Статистическая или *вероятная* случайность — это уже полуслучайность. Еще ее можно назвать случайностью массовых явлений, статистических ансамблей. Вероятная случайность плавно переходит в вероятную необходимость. Вместе они составляют противоположные моменты вероятности, которая их объединяет. Подробнее о статистической случайности смотрите ниже, п. 3521.3. "Вероятность".

О случайности как моменте свободы см. ниже, п. 3521.5 "Свобода". Примерами такой случайности являются *желание*, *склонность*.

Интересно рассмотреть вопрос о случайности как *стечении обстоятельств*. Выше, при рассмотрении вопроса о благоприятном и неблагоприятном действии чистой случайности (счастливом случае, подарке судьбы и несчастном случае, роковом стечении обстоятельств), мы уже частично касались этого вопроса. Однако стечение обстоятельств может быть не только в таком усиленном варианте. Почти каждый день человек сталкивается с тем или иным стечением обстоятельств, благоприятным или неблагоприятным — без роковой подкладки. Почти каждый день меняются обстоятельства, условия, обстановка, складываются одни обстоятельства и рушатся другие. В этой перемене обстоятельств случайное стечение обстоятельств играет не последнюю роль.

Стечение обстоятельств — это объективная случайность, вторгающаяся в жизнь человека, оказывающая влияние на его поведение и на жизнь в целом. Как уже говорилось, стечение обстоятельств может быть благоприятным или неблагоприятным. Это — его качественная характеристика. Степень благоприятности или неблагоприятности характеризует стечение обстоятельств с количественной стороны. С этой точки зрения *роковое* стечение обстоятельств можно определить как *крайне* неблагоприятное стечение обстоятельств, имеющее непоправимый характер, резко и необратимо ухудшающее жизнь человека (смерть единственного ребенка в результате несчастного случая, потеря руки или ноги и т. п.). Кстати, прошу обратить внимание на слова "непоправимость», «необратимость». Чем ярче выражена неблагоприятная случайность, тем она непоправимее, необратимее. (Выше мы говорили о соот-

¹ Аристотель. Соч. Т. 1. С.178-179 (Метафизика, 1025а 14-30).

ветственности категорий случайности и необратимости.)

О стечении обстоятельств как случайности писал еще Аристотель: "То, что возникает естественным путем или благодаря замыслу, возникает ради чего-то. А стечение обстоятельств бывает, когда что-то из этого произошло случайно. Ведь так же, как одно сущее существует само по себе, другое — случайно, точно так же обстоит дело и с причиной. А стечение обстоятельств — это случайная причина в том, что происходит по собственному выбору ради чего-то. Поэтому стечение обстоятельств и замысел имеют отношение к одной и той же области; ведь выбор не осуществляется без замысла. А причины, по которым могло произойти то, что произошло по стечению обстоятельств, неопределенны. Поэтому стечение обстоятельств люди не могут заранее принимать в соображение, и оно причина случайная, а собственно говоря, оно не причина ни для чего. Счастливое же или несчастливое стечение обстоятельств бывает тогда, когда исход дела хороший или плохой; а успех или неуспех — когда удача и неудача велика»¹.

3521.3. Вероятность

Вероятность — промежуточная категория, осуществляющая постепенный или плавный переход от необходимости к случайности и от случайности к необходимости. Меньшая вероятность стоит ближе к случайности. Большая вероятность стоит ближе к необходимости. Одним своим "концом" вероятность упирается в случайность, переходит в нее, а другим "концом" переходит в необходимость.

Говоря об истоках категории "вероятность", следует в первую очередь упомянуть *Аристотеля*. Он не раз в своих сочинениях указывал на то, что между случайностью и необходимостью имеется промежуточная категория. Правда, Аристотель не обозначал эту категорию каким-то одним, определенным термином. Обычно он употреблял выражение "*большой частью*" в контексте сравнения со случайностью (могущей быть только *иногда*) и необходимостью (имеющей место *всегда*).

Философы все больше осознают, что вероятность является переходным "мостиком", связующим звеном между случайно-

¹ Аристотель. Соч. Т. 1. С. 288 (Метафизика, 1065a25-1065b5).

стью и необходимостью. Не охватывая полностью эти категории, она тем не менее "захватывает" часть их "территории", а именно, обнимает собой статистическую или вероятную случайность и статистическую или вероятную необходимость. Последние являются полюсами вероятности. В этом плане ее можно представить или определить как единство статистической случайности и статистической необходимости.

Выше мы уже приводили определение теории вероятностей, данное одним из ее создателей — *Б. Паскалем*. По его мнению она соединяет "неопределенность случая" с "точностью математических доказательств" и не просто соединяет, а «примиряет» "эти, казалось бы, противоречивые элементы". Как верно он сказал! Действительно, вероятность *примиряет* случайность и необходимость. К такому пониманию вероятности приходит все больше философов и ученых. *М.М. Розенталь* прямо пишет: "вероятность есть выражение связи необходимости со случайностью"¹.

Теперь о позиции ученых в данном вопросе. *Е.С. Вентцель* пишет: предметом теории вероятностей "являются специфические закономерности, наблюдаемые в случайных явлениях. Практика показывает, что, наблюдая в совокупности массы однородных случайных явлений, мы обычно обнаруживаем в них вполне определенные закономерности, своего рода *устойчивости*, свойственные именно массовым случайным явлениям"².

Е.С. Вентцель здесь хорошо показала, что вероятность образуется на стыке массовых случайностей и статистической устойчивости, закономерности, присущей этим случайностям. В результате бесчисленных столкновений молекул газа происходят в массовом порядке необратимые процессы, т. е. в каждом отдельном случае прямой процесс (например, движение молекулы в одну сторону с определенной скоростью) не обращается, т. е. не сменяется обратным процессом (движением молекулы в обратную сторону с той же скоростью). Однако, когда происходит большое число столкновений молекул, то их прямые и обратные перемещения как бы взаимно гасятся, нейтрализуются и мы имеем псевдообратимый процесс, из-

¹ Розенталь М.М. Принципы диалектической логики. М., 1960. С. 263.

² Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М., 1962. С. 15-16.

вестную статистическую устойчивость. *Псевдообратимость* таких процессов обусловлена тем, *во-первых*, что каждому прямому процессу не соответствует в строгом смысле обратный процесс (как это имеет место, например, при орбитальном движении планет) — лишь через множество столкновений молекула может сменить направление перемещения на противоположное и оказаться в том же месте; *во-вторых*, что нет полной нейтрализации, взаимопогашения прямых и обратных процессов — общий газовый процесс идет в одну сторону, что и выражается в той или иной величине статистической устойчивости. Таким образом, и на макроуровне имеет место необратимость, точнее, статистическая необратимость. Она "пробивает себе дорогу" сквозь массу случайных процессов, в той или иной степени гасящих, нейтрализующих друг друга. О статистической необходимости (закономерности) можно сказать, что это необходимость (закономерность) псевдо- или квазиобратимых процессов, которые основаны на массовых необратимых процессах. (Соответственно, о нестатистической необходимости /законе/ можно сказать, что это необходимость, закон строго обратимых процессов (подобных орбитальному движению планет).

Далее. По мнению Э. Бореля, "во многих случаях можно говорить не о вероятности состояния, а о порядке и беспорядке"¹.

А. Н. Колмогоров пишет: "Статистическое описание совокупности объектов занимает промежуточное положение между индивидуальным описанием каждого из объектов совокупности, с одной стороны, и описанием совокупности по ее общим свойствам, совсем не требующим ее расчленения на отдельные объекты, — с другой"². Как видим, Колмогоров прямо указывает на *промежуточный* характер вероятностно-статистического подхода.

Интересное рассуждение мы находим у математика А. Реньи. "На днях, приводя в порядок книги, — пишет он, — я наткнулся на "Размышления" Марка Аврелия и случайно открыл ту страницу, где он пишет о двух возможностях: либо

¹ Э. Борель. Вероятность и достоверность. М., 1961. С. 56.

² Колмогоров А.Н. Математическая статистика. — Большая Советская энциклопедия. Изд. 2-ое. Т. 26, М., 1954. С. 485.

мир является огромным хаосом, либо в нем царствует порядок и закономерность. какая из двух взаимоисключающих возможностей реализуется, мыслящий человек должен решить сам... И хотя я уже много раз читал эти строки, но теперь впервые задумался над тем, а почему, собственно, Марк Аврелий считал, что в мире господствуют либо случайность, либо порядок и закономерность? Почему он думал, что эти две возможности исключают друг друга? Мне кажется, в действительности оба утверждения не противоречат друг другу, более того, они действуют одновременно: в мире господствует случай и одновременно действуют порядок и закономерность... Вот почему я и придаю такое значение выяснению понятия вероятности и интересуюсь неразрывно связанными с этим вопросами"¹.

А. Реньи связывает вероятность с тем, что в мире действуют одновременно случайность и порядок, закономерность. Таким образом, он косвенно указывает на то, что вероятность основана на единстве случайности и необходимости.

М. Борн писал: "Природа, как и дела человеческие, кажется подверженной как necessities, так и случайностям. И все-таки даже случайность не вполне произвольна, ибо имеются законы случайности, сформулированные в математической теории вероятностей"². Наша философия дуалистична; природа управляется как бы запутанным клубком законов причины и законов случая³.

Согласно М. Борну вероятностно-статистический подход основан на *сочетании*, как он сам выражается, закономерности и случайности. Комментарии, как говорится, излишни.

Среди философов встречается порой представление о вероятности как "степени возможности" или "количественной мере возможности". Это представление фиксирует лишь факт, что вероятность может быть большей или меньшей, что она *исчислима* (методами теории вероятностей). Однако оно ничего не говорит о *природе* вероятности. Ведь и о случайности можно говорить как о большей или меньшей, и о необходимости. И вообще любое категориальное определение можно как-то характеризовать с количественной стороны. Например, еще не

¹ Реньи А. Письма о вероятности. М. 1970. С. 68-69.

² Борн. Мои жизнь и взгляды. М., 1973. С. 141.

³ Там же. С. 144.

создано исчисление противоречий, хотя давно известен факт, что противоречия имеют свои минимумы и максимумы. Смеем утверждать, что такое исчисление будет со временем создано. Все объективные категориальные определения имеют количественную сторону и поэтому их ждет неизбежная математизация.

Приведенные выше высказывания философов и ученых вскрывают природу вероятности как промежуточной категории, связывающей случайность и необходимость. Только в координатах этих категорий определяется ее содержание и она может быть охарактеризована как имеющая большую или меньшую степень.

Можно заранее, априори сказать что любые *промежуточные* состояния возможны и существуют лишь благодаря наличию ярко выраженных *крайних* состояний. Если нет последних, то нет и первых. Смешно говорить, что они представляют собой "скорее некоторую идеализацию". Если мы отрицаем реальность крайних состояний, то этим самым подрубаем сук, на котором сидим, т. е. вынуждены будем отрицать реальность промежуточных состояний. Промежуточные состояния потому и являются промежуточными, что они "располагаются" где-то между крайними состояниями и их существование *зависит* от существования этих состояний. Вероятность носит промежуточный характер благодаря тому, что существуют случайность и необходимость — полюсы взаимозависимости. Располагаясь между ними, вероятность не поглощает их, а *связывает*, осуществляет переход от одного полюса взаимозависимости к другому. В этом ее смысл и назначение.

На промежуточный характер вероятности указывает то, что вероятностные устойчивости могут ближе "стоять" к случайности, т. е. быть более частными, и могут ближе "стоять" к необходимости, т. е. быть более общими. Первый род вероятностных устойчивостей обычно причисляют к разряду эмпирических статистических закономерностей. Второй род — к разряду теоретических статистических закономерностей. Некоторые ученые и философы сомневаются даже, можно ли во всех случаях именовать частные статистические устойчивости эмпирическими закономерностями. И они в какой-то мере правы. Вероятностные устойчивости "плавно" переходят в чисто случайные процессы, носящие неопределенный характер.

Чем *уже* охватываемая ими область, тем они более похожи на чистые случайности и тем менее оснований называть их эмпирическими закономерностями. (Подробнее об этом см. ниже, п. 3522.3 "Статистическая закономерность").

3521.4. Необходимость

Общая характеристика необходимости дана выше. Напомним здесь основные моменты характеристики.

Необходимость есть сторона или вид возможности. Ей противоположна случайность.

Необходимость есть всеобщая (в качественном смысле) или одна, единственная (в количественном смысле) возможность, исключаящая все другие возможности.

Если случайность определяет многообразие возможностей, то необходимость — их единообразие.

Необходимость — может быть так и только так (должно быть так). Необходимость — это тождество, воплощенное в возможности, "существующее" как возможность.

Необходимость есть внутренняя возможность, вытекающая из внутренних условий существования объекта; ей соответствует внутреннее противоречие.

Если оценивать необходимость с точки зрения вероятности, то ее можно интерпретировать как вероятность, приближающуюся или близкую к единице¹.

Необходимости соответствуют или соответственны следующие категории; закон, тождество, внутреннее противоречие, связь, всеобщее (общее), бесконечное, целое, симметрия, обратимость, сохранение, покой. Все эти категории в некотором смысле определяют, характеризуют необходимость. Важно только не смешивать их с ней. Особенно это касается категории закона. Из-за постоянного отождествления необходимости с законом первая в какой-то мере утрачивает свою категориальную самостоятельность. Это происходит также по той причине, что нет достаточно четкого представления о необходимости как стороне или виде *возможности*. Начиная с Гегеля ее рассматривают как категорию, переходную от возможности

¹ В. П. Тугаринов связывает необходимость со "стопроцентной вероятностью" (см.: Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956). Это уже, пожалуй, не необходимость, а неизбежность.

к действительности или осуществляющую переход возможности в действительность. С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что действительность имеет не только внутреннюю сторону (законосообразность), но и внешнюю — мир явлений. Считать же явление *необходимым* по происхождению — грубая методологическая ошибка. Не все, что переходит из возможности в действительность, является необходимым. Поэтому и сам переход возможности в действительность нельзя изображать как необходимый (необходимость). В представлении о необходимости как категории, осуществляющей переход возможности в действительность, мы видим рецидив механистического детерминизма лапласовского типа. (Пьер-Симон Лаплас, как известно, абсолютизировал необходимость и законосообразность всего происходящего в мире. Это хорошо видно из следующих его высказываний: "Все явления, даже те, которые по своей незначительности как будто не зависят от великих законов природы, суть следствия столь же неизбежные этих законов, как обращение солнца". Или: "Правильность, которую обнаруживает нам астрономия, без всякого сомнения, имеет место во всех явлениях. Кривая, описанная простою молекулою воздуха или пара, определена так же точно, как и орбиты планет"¹. Обратите внимание, что в обоих случаях Лаплас ссылается на движение планет вокруг Солнца. Мы знаем, что орбитальное движение планет строго упорядочено, законосообразно. Оно относится к такому типу реальности, в котором господствуют необходимость и закон, а случайность и неупорядоченность почти исключены).

Реальную необходимость можно разделить на три вида:

1) необходимость как таковую (чистую необходимость или необходимую необходимость);

2) статистическую или вероятную (вероятностную) необходимость;

3) необходимость как момент свободы, т. е. необходимость, опосредованную случайностью или опосредующую ее, находящуюся в органическом единстве со случайностью.

Необходимость первого рода существует как бы в чистом виде, без заметных случайных отклонений в ту или иную сто-

¹ Лаплас П.С. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. С. 48, 11.

рону. Такая необходимость лишь внешне соотносится со случайностью, т. е. совершенно исключает ее даже в смысле формы проявления. Эта необходимость имеет место в высокой степени замкнутых, обратимых процессах, протекающих строго определенным образом и обуславливающих целостность и сохранение природных неорганических систем. Например, необходимость движения планет по определенным орбитам, необходимость смены времен года, смены дня и ночи в результате вращения Земли вокруг своей оси, необходимость движения электронов по заданным орбитам вокруг ядер атомов, необходимость колебательных движений атомов в узлах кристаллических решеток и т. д. Регулярные затмения Солнца и Луны в строго определенное время потому и возможны, что они обусловлены орбитальными движениями Земли и Луны, их необходимыми возвратами в одни и те же точки орбит. (Кстати, затмения Солнца и Луны относятся к таким явлениям, которые *необходимы* по своему происхождению. Хотя они и носят внешний характер, т. е. относятся по определению к внешней, являющейся стороне действительности, тем не менее, они как бы прямо, непосредственно отражают внутреннюю сторону действительности. В случае затмения Солнца диск Луны в результате ее орбитального движения на время перекрывает поток света, исходящий от Солнца и попадающий в определенную точку Земли, где наблюдается затмение. Солнечный свет и уменьшение его интенсивности в результате затмения — это электромагнитные явления, *внешние* для гравитационных систем Луна-Земля и Земля-Солнце. Они не обуславливают существование этих систем. Тем не менее, как мы уже говорили, эти явления, особенно затмения Солнца и Луны, весьма точно "сигнализируют" о необходимости и законосообразности орбитальных движений. В древние времена затмение Солнца как чрезвычайно редкое, необычное событие люди относили к разряду случайных или чудесных. А когда ученые открыли, что на самом деле это событие не случайное, а необходимое по своему происхождению, некоторые из них на основании наблюдения этого явления и подобных ему стали думать, что и все другие явления необходимы по своему происхождению, а случайности нет в реальном мире. Вот из этого умонастроения и родился лапласовский детерминизм. Оттуда же многочисленные высказывания ученых и философов — от Демокрита до нашего Тимирязева — о случайности

как феномене незнания).

Необходимость второго рода — это уже полунеобходимость. Она носит статистический, вероятностный характер. Такая необходимость выступает как *общая тенденция* в массе случайных событий. Она имеет место в системах *промежуточного* типа, в которых целостность и сохранение постепенно "переходят" в нецелостность и изменение, т. е. уступают им место. Характерной статистической системой является *газ*. В нем нецелостность и нестабильность выражены наиболее ярко. Тем не менее, в газе как ансамбле частиц может быть выявлена *общая* тенденция "поведения" этих частиц, которая и является статистической необходимостью.

В статистических ансамблях на микроуровне мы имеем дело со статистической случайностью, а на макроуровне — со статистической необходимостью.

Необходимость третьего рода есть необходимость, опосредованная случайностью или опосредующая последнюю. В качестве таковой она является моментом *свободы*. (Подробнее об этом см.: ниже, 3521.5. "Свобода"). Примерами необходимости третьего рода являются *потребность, нравственный долг, ответственность, обязанность*. Психозэмоциональным эквивалентом такой необходимости является *вера*.

Остановимся немного на понятии *долга*. Долг именно как момент свободы является *нравственной* необходимостью. В противном случае он превращается в духовные цепи рабства, холопства. Долг вне доброй воли исполняющего долг, долг ради долга по самой своей сути исключает какое-либо опосредствование случайностью, а следовательно не может быть моментом свободы. Идея долга в таком смысле нередко использовалась и используется власть имущими как средство заставить людей быть послушными, покорно нести тяготы и лишения, не восставать против существующего порядка вещей (будь то диктаторский политический режим или палочная дисциплина на предприятии, в армии). Долг как безусловная преданность, как непререкаемое подчинение власти отца, правителя, феодала, императора, как господство традиции был одним из величайших устоев восточного деспотизма. "Долг вообще" или, как мы говорили, "долг ради долга" является в значительной мере формальным понятием, нравственной абстракцией. Только в соединении с противоположным ему по-

нятием, а именно со *склонностью*, долг может рассматриваться как *нравственная* необходимость, как момент свободы. Как видим, очень важно не отрывать долг от свободы, не противопоставлять его склонности. В противном случае долг приобретает характер чистой необходимости или необходимости первого рода. А эта необходимость чужда человеку как *живому* существу. В любом случае человек как живое, свободно действующее существо стремится избавиться от такой необходимости. Вот почему на протяжении всей истории люди неизменно выступали против тех, кто провозглашал долг ради долга и противопоставлял долг склонностям.

Необходимость и неизбежность. С категорией *неизбежности* связано много разных толкований, вносящих путаницу в понимание истинного соотношения категорий необходимости, случайности, возможности. Часто не проводят различие между этой категорией и категорией необходимости.

При абсолютизации неизбежности или приравнивания к ней необходимости возникают представления о роке, фатуме, судьбе, предопределении и т. п. Да, действительно, неизбежность — то, чего нельзя избежать, от чего нельзя уйти, что обязательно, в любом случае наступит. И в этом смысле она неумолима как рок, фатум. Однако, если не абсолютизировать неизбежность, если не смешивать ее с необходимостью, то окажется, что эта категория имеет определенное, хотя и весьма ограниченное значение. Она применима к процессам гибели, уничтожения. Неизбежна физическая смерть человека (хотя и здесь человек не покоряется неизбежной участи, а борется за активное долголетие, за продление жизни). Неизбежны гибель данного общества или его трансформация в иное общество. Всякое другое употребление и понимание категории неизбежности ведет к фатализму. Так, эта категория не применима к процессам возникновения, сохранения, развития.

Принципиальное различие между неизбежностью и необходимостью состоит в том, что неизбежность диктуется *внешними* условиями существования, она полностью независима от наших желаний, от внутренних условий существования. Человек по отношению к неизбежности выступает не как активно действующее, а как *страдательное* существо. Необходимость, напротив, диктуется *внутренними* условиями существования. Она — то, что нельзя обойти, без чего нельзя

обойтись на жизненном пути. Так, если мы хотим жить, то мы должны есть, пить, спать и т. п. Как видим, необходимость не абсолютно безусловна. В отличие от нее неизбежность есть то, что обязательно наступит *при любых условиях*. Она абсолютно безусловна. Такова неизбежность смерти или гибели живых существ. Все остальное не неизбежно, а необходимо, вероятно, случайно и т. д.

В некоторых случаях необходимость по своей неумолимости приближается к неизбежности, т. е. вероятность наступления события почти равна единице или *практически* равна единице. Таковы солнечные и лунные затмения. Они кажутся неизбежными в определенное время и в определенном месте Земли. Вероятность их наступления практически равна единице. Но на этом сходство необходимости с неизбежностью кончается. Затмения Солнца и Луны обусловлены орбитальными движениями Земли и Луны, которые в свою очередь обусловлены динамическим равновесием между силами притяжения и отталкивания в Солнечной системе. Движения Земли и Луны порождены внутренними условиями существования Солнечной системы. Именно благодаря им происходят затмения Солнца и Луны. Однако эти затмения не являются неизбежными, т. е. абсолютно безусловными, не зависящими ни от каких условий. Ведь стабильность Солнечной системы и заданность движений в ней Земли и Луны не являются абсолютными. Существует вероятность, хотя и ничтожная, близкая к нулю, что Солнечная система подвергнется воздействию внешних космических сил (систем) и тогда все может быть по-другому. Да и сейчас она потихоньку меняется, разрушается под влиянием постоянно действующих, внешних для нее факторов.

В отдельных случаях понятие неизбежности употребляют как синоним необходимости для усиления, эмоционального подчеркивания той или иной мысли, того или иного взгляда, теоретического положения.

Иногда ставят вопрос: была ли неизбежна вторая мировая война? Поистине животрепещущим для народов всего мира был в недавнем прошлом вопрос о том, неизбежна ли третья мировая война, а тем более, неизбежна ли термоядерная катастрофа? Эти вопросы, по существу, о роли и границах неизбежного в жизни людей. Выше мы показали, что в прошлом люди были склонны преувеличивать значение неизбежного.

Случайное или вероятное представляли как необходимое, а необходимое как неизбежное. Отголоски такого преувеличенного представления о неизбежном мы "слышим" и в указанных вопросах. Конечно, войну, любую войну нельзя рассматривать как нечто неизбежное. Война — это определенная форма социальных противоречий и как таковая она не носит абсолютного характера. Помимо этой формы социальных противоречий возможны и существуют другие формы социального плана. То есть имеет место некоторое многообразие действительных и возможных социальных противоречий. Считать войну единственно возможной формой разрешения социальных конфликтов, т. е. неизбежной формой — это значит совершать грубую методологическую ошибку. Категория неизбежности не применима к отдельным, конкретным формам, видам противоречий, взаимодействий, трансформаций. Она указывает на то, что сохранение не абсолютно, но она не указывает, какого характера должно быть изменение, переход одного в другое. Изменение ведь может иметь характер гибели, разрушения, уничтожения, а может иметь характер образования, трансформации, развития, становления, перехода в более высокие формы.

3521.5. Свобода

Свобода есть категория возможности, представляющая собой органическое единство (взаимоопосредствование) случайности и необходимости.

Если случайность определяет многообразие возможностей, а необходимость — их единообразие, то свобода есть единство возможностей в их многообразии или многообразие возможностей в их единстве.

Свобода есть сложная возможность, органическое единство внутренней и внешней возможности (необходимости и случайности). В сфере действительности ей соответствует сущность. В сфере противоречия — сложное противоречие. В структуре материи свободе соответствуют "организм" и "общество", в структуре движения ей соответствуют "развитие" и "поведение".

В истории философии можно наблюдать две взаимоисключающие точки зрения на понятие свободы. Одни философы (например, Спиноза, Гольбах, Гегель) сближают понятие сво-

боды с понятием необходимости; они либо отрицают наличие в свободе элемента случайности, либо преуменьшают его значение.

Свое крайнее выражение такая точка зрения получила у Гольбаха. "Для человека, — писал он, — свобода есть не что иное, как заключенная в нем самом необходимость"¹. Более того, Гольбах считал, что человек не может быть в подлинном смысле свободен, так как он подчинен действию законов и, следовательно, находится во власти неумолимой необходимости. Чувство свободы, писал он, — это "иллюзия, которую можно сравнить с иллюзией мухи из басни, вообразившей, сидя на дышле тяжелой повозки, что она управляет движением мировой машины, на самом же деле именно эта машина увлекает в круг своего движения человека без его ведома"².

Другие философы, напротив, противопоставляют понятие свободы понятию необходимости и тем самым сближают его с понятием случайности, произвола.

Герберт Дж. Мюллер, считающийся в США одним из самых крупных авторитетов по проблеме свободы, пишет, например: "Говоря просто, человек свободен постольку, поскольку он может по собственному желанию браться за дело или отказываться от него, принимать собственные решения, отвечать "да" или "нет" на любой вопрос или приказ и, руководствуясь собственным разумением, определять понятия долга и достойной цели. Он не свободен постольку, поскольку он лишен возможности следовать своим склонностям, а в силу прямого принуждения или из боязни последствий обязан поступать вопреки собственным желаниям, причем не играет роли, идут эти желания ему на пользу или во вред"³.

Подобное понимание свободы (по принципу "что хочу, то и делаю") мы находим и в немецком философском словаре⁴, и в «Краткой философской энциклопедии»⁵. Гегель по этому

¹ Гольбах П. Избранные произведения в 2-х т.т. Т. 1, 1963. С. 237.

² Гольбах П. Система природы. М., 1940. С. 105.

³ Мюллер Г. Дж. О свободе. "Америка", № 89. С. 24.

⁴ См.: Философский словарь (Г. Шмидт. Штутгарт, 1957). Пер. с нем., М., 1961. С. 523.

⁵ «Свобода — возможность поступать так, как хочется». — Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 406.

поводу справедливо заметил: "Когда мы слышим, что свобода состоит в возможности делать все, чего хотят, мы можем признать такое представление полным отсутствием культуры мысли"¹.

А вот остроумное замечание из сборника тюремных афоризмов: *делай, что хочешь, но так, чтобы не лишиться этой возможности в будущем.*

Очень непросто, конечно, осознать присутствие в свободе обоих моментов: случайности и необходимости. Рассудочная мысль бьется в тисках "или". В марксистской философии не смотря на то, что все считали себя диалектиками, существовала какая-то *случайнобоязнь* при оценке и характеристике свободы. Вот что писал, например, И. В. Бычко:

««Существование случайности..., — утверждает один из ведущих представителей американского натурализма К. Ламонт, — порождает свободу выбора, хотя и не гарантирует, что она действительно осуществится" (С. Lamont. Freedom of Choice Affirmed. N.Y. 1967, p. 62). Отождествив (или по крайней мере чрезмерно сблизив) свободу со случайностью, Ламонт на этом основании — совершенно в духе материализма XVIII в. — противопоставляет свободу детерминизму"².

Приведенная цитата из сочинения К. Ламонта не содержит того, что приписывает ей И. В. Бычко. Заключение в ней мысль вполне справедлива. Как это ни парадоксально, но свобода необходимо предполагает случайность, невозможна без нее. Еще Аристотель отметил, что отрицание реального существования случайности влечет за собой отрицание возможности выбора в практической деятельности, что абсурдно. "Уничтожение случая, — писал он, — влечет за собой нелепые последствия. Есть многое, что совершается не по необходимости, а случайно... Если в явлениях нет случая, но все существует и возникает из необходимости, тогда не пришлось бы ни совещаться, ни действовать для того, чтобы, если поступить так, было одно, а если иначе, то не было этого» (пер. Э. Радлова)³.

¹ Гегель. Соч., т. 1. С. 44.

² Бычко И. В. В лабиринтах свободы. М., 1976. С. 85.

³ Аристотель «Об истолковании», гл. IX, 18b 25-34. Цит. по: «Материалисты Древней Греции». М., 1955. С. 70. Во 2-м томе четырехтомного собрания сочинений Аристотеля это место переводится так: «Итак, это и другие такого рода нелепости получаются, если из двух 266

Некоторые наши философы буквально "заиклились" на формуле «свобода есть познанная необходимость». Между тем сам Гегель, если брать в совокупности все его высказывания о свободе, не понимал так упрощенно эту категорию. Он, в сущности, признавал, что *свобода* содержит в снятом виде оба момента: случайность и необходимость, а не только одну необходимость. Так в Малой логике (§ 145) он говорит о го-лом произволе как воле в форме случайности. С другой стороны, он не отрицает, что истинно свободная воля в снятом виде содержит в себе произвол (воля "содержит в себе случайное в форме произвола, но содержит его в себе лишь как снятый момент"¹). В другом месте Малой логики (§ 182) он писал, что "истинное и разумное понятие свободы содержит в самом себе необходимость как снятую"². Таким образом, приписываемый Гегелю взгляд, что свобода есть познанная необходимость есть всего лишь полуправда, которая искажает сложное и многогранное представление немецкого мыслителя о свободе.

О так называемом парадоксе свободы.

К. Поппер следующим образом описывает этот парадокс: "Так называемый *парадокс свободы* показывает, что свобода в смысле отсутствия какого бы то ни было ограничивающего ее контроля должна привести к значительному ее ограничению, так как дает возможность задире поработить кротких. Эту идею очень ясно выразил Платон, хотя несколько иначе и совершенно с иными целями"³.

противолежащих друг другу утверждения и отрицания, будут ли они общими высказываниями об общем или о единичном, одно необходимо должно быть истинным, а другое ложным, и если ничего не происходит как попало, а все существует и происходит по необходимости; так что не надо было бы в таком случае ни решать, ни стараться, полагая, что, если сделаем это, будет это, а если этого не сделаем, то этого не будет». — Аристотель Сочинения в 4 тт., т. 2. -М.: Мысль. -1978. С. 99-100.

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1. С. 320.

² Там же. С. 368.

³ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 1, М., 1992. С. 328. Примечание К. Поппера: "См. "Государство", 562 b-565 с. В тексте я подразумеваю, главным образом, 562 с: "...такое ненасытное стремление к одному" (к свободе) "и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании". См. далее 562d-e:

В другом месте К. Поппер пишет: “Этот парадокс (свободы — Л. Б.) может быть сформулирован следующим образом: неограниченная свобода ведет к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода необходимо приводит к тирании сильных над слабыми. Этот парадокс, в смутной форме восстановленный Руссо, был разрешен Кантом, который потребовал, чтобы свобода каждого человека была ограничена, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной свободы для всех”¹.

Как видим, К. Поппер следует И. Канту в понимании парадокса свободы. Между тем уже Гегель подверг критике указанный кантовский тезис. Он писал: “... нет ничего более пространного, чем представления, что каждый должен *ограничивать* свою свободу в отношении свободы других, что *государство* есть состояние этого взаимного ограничения и законы суть сами эти ограничения. В таких представлениях, — продолжает он критику, — свобода понимается только как случайная прихоть и произвол”². В самом деле, если свободу понимать только в негативном смысле, как то, что надо огра-

“А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над нами власти... Именно из этого правления... и вырастет, как мне кажется, тирания”...

У Платона имеются и другие замечания о *парадоксах свободы и демократии* (“Государство”, 564 а): “Ведь чрезмерная свобода, по видимому, и для отдельного человека, и для государства обращается не во что иное, как в чрезмерное рабство... Так вот тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии: иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство”. См. также: “Государство”, 565 с-d: ...)”

¹ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 56. См. также: “...то, что в предшествующей главе мы назвали *парадоксом свободы*. Свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения свободы государством, при котором свобода каждого человека защищена законом. Никто не должен жить за счет милосердия других, все должны иметь право на защиту со стороны государства” — там же. С. 145.

² Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 3, М., 1977. С. 353-354 [§ 539].

ничивать, она неизбежно сближается с прихотью-произволом¹. Свобода каждого из нас не только ограничивается в обществе, но и *допускается*. Иными словами, имеет место не только взаимоограничение свободы, но и ее взаимодопущение. В этом суть правопорядка. И в этом также регулирующая роль государства. Выше я уже говорил: из взаимоограничения свободы вытекают многообразные *обязанности человека*; из взаимодопущения свободы вытекают не менее многообразные *права человека*. Гегель, споря с Кантом, выступает против представления о неограниченности свободы (что она может быть неограниченной). Он справедливо полагает, что имеются ограничения, внутренне присущие свободе. Свобода без внутренних ограничений — не свобода, а произвол.

Итак, **на самом деле** нет никакого парадокса свободы. Ведь неограниченной, абсолютной свободы не бывает (своеволие, произвол — не свобода; да и они имеют свои границы). Реальная свобода всегда ограничена и извне, и изнутри (извне: внешней необходимостью, обстоятельствами; изнутри: потребностями и долгом). А то, что в результате свободных выборов к власти может прийти тиран-диктатор (как это было в 1933 году в Германии), говорит лишь о том, что свобода сама по себе не дает абсолютных гарантий самозащиты. Свобода всегда заключает в себе риск, в том числе крайний риск уничтожения самой себя. Свобода — это возможность, а возможность может содержать в себе и отрицание.

(По поводу же абсолютных гарантий чего-либо можно сказать: их не бывает **в принципе!** Касается ли это свободы, безопасности, успеха, выигрыша, долгой жизни и т. д.)

Свобода как возможность выбора.

¹ Именно такое понимание свободы присутствует в известной французской легенде. В ней рассказывается о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый оправдывался тем, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому поводу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека кончается там, где начинается нос другого человека.

Весьма распространенным является представление о свободе как *возможности выбора*. И это вполне справедливо. В этом понятии свободы отчетливо можно видеть наличие обоих противоположных моментов — случайности и необходимости. Рассмотрим это на конкретном примере. Выбор профессии — жизненно важная проблема практически для всех людей. Он содержит оба момента. Необходимый момент — человек, становясь взрослым, *должен* определиться в выборе профессии, чтобы реализовать себя — здесь нет выбора. Случайный момент — выбор именно этой, а не какой-нибудь другой профессии, специальности в зависимости от *случайных обстоятельств* (места, времени и т. д.) или от *случайности хотения*. Органическое соединение необходимого и случайного при выборе профессии происходит тогда, когда этот выбор осуществляется *по призванию*.

Далее, можно видеть, что *необходимый* момент выбора находит свое выражение в двух категориях — категории *потребности* и категории *долга* (моральной ответственности). Категория потребности выражает *лично необходимый* момент выбора (человек нуждается, испытывает настоящую потребность в каком-либо роде деятельности или в каком-либо предмете, который он может "добыть" только с помощью труда). Категория долга (ответственности) выражает *общественно необходимый* момент выбора (человек обязан, должен работать, трудиться, чтобы не быть тунеядцем, иждивенцем, паразитирующим элементом). И потребность, и долг *внутренне* необходимы для человека. Только потребность идет от биологических механизмов регуляции поведения, а долг — от социальных механизмов.

Выбор профессии по призванию как раз объединяет оба необходимых момента — лично значимый и общественно значимый.

Этим необходимыми моментам выбора соответствуют два *случайных* момента: *субъективный* — случайность хотения, и *объективный* — случайность обстановки, обстоятельств, и т. п. (например, случайность рождения, стечение обстоятельств).

Под случайностью хотения¹ мы понимаем определенную

¹ Выражение «случайность хотения» встречается у Гегеля (см. его «Энциклопедию философских наук». Т. 1, § 145). Так он определял 270

дозу произвола, которая всегда присутствует в стремлениях и действиях человека. Например, человек выбрал профессию по призванию — стал музыкантом. Это — свободный выбор. И тем не менее, при определении конкретного рода музыкального исполнительства, а еще чаще, при определении конкретного места работы человек может руководствоваться случайными, не связанными с профессией, предпочтениями, в частности симпатиями или антипатиями к возможным сотрудникам, товарищам по работе, к начальству и т. п. Эти симпатии и антипатии могут быть совершенно случайны по отношению к избранному роду деятельности.

В свободе как возможности выбора отчетливо просматриваются *субъективный* и *объективный* моменты.

С *объективной* стороны возможность выбора означает, что есть что-то, из чего можно выбирать. Объективные возможности выбора весьма многообразны.

В древние времена свобода противопоставлялась рабству. Тот является свободным, кто не раб — говорится в Евангелии от Иоанна (8; 33). Видимо, этим же пониманием свободы руководствовался Аристотель, когда писал: «свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого»¹. Любопытно, что почти также характеризует свободу Гегель: «свобода состоит именно в том, что мне не противостоит никакое абсолютное другое, но я завишу от содержания, которое есть я сам»².

А вот какие мысли высказал *заключенный* по поводу жизни на воле: «Люди на воле и не подозревают, что значит — ходить по земле, куда и как тебе самому заблагорассудится, не ожидая команд и не прислушиваясь к ним.

Люди на воле не ценят еще одного великого права — права выбора, которого начисто лишен раб, узник; из словаря свободных людей не исчезло слово «или», их поступки не подчинены чужой и злой воле»³. Человек выходит из тюрьмы на свободу. Это значит, что перед ним открывается масса воз-

содержание понятия «произвол».

¹ Аристотель. Соч. Т. 1, М., 1976. С. 69 (Метафизика. 982b 25).

² Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1, М., 1974. С. 153 (§ 138).

³ См.: Е. Воробьев. Земля, до востребования.

возможностей жить нормально, по-человечески. Обычно перед человеком открыты *широкие* возможности проявить себя, поступать в соответствии со своими желаниями и потребностями.

С *субъективной* стороны возможность выбора означает *способность* выбора. Человек, несмотря на огромные возможности, которыми он располагает, может оказаться неспособным выбирать. Это происходит либо по незнанию, либо по слабости ума, воли, либо вследствие неумения.

Люди обладают разной степенью и разными видами способности выбора. Вероятно, *общая* способность выбора выражается в понятии "*самостоятельность*". Чем большей способностью выбора (в количественном и качественном отношении) обладает человек, тем он более самостоятелен (при прочих равных условиях).

Способностью выбора обладают не только люди, но и животные и вообще живые организмы. Правда, для простейших живых организмов — одноклеточных — эта способность является минимальной. Они могут только осуществлять выбор между пищей и тем, что не является пищей. По мере усложнения и совершенствования организмов возрастает и их способность выбирать. Простейшие организмы и растения, например, не могут выбирать среду обитания, а животные могут. Животные ведут, как правило, активный поиск благоприятной среды.

Неспособны выбирать неорганические тела (кристаллы, камни, планеты и т. п.). Это и понятно. Они не осуществляют никакой деятельности. Их "поведение" целиком обусловлено либо необходимостью (например, движение планет вокруг Солнца), либо случайностью (например, движение пылинок в воздухе), либо вероятностью — промежуточным состоянием между необходимостью и случайностью.

Способность выбора определена выше как субъективный момент свободы. В свою очередь она распадается на два момента: *сознательный* и *волевой* (речь идет, конечно, о человеческой способности выбора).

Сознательный момент способности выбора означает, что человек *способен* обдумывать, "отмеривать", рассчитывать прежде, чем принять решение по какому-либо варианту действия, т. е. способен действовать "со знанием дела", как говорил Ф. Энгельс. Здесь действует правило: "семь раз отмерь, 272

один отрежь".

Лейбниц писал: "уже Аристотель удачно заметил, что свободными действиями мы называем не просто те, которые спонтанны, но те, которые вдобавок обдуманно"¹. Лейбниц имел в виду то место в "Никомаховой этике", где Аристотель подробно рассматривает вопрос о том, что такое сознательный выбор (см. "Никомахову этику", книгу третью, п. 4 — 1111b — 1112a). Сравн. немецкую поговорку: "Кому выбирать, тому и голову ломать" ("Wer die Wahl hat, hat die Qual). Уместно привести здесь и знаменитое изречение из Евангелия от Иоанна (гл. 8, ст. 32): "Познайте истину и истина сделает вас свободными". Конечно, эти высказывания односторонни, но они заостряют мысль и тем заставляют думать.

Интересно рассуждение В. Э. Шляпентоха о связи свободы и знания (информации):

"Свобода действия и возможность принятия решений появляются только тогда, когда существует возможность выбора различных вариантов поведения. При этом понятие "свобода" в принципе может быть квантифицировано: свобода тем "больше", чем больше существует вариантов выбора... Знание возможных вариантов поведения является непременным условием существования "свободы" для индивида или группы. В противном случае имеет место "свобода в себе". Действительно, чем больше информирован школьник о существующих профессиях, покупатель — о наличных в торговле товарах и т. д., тем большей степенью свободы в своих действиях они обладают. Отсюда такая связь понятия свободы с категорией информации, хотя очевидно, что информация является необходимым, но отнюдь не достаточным условием свободы. Если индивидум точно осведомлен о том, что во всех кинотеатрах города демонстрируется только один фильм, то свобода выбора тем не менее благодаря этой информации у него не увеличилась"².

Волевой момент способности выбора означает, что человек способен принять решение по какому-либо варианту действия несмотря на недостаточность знаний, опыта или времени на обдумывание. Способность к волевому выбору, решению позволяет также избежать ситуации буриданова осла. В философской притче, приписываемой Буридану, осел сдох из-за того, что так и не решился выбрать одну из двух равных охапок сена. Он не мог решить задачу предпочтения одной из двух рав-

¹ Лейбниц. Соч. в 4-х т.т. Т. 2, М., 1983. С. 175.

² См.: "Количественные методы в социологии", М., 1966. С.40.

ных возможностей.

В реальной жизни у реальных людей сознательный и волевой моменты способности выбора не всегда одинаково выражены или развиты. У одних людей может быть более выражен сознательный момент способности выбора. Они хорошо и много обдумывают, "отмеривают, рассчитывают, но порой бывают нерешительны в окончательном выборе или облачают свои выводы, решения в осторожные, не всегда ясные, четкие формулировки. У других людей может быть более выражен волевой момент способности выбора. Тщательному обдумыванию, взвешиванию они явно предпочитают волевой подход, уповают на счастливый случай и даже на "авось".

В основе волевых, волюнтаристских решений лежит *случайность выбора*, когда чаша "волевого усилия" явно перевешивает чашу обдумывания, "отмеривания". Обдумывание и "отмеривание" основываются на познании и учете всех аспектов действительности и возможности, т. е. не только случайности, неупорядоченности, но и необходимости, закономерности, упорядоченности. Человек же, осуществляющий волевое решение, осознанно или неосознанно, абсолютизирует момент случайности, неупорядоченности и недооценивает момент необходимости, законосообразности. Вот откуда, кстати, связь философии волюнтаризма с иррационализмом. В познании существенную роль играет поиск и открытие закономерностей, управляющих событиями. Иррационализм — враг такого познания. Здесь волюнтаризм и иррационализм сходятся. Оба они абсолютизируют одну способность мышления — интуицию, — и недооценивают или отрицают другую, прямо противоположную способность мышления — логику, рассудок. Эта последняя способность в большей степени, чем первая, направлена на осмысление и познание объективной необходимости, закономерности, упорядоченности. Интуиция же направлена главным образом на учет и использование объективной случайности, неупорядоченности бытия.

Против антропоморфного понимания свободы.

До сих пор практически не изучен вопрос о месте категории свободы в системе категориальной логики, ее соотношении с другими категориями. Обычно вслед за Гегелем рассматривали лишь соотношение свободы и необходимости или социальные, специфически человеческие аспекты свободы. по

существом категория свободы еще не воспринимается как фундаментальная философская категория (в системе категориальной логики). Она рассматривалась лишь в разделах, посвященных социальной проблематике. Это существенно затрудняет подлинно философское осмысление категории свободы, осмысление ее в координатах всеобщих категорий (возможности, случайности, необходимости и вероятности).

В истории человеческой мысли понятие свободы длительное время развивалось лишь как специфически человеческое понятие. Это было обусловлено ограниченностью знаний человека об окружающем мире. Люди *чаще всего* видели, могли наблюдать проявления свободы именно в человеческой сфере. Поэтому они теоретически рефлексировали лишь по поводу *человеческой* свободы (см., например, сочинения Аристотеля и Гегеля). Однако в последние десятилетия наука, по мере накопления фактического материала, все чаще обращает свой взор на проявления свободы в животном мире. И.П. Павлов писал, например: "рефлекс свободы один из чрезвычайно важных рефлексов, или, общее сказать, реакцией всякого живого существа... Если бы у животного не было рефлекторного протеста, борьбы против ограничения его движений, тогда стоило бы животному встретиться с пустым препятствием, и та или другая важная деятельность его осталась бы неосуществленной. Мы знаем, что у некоторых животных этот рефлекс свободы так интенсивен, что лишенные свободы, они отказываются от пищи, хиреют и умирают»¹.

Пора и философам выработать такое понятие свободы, которое не носило бы специфически антропоморфного понимания свободы, а было бы достаточно всеобщим, включенным в систему категориальной логики. В настоящей работе предлагается как раз рассматривать категорию свободы в координатах таких всеобщих категорий, как возможность, случайность, вероятность, необходимость. Это позволяет освободиться от ограниченного, антропоморфного понимания свободы.

Формула свободы.

По определению свобода есть взаимоотношение случайности и необходимости. Как и сложное противоречие ее

¹ Павлов И.П. Избранные произведения. М., 1949. С. 146-165.

можно выразить формулой. Общая формула взаимоопосредствования противоположностей такова:

Если вместо Р подставить случайность [С], а вместо Q - необходимость (Н), то формула свободы 1-ой степени будет такова: $Sв^1 = (Н - [С - Н] - С)$

где (Н-С-Н) — опосредствование необходимости случайностью;

[С-Н-С] — опосредствование случайности необходимостью;

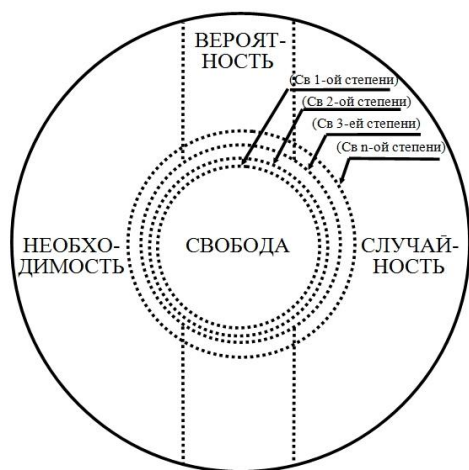
$Sв^1$ — свобода первой степени (не путать с понятием "степень свободы", используемым в механике, физике и некоторых других науках!). Свободе первой степени соответствует сложное противоречие 1-ой степени и другие сложные (органические) категориальные определения 1-ой степени (развитие 1-ой степени, поведение 1-ой степени, организм 1-ой степени и т. д.). Свобода 1-ой степени присуща простейшим живым организмам (одноклеточным), способным к самостоятельному существованию.

По мере усложнения и совершенствования живых организмов становится сложнее, шире и глубже свобода их поведения, т. е. повышается степень их свободы. (В эмпирическом плане это выражается, в частности, в увеличении степеней свободы¹. Самый сложный и совершенный организм — человеческий — имеет 600 мышц и, по меньшей мере, 250 степеней свободы!) В категориально-логическом плане повышение степени свободы выражается в *углублении* взаимоопосредствования необходимости и случайности. Это углубление можно представить *скачками* или *лестницей*. Свободе 1-ой, 2-ой, 3-ей и т. д. степеней соответствуют различные дискретные уровни взаимоопосредствования. Графически это можно изобразить так: см. диаграмму на следующей странице.

Чем выше степень свободы, тем более глубокие слои необходимости и случайности она "захватывает" в результате взаимоопосредствования этих противоположностей.

¹ Степени свободы объекта — независимые характеристики, необходимые для однозначного определения положения объекта. В ньютоновской механике для описания состояния материальной точки имеем три степени свободы: пространственные координаты X, Y, Z. См.: Симанов А.Л. Понятие "состояние" как философская категория. Новосибирск. 1982. С. 12.

Свобода в человеческом обществе носит весьма сложный характер. Какой она степени — об этом трудно пока судить. Нужны дополнительные исследования. Если

руководствоваться самыми общими соображениями, то можно предположить, что человек обладает свободой не ниже 7-ой степени или еще выше.

В самом деле, если предположить, что простейшие живые организмы (одноклеточные) обладают свободой 1-ой степени, многоклеточные растительные организмы — свободой 2-ой степени, животные — свободой 3 — 6-ой степени

(беспозвоночные, позвоночные холоднокровные, позвоночные теплокровные яйценосящие, млекопитающие или живородящие), то тогда человек должен обладать свободой не ниже 7-ой степени.

Таким образом, становление живой природы и человеческого общества можно представить как *прогресс в деле свободы*, т. е. как последовательное восхождение от свободы одной степени к свободе другой, более высокой степени.

Как понимать опосредствование необходимости и случайности? Попробуем пояснить это на близких для нас примерах, т. е. на примерах, взятых из жизни человека. Нужно только учесть, что эти опосредствования не будут такими однозначными, как на уровне свободы 1-ой степени. Ведь если в последнем случае опосредствование необходимости и случайности является как бы непосредственным (либо [Н — С — Н], либо (С — Н — С)), то в рамках свободы, которой обладает человек, это опосредствование будет не непосредственным, а *множественно опосредованным*, как бы опосредствованием в кубе или в четвертой-пятой степени (опосредствование «в квадрате»:

$$\{ (Н — С — Н) — [С — Н — С] — (Н — С — Н) \},$$

опосредствование в «кубе»:

({ (Н-С-Н) — [С-Н-С] — (Н-С-Н) } — <[С-Н-С] — (Н-С-Н) — [С-Н-С]> — { (Н-С-Н) — [С-Н-С] — (Н-С-Н) })).

Поэтому в связи с большой сложностью взаимоотношения необходимости и случайности в человеческом обществе мы намеренно будем представлять его по упрощенной схеме: (Н-С-Н) или [С-Н-С].

Рассмотрим первый вариант: [С-Н-С] — опосредствование случайности необходимостью. Возьмем такой пример. В науке известны так называемые случайные открытия, когда ученый искал одно, а находит совершенно другое. Такова история открытия явления радиоактивности Анри Беккерелем. Хотя это открытие и случайно, однако оно не состоялось бы, если бы не было опосредствовано необходимостью, а именно всеми знаниями, логикой мысли и направленностью интересов французского ученого. Как раз перед этим открытием было открыто рентгеновское излучение. Анри Беккерель все время думал об этом открытии, как свидетельствуют биографы, и это "думание" создавало особую атмосферу поисков. На фоне этого "думания" и было сделано открытие радиоактивного излучения солей урана.

Подобные открытия, даже самые случайные, не являются на самом деле чисто случайными. Они всегда опосредованы теми или иными необходимыми моментами. Случай помогает только подготовленному уму, говорил Луи Пастер. Оригинально и чисто по-женски сказала В. Ученова: Случай улыбается тем, кто умеет им пользоваться¹.

Рассмотрим теперь второй вариант: [Н-С-Н] — опосредствование необходимости случайностью. Для примера возьмем ситуацию выбора профессии. С самого начала задано как необходимое условие взрослой жизни — работать, трудиться, выбрать ту или иную профессию. Однако эта необходимость выбора опосредуется случайными предпочтениями или обстоятельствами. То же можно сказать о выборе любимого, суженого. Он изначально задан как необходимое условие взрослой жизни. С другой стороны этот выбор потому и является выбором, что он обусловлен, опосредован массой случайностей. В делах любви большую роль играет Его Величество Случай и не только в отрицательном, но и в положительном смысле.

¹ Ученова В. Беседы о журналистике. М., 1985. С. 84.

Случайность является своего рода повивальной бабкой, помогающей рождению любви. Такую же роль случайность играет и в искусстве. Вот что писал, например Александр Грин: "Есть безукоризненная чистота характерных мгновений, какие можно целиком обратить в строки или в рисунок. Это и есть то в жизни, что кладет начало искусству. Подлинный случай, закованный в безмятежную простоту естественно верного тона, какого ждем мы на каждом шагу всем сердцем, всегда полон очарования. Так немного, но так полно звучит тогда впечатленье" ("Крысолов").

Интересную творческую ситуацию описывает Л. Н. Толстой на страницах "Анны Карениной", посвященных художнику Михайлову: "Бумага с брошенным рисунком нашлась, но была испачкана и закапана стеарином. Он все-таки взял рисунок, положил себе на стол и, отдалившись и прищурившись, стал смотреть на него. Вдруг он улыбнулся и радостно взмахнул руками. — Так, так! — проговорил он и тотчас же, взяв карандаш, начал быстро рисовать. Пятно стеарина давало человеку новую позу... Эта новая черта только больше выказывала всю фигуру во всей ее энергетической силе, такую, какую она явилась ему вдруг от произведенного стеарином пятна".

С точки зрения анализа проблемы опосредствования интересна такая форма поведения — *намек*. В этой форме поведения сознательно используется элемент случайности. Намек может быть понят, а может быть и не понят. Следовательно, он может остаться без ответа. Тот, кто делает намек, хотел бы, чтобы он был понят другим или другими. Но, с другой стороны, он допускает, что намек может быть не понят и, следовательно, что он хочет, может не осуществиться. Например, девушка намекает юноше о своих чувствах и желаниях. В основе этого ее поведения лежит потребность, т. е. необходимость. А по форме ее поведение носит характер *игры*, одним из проявлений которой является намек, специально подстроенная случайность.

Зависимость и независимость.

Выше мы говорили о становлении живой природы и человеческого общества как последовательном восхождении от свободы одной степени к свободе другой, более высокой сте-

пени. Но прогресс в деле свободы можно представить и как движение от зависимости к независимости, от большей зависимости к меньшей зависимости. Человек как живое существо, безусловно, более независим от окружающей среды, чем животные. Современный человек более независим от нее, чем первобытные люди. Выйдя в космос и осваивая его, он даже стал преодолевать земное тяготение.

Зависимость и независимость — это еще две диалектически взаимосвязанные противоположные стороны свободы.

Так, ребенок в раннем возрасте максимально зависим от родителей. В зрелом возрасте человек минимально зависим и, соответственно, максимально независим от родителей.

Наверное, нельзя однозначно связывать зависимость с необходимостью, а независимость — со случайностью. Зависимость ребенка от родителей содержит в себе как элемент необходимости (создание благоприятных условий для жизни и развития), так и элемент случайности (например, зависимость от прихотей, ошибок, просчетов родителей, их незнания и неумения). Или другой пример. Человек тысячами нитей связан с обществом, в полном смысле слова "живет в обществе". И зависимость человека от общества — это не только его зависимость от многоликой социальной необходимости в моральном, правовом, экономическом, политическом смысле), но и зависимость от случайностей социальных изменений, конфликтов, потрясений, от случайности рождения и воспитания в данном обществе в данную историческую эпоху.

Так же и независимость может быть следствием не только субъективной или объективной случайности, но и субъективной или объективной необходимости. Тот же выход человека в космос, преодоление им земного тяготения — результат действия многих факторов, в том числе и такого как *логика* научно-технического прогресса. Или поведение человека в исключительно опасных для его жизни обстоятельствах. Такая субъективная необходимость как жажда жизни здесь всегда к услугам.

Соотношение *зависимость-независимость* выражает степени свободы (и, соответственно, несвободы) субъекта по отношению к другому, к объекту.

Человек, пока жив, всегда свободен, является свободным существом. Он изначально обладает каким-то минимумом свободы просто как живое существо. Но в то же

время в человеке заложено стремление к большей свободе, причем безграничное стремление. Отсюда все проблемы.

Когда говорят о несвободе, рабстве, гнете, то не надо это понимать в смысле полного отсутствия свободы. Даже в самых стесненных обстоятельствах человек обладает определенным минимумом свободы, прежде всего, *способностью выбирать*. Это как раз и позволяет ему бороться за освобождение, за расширение свободы.

352.2. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

3522.1. Общая характеристика действительности

Действительность как момент становления

Действительность — момент становления, противопологаемый возможности. Это — "внешнее" определение категории действительности. Только в соотношении с категорией возможности *действительность* может быть определена как специфическая категория, отличающейся от всех других категорий.

Как мы уже говорили, весьма распространенным является употребление слова "действительность" в расширенном значении ("объективной или материальной реальности", просто «реальности» или даже "мира в целом"¹). Вследствие такого употребления слова существует постоянная опасность абсолютизации категории "действительность» и, соответственно, недооценки категории "возможность". Если говорить "по истине", «по логике вещей», то нужно признать, что понятие действительности по отношению ко всему миру (всей реальности) не имеет смысла. Оно охватывает лишь то, что существует в некоторый отрезок времени и в некотором пространстве. Не приходится говорить о действительности того, что было и чего уже нет и что будет, но еще не наступило. Также не приходится говорить о действительности (или недействи-

¹ В "Словаре русского языка" С.И. Ожегова (М., 1991) "действительность" во втором основном значении определяется как "объективный мир во всем многообразии его связей, бытие".

тельности) того, что выходит за пределы некоторой области пространства и находится в бесконечном удалении от нее. Мир в целом *абсолютно* бесконечен. Действительность же не является абсолютно бесконечной (т. е. абсолютно безграничной в пространстве и вечной во времени).

Понятие действительности охватывает некоторую совокупность реальностей, как-то связанных друг с другом. (Именно поэтому, кстати, мы называем действительность *целокупностью*). Конкретная связь реальных объектов является необходимым условием существования действительности как некоторой категориальной реальности в ее связности, целостности, сращенности. Ясно, что целостность действительности нельзя представлять в том же смысле, что и целостность тела, вещи (атома, например). Однако ее нельзя представлять и в смысле целостности мира в целом (равной, по существу, нецелостности). Понятие мира охватывает и такие объекты, связь которых "стремится" к нулю, а уж об их конкретной связи нечего и говорить.

Когда мы ведем речь о конкретных вещах и явлениях, то в хорошем приближении допустимо говорить о действительности в значении существующей реальности, подразумевая под ней только эти конкретные вещи и явления. Здесь наблюдается примерно та же картина, что и в случае евклидова и неевклидова пространства. В нашем земном макром мире мы можем со значительной долей истины считать, что все пространство является евклидовым. Но как только мы выходим за пределы этого мира, то должны принять во внимание, что понятие евклидова пространства имеет ограниченный смысл, т. е. его нельзя распространять на все пространство мира.

Если мы отождествляем действительность с миром, реальностью вообще, то трактуем мир, реальность, хотим мы этого или нет, лишь в аспекте действительности, а возможность либо вообще опускается из вида (на такой позиции стояли мегарцы, которых критиковал Аристотель), либо ставится в подчиненное положение по отношению к действительности.

Весьма опасно порой рассматривать конкретные проблемы лишь в аспекте действительности, существования. В качестве примера можно привести то, как трактуют некоторые моралисты и ученые-этики извечную проблему *добра и зла*. Утверждая неустранимость морального зла из жизни людей, общества, они аргументируют, как правило, по схеме: "добро суще-

стует лишь постольку, поскольку существует и зло".

Приведем несколько характерных высказываний:

Августин Блаженный: "Из совокупности добра и зла состоит удивительная красота вселенной. Даже и то, что называется скверным, находится в известном порядке, стоит на своем месте и помогает лучше выделяться добру. Добро больше нравится и представляется более похвальным, если его можно сравнить со злом"¹.

Я. Беме: "Зло — необходимый момент в жизни и необходимо необходимый... Без зла все было бы так бесцветно, как бесцветен был бы человек, лишенный страстей; страсть, становясь самобытной, — зло, но она же — источник энергии, огненный двигатель... доброта, не имеющая в себе зла, эгоистического начала, — пустая, сонная доброта. Зло враг самого себя, начало беспокойства, беспрерывно стремящееся к успокоению, т. е. к снятию самого себя"².

Мандевиль: "...то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем"³.

Гете: "все, что мы зовем злом, есть лишь обратная сторона добра, которая также необходима для его существования, как и то, что *Zona torrida* должна пылать, а Лапландия покрываться льдами, дабы существовал умеренный климат"⁴.

О.Г. Дробницкий: "все то, что представляется нам безусловным благом, оказывается имеет смысл лишь постольку, поскольку существует еще и зло"⁵.

Что и говорить, позиция этих авторов кажется убедитель-

¹ См.: Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Молот ведьм. М., 1932. С.146. Это мнение Августина сыграло свою зловещую роль. Оно эхом разнеслось по истории вплоть до нашего времени. Профессор теологии говорит в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус»: «Но чем стало бы добро без зла? Оно потеряло бы критерий для сравнения своего качества. Зло становится еще злее, если есть добро, а добро еще добрее, если есть зло. Вот почему Августин говорит, что функция зла заключена в том, чтобы сильнее оттенить добро. Святость, господства, не мыслима без искушения». Сентенция профессора запала в душу молодого Адриана Леверкюна и послужила для него своеобразной индульгенцией.

² См.: Герцен А.И. Собр.соч. в 30 т.т. Т. III. С. 240.

³ Мандевиль. Басня о пчелах. М., 1974. С. 329.

⁴ Гете И. Ко дню Шекспира.

⁵ Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1966. С. 38.

ной и даже неоспоримой. Они, действительно, по своему правы. В самом деле, добро и зло могут выступать как полюсы моральной действительности. Однако, можно ли на этом основании считать, что добро имеет смысл лишь постольку, поскольку существует еще и зло (см. высказывание О.Г. Дробницкого)?! Нет, нет и еще раз нет! Да, добро и зло - соотносительные категории. Но соотносительность их можно понимать по-разному, как соотносительность действительно, в равной мере существующих полярных начал подобно соотносительности северного и южного полюсов, и как соотносительность действительного и возможного подобно соотносительности здоровья и болезни (человек может быть действительно здоровым и лишь потенциально больным, и наоборот, если он действительно болен, то лишь потенциально здоров). Бывают, конечно, эпохи, периоды в истории и просто ситуации, когда добро и зло в равной мере существуют и противостоят, когда трудно оценить, что сильнее: добро или зло. В таких случаях можно говорить об этих категориях как полярных началах моральной действительности. Но можно ли на этом основании утверждать, что существование зла всегда, во всех случаях необходимо для существования добра, что добро только тогда является положительной моральной ценностью, т. е. добром, когда оно противостоит реально существующему злу. Безусловно, зло может оттенять добро и "способствовать" его возвеличиванию, но отсутствие или исчезновение зла из реальных отношений между людьми отнюдь не влечет за собой исчезновение добра, нравственности. Подобно тому, как люди предупреждают наступление болезни, голода, принимая различные меры, они научатся и будут предупреждать появление зла, не позволяя ему перейти из сферы возможности в сферу действительности. Следует иметь в виду, что добро является отрицанием зла не только в том смысле, что оно преодолевает существующее зло или противоборствует ему, но и в том смысле, что оно может выступать как профилактическая мера, как предупреждение возможного зла.

А. Ф. Шишкин справедливо пишет: «положение, что человеческая природа содержит некое врожденное зло, можно — в различных формах и для различных выводов — найти и в Библии, и в политических теориях Макиавелли и Гоббса, и в философских теориях Шопенгауэра и Ницше, не говоря уже о многочисленных современных философских, социологических

284

и этических теориях. Если бы это положение было верным, тогда пришлось бы отказаться от задачи воспитания человека и воздействовать на него только средствами принуждения»¹.

Бетховен создал свои гениальные симфонии. Этим он оказал великую услугу человечеству. Разве это его добродетель имеет смысл лишь потому, что существует еще и зло? Какая нелепость! Добро имеет самостоятельную ценность и не нуждается в том, чтобы зло его оттеняло и возвеличивало. Мы вдохновляемся музыкой Бетховена независимо от того, существует зло или нет. Она зовет нас на борьбу, но это не обязательно должна быть борьба с моральным злом. Есть много на свете проблем и дел, где нужна человеческая энергия, страсть, воля к победе и где моральное зло только мешает.

Нацисты во время второй мировой войны в одном только лагере смерти — Освенциме — уничтожили полтора миллиона человек. Разве мы можем хоть в какой-то мере оправдывать это преступление против человечества ссылками на то, что злодеяния необходимы для придания смысла добру, для его оттенения и возвеличивания?!

Итак, ясно, что добро и зло нельзя рассматривать только в плане *существования*; их следует рассматривать в более широком плане, а именно, в плане *возможности* и *действительности*, действительного и возможного существования. Они могут сосуществовать и противоборствовать как полюсы моральной действительности, а могут соотноситься как действительное и возможное (в частном случае, как норма и патология). Ф.М. Достоевский, всегда очень чуткий к моральным проблемам, отказывался верить в то, что зло нельзя победить. "Люди, — писал он, — могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей".

Мы рассмотрели конкретную проблему — добра и зла, — и показали на ее примере, как важно в методологическом плане не абсолютизировать категорию действительности. Такая абсолютизация может наделать много бед, либо ориентировать людей на пассивность, либо, еще того хуже, толкать их на совершение морального зла.

Давая общую характеристику категории действительности,

¹ См.: Вопросы философии, 1965, № 1. С. 11.

мы не можем обойти молчанием позицию Гегеля в этом вопросе. Он явным образом абсолютизировал эту категорию. Возможность у него лишь *момент* действительности. А ведь по самому своему смыслу она противостоит последней, находится за ее "скобками". (Противоположность потому и является противоположностью, что она не принадлежит к тому, что противоположно ей, а *внешня* ему. *Внешность* есть существенное определение отношения противоположности. Без этого противоположные стороны попросту сливаются.)

Для Гегеля вполне логично включение возможности в действительность. Хотя он и был сторонником идеи развития, все же у него можно наблюдать определенный крен в сторону абсолютизации устойчивости, сохранения, движения по кругу, т. е. движения *внутри* действительности. Не случайно он актуальную бесконечность, образом которой является движение по кругу, называл истинной а потенциальную бесконечность — дурной, т. е. неистинной. Гегель не дошел до подлинной идеи становления (прогресса), предполагающей различие (вплоть до противопоставления) старой и новой действительности и утверждающей более самостоятельное значение категории возможности, ее неподчиненность действительности. (Опять же отметим, что многие философы, в отличие от Гегеля, рассматривают категорию возможности *наряду* с категорией действительности, а не *внутри* последней. Это изменение в расстановке категорий кое-кому покажется незначительным, пустяковым. На самом же деле оно отражает различие *концепций*).

Вспомним также знаменитый тезис Гегеля: «*Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно*»¹. Этот тезис вполне вписывается в его концепцию абсолютизированной действительности.

Возражая Гегелю, мы должны сказать, что по-настоящему становление возможно лишь при условии различия и противопоставления возможности и действительности. В самом деле, если мы считаем, что возможность подчинена действительности, то как бы мы ни подчеркивали значение этой категории, она не может быть в подлинном смысле *другим* действительности, а действительность по-настоящему не может перейти в *другую* действительность, так как для этого необхо-

¹ Гегель. Философия права. М., 1990. С. 53 («Предисловие»).

дима совсем иная возможность, чем та, которая содержится внутри старой действительности. Диалектика действительности и возможности такова, что одна «часть» возможностей вызревает в недрах старой действительности, является как бы ее детищем, а другая «часть» возможностей обязательно должна «прийти со стороны», быть внешней для этой действительности (см. подробнее ниже, стр.).

Возвращаясь к Гегелю отметим еще, что хотя он и абсолютизировал категорию действительности, все же он во многом правильно трактовал ее содержание, в частности, отчетливо сознавал ее весьма сложный, как бы сказать, объемный, многослойный, не плоскостный характер. Как это ни парадоксально, но то, что он внутри действительности *увидел* возможность (что она не просто действительность, а действительность, продуцирующая возможность), составляет в определенном смысле положительную сторону его учения о действительности. В ситуации опосредствования (органического синтеза) возможность и действительность могут быть внутренни друг другу. Действительность, опосредствованная возможностью, и возможность, опосредствованная действительностью, суть не что иное как *моменты деятельности*. В последней они *овнутривляются*. (Об этом см. ниже раздел 3.6. «Деятельность, субъект, объект»). Для Гегеля был характерен как раз *деятельностный* подход к исследованию многих категорий и самой объективной реальности.

Структура действительности.

"Внутреннее" определение категории таково: *действительность есть целокупность, объединяющая закон, статистическую закономерность, явление, сущность*.

Закон и явление — противоположные стороны или виды действительности.

Статистическая закономерность — промежуточная категория, осуществляющая "плавный", постепенный переход от закона к явлению или от явления к закону. Так называемые "теоретические" статистические закономерности ближе "стоят" к закону, а так называемые "эмпирические" статистические закономерности (устойчивости, регулярности) ближе "стоят" к явлению.

Сущность — органическое единство, опосредство-

вание закона и явления.

См. на следующей странице *диаграмму (структурную схему) категории действительности*:

Закон и явление, как необходимость и случайность, можно характеризовать в следующих аспектах. Прежде всего они противостоят друг другу как всеобщее, единственное и специфическое, единичное.

Закон есть всеобщая, единственная действительность.

Явление есть специфическая, единичная действительность, одна из многих действительностей.

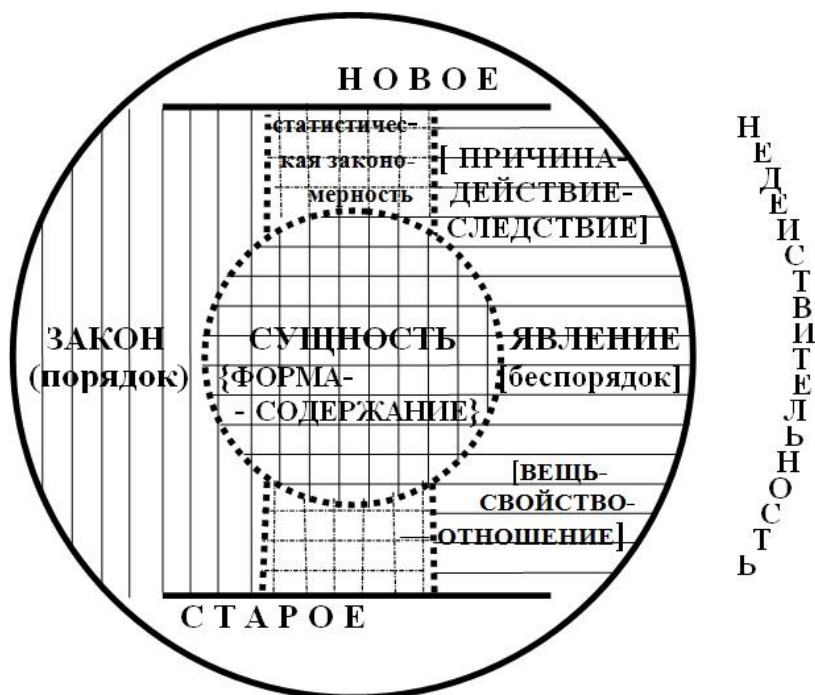

Рис. 18. *Диаграмма (структурная схема) категории действительности*

Закон определяет *единообразие* действительности.

Явления в совокупности составляют *многообразие* действительности.

Закон — бывает так и *только так*, *единственным* образом. Он есть *тождественное* в действительности.

Явление — бывает так, а бывает и *по-другому* или совсем *наоборот*. Оно есть *различное* и *противоположное* в действительности.

Статистическая закономерность — бывает так, а бывает и *несколько* иначе, в той или иной степени "инаковости".

Закон есть *внутренняя сторона* действительности или внутренняя действительность. Непосредственно, через органы чувств или приборы, закон не наблюдаем, сам себя он не обнаруживает. Обнаружить или наблюдать его можно только косвенно, через явления.

Явление есть *внешняя сторона* или, короче, внешняя действительность. Его можно наблюдать непосредственно, через органы чувств или через приборы.

Закон представляет ту сторону действительности, которую можно характеризовать словами «определенность, "упорядоченность", "порядок" и т. п.

Явление, напротив, представляет ту сторону действительности, которую можно характеризовать словами: "неопределенность", "хаотичность", "неупорядоченность", "беспорядок" и т. п.

Порядок и беспорядок (хаос), упорядоченность и неупорядоченность — две «половины» «пространства» действительности, выражающие, с одной стороны, *законосообразную* действительность а с другой — *являющуюся* действительность.

Закон как внутреннюю, ненаблюдаемую сторону действительности и явление как внешнюю, наблюдаемую сторону можно охарактеризовать кантовскими терминами — "вещь в себе" и "вещь для нас".

Как уже говорилось, между законом и явлением имеет место плавный переход, т. е. нет резкой грани. Есть законы, которые ближе стоят к явлениям, а есть такие, которые дальше отстоят от них. Более общие законы «охватывают», соответственно, большее количество явлений и, следовательно, дальше отстоят от каждого явления в отдельности. Менее общие законы "охватывают" меньшее количество явлений и, следовательно, ближе стоят к ним, полнее их характеризуют. Здесь можно провести аналогию между явлениями и законами, с одной стороны, и рядовыми подчиненными и начальниками, с другой. Чем более высокий пост занимает начальник, тем он дальше от рядового подчиненного.

То же можно сказать о явлениях. Подобно тому, как существуют более общие и менее общие законы, существуют и явления более частые и менее частые, т. е. менее редкие и более редкие. Например, дождь в пустыне — редкое явление, а в умеренной зоне — частое явление; или выпадение снега летом — чрезвычайно редкое явление в умеренной зоне, а зимой — частое явление; или крупный выигрыш в лотерее — очень редкое явление, а небольшой выигрыш — частое явление. Таким образом, как законы бывают различной степени общности, так и явления бывают различной степени "встречаемости" — от почти невероятных, небывалых, уникальных до обычных, рядовых, случающихся в массовом порядке.

Имеются еще аperiodические и периодически повторяющиеся явления (например, землетрясения в первом случае и затмения солнца и луны во втором случае).

Частые, обычные или периодически повторяющиеся явления ближе стоят к законам, как бы непосредственно примыкают к ним. Именно о таких явлениях можно сказать, что в своей массе они выражают закономерность, являются формой проявления закона, ареной действия закона. Частые или массовые явления "управляются" статистическими закономерностями или "управляют" ими, что одно и то же.

Явления редкие, чрезвычайные, необычные, уникальные дальше отстоят от законосообразности; они по своему происхождению являются выражением чистой случайности. Именно такие явления генерируют беспорядок, хаос. (Например, такое чрезвычайное явление как землетрясение значительной силы в населенной местности дезорганизует жизнь людей, а порой и прекращает ее. Мощное извержение вулкана на острове "Санторин" несколько тысяч лет назад погубило высокоразвитую цивилизацию на Крите).

В неорганической природе закон и явление — только *полностью взаимозависимости*, т. е. в какой-то мере внешне друг другу. Если они соприкасаются, то предстают как бы в разжиженном виде — в виде массовых явлений и статистических закономерностей, являющихся *промежуточными* состояниями между полюсами взаимозависимости.

В живой природе и человеческом обществе к этим отношениям закона и явления прибавляется их *взаимопосредствование* — *сущность*.

Линия «закон — явление» характеризует действительность

как бы в горизонтальном разрезе. Если же рассматривать ее в вертикальном разрезе, т. е. в аспекте становления, то мы увидим, что она "раздваивается» на *новое* и *старое* — новую и старую действительности. Это — виды действительности в аспекте становления. На *диаграмме* категории «действительность» они размещены по вертикали и отделены от остальных субкатегорий горизонтальными линиями. Новое и старое, как и сама категория действительности, являются целокупностями, объединяющими указанные выше субкатегории. Новая действительность включает в себя и новые явления, и новые законы, и новую сущность.

3522.2. Закон

Категориально-логическая характеристика закона такова. Закон есть сторона действительности, противоположная явлению. Он действует так и *только так*, *единственным* образом. Он есть *тождественное* в действительности. Он есть *всеобщая, единственная* действительность, определяет *единообразие* действительности.

Закон есть *внутренняя* сторона действительности или *внутренняя* действительность. Прямо, непосредственно, через органы чувств или приборы, закон *не наблюдаем*; сам себя он не обнаруживает. Закон — это кантовская "вещь в себе". Обнаружить или наблюдать закон можно только косвенно, через явления.

Закон представляет ту сторону действительности, которую можно охарактеризовать как *определенность, упорядоченность, порядок*.

Существуют разные законы. Одни ближе стоят к явлениям, другие дальше отстоят от них. Более общие законы "охватывают" большее количество явлений и, следовательно, дальше отстоят от них, от каждого из них. Менее общие законы "охватывают" меньшее количество явлений и, следовательно, ближе стоят к ним, полнее их характеризуют. Здесь можно провести аналогию между законами и явлениями, с одной стороны, и начальниками и подчиненными, с другой. Чем более высокий пост занимает начальник, тем он дальше от рядового подчиненного.

Кроме всеобщих, общих и частных законов существуют также законы, которые являются моментами сущности.

Закон и порядок. Эти две категории очень близки по смыслу. Любой реальный закон есть начало упорядочивающее. С другой стороны, порядок тем основательнее, чем больше он опирается на закон (законы). Последнее мы хорошо видим на примере соотношения социального порядка и правовых законов. Правовые законы — некоторое подобие естественных законов и их роль во многом аналогична роли законов природы. Как показывает опыт истории, социальный порядок, основанный на системе правовых законов, гораздо более прочен, жизнеспособен по сравнению с социальным порядком, основанным на руководстве, диктатуре, тирании отдельных людей (лидеров, монархов, вождей). (Любопытен и такой факт: известна любовь немцев к порядку; они же известны как законопослушная нация.)

Очевидно далее, что порядок, хотя и близок по смыслу к закону, шире его по содержанию. Порядок может быть там, где законами и не пахнет. Например, порядок в комнате, на полке, в расположении игральных карт и т. д. и т. п. Повидимому, различие между законом и порядком — того же рода, что и различие между стороной-полюсом и половиной. Закон — сторона-полюс действительности, порядок — половина ее «пространства». Кроме того, различие между законом и порядком обусловлено различием их «антиподов» — явления и беспорядка (хаоса).

3522.3. Статистическая закономерность

Статистическая закономерность — промежуточная категория, осуществляющая "плавный", постепенный переход от явления к закону или от закона к явлению. Она действует *так или несколько иначе*, в той или иной степени "инаковости". В сфере возможности ей соответствует *вероятность*.

Так называемые "эмпирические" статистические закономерности (устойчивости, регулярности, правильности, повторяемости) ближе "стоят" к явлению, а так называемые "теоретические" статистические закономерности ближе "стоят" к закону.

Как мы уже говорили, статистические закономерности вследствие своего *промежуточного* характера одним своим "концом" упираются в мир явлений, изменчивости, беспорядка, а другим "концом" упираются в мир законов, устойчиво-

сти, порядка. Соответственно ученые и философы различают эмпирические, феноменологические закономерности и теоретические закономерности.

Теоретические статистические закономерности имеют объективный статус, а не являются следствием неполноты наших знаний. Им соответствуют вероятностные процессы, приближающиеся по своему характеру к *необходимым*. В основе последних лежит статистическая необходимость.

3522. 4. Явление

Общая характеристика явления дана выше (п. 3522.1). В настоящем параграфе мы рассмотрим, так сказать, внутренние проблемы категории. Следует отметить, что этой категории сильно не повезло в отечественной философской литературе советского периода. Практически она не исследована в своем внутреннем содержании. Во всяком случае, противоположная ей категория закона удостоилась этой "чести" в гораздо большей степени. Это опять же указывает на определенный крен в сторону лапласовского детерминизма.

Итак, попробуем разобраться в том, что представляет собой явление как категориальное определение действительности.

С точки зрения "*встречаемости*" или *частоты* явления можно разделить на три вида:

- 1) частые или массовые явления (например, выпадение осадков в умеренной зоне);
- 2) редкие или нечастые явления (например, выпадение осадков в пустыне);
- 3) исключительные или уникальные явления.

Такое деление явлений в известном смысле условно. Ведь любое явление по-своему неповторимо, специфично, исключительно или уникально, имеет, как бы сказать, специфическую или индивидуальную физиономию, свое «лицо». Неповторимость, специфичность или уникальность — сущностные черты явления. Почему же тогда мы говорим о нередких, частых и даже массовых явлениях? Дело в том, что хотя явление и имеет свою неповторимую "физиономию", оно тысячами нитей связано с теми или иными законами, зависит от них и, соответственно, на нем лежит отпечаток их общей природы. Закон как бы стандартизирует или, лучше сказать, *унифицирует*

ет явления. (Отметим в скобках, что отношение зависимости между явлением и законом *взаимно*, т. е. не только явления зависят от законов, но и законы зависят от явлений. Зависимость законов от явлений проявляется хотя бы в том, что несмотря на то, что в идеале должен быть один закон /ведь он по определению есть всеобщая, единственная действительность/, на самом деле законов много и они бывают более общими и менее общими. Множественное существование законов — результат влияния, "давления" на них мира явлений). Таким образом, если явления «делают» законы ущербными в смысле всеобщности, о и законы не "позволяют" явлениям быть абсолютно неповторимыми, исключительными, ранжируют их по степени "встречаемости".

Наиболее встречаемые, массовые явления являются в то же время наиболее *законосообразными*. Чем «сильнее» зависимость явления от закона, тем оно массовиднее, обычнее, типичнее. Однако и самые неповторимые явления зависят от законов.

Кроме указанных видов явления существуют еще *органические* явления или явления как *проявления сущности*. О соотношении явления и сущности см. ниже, в п. 3522. подпараграф «Сущность и явление».

Причина — действие — следствие

Явления различаются не только по степени встречаемости (частоте), но и по *зависимости* друг от друга. Одни явления вызывают, порождают другие. Первые выступают как *причины*, вторые — как *следствия*. Такое различие между явлениями, однако, не является абсолютным. Любое явление есть и причина, и следствие. Следствием оно является по отношению к тому явлению, которое вызывает, порождает его (например, удар кия по бильярдному шару является следствием толкания кия рукой играющего в сторону шара). Но это же явление выступает как причина по отношению к другому явлению, являющемуся его следствием (удар кия по шару — причина начавшегося движения шара). *Причинность означает переход одного явления в другое и ничего больше*. Цепь причин и следствий — это цепь последовательных переходов от одного явления к другому, от другого к третьему и так до бесконечности. Мир явлений — это мир бесконечных причинно-

следственных цепочек. Наглядный пример: если домино поставить на ребро в один ряд близко друг к другу, то при толчке крайнего домино упадут последовательно один за другим все домино. Внешний толчок является причиной падения первого домино; падение первого домино является причиной падения второго и так далее. Другой пример: цепь причин и следствий, вызвавших смерть человека. Непосредственной причиной смерти может быть шок. Причиной шока — сильная боль. Причиной боли — ожог участка тела. Причиной ожога — прикосновение к горячему или горящему предмету. Причиной прикосновения — толчок этого человека другим человеком в направлении данного предмета. Причиной этого поступка другого человека может быть месть, злоба, ненависть и т. д.

Ярким примером причинно-следственной цепочки является цепная (химическая или ядерная) реакция.

Итак, повторяем, любое явление есть причина и следствие, но в *разных* отношениях, по отношению к *разным другим* явлениям. Иными словами, любое явление имеет причинно-следственный характер. Это значит, что нет беспричинных явлений, как нет и явлений, исчезающих без следа, в небытие. Какое бы явление мы ни взяли, оно обязательно стоит в ряду явлений, одни из которых порождают его, а другие являются его следствиями.

Вопрос о причинности — один из самых сложных философских вопросов. Вокруг него скрестились шпаги многих философских учений и направлений. И это не случайно. В мире явлений, т. е. в мире, относительно независимом от законосообразной действительности, причинность является единственным упорядочивающим фактором. Если нет причинности, то возможно все, что угодно. А от признания беспричинности до признания чудесности происходящего один шаг. Это уже не наука и не философия, а религия и мистика. Если и есть между явлениями связь, зависимость, то это — причинность. Иногда так и говорят: причинность есть форма связи между явлениями. С таким пониманием причинности можно согласиться, если под причинной *связью* иметь в виду именно *зависимость* явлений, а, не ту связь, которая образует целостность. (Примером последней является химическая связь, образующая то или иное химическое вещество). Причинная связь есть просто зависимость одного явления от другого, а этого

другого от третьего и так до бесконечности. В случае связи, образующей целостность, имеет место *взаимозависимость* сторон целого. А в случае причинной связи имеет место *односторонняя* зависимость одного явления от другого.

Таким образом, суть причинности в том, что она указывает на зависимость одного явления от другого, что то или иное явление возникло не из ничего, порождено не какой-то чудесной, сверхъестественной силой, а другим явлением. Землетрясение явление, но в качестве причины оно порождает целый ряд других явлений — разрушение зданий, гибель людей, животных. В свою очередь, землетрясение — не божья кара, а следствие критических напряжений в земной коре, возникающих на стыке геологических платформ и в местах разломов.

Из принципа причинности, т. е. из признания всеобщности причинно-следственной связи явлений, вытекают два важных вывода:

а) ничто не возникает из ничего и не исчезает без следа, т. е. не переходит в ничто. Это — отрицательное выражение принципа причинности;

б) всякое явление порождается другим явлением и, в свою очередь, порождает третье явление и так до бесконечности. Этот вывод является положительным выражением принципа причинности.

Отсюда становится ясным, почему причинность относится к структуре категории явления. Ведь явления, мир явлений — это в подлинном смысле альфа и омега существования причинно-следственной связи. Искать причину явлений можно только в других явлениях, а не в чем-нибудь другом. Вне мира явлений ее нет и быть не может. Всякая причинно-следственная связь есть только звено в бесконечной цепи причин и следствий. Поскольку она состоит из причин-явлений и следствий-явлений, то как бы далеко мы не просматривали эту цепь в причинную сторону или следственную, везде увидим только явления. В. Я. Перминов, комментируя Декарта, отмечает, что такое понимание причинности есть *лозунг позитивной науки*¹.

Принцип "все явления имеют причину в других явлениях»

¹ Перминов В. Я. Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979. С. 161-162.

ясно показывает, что причинность *целиком* принадлежит к миру явлений.

Следует особо сказать о том, что причинная связь обладает "свойством" необратимости, однонаправленности — от причины к следствию. Этим она отличается, как мы уже говорили, от связи, образующей целостность. Данное "свойство" причинной связи служит еще одним "аргументом" в пользу того, что причинность относится или принадлежит к структуре категории явления. Как мы установили раньше, явление и необратимость — *соответственные* категории. Необратимость в явлениях и реализуется в виде *однонаправленности* причинно-следственной связи. Причинно-следственная связь прямо, непосредственно выражает необратимый характер перехода от одного явления к другому. (Простой пример: чашка разбилась о пол; столкновение чашки с полом причина; бой чашки — следствие. Это отношение причины и следствия нельзя обратить, т. е. бой чашки не может быть причиной ее столкновения с полом).

Представление об однонаправленном характере причинно-следственной связи прочно закрепилось в философии и науке. Более того, это представление используется как непререкаемый аргумент для обоснования тезиса о необратимости временного порядка. Среди физиков широко распространена формулировка условия причинности, данная Н. Н. Боголюбовым: "... какое-либо событие, происшедшее в системе, может оказать влияние на ход эволюции лишь в будущем и не может оказать влияние на поведение системы в прошлом, во времена, предшествующие данному событию"¹. В этой формулировке условия причинности непосредственно соединены представление о причине как событии-явлении и представление о причинно-следственном отношении как однонаправленном процессе (от прошлого к будущему).

Покажем теперь, что причинно-следственная связь относится исключительно к сфере *являющейся* действительности, что качество причины (следствия) могут иметь только явления, но никак не вещи, тела, предметы и т. п.

В самом деле, если употреблять понятие причины в точном категориальном смысле, то оно применимо не к вещам, телам,

¹ См.: Успехи физических наук, т. 55, 1955, вып. 2. С. 180.

предметам, а именно к явлениям. Например, нельзя говорить: причина атома, бумаги, автомобиля, камня, ложки, электрона и т. д. Напротив, можно и нужно говорить о причине распада ядра атома, горения бумаги, движения автомобиля, загрязнения ложки, аннигиляции электрона. Причинами и их действиями, следствиями могут быть только явления, т. е. *отношения вещей через их свойства*, а не сами вещи. Именно воздействие одного на другое является причиной третьего. Если нет воздействия, то нет и причины.

У *Канта* есть интересное высказывание, которое обычно истолковывают как отрицание им объективного характера причинности. Между тем в этом высказывании имеется рациональное зерно. Он пишет: "Я очень хорошо понимаю... понятие причины как необходимо принадлежащее к *форме* опыта, я понимаю его возможность как синтетического соединения восприятий в сознании вообще; возможности же *вещи* вообще как причины — я совсем не понимаю, и это потому, что понятие причины есть условие, несколько не принадлежащее *вещам*, а только *опыту*"¹. По Канту вещи *являются* нам в опыте. Вполне логично, что он отнес понятие причины не к самим вещам, а к опыту, т. е. к миру явлений. Соглашаясь с Кантом в том, что причинность нельзя относить к вещам самим по себе, а тем более к сверхчувственному миру и говорить о причине мира в целом, мы не можем, однако, принять его ограниченную трактовку мира явлений только как опыта, т. е. в плане отношения вещей к чувственно воспринимающему субъекту. Отсюда и причина носит у него по преимуществу субъективный характер (ведь опыт принадлежит не к миру самому по себе, а к *связи* мира с субъектом).

Выше явление было охарактеризовано как *различное и противоположное* в действительности. И в этом случае причинность как нельзя лучше подходит к тому, чтобы характеризовать именно являющуюся действительность. Причинно-следственное отношение возникает там, где *нечто* имеет причину не в себе самом, а в *другом*. Представление о причинности есть представление о том, что *одно* есть причина *другого*. Одно явление порождается другим, это другое — третьим и так до бесконечности. Отношение порождения одного явления другим есть, иными словами, порождение *различия* и *проти-*

¹ Кант И. Пролегомены. М., 1993. С. 96 (§ 29).

воположности в действительности. И чем меньше следствие похоже на причину, тем больше оно *явление*. Говорят, например, о Явлениях Природы, Явлениях Духа. В этих выражениях подчеркивается как раз момент отличия явлений от того, что предшествовало им, из чего они возникли. Явление с Большой Буквы вносит в действительность *противоположение, контраст*. (Такое явление обычно называют *событием, феноменом*).

В отличие от являющейся действительности *внутренняя* действительность (*закон*) имеет причину, точнее, основание не в другой действительности, а в себе самой, т. е. является *причиной самой себя, causa sui*, как сказал бы Спиноза. *Causa sui* — это тождество с самим собой, но не причинность в истинном значении¹.

Гегель проводил в свое время различие между причинно-следственным отношением и взаимодействием. Он отмечал, что взаимодействие, в отличие от причинно-следственного отношения, хорошо выражается спинозовским *causa sui* ("причина самого себя"). В настоящее время ученые употребляют термин "взаимодействие" в самом широком смысле, как любое реальное отношение вещей. С другой стороны, они стали делить взаимодействия на внутренние и внешние, подразумевая под первыми циклические взаимодействия, носящие замкнутый характер, а под вторыми разные незамкнутые процессы, столкновения, соударения и т. п., т. е. то, что мы называем *явлениями*. Внешние взаимодействия ученые называют взаимодействиями потому, что в них как минимум участвуют две стороны, действующие друг на друга. На самом же деле внешнее взаимодействие есть не взаимодействие, а воздействие одного на другое, почему оно и называется *внешним*. Когда мы ударяем по бильярдному шару кием, то передаем ему часть энергии кия и она уже не возвращается к кию. Во внешнем взаимодействии осуществляется необратимый переход энергии, импульса и даже массы от одного к другому. Это и слу-

¹ При органическом соединении (взаимоопосредствовании) внутренней и внешней действительности возникает новая "комбинация" причинности и законосообразности: *целесообразность*. См. об этом подробнее ниже, п. 3.6.2. «Целесообразность, целеполагание, целенаправленность».

жит основанием для различения причины и следствия. Во внутреннем взаимодействии (например, во взаимодействии ядра атома и электронной оболочки) происходит *обмен* энергией, импульсом, массой между переходами сторонами взаимодействия. В нем нет выделенного перехода от одного к другому, поэтому нет и причинно-следственного отношения. Внутреннее взаимодействие, обуславливающее существование целостных объектов, не выделяет какого-то одного направления действия сторон и поэтому в подлинном смысле является *взаимодействием*.

Некоторые философы пытаются универсализировать причинно-следственную связь, распространить ее и на область внутренних взаимодействий. С этим мы не можем согласиться. Каузальность лишь частичка всемирной связи.

Ученые и философы нередко говорят о *причинных законах*. Насколько оправданно это выражение с точки зрения категориальной логики? Ведь причинность относится к миру явлений, а закон характеризует внутреннюю сторону действительности. Как будто здесь противоречие. Нужно, однако, иметь в виду, что причинные законы не совсем законы, что они тяготеют к миру явлений и что истинной сферой причинных высказываний является уровень рассуждения о явлениях, о связи явлений. О причинных законах можно говорить только как о *частных*, т. е. таких, которые незаметно, плавно переходят в сами явления. Чем общее закон, тем он дальше отстоит от явлений и тем меньше он может быть интерпретирован как причинный закон.

Представление о причинно-следственном отношении будет неполным, если не упомянем о промежуточном звене отношения — *действии*, связывающем причину и следствие. Действие и следствие иногда отождествляют, не проводят между ними различия. Отсюда путаница понятий и пустые споры об одновременности или неодновременности причины и действия (следствия). Авторы, акцентирующие внимание на отношении "причина-действие", склонны отстаивать тезис об одновременности причины и действия. А те авторы, которые больше обращают внимание на отношение "причина-следствие", отстаивают, как правило, тезис о предшествовании причины следствию. В итоге те и другие правы. Речь ведь идет о разных понятиях: *действии* и *следствии*. Если действие причины — процесс создания следствия, то следствие — результат дей-

ствия причины. Поясним это на примере. Если толкнуть шарик вдоль гладкой поверхности, то он начнет двигаться. Толчок является причиной возникновения движения. Последнее является действием причины. Шарик будет двигаться и после того, как действие толчка прекратится. Это его движение по инерции есть уже не действие, а следствие толчка.

Причина и действие всегда совпадают во времени, т. е. между ними отсутствует временное отношение "раньше-позже". Не может быть такого положения, когда причина есть, а действие отсутствует, или, наоборот, действие есть, а причина уже исчезла. Причина не существует до своего действия. Так же и действие не существует после причины. *Cessante causa cessat effectus* — с прекращением причины прекращается и действие¹. Например, если *ускоряющееся* движение тела имеет своей причиной некоторую силу, приложенную к телу, то с устранением этой причины прекращается и ускоренное движение. Согласно второму закону Ньютона $F = ma$ ускорение тела прямо пропорционально приложенной к нему силе и если сила обращается в нуль, то и ускорение прекращается). Предполагать существование действия *после* причины — это значит предполагать существование действия *без* причины, беспричинного действия. *Причина действует* — в этом выражении подчеркивается *живая* связь причины и действия, факт их одновременного существования.

Смысл понятия следствия состоит в том, что оно выражает *остаточный* эффект от действия причины. Следствие сохраняется после того, как действие причины прекратилось, или, во всяком случае, оно в качестве причины передает "эстафету" другому следствию. Принцип "причина предшествует следствию" является всего лишь развернутым (и, можно добавить, упрощенным, огрубленным) толкованием слова "следствие", корнем которого является "след", означающий то, что остается, сохраняется после некоторого воздействия, изменения. Следствие не так тесно связано с причиной как действие, но и оно обязательно "стыкуется" с ней во времени и пространстве. Непрерывность перехода *причина* → *действие* → *следствие* — это, можно сказать, закон причинной связи. Между причиной и следствием нет никакого временного интервала, проме-

¹ См.: Словарь латинских крылатых слов. М., 1982. С. 121.

жутка. Причина длится во времени (какое-то время) и ее дление непрерывно переходит в дление следствия. С другой стороны, следствие обязательно выходит за рамки временных границ действия причины. Это тоже закон причинной связи, выражаемый обычно в виде принципа "причина предшествует следствию". Суть причинности не только в том, что она порождает различие явлений (следствие должно быть отлично от причины, иначе оно сливается с ней), но и в том, что она *порождает различие во времени, различие моментов времени*, а именно, различие между прошлым, настоящим и будущим.

В. Краевский справедливо критикует концепцию одновременности причины и следствия. «Принципиальный недостаток концепции, — пишет он, — замеченный, впрочем уже древними скептиками, заключается в том, что эта концепция не применима к понятиям течения явлений, возникновения вещей, развития мира. Если причина данного явления оказывается с ним одновременной, что то же самое можно сказать о причине этой причины т. д. Причинные цепи, если вообще не отказываться от этого понятия, оказываются "сплюснутыми", содержатся в одном временном разрезе мира. Прошлое не обуславливает причинным образом будущее"¹.

В. Краевский, однако, бросается в другую крайность и допускает возможность временного интервала (разрыва во времени) между причиной и следствием. Он возражает не только против того, что причина одновременна со своим следствием, но и против того, что она всегда "стыкуется" со следствием во времени, т. е. что всегда последний момент причины является первым моментом следствия. Сведение всех причинных отношений, пишет он, только к отношениям, основанным на одновременности и "стыковке" причины и следствия, нельзя считать правомерным, так как это противоречит свойству транзитивности причинного отношения. Действительно, пишет он далее, нельзя отвергать возможности того, что если *A* является причиной *B*, а *B* причиной *C*, то *A* может быть причиной *C*, хотя события *A* и *C* отделены друг от друга в пространстве и времени².

¹ Цит. по: Л.Г. Антипенко. Рецензия на книгу Вл. Краевского "Причинная связь" (на польском языке). — Вопросы философии, 1969, № 2. С. 174.

² См.: там же. С. 174-175.

В. Краевский неправ в том, что считает возможным рассматривать событие *A* причиной события *C*. Он неправомерно отождествляет причинно-следственную *цепь* с причинно-следственным *отношением*. Так можно дойти до абсурда. В самом деле, если событие *A* является причиной не только события *B*, но и события *C*, то с таким же успехом мы можем утверждать, что оно является причиной событий *D*, *E*, *F*, *G*, *H*, *I* и т. д., которые последовательно являются причинами и следствиями друг друга. Какое-нибудь событие древней истории, с точки зрения В. Краевского, можно рассматривать как причину события современной истории. Это нелепо. Возьмем другой пример, попроще. Выстрел охотника и падение убитой птицы. Между этими явлениями есть цепь причин и следствий. Но можно ли рассматривать выстрел охотника в качестве причины падения убитой птицы? Если говорить «по истине», то нет. Непосредственной причиной падения птицы является то, что она перестала взмахивать крыльями и поддерживать полет своего тела. Мы, конечно, знаем, что за выстрелом умелого охотника обычно следует падение убитой птицы. Но рассматривать выстрел в качестве причины падения птицы — это значит упрощать, огрублять действительность. Опытный охотник, в отличие от неопытного, не просто палит в сторону летящей птицы, а сначала мысленно "пробегаёт" всю причинно-следственную цепь от выстрела до падения птицы на землю (или в воду) и лишь потом стреляет. Он при этом учитывает скорость и направление полета птицы, скорость и направление ветра, возможность порывов ветра, степень удаленности птицы, уровень видимости и т. д. и т. п. Если бы охотник мыслил по простой схеме: выстрел — причина, а падение убитой птицы — следствие, то он заранее обрек бы себя на неудачу и в лучшем случае мог надеяться только на случайное попадание.

Вернемся, однако, к триаде "причина-действие-следствие". Выше мы говорили о действии как промежуточном звене причинно-следственного отношения. Это значит, что если причина — одно явление, а следствие — другое, соседнее с ней явление, то *действие* есть *переход* этого одного явления в другое, *порождение* одного явления другим, *вызывание* следствия причиной. В нашей философской литературе не раз отмечалось, что производное от причины не сводится к одному толь-

ко следствию. Я. Ф. Аскин пишет, например: "вполне справедливо И. В. Кузнецовым предлагается особый термин "действие", с тем, чтобы отличить его от следствия, которое иногда обозначается термином "действие" (см. И. В. Кузнецов. Принцип причинности в современной физике. М., 1960, с. 10)"¹.

Отношение причины и следствия предполагает *конечность* существования причины во времени, временный характер ее действия, так как следствие так или иначе выходит за рамки временного существования причины. Иными словами, следствие *оконечивает* причину. И это вполне объяснимо с точки зрения логики соответствий. Причинно-следственное отношение как отношение *явлений* соответственно *конечному*.

Вещь — свойство — отношение

В предыдущем параграфе мы говорили об отношении *между* явлениями. Теперь заглянем *внутрь* явления. Если расчленить его мысленно на «части», то получим триаду категорий "вещь-свойство-отношение". Эта триада, как нам представляется, характеризует явление со стороны его внутреннего содержания. Отсюда "внутреннее" определение категории будет таким: *явление есть целокупность, объединяющая вещь, свойство и отношение, или, по-другому, есть отношение вещей через их свойства.*

Указанные субкатегории выражают различные моменты, стороны явления. Последнее только тогда имеет место, когда налицо все три момента. Ни вещи, ни свойства, ни отношения в отдельности не составляют явления. Они в таком случае суть лишь абстракции. Вещь только тогда *вещь*, когда она **является**, т. е. когда она вступает в *отношения* с другими вещами и проявляет в этих отношениях свои *свойства*.

Многим может показаться странным, почему вещь, свойство и отношение рассматриваются нами не как самостоятельное категориальное семейство, а как включенное в состав категории явления. Здесь мы руководствовались двумя соображениями: общим и частным. Общее соображение, как и в случае с другими категориями и категориальными семействами,

¹ Аскин Я. Ф. Время и причинность. — "Вопросы философии", 1966, № 5. С. 82.

такovo: категориальная логика требует, чтобы все категории были как-то *связаны* друг с другом, иначе это не категориальная логика, а лишь ее фрагменты, островки, мозаика; из этого требования вытекает, что вещь, свойство, отношение должны быть где-то пристроены или к чему-то отнесены. Частное соображение таково: на роль *родительской* категории для них лучше всего подходит *явление*. Этим мы решаем сразу две категориально-логические задачи: определяем внутреннее содержание категории «явление» и пристраиваем полубеспризорные вещь, свойство, отношение в надежное место, фиксируем их категориальный статус. Частное соображение возникло не на пустом месте. Существует давняя традиция рассматривать вещи, их свойства и отношения в рамках *являющейся* действительности. Сошлемся прежде всего на *Гегеля*. В "Философской пропедевтике" и Большой логике он рассматривает вещь, свойство и частично отношение в составе категории "явление". Это включение указанных категорий не было для него формальным актом. Он в целом правильно уловил характер рассматриваемой триады категорий как принадлежащей к миру явления.

Говоря конкретно о гегелевском понимании триады "вещь-свойство-отношение", следует сказать, что это понимание все же было весьма расплывчатым. Гегель так и не пришел к четкому конституированию триады в категориально-логическом смысле. Так, в Малой логике он выносит "вещь" и "свойство" за пределы категории "явление" и рассматривает их в составе категории "сущность".

В нашей философской литературе наиболее определенно о вещи, свойстве, отношении как категориях, выражающих непосредственную, являющуюся реальность, высказался *В. И. Чернов*¹.

Вещи, свойства и отношения служат для выражения, раскрытия *являющейся* действительности.

В традиционной формальной логике понятия вещи, свойства и отношения трактуются как предельно широкие абстракции, под которые можно подвести любые конкретные определения. (В качестве аналогов этих понятий в логическом мышлении фигурируют понятия, признаки предметов и суж-

¹ Чернов В.И. Анализ философских понятий. М., 1966.

дения, умозаключения. Понятия делятся на *конкретные* и *абстрактные* соответственно различию предмета, свойства предмета и отношения между предметами. Конкретными называются понятия, в которых мыслится предмет или совокупность предметов как нечто самостоятельно существующее. Абстрактными — понятия, в которых мыслится свойство предмета или отношение между предметами, взятые отдельно от предмета, предметов. Суждения делятся на экзистенциальные суждения или суждения существования, атрибутивные суждения и релятивные суждения или суждения с отношениями). Соответственно и в философии существует подобная трактовка этих понятий. Так А. И. Уемов пишет: "... есть понятия, имеющие одинаковое значение для любой науки. Это категории вещи, свойства и отношения. Всякая наука, каков бы ни был предмет, изучает вещи, свойства и отношения"¹. Не будем спорить о том, насколько допустима расширительная трактовка указанных категорий. Отметим только, что в этой трактовке есть то рациональное зерно, что в ней угадывается соответственный характер категорий. *Вещь* можно в известном смысле сопоставить с *тождеством*, а *отношение* — с *противоположностью*. В таком случае вещь и отношение ответственны всем категориям, указанным в таблице соответствий между категориями (см. п. 2.1.). Определение явления как *отношения* вещей через их свойства вполне оправданно с этой точки зрения. Ведь *отношение* и *явление* ответственны одной и той же категории — противоположности.

Вещь.

"Вещь" нередко рассматривают как синоним понятий «тело», «предмет», «объект», «система». (Такой точки зрения придерживается, например, А. И. Уемов²). Между тем это существенно различные категории. Хотя в практике словоупотребления их сплошь и рядом отождествляют, приравнивают, это, однако, не дает права современному философу рассматривать их как одно и то же. С точки зрения категориальной логики указанные понятия обозначают разные категории, относящиеся к разным категориальным семействам. *Тело* — вид материи, о котором можно сказать, что оно движется. *Предмет* и *объект* — определяются в рамках категории *деятель-*

¹ Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. с. 3.

² См.: Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 6.

ности как противостоящие субъекту (см. ниже п. 3.6.4.). Система определяется в рамках категориального семейства "система-структура-элементы". *Вещь* — в рамках семейства "вещь-свойство-отношение". Таким образом, все указанные категории имеют специфическое содержание и смешивать их недопустимо. Как мы уже говорили, историческое развитие и совершенствование языка и мышления идет по линии все большей дифференциации и уточнения слов, терминов, понятий. Если раньше было допустимо отождествлять указанные понятия, то теперь такое отождествление мешает их осмыслению как особых категорий, относящихся к разным категориальным семействам.

Совершенно справедливо И. С. Тимофеев возражает А. И. Уемову: «... нельзя согласиться с тем что "вещь" и "предмет" являются "в их наиболее общих значениях логическими синонимами, т. е. словами, обозначающими одно и то же понятие". Нельзя согласиться с тем, что "предмет то же, что вещь...". Из того, что в познании чаще всего под словом "предмет" мыслится "вещь", не следует тождество значений этих терминов. В других случаях под предметом мыслится не вещь. Отмеченное отождествление понятий "предмет", "вещь" (и "объект") осуществлялось ради определенной трактовки качественного подхода к предмету познания и для разрешения возникающих при этом трудностей. Качественный подход при этом все равно остается в пределах традиционного сведения качества к существенным свойствам вещи. Качественный подход к различным предметам познания может быть развит без отождествления столь важных категорий, как "предмет", "вещь" и "объект»¹.

К сожалению, сам И. С. Тимофеев, критикуя А. И. Уеова за отождествление *вещи с предметом и объектом*, совершает подобную же ошибку, давая *вещи* определение, которое по существу приравнивает ее к *материальному телу*². Тело дви-

¹ Тимофеев И. С. Методологическое значение категорий "качество" и "количество". М., 1972. С. 66-67.

² "Под вещью, — пишет он, — понимается относительно устойчивый материальный предмет, обладающий пространственно-временной структурой" — Тимофеев И. С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972. С. 66.

жется, а вещь соотносится, взаимодействует с другими вещами через свои свойства.

Вообще неправомерно определять вещь как отдельную самостоятельную реальность, вне семейства «вещь-свойство-отношение».

Здесь, правда, есть одна трудность, которая заставляет философов вновь и вновь искать определение вещи не в семействе "вещь-свойство-отношение", а на стороне, в других категориальных семействах. Трудность состоит в том, что определение вещи в семействе "вещь-свойство-отношение" легко сбивается на определение (или понимание) вещи как совокупности свойств. А. И. Уемов приводит в своей книге известную формулировку закона Лейбница: "две вещи тождественны, если все их свойства общие"¹. Из этой формулировки вытекает представление о вещи как совокупности свойств. А. И. Уемов отмечает, что еще Т. Гоббс и Х. Зигварт критиковали подобное понимание вещи. Гоббс писал: "В пользу же мнения о (вещи как — Л. Б.) сумме акциденций нельзя привести ни одного аргумента. Но так как при появлении новой акциденции вещам обычно дается новое имя, то тот, кто видит основание идентичности в сумме акциденций, полагает, что в этом случае и сама вещь является другой. Согласно первому воззрению человек, совершающий преступление, не тот, кого подвергают наказанию, так как человеческое тело непрерывно изменяется. Точно так и государство, изменившее в течение столетий свои законы, не остается больше тем же — вывод, который между тем опрокинул бы все понятия о праве"².

Аналогичное возражение выдвигает Х. Зигварт: "Если бы вещь была только суммой свойств, если бы ее представление существовало только благодаря тем функциям, при помощи которых мы схватываем свойства как таковые, тогда невозможно было бы даже прийти к мысли об изменяющейся вещи; при малейшем изменении мы имели бы исчезновение прежнего единства и его замещение новым, иначе составленным. Если в сумме изменяется хотя бы одно слагаемое, то сумма не может оставаться той же самой, но сама становится иной"³.

Общее категориально-логическое решение проблемы соот-

¹ См.: Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 8.

² Гоббс Т. О теле, XI. — Соч. в 2-х т.т. Т. 1, М., 1989. С. 171-172.

³ Зигварт Х. Логика, т. 2, СПб, 1908. С. 112-113.

ношения вещи и ее свойств дал Гегель. Он писал: "Не надо впрочем, смешивать свойства с качеством. Говорят, правда, также: нечто *обладает* качествами. Это выражение, однако, неуместно, поскольку слово "обладать" внушает мысль о самостоятельности, которая еще не присуща непосредственно тождественному со своим качеством нечто. Нечто есть то, что оно есть, только благодаря своему качеству, между тем, как, напротив, вещь, хотя она также существует лишь постольку, поскольку она обладает свойствами, все же не связана неразрывно с тем или другим определенным свойством и, следовательно, может также и потерять его, не переставая из-за этого быть тем, что она есть"¹.

Как видим, Гегель проводил различие между *нечто* и *вещью*. Нечто у него определено качественно и количественно а вещь проявляет себя в свойствах. Именно этим вещь отличается от нечто. Под последним Гегель имел в виду то, что мы называем материальным *телом* (или группой тел). Действительно, о качественной определенности нельзя говорить, что тело ею обладает; она непосредственно слита с телом. А вот про вещь можно и нужно говорить, что она *обладает* свойствами. Вещь может не иметь того или иного свойства без того, чтобы она перестала быть *той же* вещью (обратите внимание: вещь \approx тождеству!).

В самом деле, если в различных отношениях вещь выступает всякими раз в новом обличье, в виде того или иного свойства, то *сама по себе* она есть *общая* или *тождественная* основа многих различных свойств. Авторы, характеризующие вещь как совокупность свойств, сводят ее по существу к отношениям. А это значит, что уничтожается *категориальная самость* вещи. Определение ее в семействе "вещь-свойство-отношение" означает не только то, что она определяется через свойства и отношения, но и то, что фиксируется ее *противоположность* отношениям. Если отношений *много*, то вещь *одна*. Если отношения различны и могут быть даже противоположны, то вещь в этих отношениях *одна и та же*. Отношение "перекидывает мостик" от *одной* вещи к *другой* и, следовательно, *делает* их различными. Различие вещей "покоится" на различии их отношений. Вещи вне отношений *неразлич-*

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 290 (§ 125).

мы, т. е. тождественны.

Из сказанного ясно, что следует понимать под вещью. Ее можно определить так: *вещь* — *тело, вступившее или находящееся в отношениях с другими телами и проявляющее в этих отношениях свойства*. Как только тело вступает в отношения с другими телами, оно "становится" вещью, проявляющей свои свойства. Если тело не находится ни в каких реальных отношениях с другими телами, то оно не является и вещью. Поскольку такого не бывает, т. е. тело всегда находится в каких-то реальных отношениях с другими телами, постольку оно всегда выступает как вещь в этих отношениях. Тело вне отношений — это истинная "вещь в себе", т. е. абстракция, которой реально ничего не соответствует.

Можно, конечно, природные тела, о которых люди пока ничего не знают, называть условно «вещами в себе», так как они не являются «вещами для нас». Однако в таком употреблении «вещь в себе» не есть *истинная* «вещь в себе», поскольку она противоположна не вообще «вещи для другого», а только «вещи для нас». Всякая реальная вещь есть «вещь для другого», т. е. существует лишь как момент *явления*, отношения вещей через их свойства. За пределами явления вещь есть просто тело (нечто — по терминологии Гегеля), которое движется или покоится, но не *является*.

3522.5. *Сущность*

Сущность — категория действительности, представляющая собой органическое единство, взаимоотношение закона и явления. Если *закон* определяет единообразие действительности, а *явление* ее многообразие, то сущность определяет единство действительности в ее многообразии или многообразие действительности в ее единстве. Единообразие и многообразие предстают в *сущности* как *форма* и *содержание*.

Форма — единство многообразного; *содержание* — многообразие единства или многообразие в единстве. Иными словами, форма и содержание — это закон и явление, взятые в аспекте сущности, существующие как *моменты* сущности.

Сущность — сложная органическая действительность, соединяющая ее внутреннюю и внешнюю стороны. В сфере возможности ей соответствует *свобода*. В сфере видов материи — *организм* и *сообщество*. В сфере качества — *индивидуальное* и

типическое. В сфере меры — *норма*. В сфере видов движения — *развитие* и *поведение*. В сфере противоречия — *сложное* противоречие, *единство*, *гармония* и *борьба*, *антагонизм*. В сфере становления *деятельность*, *субъект*, *объект*.

Категория сущности прошла длинный и трудный путь формирования, становления, развития. Это, пожалуй, одна из наиболее сложных и спорных категорий.

Так, философы *эмпирического* направления до сих пор не признают этой категории, считают ее принадлежащей исключительно к сфере сознания, но никак не действительности. Более того, некоторые из них просто третируют ее. Б. Рассел писал, например: "'сущность' представляется мне бестолковым понятием, лишенным точности". Или: "Понятие о сущности является сокровенной частью каждой философской системы после Аристотеля, пока мы не подходим к Новому времени. Это, по-моему, безнадежно сбивающее с толку понятие"¹.

Во-первых, Рассел смешивает три категориальных определения: сущность с субстанцией; сущность и субстанцию с вещью, определяемой в категориальном блоке "вещь-свойство-отношение".

Во-вторых, он не дает себе труда довести до логического конца свои рассуждения, иначе он увидел бы, к какой бессмыслице они приводят. Он, например, заявляет: субстанция (сущность, вещь) "это фактически удобный способ связывания событий в узлы". Если так рассуждать, то и *событие* можно представить как удобный способ связывания впечатлений в узлы, и *впечатление* — как удобный способ связывания ощущений в узлы, и *ощущение* — как удобный способ связывания того, что нас раздражает, и *раздражение* — как удобный способ связывания того, что с нами что-то происходит. Да почти все человеческие понятия что-то "связывают". Что же, на этом основании объявлять их чисто субъективными (грамматическими, лингвистическими) феноменами, которым в действительности ничего не соответствует?!

В-третьих, Рассел сам себе противоречит, объявляя, с одной стороны, понятие субстанции (сущности, вещи) *фактически удобным способом связывания событий в узлы*, а, с дру-

¹ Рассел Б. История западной философии. Т. 1, Новосибирск, 1994. С. 200-202.

гой, — *метафизической ошибкой*, которой мы обязаны переносу в структуру мира структуры *предложения*. Одно из двух: либо субстанция, сущность, вещь хорошие, нужные понятия, либо они — метафизическая ошибка, бестолковые понятия.

В-четвертых, односторонне интерпретируя сущность, субстанцию, вещь как нечто лишь отдельное от явлений, свойств, частей, как остаток от вычета последних, Рассел этим оглушает их, делает бестолковыми и пустыми. На самом деле стоящая за этими понятиями реальность, хотя и отлична от явлений, свойств, частей, все же составляет вместе с ними одно. Вещь, например, отлична и от свойств, и от отношений, но как категориальное определение реальности она существует лишь в блоке, связке со свойствами и отношениями, т. е. ее содержание определено в рамках категориального семейства "вещь-свойство-отношение". Отдельная вещь может не зависеть от того или иного свойства, отношения, но в целом как *вещь*, как нечто особенное, имеющее статус вещи, она выступает лишь благодаря свойствам и отношениям. То же самое, кстати, можно сказать и о свойствах-отношениях. Они имеют статус свойств-отношений лишь благодаря *вещам*.

Пафос Рассела понятен. Он был эмпирически ориентированным философом, причем с естественнонаучным небιологическим уклоном. Отсюда и его нелюбовь к понятиям-категориям, соответственным целому, вещи, тождеству, всеобщему, и его нелюбовь к *сложным органическим* понятиям-категориям, таким как сущность.

Нигилизм в отношении *сущности* так же губителен, как и нигилизм в отношении *живого существа, организма, его жизнедеятельности, развития*. Специфика сущности — это специфика живого по сравнению с неживым, органического по сравнению с неорганическим, развивающегося по сравнению с простым изменением, нормы по сравнению с неорганической мерой, единства по сравнению с простой связью и т. д. и т. п.

Итак, мы рассмотрели одну крайность в понимании сущности. Существует и другая крайность. Философы, исповедующие *органицизм* и *идеализм*, склонны абсолютизировать сущность и даже наделять ее самостоятельным существованием.

Абсолютизация сущности выражается, в частности, в том, что ее видят и там, где ее нет и быть не может. Например, в неорганическом мире, где никаких сущностей нет. (Смешно

говорить о сущности грозы, камня, молекулы, планеты). Или в выдуманном, воображаемом мире одухотворенных, одушевленных сущностей, в религиозном представлении о *сверхъестественном* личном существе как сущности вселенной.

Абсолютизировал сущность и Гегель. Но он же первый дал ее категориально-логический портрет, первый попытался *разумно* (логически) оценить ее, очистить от религиозно-мистических и схоластических наслоений. Вообще учение Гегеля о сущности очень сложно, неоднозначно, полно одновременно спекуляций и гениальных прозрений.

С одной стороны, он явно гипертрофировал это понятие, включив в его содержание категории и категориальные семейства, стоящие над ним или относящиеся к другому срезу реальности (*действительность, возможность, необходимость, случайность, свободу, противоречие, тождество, различие, противоположность, взаимодействие, целое, части, закон, явление, вещь, свойство, отношение, причину, действие, следствие* и т. д.). С другой, искусственно объединив указанные категории под эгидой сущности, он во многом угадал их близкородственность и ответственность друг другу, принадлежность к одному семейству или к группе родственных семейств. (В самом деле, почти все понятия гегелевского учения о сущности в нашей версии категориальной логики *группируются* в рамках категорий *противоречия* и *становления*.)

С одной стороны, Гегель преувеличил значение сущности, подчинив ей явление, т. е. подчинив *внешнее внутреннему*. С другой, он рассматривал сущность как единство внутреннего и внешнего, закона и явления, т. е. рассматривал ее как *сложную органическую* категорию, включающую в себя противоположные стороны *действительности* в качестве *опосредующих* друг друга *моментов*.

С одной стороны, Гегель вслед за Аристотелем расширительно толковал сферу действия сущности, допуская в отдельных случаях ее "функционирование" в неорганической природе (см., например, его "Философию природы", §§ 272, 274) или рассуждая о сущности *вещи* и т. п. С другой, он первый провел водораздел между *бытием* и *сущностью*, т. е. между категориями, так сказать, неорганического порядка и категориями *сложноорганическими*. Сущность у него ответственна *жизненности, организму*. Здесь можно добавить, что именно по

отношению к сущности он употребляет термин "опосредствование". И хотя стоящее за этим гегелевским термином содержание порой темно и абстрактно (спекулятивно), *через него* (т. е. через термин) Гегель правильно угадывает специфику сущности и соответственных ей категорий.

Сущность и явление

Остановимся подробнее на отношении сущности и явления. Это отношение часто рассматривают как отношение внутреннего и внешнего. Это несколько упрощенный взгляд. Говорят, например: явление дано непосредственно, в наших ощущениях, а сущность *скрыта* за явлениями, дана не непосредственно, а опосредованно, через них. Действительно, в познании человек может идти от непосредственно наблюдаемого явления (явлений) к обнаружению сущности. Последняя как познавательный феномен часто оказывается тем *внутренним*, которое пытаются *постигнуть*.

Однако, в познании мы можем двигаться и другими путями, в частности, от внутреннего к внешнему. Внешнее, явления могут быть скрыты от нас, непосредственно не наблюдаемы. Таковы многие физические явления (например, радиоактивность, радиоволны). Открывая, познавая их, мы ведем себя примерно так же, когда обнаруживаем сущность.

Вообще сущность как познавательный феномен не совсем то же, что сущность как категориальное определение действительности. Она может быть *сутью вещей*, т. е. характеризовать *неорганические* или *воображаемые объекты*. Она может быть явлением, если это явление скрыто, не обнаружено, не познано, т. е. опять же является *объектом* познания (особенно это касается явлений, которые носят весьма сложный, запутанный или масштабный характер, т. е. напоминают в какой-то мере явления живой природы). И т. д. и т. п. Сущность *только* как познавательный феномен воображаема, мнима, недействительна. Она существует, действует лишь в нашей познавательной *деятельности*, как характеристика одной из сторон действительности, а именно *объекта деятельности* (вспомним, что *деятельность, объект* — это всё категории, *соответственные* сущности). Она светит, так сказать, отраженным светом, получаемым от *действительной* сущности, каковой является деятельность человека.

Сущность как категориальное определение действительности внутренняя и внешняя, непосредственная и опосредованная, короче говоря, *сложна и органична*. Это хорошо видно на примере нашей собственной, человеческой сущности.

Каждый из нас носит в себе сущность; она безусловно дана нам непосредственно, она здесь, тут — в силу нашего рождения, развития, нашей жизнедеятельности. Она внутренняя, поскольку "сидит" внутри нас, не всегда проявляется, не всегда дает о себе знать и мы не в полной мере знаем ее. Она внешняя, поскольку проявляется, выступает в нашем поведении, поступках, деятельности, в объективных результатах деятельности, поскольку мы ее знаем. Так, Бетховен умер давно, а его сущность художника-творца продолжает жить, "выступать" в его музыкальных произведениях (ясно ведь, что музыкальные произведения Бетховена внешни ему самому как объективированные результаты его творческой деятельности).

Говоря об отношении "сущность-явление", нельзя не упомянуть об отношении "закон-явление". Философы часто путают эти два отношения, благо есть одна, общая для них категория — *явление*. Когда отношения "сущность-явление" и "закон-явление" рассматривают изолированно друг от друга, как самостоятельные *пары* категорий, категориальных определений, то возникает представление о *противоположности* сущности явлению по аналогии с противоположностью закона явлению. Отсюда нередкое уподобление и приравнивание *сущности закону*, когда *сущность* рассматривают как категорию, однопорядковую и соответственную *закону*, следовательно, как *внутреннее, всеобщее* и т. д. и т. п. Никто не задавался вопросом: а почему, собственно говоря, существуют две *разные* пары категориальных определений, имеющие в своем составе *одну и ту же* категорию (*явление*)? Отчего такая аномалия? Этой аномалии не было бы, если бы философы рассматривали указанные пары категорий не как самостоятельные, независимые друг от друга семейства категорий, а как "части" одного семейства: "закон-сущность-явление". *Сущность* в таком случае выглядит не как однопорядковая с *законом* категория, а как категория, *объединяющая* закон и явление, следовательно, имеющая черты того и другого. В самом деле, люди давно в практике словоупотребления различают *закон* и *сущность*. Если *закон* есть нечто всеобщее, общее в действительности,

противостоящее специфическому и единичному (в нашем случае — явлению), то *сущность*, имея качество закона, т. е. обладая достоинством всеобщего, общего, в то же время имеет качество явления, а именно чего-то конкретного, единичного, специфического. Выше мы приводили пример с сущностью человека. Последняя и всеобща и специфична, и единственна и единична, и типична (типологична) и индивидуальна, и серийна и уникальна. (К. Маркс был не совсем точен, когда утверждал что "сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду", что "в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений"¹. Справедливо критикуя Л. Фейербаха за то, последний видел в человеке только природную сущность, он однако, как и Фейербах, игнорировал *индивидуальную* сторону человеческой сущности, пренебрежительно отзываясь об *абстракте, присущем отдельному индивиду*. Для Маркса и его последователей эта неточность *дорого* обошлась. Сводя сущность человека к *социальной* составляющей, марксисты сделали его (человека) объектом социального экспериментирования и манипулирования и на этом сильно обожглись. Человек по своей сущности и социальное существо, и природное. Как природное существо он — родовое существо *и* особь. Как социальное существо он — член общества *и* индивидуум, личность. Игнорирование хотя бы одной из этих составляющих сущности человека ведет в конечном счете к тяжким последствиям, чреватым гибелью человечества.)

В связи с проблемой сущности как единства закона и явления нельзя не упомянуть Аристотеля. Именно он первый подробно рассмотрел ее категориально-логический статус и, в отличие от Платона, увидел в ней не только черты всеобщего, но и единичного, "*вот этого*", создав тем самым предпосылку для адекватного осмысления и познания категории.

Примечание. Показательно такое высказывание Аристотеля: "Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь" — Аристотель. Соч. Т. 2, М., 1978. С. 55 (Категории, 2а 12). Кроме того "главной особенностью сущности" Аристотель считал

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 196?. С. 3.

"то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности" (там же, с. 60; Категории, 4а 10). Это тоже весьма показательно. *Закон* в нашей таблице соответствий относится к ряду тождества, а *явление* — к ряду противоположности. *Сущность* объединяет их и объединяет в том числе как категории, соответственные тождеству и противоположности.

Форма и содержание

Форма и содержание характеризуют не само явление и не саму действительность, а *сущность* действительности.

В сознании людей эти категории еще недостаточно отдифференцированы от таких понятий, как целое, строение и части, структура и элементы, вид и род. Это и понятно. Исторически слово "форма" связывалось со словами "материя", "вещество". Часто под "формой" понимали и продолжают понимать *внешнее очертание, наружный вид* предмета, а под "содержанием" — содержимое, то, что в буквальном смысле *содержится* в чем-то. С другой стороны, люди интуитивно понимают, что "форма и содержание" не то же самое, что "форма" в отдельности и "содержание" в отдельности. В искусстве, например, "форма и содержание" давно уже выступают единым категориальным блоком, как *пара сложноорганических категорий*, характеризующих вместе художественную *сущность* произведения. Одним словом, пора этой паре категорий занять-определить подобающее ей место в ряду сложноорганических категорий.

Вслед за Гегелем мы рассматриваем форму и содержание как *моменты, стороны* сущности. Насколько это оправданно, судить трудно. С одной стороны, нам представляется, что сущность как категориальное определение действительности должна быть внутренне дифференцирована, иметь внутри себя различные моменты, "структуру". С другой, нам представляется, что форма и содержание должны быть где-то "пристроены", т. е. должны принадлежать к какому-то категориальному семейству, объединяться "под шапкой" родительской категории. Вот эти два соображения плюс традиция, идущая от Гегеля, и легли в основу указанной версии.

В первую очередь следует сказать, что форма и содержание

как моменты, стороны сущности *взаимосвязаны*. *Форма содержательна, а содержание оформлено*. Очень хорошо это показал Гегель¹.

Далее, форма — это *законы*, ставшие моментами сущности, а содержание — это *явления*, ставшие моментами сущности. Форма закон, опосредованный явлением. Содержание — явление, опосредованное законом.

Форма и содержание, как опосредующие друг друга закон и явление, *внутренни* и *внешни*. То, что имеют в виду под формой, на самом деле есть некоторое единство внутренней и внешней форм. Аналогично и содержание есть не просто содержание, а единство внутреннего и внешнего содержаний. Здесь опять же мы обращаемся к авторитету *искусства*. Деятели искусства и его ценители обычно хорошо улавливают разницу между внутренней и внешней формой, внутренним и внешним содержанием художественного произведения, образа. Теперь, если мы возьмем *поведение человека*, скажем его *поступки*, то увидим, насколько тонки и сложны *сущностные* характеристики человеческих поступков, насколько взаимосвязаны и дифференцированы их (внутренняя и внешняя) форма и (внутреннее и внешнее) содержание. Когда говорят, например, о внутренней и внешней *культуре* человека, то имеют в виду сложное гармоническое взаимодействие или, напротив, дисгармонию внутренней и внешней формы, внутреннего и внешнего содержания человека как субъекта культуры. Или, когда говорят о внутренней и внешней *красоте* человека, то имеют в виду опять же гармонию-дисгармонию внутренней и внешней формы человека. Причем совершенно явственно видно, что красота — это отнюдь не чистая форма; она тесно связана с содержанием, оплодотворяется им. Живая красота — это Форма Содержания.

3522.6. *Старое и новое*

Ни одна новая мысль не пугала его потому, что она новая, и ни одна новая мысль не покоряла его потому, что она новая.

О С. И. Танееве-педагоге

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. С. 298-300.

Старое и новое — виды действительности, взятые в аспекте становления. Различение старого и нового предполагает выход за пределы данной действительности, в реальность *взаимоотношений* действительности и возможности, а именно, в реальность *становящегося*.

Как мы уже говорили выше, взаимоотношения действительности и возможности таковы, что одна "часть" возможностей вызревает в недрах *старой* действительности, является как бы ее детищем, а другая "часть" возможностей "приходит" со стороны, является внешней для этой действительности. Действительность лишь отчасти можно уподобить пауку, который тклет паутину из самого себя. Не все возможности вытекают из старой действительности. В том-то и состоит принципиальное отличие возможности от действительности, что она создает условия для возникновения совершенно другой, *новой, небывалой* действительности. Благодаря возможности (прежде всего случайности и свободе) новая действительность содержит в себе такие моменты, которых *не было* в старой действительности. Хотелось бы особо отметить роль случайности в возникновении нового. Вот что пишет по этому поводу В.П. Огородников: "Вопрос об источнике нового тесно связан с проблемой случайного, роли последнего в процессе. "Чистая" необходимость, не оставляя места случайности, упраздняет новое. В самом деле, если некоторое предшествующее определяет некоторое последующее с абсолютной необходимостью, то, следовательно, между прошлым и настоящим, настоящим и будущим существует одно-однозначное соответствие. Любое новое как то, чего не было, выбивается из рамок этой однозначности"¹. Это, конечно, не значит, что другие моменты возможности, в том числе необходимость, играют меньшую роль в возникновении нового. Возможность "ведет себя" по отношению к действительности как *целокупность* всех своих моментов. Поскольку старое и новое — старая и новая *действительности*, постольку они выступают как *целокупности*, обнимающие собой все моменты действительности: явление, статистическую закономерность, закон, сущность. Можно говорить *в отдельности* о старых и новых явлениях, старых и новых законах (статистических закономерностях),

¹ Огородников В. П. Познание необходимости. М., 1985. С. 78-79.

старой и новой сущности. Но это будет определенная условность. *Старое* и *новое* являются старым и новым именно как действительности, как целокупности указанных выше моментов. Это можно видеть из следующего. Мы говорим о старых и новых вещах, событиях делах, друзьях, привычках, обычаях, временах, идеях и т. д. и т. п. Все эти "предметы" имеют значение старых или новых не сами по себе, не в своей отдельности, а лишь в *контексте* жизни, индивидуальной или родовой, общественной, в *контексте* некоторого потока, целокупности изменений, происходящих в рамках жизни. Старого и нового нет вне жизни, вне ее изменений, трансформации. Иными словами, старого и нового нет в неорганической природе. Если мы говорим о старых или молодых горах (например, о старых уральских и молодых кавказских), то это не более, чем некоторое уподобление неорганического, неживого органическому, живому. Оно как всякое сравнение хромает. Говорят еще о новых и сверхновых звездах, о новолунии, о старом и молодом месяце. Это все либо специальные научные термины, имеющие лишь отдаленное сходство с категориальным значением слов-прототипов, либо метафоры, либо остатки прежнего оживотворения неорганической природы.

Далее, как мы уже говорили, не следует путать отношение "старое-новое" с отношением "старое-молодое". Старое и молодое характеризуют разные фазы, этапы *развития*. Старое и новое характеризуют разные фазы, этапы *становления*.

Не следует также путать отношение "старое-новое" с отношением "низшее-высшее". Различение старого и нового не есть различение *степеней* становления, т. е. не тождественно различению *низшего* и *высшего*. Новое — это не всегда более высокое (более сложное, совершенное, лучшее), а старое — это не всегда низшее (менее сложное, совершенное, худшее). Различение старого и нового означает лишь то, что действительность как-то меняется: старая действительность обновляется, а новая стареет. Взаимодействие старого и нового — этот кристаллический раствор, в котором формируется более высокое, в котором делается возможным переход от низшей формы действительности к высшей. Хотя такое не всегда означает переход на более высокую ступень становления, без него этот переход вообще невозможен. Лишь в рамках переходов от старого к новому и от нового к старому (обновления и старения действительности) возможно становление, т. е. движение

320

от низшего к высшему.

Диалектика старого и нового очень непроста. Правильно ли, например, говорить о возникновении нового как *отрицании* старого и можно ли построить новое на развалинах старого? Или, может быть, новое — это хорошо забытое старое и ничего нового под луной нет? Вопросам несть числа.

Консервативно настроенные люди склонны держаться старого, боятся изменений, нововведений; напротив, прогрессисты и революционеры хотят, жаждут нового. Кто из них прав? Или каждому свое?

Гегель вполне в духе своих взглядов отдавал явное предпочтение консерватизму. Мы не найдем у него категорий старого и нового. А уж представление о новом как *небывалом* для него вообще неприемлемо. Г. М. Елфимов справедливо замечает: "Не случайно Гегель избегал специально ставить вопрос о качественно новом, а постоянно отдавал предпочтение аспектам сохранения и повторяемости в "поступательном движении". Такая позиция связана с необходимостью сохранения требований его системы — абсолютно замкнутой, завершенной системы саморазвивающихся категорий"¹. Взаимоотношения нового и старого нельзя представлять как однолинейный временной процесс: сначала старое, а потом новое. Не всегда новое заменяет, замещает старое. Чаще всего оно становится рядом со старым, уживается с ним. Старое, конечно, теснится, уступает дорогу новому вплоть до исчезновения. Но это происходит не всегда. Посмотрите: практически все низшие формы жизни сохранились и продолжают развиваться, эволюционировать несмотря на то, что возникли и развиваются высшие формы жизни. Старое, древнее потеснилось, но не исчезло или не перешло целиком в новое. Более того, для нового в определенном смысле жизненно важно сохранение старого. В настоящее время люди много говорят об охране окружающей среды. А что это как не стремление сохранить старое, то, что возникло и развивалось до нас?! Новое, конечно, порой стремится уничтожить старое, чтобы жить и развиваться самому. Но оно же нуждается в старом, не может жить без старого. Такова диалектика жизни. Глупо уничтожать старое только потому, что оно старое, и поддерживать новое только потому, что оно

¹ Елфимов Г. М. Возникновение нового. М., 1983. С. 147.

новое. "Отречемся от старого мира" — это лозунг, мягко говоря, неумных людей. Жаль, что мы осознаем это только сейчас, на исходе XX столетия.

3.5.3. ВИДЫ СТАНОВЛЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

В двадцатом веке человечество «натерпелось» от революций и, откровенно говоря, не очень хочется заниматься этой темой. Идея революции сильно дискредитировала себя. Особенно в России. Почти все стали эволюционистами-постепеновцами. И автор не исключение. Однако, эмоции эмоциями, а логика изложения материала требует, чтобы тема революции была рассмотрена. Понятие революции находится в тесной логической связи с понятием эволюции и игнорировать этот факт нельзя.

Начнем с того, что *эволюция* и *революция* лишь сравнительно недавно были осознаны людьми как важные идеипонятия. А их категориально-логический статус не определен до сих пор. В нашей версии категориальной логики *эволюция* и *революция* рассматриваются как *виды* становления. В неорганической природе им соответствуют постепенное изменение (постепенность) и скачкообразное изменение (скачок). Это, конечно, не те соответствия, о которых говорилось в разделе "Логика соответствий и несоответствий между категориями". Эволюция и революция — процессы, которые охватывают собой *сложные органические* изменения, т. е. их необходимым элементом являются процессы *развития*. Скачок и постепенность характеризуют сравнительно простые изменения. Они используются главным образом для характеристики неорганических процессов. Например, выветривание скалы вплоть до ее полного исчезновения — это постепенное изменение, а разрушение скалы в результате землетрясения — это скачкообразное изменение.

Кстати, эволюционная теория *Ламарка* и теория катастроф *Кювье* суть не что иное, как попытки объяснения сложных органических процессов эволюции и революции с помощью неорганических понятий постепенности и скачка.

Примером редуccionистского истолкования понятий эволюции и революции (в смысле неорганических понятий по-

степенного и скачкообразного изменений) является также их использование для характеристики *масштабных геологических процессов*¹. Последние, при всей вовлеченности в них биосферных процессов, остаются все же по своей природе *неорганическими*. В них нет процессов *развития*, нет *восхождения от низшего к высшему*, как это мы наблюдаем в живой природе.

Дарвиновская теория происхождения видов, хотя и использовала язык органических понятий, обладает тем недостатком, что она пыталась объяснить *революционные* по своей сути процессы (а происхождение видов относится к таковым) с помощью инструментария *эволюционной* теории. Как пишут Г. Грубер и П. Баррет "его теория является теорией продолжающихся изменений в системе, а не теорией возникновения системы"². Лишь с появлением генетической теории мутаций стало возможным объяснение биологических революций. В этой связи, с категориально-логической точки зрения правильнее говорить не об эволюции живой природы, а о ее становлении. Ведь теперь совершенно ясно, что в живой природе наряду с эволюционными (постепенными) процессами время от времени случаются *революционные* (скачкообразные) процессы. И последние не менее важны для становления живой природы, чем первые.

Отношение между понятиями революции и эволюции обоюдно-симметрично. Как революция логически связана с эволюцией, предполагает ее, так и эволюция логически связана с революцией, предполагает ее. Иными словами, становление полноценно лишь при наличии обоих процессов: революции и эволюции. Без революции становление не двигается вперед, не прогрессирует, "топчется на месте", "ходит кругами", повторяя, воспроизводя одни те же формы. Без эволюции становление эфемерно, нежизнеспособно, катастрофично.

Революция решает задачу достижения более высокой ступени становления через рождение нового, небывалого.

Эволюция решает задачу развития, совершенствования и

¹ См., например, статьи "Революция" и "Эволюция" в "Философском энциклопедическом словаре". М., 1983.

² Gruber H.E., Barret P.H. Darwin on Men. New York, 1974, p. 4151. Цит. по: Елфимов Г.М. Возникновение нового. М., 1983. С.90.

распространения нового, укрепления его позиций на достигнутой ступени лестницы становления. Революция — это переход от более низкой, более простой формы развития к более высокой, более сложной форме. Эволюция — это развитие развития, т. е. развитие однажды возникшей формы развития.

Интересно проанализировать этимологию слов *революция* и *эволюция*. *Революция* происходит от позднелатинского *revolutio*, что значит *поворот, переворот* (Сравн.: *револьвер* — огнестрельное оружие с магазином в виде вращающегося барабана или *револьверный* станок — с вращающейся головкой, в которой закрепляются несколько режущих инструментов). В самом деле, революция — это переход одной противоположности в другую, изменение вплоть до наоборот, поворот на 180 градусов и т. д. и т. п. В ней акцент падает на изменении, на противоположности. *Эволюция* происходит от латинского *evolutio*, что значит *развертывание*. В отличие от *революции* в *эволюции* акцент падает на сохранении, на изменении *внутри* сохранения, на *усилении* сохранения, сохраняющегося, на тождестве с исходным состоянием, на выявлении, развертывании того, что *есть*. Мы видим, что этимологически слово *эволюция* близко по смыслу нашему русскому слову *развитие*. Это, действительно, очень близкие категории. Тем не менее они отображают разные срезы реальности. *Эволюция* выступает в паре, в логической связи с *революцией*. У *развития* нет такой пары. Если теперь привести конкретный пример развития: эмбриональное развитие (эмбриогенез) — то увидим, что это развитие принципиально отличается от эволюции. Оно строго циклично, спиралеобразно, запрограммировано, протекает строго определенным образом и т. д. Эволюция не такова. Ее цикличность, спиралеобразность, запрограммированность не так выражены. Бессмысленно говорить о развитии зародыша как эволюции. Далее, если возьмем развитие человека от момента рождения, то и в этом случае разница между развитием и эволюцией очевидна. Индивидуальное развитие человека в высокой степени запрограммировано и генотипически, и фенотипически. Человек так или иначе "проходит" этапы детства, юности, зрелости... Если же он эволюционирует (например, в своем поведении, в своих взглядах), то эта эволюция может быть самой разной и непредсказуемой.

Биологическая революция — это возникновение нового вида (новых видов) живого, стоящего (стоящих) на более вы-

324

сокой ступени становления живой природы.

Идея биологических революций, хотя и с трудом, но все же пробивает себе дорогу в науке и философии. О *клеточной революции* писал, например, Тейяр де Шарден. "Клеточная революция", с его точки зрения, "выступает как выражение на кривой эволюции Земли критической и уникальной точки *зарождения* — момент, не имеющий себе подобных. Один раз на Земле — протоплазма, как один раз в космосе — ядра и электроны"¹.

Интересную интерпретацию биологической революции как *ароморфоза* дает М.А. Селезнев².

В плане развития идеи ароморфоза как биологической революции заслуживает внимания идея *ключевых ароморфозов* (Н. Иорданский), т. е. крупных преобразований организации, имеющих перспективное значение для систем в целом и открывающих новые возможности функционирования и эволюционных перестроек организации³. Ключевой ароморфоз "влечет за собой цепь стремительно развивающихся преобразований, совокупность которых выводит организацию на новый, более высокий уровень, на котором открываются и новые возможности для освоения ресурсов внешней среды"⁴. Здесь мы отчетливо видим тесную связь революции и эволюции. Революция, обновляя действительность, создает условия для дальнейшего эволюционного процесса, т. е. для перехода действительности в возможность (появления широких перспектив, открытия все новых и новых возможностей).

Выше, сравнивая становление и развитие, мы говорили о том, что становление — это цепь переходов от низших форм развития к высшим или от развития одной степени сложности к развитию другой, более высокой степени сложности и от развития этой степени сложности к развитию еще более высокой степени сложности. Более общее представление о становлении как движении от одного уровня взаимоопосредствования

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 89.

² Селезнев М. А. Социальная революция. М., 1971. С. 211.

³ См.: Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980. С. 528.

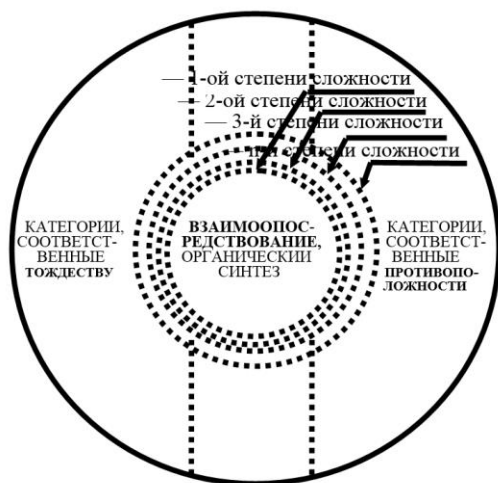
⁴ Иорданский Н. Н. Неравномерность темпов макроэволюции и ключевые ароморфозы. - "Природа", 1977, № 6. С. 45.

ния, органического синтеза к другому уровню, а от этого другого к третьему и т. д. дает приводимая на следующей странице *диаграмма*. Графически становление означает расширение центрального круга, пошаговый "захват" или "освоение" "территорий", относящихся к противоположным категориальным определениям, соответственным тождеству и противоположности. В смысловом плане это означает углубление взаимопосредствования, расширение рамок органического синтеза этих категориальных определений. В самом деле, чем выше форма живого, тем она, с одной стороны, более устойчива, более едина, целостна и т. д., а с другой, более изменчива, более многообразна, сложна и дифференцирована...

Человек, будучи высшей формой жизни на Земле, достиг наибольших успехов в деле освоения пространства и времени, качества и количества материи, порядка и беспорядка, внутреннего и внешнего.

Выше мы употребили выражение *пошаговый* «захват» «территорий». Этим мы хотели сказать, что расширение центрального круга или "захват территорий" не является чисто непрерывным, постепенным процессом, а включает в себя также дискретный, скачкообразный момент.

Понятия эволюции и революции как раз и обозначают эти два разных момента становления. Эволюция характеризует становление как непрерывный, постепенный процесс, революция — как дискретный, скачкообразный процесс.

(Употребляя выражения *постепенность* и *скачок* по отношению к эволюции и революции, мы в известной мере огрубляем, упрощаем эти понятия. Об этом нужно помнить. Ведь на самом деле эволюция не является чисто постепенным, непрерывным процессом, а революция — чисто скачкообразным, дискретным процессом (или, как говорят еще, перерывом

постепенности). В эволюции мы можем наблюдать скачкообразные изменения, а в революции — постепенные изменения. Примером скачка в эволюции применительно к человеческому обществу является *реформа*. Эволюция и революция глубоко опосредуют друг друга и именно поэтому они не являются чисто постепенными или чисто скачкообразными изменениями. Эволюция — органический синтез постепенности и скачка при определяющей роли постепенности. Революция — органический синтез скачка и постепенности при определяющей роли скачка.)

Диаграмма позволяет также объяснить с категориально-логической точки зрения феномены *одноплоскостного развития* и феномены *регресса, деградации, инволюции*. В случае одноплоскостного развития круг взаимопосредствования ни сужается, ни расширяется. В случае регресса, деградации, инволюции круг взаимопосредствования *сужается, сжимается* вплоть до шагового перехода на ступень ниже, на более низкий уровень развития. С помощью диаграммы можно объяснить и феномен смерти или гибели живого организма, существа, человека. В случае смерти или гибели круг опосредствования исчезает или сужается до самого низкого уровня, соответствующего элементарным формам жизни.

Эволюция и революция в человеческом обществе

Человеческая история — *продолжение* истории живой природы и в качестве такового она не хуже и не лучше последней. Как и в истории живой природы, в ней есть место для эволюций и революций. Она — арена эволюционных и революционных процессов.

В последние два-три века в связи с известными историческими событиями, процессами понятия эволюции и революции стали предметом ожесточенных споров и дискуссий. К ним, как ни к каким другим понятиям, применим тезис Гоббса: если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Консервативно настроенные люди вообще против любых изменений: и революционных, и эволюционных. Умеренные эволюционисты за постепенные изменения-преобразования, за реформы, но против революций. Революционеры, конечно, за революционный путь преобразования общества, хотя они не отвергают и путь реформ (но только не вместо революции, а после нее). И, наконец, ультрареволюционеры-ультралибералы за перманентную, непрерывную революцию и против эволюционных изменений-преобразований. Крайние взгляды, нужно, безусловно, отсечь как абиотические, противоестественные, антигуманные. Умеренные взгляды с той и другой стороны заслуживают того, чтобы относиться к ним серьезно. Сторонники социальной эволюции утверждают, что для общества как большой массы, статистического ансамбля людей наиболее естественны, соразмерны медленные, постепенные изменения. Сторонники социальной революции утверждают, что общество подобно живому организму имеет устойчивую форму, организацию, которую можно изменить лишь скачком, т. е. что переход от одного способа организации общества к другому невозможен эволюционным путем. Те и другие правы по-своему. Каждый из них видит общество с одной стороны. Эволюционисты слишком большое значение придают содержанию, считают, что его изменением можно добиться всего, а форму предлагают не трогать, не изменять. Революционеры, напротив, преувеличивают значение формы, считают, что от ее изменения зависит все, а содержание — это такое приложение к форме, которое автоматически меняется вслед за изменением формы. Эволюционисты "молятся" на старое, потому что

оно старое. Революционеры "молятся" на новое, потому что оно новое.

Революция без эволюции — социальное потрясение, катастрофа.

Эволюция без революции — социальный застой, болото, где все гниет и разлагается.

Сторонники эволюции и революции должны осознать, что для общества в равной степени важны революция и эволюция, и договориться друг с другом. Ожесточение споров, войн белых и красных должно уйти в прошлое. Приверженцы старого пусть знают, что новое рано или поздно придет на смену старому или потеснит его; с ним лучше разбираться спокойно, по-человечески, без крови и насилия, лучше договариваться, а не драться. Сторонники нового пусть знают, что насилие над старым, торопливость, забегание вперед может обернуться поражением нового. Опыт Октябрьского переворота в России показывает также, что новое не всегда является действительно новым, т. е. поднимающим жизнь общества на более высокую ступень становления. Это "новое" может быть движением в сторону или даже движением назад (как в случае, например, с исламской "революцией" в Иране). Октябрьский переворот не был по-настоящему революцией. Ведь даже согласно Марксу революции — локомотивы истории¹. А результаты и последствия Октябрьского переворота не таковы. Коммунистическая Россия все время плелась в хвосте мирового прогресса, была фактически, за малым исключением, паразитом мирового прогресса. Знаменитый лозунг 30-ых годов "Догоним и перегоним!" так и не был реализован. Да, Октябрьский переворот привел к серьезным изменениям в жизни России. Но были ли эти изменения восхождением от низшего к высшему? Нет, конечно.

Оказывается, *не все, что люди называют революцией, на самом деле является революцией*. Общественные потрясения и государственные перевороты сами по себе не являются революциями. Революция — такое изменение формы общества (общественного строя), которое ведет к переходу от низшего к высшему. Всякое другое употребление слова "революция" является осознанным или неосознанным искажением его смыс-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 86.

ла, политической спекуляцией или наивной демагогией.

Оценить тот или иной общественный процесс как революцию можно скорее всего лишь ретроспективно, задним числом, по прошествии определенного, достаточно длительного времени. (Выше мы говорили, что революция имеет смысл революции лишь в логической связке с эволюцией. Она должна быть подготовлена эволюцией и проверена, испытана на прочность эволюцией же.)

3.6. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ

Деятельность, субъект, объект образуют *семейство* категорий. Субъект и объект — крайние члены семейства. Деятельность связывает их и потому является ключевой категорией в этом семействе.

Как *семейство* категорий деятельность, субъект и объект располагаются, с нашей точки зрения, в координатах двух пар категорий: возможности и действительности, внутреннего и внешнего¹.

3.6.1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Категория деятельности отражает особую форму бытия, присущую живому. Она характеризует *взаимоопосредствование* возможности и действительности, внутреннего и внешнего.

В аспекте действительности деятельность выражает *сущность* субъекта.

В аспекте возможности она выступает как *свобода*.

Со стороны внутреннего к деятельности примыкает *субъект*, а со стороны внешнего — *объект*.

Интуитивно ясно, что субъект воплощает внутреннее в деятельности, а объект — внешнее. Этимология слов говорит о том же. “Субъект” происходит от латинского *subjectus* — лежащий внизу, находящийся в основе, от *sub* — под и *iacio* — бросаю, кладу осно-

¹ Внутреннее и внешнее здесь понимаются обобщенно — как внутреннее противоречие, необходимость, закон, порядок и т. п., с одной стороны, и как внешнее противоречие, случайность, явление, хаос и т. п., с другой.

вание. “Объект” — от позднелатинского “objectum”, а это последнее от латинского “objicio”, от корней “ob” — против, и “jacere” — бросать, т. е. противоположащий.

Кроме того, в этимологии этих слов (sub и ob) угадывается их соответственность тождеству и противоположности.

Деятельность — такая форма отношения (взаимодействия) вещей, когда одна из “вещей” становится *субъектом* деятельности (организмом), а другие вещи по отношению к ней приобретают статус *объекта* деятельности (становятся *предметами* и в целом *средой* для организма). Как реальная форма бытия “вещей” деятельность возникает на стадии *живой* природы. Неорганические тела, вещи не осуществляют никакой деятельности. Она присуща только сложноорганизованным образованиям и связана с процессами *отражения (информации)* и *управления*.

Деятельности, кроме сущности и свободы, соответственны такие категориальные формы, как сложное противоречие, организм, поведение, развитие. *Реально* деятельность осуществляется, “функционирует” лишь в неразрывной связи с ними. Если мы видим организм (а не просто тело), то, значит, он осуществляет деятельность. Если мы наблюдаем процесс развития, то это значит, что он протекает в рамках деятельности организма и т. д.

Деятельность, как и указанные категориальные формы, бывает разной степени сложности. Простейшей формой деятельности является жизнедеятельность одноклеточных организмов. А самой сложной формой из известных — человеческая деятельность. К сожалению, до сих пор некоторые исследователи рассматривают деятельность как специфически человеческую форму отношения к окружающему миру. Это — устаревшее понимание деятельности¹. Оно препятствует ее осмыслению как категории мышления и, соответственно, как “формы бытия”, включенной в естественную систему категориальных определений мира. Современная наука далеко ушла от антропоцентрической точки зрения и обобщила многие понятия, которые носили антропоморфный характер. Здесь прежде всего следует упомянуть понятия силы и энергии, затем понятия

¹ См., например: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.151.

управления и информации. Настал черед обобщить и понятие деятельности, тем более, что оно самым тесным образом связано с последними, имеет с ними, в сущности, один уровень общности.

Все больше исследователей приходит к пониманию того, что категория деятельности имеет более общий характер, чем принято думать. Об этом пишет М. В. Демин — автор специальной монографии о деятельности. По его мнению "многие исследователи" распространяют "понятие деятельности на всю область органической природы"¹. Он, в частности, ссылается на психолога А. Н. Леонтьева, который, не отрицая специфики деятельности на человеческом уровне, утверждал, что деятельность присуща всему органическому миру.

На следующей странице дана *диаграмма (структурная схема) человеческой деятельности*. Как видно из схемы, категории "цель", "средство", "результат" развертывает деятельность в плане возможности и действительности (по вертикали), а категории "субъект" и "объект" в плане внутреннего и внешнего (по горизонтали).

Категории "цель" и "результат" выражаются в понятиях "*целенаправленность*"² (движение от постановки цели к результату) и "*целеполагание*" (движение от достигнутого результата к новой цели).

Ясно, что человек и высшие животные осуществляют свою деятельность в рамках целеполагания и целенаправленности, т. е. для них "цель", "средство", "результат" — вполне различимые и значимые моменты деятельности.

А как быть с простейшими живыми организмами, растениями, у которых нет и намека на целеполагающую и целенаправленную деятельность? Ясно, что и у них в примитивной форме есть то, что лежит в основе целеполагания и целенаправленности.

Мы имеем в виду *целесообразность*. Она свойственна *всему живому*.

"Можно считать установленным, — пишет в этой связи М. В. Демин, — что всякая деятельность имеет

¹ Демин М.В. Природа деятельности. М., 1984. С. 10.

² Близким по смыслу к этому понятию является понятие "целестремленность". Мы выбрали "целенаправленность" как более "спокойный", эмоционально нейтральный термин.

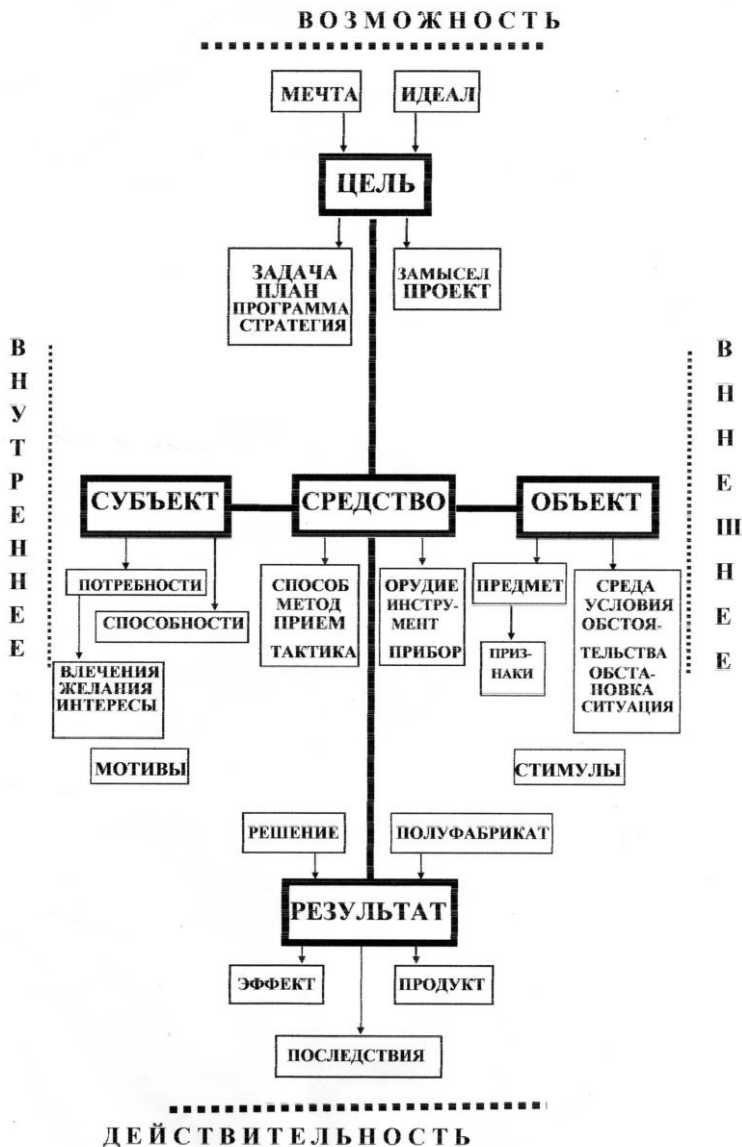

Рис. Диаграмма (структурная схема) ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

целесообразный характер, направлена на достижение определенного результата и связана с движением к некоторой цели. По этой причине целесообразность необходимо должна быть включена в определение деятельности. Понятие "целесообразность" очень сложно и многозначно, оно антропоморфно и имеет известный телеологический оттенок; академик П. К. Анохин применяет в своих работах термин "полезность конечного эффекта". Однако большинство идет по пути использования сложившейся терминологии, считая, что легче уточнить смысл традиционного понятия"¹.

Целесообразность лежит в основе всякой деятельности, а целеполагание и целенаправленность являются как бы надстроечными элементами, развивающими и дифференцирующими целесообразность. Эти "надстроечные элементы" выражаются или сводятся к триаде "цель-средство-результат". В этой триаде «цель» отчетливо принадлежит к "возможной" составляющей деятельности а «результат» — к «действительной» составляющей. "Средство" же является *посредствующим* звеном между целью и результатом, иными словами, *опосредует* цель и результат. В более широком смысле средство является тем элементом деятельности, с помощью которого осуществляется *взаимоопосредствование* возможности и действительности. (Напомним, что деятельность есть *взаимоопосредствование* указанных категориальных форм. Средство и служит таким опосредствующим фактором. Сама этимология слова говорит за это.)

Средство является посредствующим звеном не только между целью и результатом, но и между субъектом и объектом. Оно опосредует субъект-объектное отношение или, шире, отношение между внутренним и внешним. Без этого опосредствования нет освоения субъектом объекта, а, следовательно, нет и деятельности. По тому, насколько развиты и совершенны средства, можно судить о степени развития и сложности деятельности, о глубине освоения субъектом объекта.

Благодаря средству деятельность осуществляет *взаимоопосредствование* внутреннего и внешнего. Субъект и объект — это опосредованные и опосредуемые внутреннее и внешнее. Чем сложнее и совершеннее деятельность, тем глубже она опосредует, охватывает субъект и объект; субъект становится

¹ Демин М. В. Природа деятельности. М., 1984. С. 11.

все больше деятельным, культурным, а объект все больше вовлекается в орбиту деятельности субъекта, осваивается, окультурируется. Внутренняя культура субъекта и культура окружающей среды, культурная среда — вот что создает, формирует, "делает" деятельность.

Подобно движению от цели к результату и от достигнутого результата к новой цели есть и движение от субъекта к объекту и от объекта к субъекту. В своих развитых формах это движение воплощается в практической, управляюще-преобразовательной деятельности (движение от субъекта к объекту, "опредмечивание") и научно-познавательной деятельности (движение от объекта к субъекту, "распредмечивание"). На схеме "*Виды человеческой деятельности*" (см. следующую страницу) наглядно показана двусторонняя связь между субъектом и объектом. Если познание и практика — *противоположно* направленные формы связи субъекта с объектом, то игровая (художественная и спортивная) деятельность — *промежуточная* форма связи. Не являясь по-настоящему ни познавательной, ни практической деятельностью, она включает в себя элементы той и другой. В сфере субъекта ей соответствует чувство (эмоция), занимающее промежуточное положение между знанием и потребностью.

3.6.2. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТЬ

Целесообразность, целеполагание и целенаправленность не только развертывают деятельность в плане возможности и действительности, но и в определенном смысле связывают, опосредуют внешнюю и внутреннюю стороны, факторы деятельности.

Так, целесообразность можно рассматривать как «комбинацию» (взаимоопосредствование) *причинности*, относящейся к миру явлений, и *законосообразности*. Она, с одной стороны, имеет вид причинности (одно полагается другим, например, функция или орган живого организма имеет основание не в себе, а в целом), с другой, она имеет замкнутый вид, заиклена (та же функция или орган существуют и развиваются на основании собственных законов). Или возьмем такой пример: мы моем яблоки перед едой. Воздействуя на них

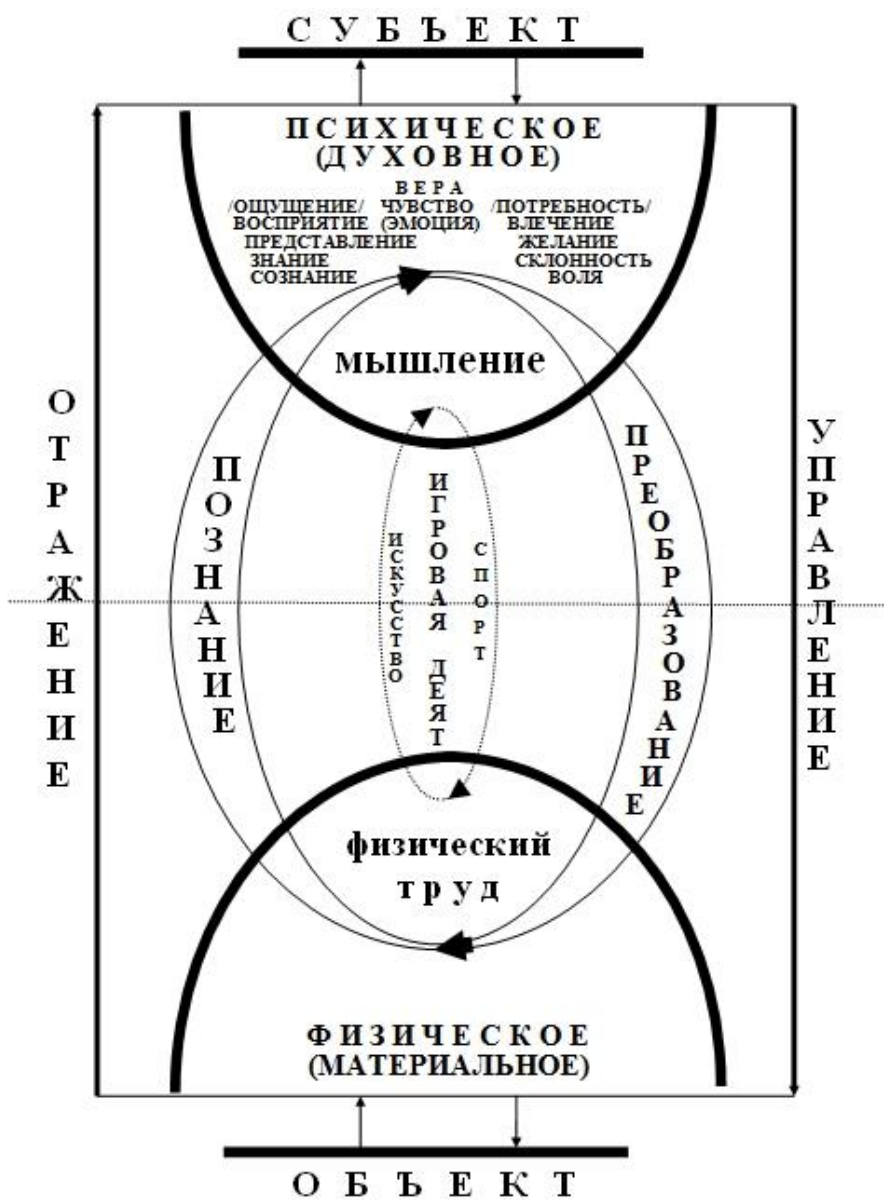

Рис. 28. Схема “Виды человеческой деятельности”

таким образом, мы запускаем "механизм" причинной связи: одно явление — мойка — вызывает другое явление — очищение поверхности яблок от грязи и микробов. Второе есть следствие первого. В то же время это второе заранее предполагалось в качестве цели мойки. Причинно-следственная связь как бы замкнулась на себе, заиклилась. В результате действия субъекта оказываются *целесообразными*, буквально соответствующими цели, а не просто цепью причин и следствий.

Заслуживают внимания попытки объяснить "механизм" целесообразности с помощью понятий биокибернетики. "Новые аспекты проблемы органической целесообразности, — пишет И.Т. Фролов, — раскрывает развитие биокибернетики, в частности принцип обратной связи, согласно которому в живых системах происходит обратное воздействие конечного эффекта, результата процесса на его исходный пункт, начало. Отношение целесообразности выступает здесь как специфическая форма взаимодействия, позволяющая обнаружить определенную направленность процессов, их обусловленность конечными результатами, представляющими в качестве целей (разумеется, речь идет не о сознательных целях, а лишь об их аналогах, объективных по самой своей природе). Условность подобного использования понятия целесообразности не является осознанием для отказа от него"¹. Обратная связь является одним из факторов, превращающих простую причинную связь явлений в целесообразную деятельность.

(Следует заметить, что автоматическое устройство, хотя в нем и используется принцип обратной связи, не осуществляет целесообразной деятельности, так как оно лишь средство человеческой деятельности, а не цель сама по себе. Живые организмы, в отличие от автоматов, имеют цель сами в себе, являются, как еще отмечал Гегель, причиной самих себя, *causa sui*).

Обратная связь означает постоянное соотношение цели с промежуточными результатами. По смыслу своему она является опосредствующим звеном между целью и результатом, т. е. ее роль аналогична роли *средства*. Отрицательная обратная связь, по всей видимости, играет роль *корректирующего* средства. Положительная обратная связь — роль *усиливающей*

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 762.

го средства.

Категория цели, как основание целеполагающей и целенаправленной деятельности, — не только достояние человеческого сознания, но необходимый элемент всякой психической деятельности. Когда парящий в небе орел видит на земле бегущего зайца, то он устремляется к зайцу как к цели. Орел ставит перед собой общую цель (образ зайца, имеющий значение цели), ищет и выбирает конкретную цель (соотносит конкретный образ бегущего зайца с общим образом-целью) и затем стремится достичь ее. Ориентировочная деятельность, свойственная не только человеку, но и животным, имеющим психику, *в принципе* невозможна без целеполагания и целенаправленных действий. Говоря об этом, мы, однако, не ставим знак равенства между человеческими целями и целями животных. Между ними имеется глубокое качественное различие. Человеческая деятельность на порядок выше деятельности самых развитых животных. Об этом можно судить хотя бы по таким признакам человеческого целеполагания как способность мечтать или выдвигать идеи. У животных цели имеют, так сказать, конкретно-ситуативный характер. Они не "заглядывают" далеко в будущее.

Цель жизни

Жизнь — это деятельность вообще, совокупная деятельность живого организма, существа, жизнедеятельность в самом глубоком смысле этого слова. У живых организмов и живых существ она — биологическая форма деятельности, у человека — биосоциальная форма.

На фоне жизни как общей, интегральной деятельности человек осуществляет специальные или специализированные формы деятельности, такие как общение, познание, практическая деятельность, труд, отдых и т. д. Эти формы деятельности существуют и развиваются лишь в общем контексте жизни, жизнедеятельности субъекта.

Цель "задает" целостность деятельности. Если это цель жизни, то она определяет целостность жизни. У человека, не имеющего цели жизни, и жизнь не реализуется как органическое целое в биосоциальном, т. е. человеческом смысле. "Жизнь без цели — человек без головы" — гласит народная мудрость.

Не всякий человек ставит перед собой цель жизни, но если ставит, то этим человек полагает ее как *целенаправленную* деятельность.

Вообще в реальной жизни существует целое *дерево целей*. Цель жизни — это главная или общая цель жизни. Помимо нее существуют либо подчиненные, промежуточные, либо побочные цели. Подчиненные и промежуточные цели — это цели, осуществление которых открывает путь к главной цели жизни, приближает к ней. Побочные или параллельные цели — это цели, которые формируют всю «кухню» жизни, обуславливают полноценное гармоническое развитие человека. В своей сумме они не менее важны, чем главная цель жизни (например, цель укрепить здоровье средствами физической культуры, построить дом, различные увлечения, хобби). В некоторых ситуациях возникает конфликт между главной целью жизни и побочными целями. Этот конфликт может завершиться либо победой главной цели жизни, либо победой побочных целей.

Главная цель жизни — это цель, осуществление которой оправдывает жизнь человека в целом, как личности, субъекта, стоящего где-то наравне с обществом, осознающего свои цели как цели человека вообще или цели того или иного сообщества людей. В главной цели жизни по логике вещей сливаются воедино стремления человека как индивидуума и цели общества.

Проблема определения цели жизни сродни проблеме выбора профессии. Более того, первая является, как правило, продолжением второй. В формировании цели жизни "участвуют" и случайность, и необходимость, и внешние обстоятельства, стимулы, и внутренние побуждения, мотивы. В некоторых случаях бывает и так, что человек не останавливается на выборе какой-то одной цели жизни (яркий пример: две жизни А.П. Бородина как композитора и химика).

Если цель поставлена, то она становится законом деятельности, категорическим императивом, необходимостью, которой человек подчиняет свою волю.

Таким образом, мы видим две стороны сознательной жизнедеятельности: *целеполагание* (поиски цели, выбор цели) и *целенаправленность* (целеустремленность, движение к цели, вернее, от цели к результату). Обе стороны важны для человека в равной степени.

Понимая важность цели и связанных с ней целеполагания и целеустремленности, не следует, однако, абсолютизировать ее. *Жизнь в некотором смысле есть единство цели и бесцельности*, т. е. единство организованности и неорганизованности, труда и отдыха, напряжения и расслабления. Бесцельность реализуется прежде всего в том, что наряду с главной целью жизни существует множество побочных целей. Поиск и реализацию побочной цели (и вместе с тем отвлечение от главной цели) можно интерпретировать как бесцельность. Говорят же, что нельзя все время работать, думать об одном, что нужно отвлекаться, развлечься, отдохнуть, снять напряжение, переключиться на другой род деятельности. Не случайно современный человек все больше внимания уделяет побочным занятиям, хобби, интуитивно сознавая, что напряжение труда, главной цели, главного дела жизни может просто уничтожить его.

Нужно также иметь в виду, что жизнь человека не всегда протекает на уровне целеполагания и реализации целей. Человек может совершать целесообразные действия, минуя стадию целеполагания, чисто инстинктивно, безотчетно. Например, потребность в отдыхе, сне может «реализоваться» в виде цели (поисков ночлега и т. п.) или непосредственно — человек незаметно для себя уснул в метро. Или такой пример: когда человек случайно касается рукой горячего предмета, то он отдергивает ее — здесь совершенно целесообразное действие, но нет целеполагания и сознательного стремления к цели.

Когда возникает необходимость целеполагания? Вероятно тогда, когда между потребностью и ее удовлетворением имеется какое-то препятствие (не очень большое, но и не очень маленькое) или для удовлетворения потребности нужно совершить сложные ориентировочные действия.

3.6.3. СУБКТЕГОРИИ ЦЕЛИ, СРЕДСТВА И РЕЗУЛЬТАТА

В структурной схеме (см. рис. выше, на стр. 321) главными категориями определены *цель, средство, результат, субъект и объект*. Вокруг каждой категории группируются более частные категории и понятия, которые удобно именовать субкатегориями. Категория цели, например, является родительской категорией, группирующей вокруг себя такие понятия, как *мечта, идеал, план, программа, стратегия, задача, проект*,

замысел.

Как видно из схемы, вертикальная ось "*цель-результат*" делит "пространство" между субъектом и объектом на две половины. Соответственно понятия, подчиненные цели, средства и результату, делятся на две группы, «размещаются» влево от вертикальной оси (ближе к субъекту) и вправо от оси (ближе к объекту). Первую группу понятий будем называть *субъектными* целями, средствами, результатами; вторую группу понятий — *объектными* целями, средствами, результатами. Так, *план, программа, задача, стратегия* относятся в основном к действиям субъекта, а *проект, замысел* ориентированы на объект, точнее, характеризуют воображаемый, мыслимый *предмет*. *Мечта* ориентирована на желательные изменения в жизни субъекта, а *идеал* указывает на объект, предмет как цель стремлений или образец для подражания (этот объект, предмет может быть воображаемым и тем не менее субъект отделяет его от себя).

Способ, метод, прием, алгоритм, правило являются субъектными средствами, так как они относятся к действиям субъекта, характеризуют их содержание, порядок, последовательность. А *орудие, инструмент, прибор* и т. п. являются объектными средствами, т. е. являются теми или иными *предметами*, используемыми в качестве средств.

Решение и эффект являются субъектными результатами (результатами действий субъекта), а *полуфабрикат, продукт, изделие* — объектными результатами (в виде тех или иных *предметов*).

Субкатегории цели, средства и результата можно классифицировать не только по линии "субъект-объект", но и по линии "верх-низ" (цель-результат). Наиболее удалены от результата такие субкатегории цели, как «мечта», "идеал". Они соответственно помещены над ней (дальше от результата).

В самом деле, *мечта* это лишь слабый проблеск цели, "проект", нечто весьма эфемерное, далекое еще (или просто далекое) от осуществления. Если сама цель действительно "требует" поиска средств или даже предполагает их наличие, то *мечта* не "думает" или еще не "думает" о средствах, не "ищет" их, она в некотором смысле "беззаботна" и может быть совершенно оторвана от действительности (вспомним маниловские мечтания, вошедшие в поговорку и заклеянные как

"маниловщина"). С точки зрения возможности своего осуществления мечта носит еще в значительной мере случайный (маловероятный) характер. Цель в собственном смысле — это уже такая возможность, которая наряду с элементом случайности содержит в себе и элемент необходимости (выше говорилось о цели как "законе" деятельности). Цель, конечно, может и не осуществиться, но человек рассматривает ее как необходимость и предпринимает для ее осуществления серьезные, порой весьма рискованные шаги.

Итак, мы указали на большую удаленность мечты от действительности по сравнению с целью, что, однако, не обесценивает ее. Если говорить по большому счету, то следует сказать, что мечта совершенно необходима для целеполагания и целеустремленности. *Всякая большая цель начинается с мечты и "подогревается» ею, пока не достигнута.*

Примерно то же можно сказать об *идеале*. Он выражает стремление человека к совершенству и совершенному. Поскольку совершенствование беспредельно, постольку и идеал кажется недостижимым. Тем не менее, человек, не останавливающийся на достигнутом, всегда стремится к идеалу. Л. Н. Толстой как-то сказал: "Идеал — это путеводная звезда. Без нее нет твердого направления, а нет направления, нет и жизни".

Теперь, если взглянем на место ниже цели слева, то увидим такие понятия, как *план, программа, задача, стратегия*. Они и по смыслу своему "стоят" где-то между целью и средством (со стороны субъекта). План — это конкретизация цели с точным указанием промежуточных этапов (заданий, целей), сроков их прохождения и достижения цели. План может по своему содержанию приближаться к программе. Последняя — это уже в определенном смысле *цель-средство*. Она включает в себя помимо того, что есть в плане, и указание на некоторые общие средства достижения цели, общие алгоритмы деятельности. В то же время "программа" не предусматривает *весь* объем средств для достижения цели, не детализирует их. (Сравним, например, программу и устав партии. Программа — это в основном целевая установка партии на длительный период, содержащая "дерево" целей; а Устав — это конкретные организационные принципы деятельности партии и кодекс поведения членов партии).

В самом низу структурной схемы располагаются субкате-

гории, характеризующие результативную сторону человеческой деятельности. Возьмем *решение*. С одной стороны, решение — это уже какой-то результат (при решении математических задач решение полностью совпадает с результатом). А с другой, в контексте реальной деятельности, предусматривает кроме мыслительных операций и какие-то физические действия по достижению результата, между решением и результатом всегда существует определенная дистанция. Мы знаем из практики, что не всякое решение выполняется или выполняется, но не полностью, переход от решения к реальному результату — извечная проблема хозяйствования. Таким образом, решение еще не вполне является результатом (этакий "недорезультат") и его место на структурной схеме непосредственно над категорией "результат" слева, между средством и результатом. Решению соответствует объектный "недорезультат" — *полуфабрикат*.

Субкатегория "*последствия*" располагается на схеме ниже субкатегорий "аффект" и "продукт". И по своему реальному содержанию она является как бы результатом результата, вторичным, третичным, четвертичным и т. д. результатом. Говорят еще об *отдаленных* последствиях. Люди, стремясь к получению непосредственных результатов — эффекта и продукта, не всегда думают о последствиях своей деятельности. Они порой живут, действуют по принципу: "после меня хоть потоп". На самом деле, в перспективе жизни учитывать последствия не менее важно, чем ставить цели и добиваться конкретных результатов. Например, сейчас перед обществом остро стоит проблема *охраны окружающей среды*. Она возникла как раз в результате деятельности людей, ориентировавшихся раньше на непосредственные итоги (такие-то продукты, такие-то полезные эффекты).

Таким образом, система субкатегорий цели, средства и результата, изображенная на структурной схеме, наглядно показывает, каким должно быть мышление человека, когда он рефлексирует по поводу деятельности, когда он ставит цели и стремится к их достижению.

3.6.4. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ

В структурной схеме *субъект* и *объект* изображены как

субкатегории деятельности, как ее стороны, моменты. На самом же деле это не совсем так. Хотя, безусловно, деятельность "делает" субъект субъектом, а объект объектом, они все же не входят целиком в состав деятельности как ее моменты. Взаимоотношения субъекта и объекта, их взаимодействие *шире* собственно деятельности. Объект действует на субъект не только в рамках деятельности последнего, но и просто как стихийная сила, т. е. абсолютно независимо от субъекта и его деятельности. С другой стороны, субъект может воздействовать на объект не в рамках деятельности, а как одно материальное тело воздействует на другое или другие, лишь в силу своего присутствия.

В этой связи более правильно располагать субъект и объект *около*, по обе стороны категории деятельности и присоединять к ней *незамкнутыми* линиями (скобками). Указанные категории, с одной стороны, не включены непосредственно в объем категории деятельности, а, с другой, явственно относятся к ней, определены ею.

Высказанные замечания по поводу частичной включенности субъекта и объекта в деятельность носят принципиальный характер, это особенно касается категории "объект". Философы, явно или неявно абсолютизирующие категорию деятельности, рассматривают объект только как включенный в деятельность и, следовательно, зависимый от субъекта. Они, конечно, правы в том, что *в деятельности* субъект и объект *взаимозависимы*, связаны, так сказать, одной "веревочкой". Однако, если рассматривать указанные категориальные формы в более широком контексте — всей реальности, мира в целом, то их взаимозависимость не кажется абсолютной. За пределами деятельности она превращается в более или менее одностороннюю зависимость — субъекта от объекта (объективного мира). Можно сказать так: субъект в конечном счете зависим от объекта, определяется им, а объект в конечном счете независим от субъекта, существует сам по себе. Субъект, правда, может *называть* весь мир объектом своей деятельности. Но мир от этого наименования не становится на самом деле объектом. И даже от деятельности субъекта он не становится таковым. Объектом становится лишь какая-то ничтожная часть мира, то что называют окружающим миром.

Применительно к миру в целом объект часто называют *объективной реальностью, объективным миром*. В этом каче-

344

стве он справедливо характеризуется как независимый от субъекта (человека и человечества).

Итак, субъект и объект в их категориальном значении *со-размерны* деятельности. Это, в частности, означает, что они “функционируют” не только как человеческие категории, но и вообще как категории живого. Поскольку любое живое взаимодействует с окружающей средой в форме деятельности, постольку оно выступает по отношению к ней как субъект по отношению к объекту. Конечно, нам трудно представить, что какая-нибудь амеба или растение являются субъектами. Но это так, поскольку они *живут*, т. е. осуществляют деятельность. Во взаимоотношениях амебы, растения с окружающим миром неизбежно возникает контрпозиция “субъект-объект”, т. е. одно (организм) — нечто активное, действующее, осуществляющее выбор, а другое (окружающая среда) — нечто воспринимаемое, изменяемое, преобразуемое, являющееся объектом воздействия-выбора.

Раз возникнув, субъект-объектные отношения развивались-усложнялись по мере развития-усложнения живого. Субъектность одноклеточного организма минимальна. А вот субъектность высшего животного по многим параметрам приближается к субъектности-субъективности человека. Высшее животное имеет развитую психику и, следовательно, осуществляет сложную целеполагающую-ориентировочную-предметную деятельность, делающую его субъектом без всяких оговорок.

В дальнейшем будем говорить о субъекте-человеке и объекте его деятельности.

Субъект

Субъект-человек имеет ярко выраженную двойственную природу. С одной стороны, он субъект-индивид, а, с другой, совокупный субъект: от минимальной группы людей, каковой, скажем, является семья, до человеческого общества в целом, человечества. В этом дуэте субъектов отдельный человек, естественно, играет первую скрипку, является первичным субъектом.

В языке двойственная природа человека-субъекта проявляется в том, что слово “человек” употребляется как в разделительном, так и в собирательном смысле. В разделительном смысле “человек” — индивидуум, личность, живое существо.

В собирательном смысле “человек” — человечество, человеческий род, человеческое общество (например, в высказывании “человек осваивает космос”).

Между тем и другим “человеком” существует определенная дистанция, которая в практике словоупотребления обозначается как противоположность “человек—общество” (или: “личность—общество”, “индивид—род”, “я — мы” и т. д.). Слово “человек” чаще всего употребляется в разделительном смысле. В собирательном же смысле обычно употребляется слово “общество”.

Человек-общество — двойной субъект, в котором определяющую роль играет человек. Человек — первичный субъект, общество — вторичный. Человек “светит” своим светом, общество — отраженным. С другой стороны, эти два субъекта, как два магдебургских полушария, неразделимы. Человек для себя — субъект во всех отношениях. Общество не является субъектом для себя и тем более субъектом во всех отношениях. Для человека общество — отчасти объективная реальность, отчасти часть его самого. По отношению к природе общество — субъект; оно действует, преобразует природу, но по отношению к человеку оно и объективно, и суть нечто зависимое, являющееся, как мы уже говорили, частью человека. Например, наука, часть общества, не может существовать без отдельных ученых. Последние делают науку наукой! Или: философия, как коллективное мышление, с одной стороны, существует вроде бы независимо от отдельного философа, а, с другой, не существует вне мышления отдельных философов. Она может существовать независимо от отдельного философа (взятого в единственном числе), но не может существовать независимо от *множества* отдельных философов.

Совокупный субъект существует благодаря *общению* субъектов-индивидов. Общение — особая форма деятельности. Она осуществляется исключительно между субъектами. Ее особенность в том, что субъекты последовательно-попеременно и/или параллельно играют роль объектов друг для друга.

Объект

Объект является родовым понятием (родительской категорией), группирующим вокруг себя целый ряд понятий, таких как *предмет, среда, условия, обстоятельства, обстановка*.

Субъект непосредственно направляет свои усилия не на весь объект, а лишь на его "часть", которую обычно называют предметом. Последний в буквальном смысле есть то, что *метит* в глаза, что стоит *перед* субъектом. Предмет является либо объектом познания, либо объектом преобразовательной, предметной деятельности человека. Он — то в объекте, на что *направлено* в первую очередь или в данный момент внимание субъекта как познающего или практического деятеля.

Следует отличать *предмет* от *вещи*, тела, отдельного материального образования. Не всегда границы предмета совпадают с границами отдельного материального образования. Если вещь проявляет себя в отношениях с другими вещами через свойства, то *предмет* по отношению к субъекту — через *признаки*. (Совершенно недопустимо с точки зрения категориальной логики подставлять в триаду "вещь-свойство-отношение" вместо вещи предмет или вместо свойства признак. Триада "предмет-признак-отношение к субъекту" отличается от триады "вещь-свойство-отношение" *в принципе, категориально*).

Вещи, их свойства и отношения существуют независимо от каких-либо субъектов и их деятельности. А предметы и их признаки определяют себя лишь в рамках отношения "субъект-объект". Например, каменная соль обладает свойством растворяться в воде (ее жидком состоянии). Для воды это свойство каменной соли не является признаком, т. к. оно ей совершенно безразлично. Ведь вода не субъект и она не преследует каких-либо целей, чтобы воспользоваться свойством растворимости каменной соли. Для человека же свойство растворимости при определенных условиях может стать признаком. В этом случае каменная соль уже не просто материальное тело, вещь, а *предмет*, удовлетворяющий или мешающий удовлетворению потребности человека. Если человеку нужно сделать воду соленой, то он бросает туда щепотку соли, зная наперед, что она обладает признаком растворимости.

Признаком не обязательно должно быть свойство вещи. У певчих птиц признаком является пение, которое отнюдь нельзя назвать свойством (ведь и сами птицы — живые существа, а не вещи). Признаком может быть все, что характеризует предмет с точки зрения его значимости для субъекта.

Вообще говоря, триада "вещь-свойство-отношение" преобразуется в системе категорий "субъект-деятельность-объект" в

такие цепи категорий: "субъект-способность-деятельность" и "предмет-признак (функция)-отношение к субъекту (функционалирование)".

Итак, предмет — это "часть" объекта, на которую направлено внимание субъекта и с которой он "работает", непосредственно "имеет дело". А что же представляет собой другая "часть" объекта? Это, по-видимому, такая "часть", которая принимает "участие" в деятельности субъекта, влияет на его судьбу, но на которую непосредственно не направлено внимание субъекта и он не "работает" с ней. Эту "часть" объекта называют по-разному: *средой, условиями, обстоятельствами, обстановкой, ситуацией* и т. д. Обычно проводят различие между благоприятными и неблагоприятными условиями, обстоятельствами. Благоприятные условия способствуют деятельности субъекта, неблагоприятные — мешают.

Среда, условия, обстоятельства, обстановка, ситуация

В истории человеческой мысли всегда остро стояла проблема: в какой мере обстоятельства влияют на человека, а человек может повлиять на обстоятельства. Является ли человек марионеткой в "руках" обстоятельств или же он — хозяин своей судьбы?

В XIX и XX веках значительное распространение получила концепция, которая преувеличивала значение обстоятельств в жизни людей. Эта концепция имеет разные обличья. Наиболее известное — марксистский социализм. Последний так или иначе связан с переоценкой значения *обстоятельств* в жизни людей и, соответственно, с недооценкой влияния *людей* на обстоятельства. Показательно такое высказывание К. Маркса: "Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, обстоятельства сделать человеческими".

Относительно первой части высказывания можно заметить, что К. Маркс, к сожалению, был не одинок в подобной оценке человека. В его время это было почти всеобщее убеждение. Достаточно указать на Песталоцци И.Г., знаменитого педагога, основоположника теории начального обучения. Последний утверждал: "Человека образуют обстоятельства". Теперь-то мы знаем, что всё не так просто. Влияние обстоятельств, безусловно, имеет место. Но и человек оказывает не меньшее влияние на обстоятельства. Более того, нередко он действует ***вопреки*** тем или иным обстоятельствам. Вполне справедливо

может быть такое утверждение: “Человек только тогда достигает чего-либо, когда он оказывается сильнее обстоятельств”. Для меня это утверждение, сформулированное еще в юности, имеет значение жизненного принципа.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ОШИБКИ И ПЕРЕКОСЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

(их отрицательные эффекты, категориальная путаница, смешение категориальных форм, необходимость корректировки категориального мышления)

4.1. "Крены", абсолютизация одних категорий в ущерб другим

Итак, в самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок. Если мы бессознательно пользуемся стихийно сложившейся категориальной логикой мышления, то спрашивается, зачем нужно еще открывать ее, строить адекватную систему философских категорий? Дело в том, что настоящая "отдача" категорий мышления как идеальных орудий деятельности возможна лишь при условии осознания их в системе. Стихийное, полусознанное использование категорий чревато постоянными "кренами", абсолютизацией одних категорий в ущерб другим. **Философы часто напоминают начинающих или плохих ездоков на лошади: сползают то на правый, то на левый бок, то вперед, к шее лошади, то назад, к ее крупу.**

Осознание категориальной логики в ходе исторического развития человеческой мысли протекало неравномерно. Отсюда, в частности, разногласия философских учений и взглядов. Категориальная культура мышления может быть основана только на достаточно полном и уравновешенном представлении о системе категорий мышления, а через нее — об объективной системе форм бытия, категориальных определений мира.

Другой причиной кренов, перекосов, ошибок категориального мышления является то, что категории мышления выражаются в словах, а слова имеют «свойство» быть многозначными.

4.2. О многозначности слов, выражающих категории мышления

Трудность исследования и использования категорий состоит в том, что их языковые носители — слова — употребляются неоднозначно в языковой практике, в философской и научной литературе. Наряду с категориальными значениями функционируют различные формы некатегориального значения слов, обозначающих категории. Отсутствие ясного понимания этого факта приводит к путанице понятий, к смысловым искажениям категорий.

Практически нет ни одной категории, которая выражалась бы однозначным словом-термином.

Слово "материя" имеет помимо категориального такие частные значения, как "вещество", "ткань".

Слово "движение" нередко употребляется в частном значении "перемещение" (см. раздел физики "механика").

Слово "противоречие" употребляется в значении "логическое противоречие", а также в значениях слов "парадокс", "несоответствие", "столкновение", "конфликт".

Слово "становление" — в значениях "восходящая ступень развития", "генезис", "формирование".

Слово "качество" — в значениях "свойство", "черта", "признак", "сущность", "определенность предмета вообще".

Слово "количество" — в частных значениях "число", "множество".

Слово "мера" — в значениях "единица, средство измерения", "мероприятие".

Слово "пространство" — в частных значениях "вместилище", "промежуток между чем-нибудь", "место, где что-нибудь помещается".

Слово "время" — в частном значении "промежуток той или иной конечной длительности".

Слово "действительность" — в расширительном значении "объективный мир", "реальность".

Слово "возможность" — в частных значениях "вероятность", "одна из многих возможностей".

Слово "явление" — в значениях "чудо", "необычайное событие", "исключительный феномен".

Слово "сущность" — в значениях "основа", "суть", "ядро". Слово "закон" — в значениях "юридический закон", "закон

науки", "закономерность", "закон божий".

Слово "случайность" — в значениях "вероятность", "нечаянность", "неожиданность".

Слово "свобода" — в значениях "воля", "независимость", "не быть в заключении", а также в составе слов "степени свободы", "свободная, несвязанная энергия".

Слово "необходимость" — в значениях "надобность", "потребность", "неизбежность".

Слово "эволюция" — в значениях "развитие", "становление", "цепь изменений".

Слово "развитие" — в значениях "эволюция", "становление", "прогресс".

И так далее. Как видим, слова, выражающие те или иные философские категории, являются *многозначными*. Категориальное значение для них — не единственное. Этот факт необходимо учитывать при исследовании категорий.

Слова, обозначающие категории, употребляются, по крайней мере, в трех некатегориальных значениях: 1) узком значении более частного понятия, подчиненного данной категории. Например, понятие "вещество", употребляемое в значении "материя", является частным по отношению к категории материи; 2) расширенном значении. Например, слово "качество" употребляется в значении "определенность предмета вообще" или слово "действительность" — в значении "реальность"; 3) смещенном значении понятия, представляющего другую категорию. Например, слово "мера" употребляется в значении "мероприятие" или слово "качество" — в значении "признак предмета".

Чем же обусловлена многозначность слов, обозначающих категории? Ответ следует искать в истории языка. Этимология категориальных слов восходит к синкретическим (слитным, недостаточно дифференцированным, определенным) понятийным формам-представлениям, содержание которых, как правило, намного шире содержания выкристаллизовавшихся впоследствии категорий мышления. Существование различных форм некатегориального значения слов-категорий как раз и связано с тем, что категории лишь постепенно определились в своем категориальном содержании. Эти формы — рудиментарные остатки, в которых зафиксировано содержание категориальных понятий на разных этапах их формирования как категорий.

Для того, чтобы не смешивать различные категории, нужно

разграничивать категориальное и некатегориальное значения слов, обозначающих категории.

4.3. Ошибки категориально-логического мышления

(категориальные ошибки)

Век живучи, споткнешься идучи

Поговорка

Непризнание ошибки хуже самой ошибки

Неизвестн.

Ложно лишь то, что абсолютизируется

Гегель

Людам свойственно ошибаться. С другой стороны, они стараются избегать ошибок или делать их как можно меньше.

Ошибки бывают самого разного свойства. В том числе ошибки, связанные с характером нашего мышления. Чаще всего говорят о логических ошибках или ошибках логического мышления... (насколько мне известно, ошибки мышления рассматриваются за некоторым исключением именно как логические ошибки). Однако, если внимательно посмотреть на то, что называют логическими ошибками, то можно увидеть, что в этом предмете синкретически присутствуют или смешиваются принципиально разные ошибки мышления: чисто логические ошибки, связанные с нарушением правил логического мышления (точнее, законов формальной логики), и категориально-логические ошибки, связанные с нарушением категориальной логики или логики взаимоотношения категорий мышления. Такое неразличение или смешение присутствует, в частности, в книгах А.И.Уемова «Логические ошибки» М., 1958 и «Основы практической логики», Одесса, 1997.

Категориально-логические ошибки — это чаще всего ошибки абсолютизации тех или иных категорий мышления. Они в определенном смысле были неизбежными, поскольку осознание человечеством категорий протекало, как правило, в форме их абсолютизации. Это кажется парадоксальным: мы что-то осознаем в форме ошибки, т. е. совершая при этом ошибку. Да, действительно, абсолютизации, если они не носят

крайний характер, — такие ошибки, которые могут принести пользу. Люди учатся на ошибках. Кроме того, отрицательный результат — тоже результат (отсекается неправильное, тупиковое направление поисков и благодаря этому уменьшается число вариантов, которые надо испытать-пройти). И еще: не очень большие ошибки подобны прививке — они защищают человека от совершения крупных, непоправимых ошибок. Вообще, путь человечества к осознанию-осмыслению категориальных форм весьма тернист и очень часто напоминал путь проб и ошибок. Конечно, лучше бы ошибок не совершать, но уж коли они случились, нужно относиться к ним спокойно-осмысленно.

Перекосы и крены категориального мышления — те же ошибки, но только не отдельные, а, как бы сказать, системные или совокупные, ведущие к большим искажениям-деформациям категориальной логики.

Наверное, можно говорить и о **заблуждениях категориального мышления**. Последние — это перекосы и крены категориального мышления, утверждаемые, провозглашаемые как истинные, правильные.

* * *

В том или ином виде вопрос об ошибках категориального мышления поднимался и обсуждался на протяжении всей истории человеческой мысли. Говорили о философских, метафизических ошибках, разного рода кренах, перекосах категориального мышления, о разных искажениях философии, абсолютизациях и односторонностях...

Взять хотя бы учение Ф.Бэкона об идолах-призраках. Некоторыми своими сторонами это учение очень близко подходит к указанному вопросу. По мысли Бэкона, в сознании людей, которые не заботятся об «очищении интеллекта», господствуют ложные образы или, как он их называет, «призраки» или «идолы». Что касается «идолов», то этим словом «мы обозначаем глубочайшие заблуждения человеческого ума, влияние которых заражает и извращает все восприятия интеллекта»¹. Говоря об идолах рода, порождаемых свойствами человеческого разума, Бэкон указывал прежде всего на те идылы, которые связаны с антропоморфным взглядом на природу, усматривающим повсюду цели; конечные причины «имеют

¹ Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 1, М., 1971. С. 322.

своим источником скорее природу человека, нежели природу вселенной, и, исходя из этого источника, удивительным образом искажают философию»¹. Бэкон также указывает, что способность разума к абстрагированию, отвлечению общего от частного и к систематизации, при неосторожном обращении, также может явиться источником заблуждений: «Человеческий ум по природе своей устремляется к отвлеченному и текучее мыслит как постоянное»², он «по своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит», придумывая «параллели, соответствия и отношения, которых нет»³.

Гегель не раз говорил об ошибках категориального мышления и необходимости его корректировки. Он утверждал даже, что «высшая задача логики — очистить категории, действующие лишь инстинктивно как влечения и осознаваемые духом прежде всего разрозненно, тем самым как **изменчивые и путающие друг друга** (выделено мной — Л. Б.), доставляющие ему таким образом разрозненную и сомнительную действительность и этим очищением возвысить его в них к свободе и истине»⁴. Подробнее об этом см. ниже, стр. 103-104.

Б. Рассел в «Истории западной философии» поднимал вопрос о метафизических ошибках⁵.

Можно привести десятки подобных примеров. Эта тема еще ждет своего исследователя.

4.4. Классификация категориальных ошибок

1. **Одни категории смешиваются с другими (ошибка отождествления одних категорий с другими)**. Например, качество со свойством, вещь с предметом, свойство с признаком, необходимость с неизбежностью.

2. **Одни категориальные отношения (связи) смешива-**

¹ Бэкон Ф. Новый Органон. Л., 1935. С. 120.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 118. См.: Ю.П.Михаленко. Ф.Бэкон и его учение. М., 1975. С. 130-136.

⁴ Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 88.

⁵ См.: Рассел Б. История западной философии. Т. 1. Новосибирск, 1994. С. 198.

ются с другими. Например, отношение количества с качеством нередко рассматривается как отношение причины с следствием (у Гегеля, в марксизме) или временное отношение как причинно-следственное.

3. Попытки одностороннего представления категорий (в частном значении субкатегорий). Например: материи как тела, движения как пространственного перемещения, количества как множества.

4. Попытки элиминации (удаления, устранения) отдельных категорий (например, качества, случайности, беспорядка).

5. Попытки абсолютизации отдельных категорий (например, единства, порядка, системы, закономерности, необходимости-неизбежности, материи).

Степени абсолютизации: слабая, средняя, сильная, сверхсильная.

Слабая — акцентирование внимания, подчеркивание значимости.

Средняя — преувеличение роли, примат одного над другим.

Сильная — собственно абсолютизация, возведение в Абсолют, по-русски, в нечто безусловное, безотносительное.

Сверхсильная — мистификация, обожествление, демонизация. В этом случае абсолютизация выходит за рамки философского мышления, сдвигается в сторону мистического и/или религиозного умонастроения.

4.5. Типичные категориальные ошибки

4.5.1. КАУЗАЛИЗМ

Каузуализм — абсолютизация причинности. Ошибки каузуализма обобщенно обозначаются формулой «от того, что не является причиной, к причине» (*non causa pro causa*).

Еще в раннем детстве человек проникается убеждением, что вопрос о причинности (почему?) — главный вопрос жизни. Возраст от 2-х до 5-и лет К.И.Чуковский назвал возрастом «почемучки». Наверное, потому, что этот вопрос задается ребенком чаще других.

Спрашивается, почему чаще других? Если человек сумел найти ответ на вопрос «почему?», т. е. если он отыскал причи-

ну явления, то этим в значительной мере решил задачу нахождения средства использования (устранения) этого явления (хотя бывают и такие ситуации, когда поиск средств противопоставляется поиску причин; в этом случае говорят: «кто ищет причины, а кто — средства»).

Одной из причин абсолютизации причинности является стремление людей во что бы то ни стало объяснить явления, найти причины. И там, где они этого сделать не могут, придумывают объяснения, выдумывают несуществующие причины вместо действительных. (Непонятное вызывает беспокойство, настороженность, тревогу. Беспокойство — неприятное состояние, а чрезмерная тревога просто губительна. Вот и стремятся уменьшить беспокойство-тревогу, в том числе тем, что непонятному придумывают объяснение, превращают в понятное.)

Стремление к универсальному причинному объяснению приводит также к тому, ищут причины там, где их в принципе быть не может. В этом случае совершается перенос причинно-следственных представлений на другие категории и категориальные отношения. Из этого вытекает расширительная трактовка принципа причинности как универсального, всё объясняющего принципа.

(Дурную традицию расширительного толкования причинности освятил Аристотель своим учением о четырех причинах. Это учение сыграло злую шутку с последующими поколениями философов. Оно, с одной стороны, дало мощный импульс для классифицирования, категориального анализа человеческих понятий, а, с другой, пустило мысль философов по ложному пути каузализма.

«Совершенно очевидно, — писал он в «Метафизике», — что необходимо приобрести знание о первых причинах: ведь мы говорим, что тогда знаем в каждом отдельном случае, когда полагаем, что нам известна первая (т. е. ближайшая — ред.) причина. А о причинах говорится в четырех значениях: одной такой причиной мы считаем сущность, или суть бытия вещи (ведь каждое «почему» сводится в конечном счете к определению вещи, а первое «почему» и есть причина и начало); другой причиной мы считаем материю, или субстрат (*υποκειμενον*); третьей — то, откуда начало движения; четвертой — причину, противоположащую последней, а именно «то, ради чего», или благо (ибо благо есть цель всякого возникновения и движения).»¹ Или:

¹ Аристотель. Соч. в 4-хтт. Т. 1, М., 1976. С. 70 («Метаф.» 983а 23-357

«Причиной называется [1] то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь — причина изваяния и серебро — причина чаши, а также их роды суть причины; [2] форма, или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы, или первообраза (...), и составные части определения; [3] то, откуда берет свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина, и отец — причина ребенка, и вообще производящее есть причина производимого, и изменяющее — причина изменяющегося; [4] цель, т. е. то, ради чего, например, цель гулянья — здоровье. В самом деле, почему человек гуляет? Чтобы быть здоровым, говорим мы. Причина — это также то, что находится между толчком к движению и целью, например, причина выздоровления — исхудание, или очищение, или лекарства, или врачебные орудия; все это служит цели...»¹

Что тут можно сказать? Очевидное смешение разных категориальных форм. Странно, почему Аристотель трактовал так расширительно «почему»?! Ведь он прекрасно понимал, что наряду с «почему?» (вопросом о причине) существуют другие вопросы (для чего, ради чего, для какой цели, кто, что, как, какой, из чего состоит и т. д.), которые не являются вопросами о причине. Он же сам в других местах «Метафизики» связывает разные роды сущего (категории) с разными вопросами. Сущность — с вопросом «что?», качество — с вопросом «какой?» и т. д. Зачем ему понадобилось ставить знак равенства, например, между причинными вопросами «почему?», «отчего?» и целевыми вопросами «для чего?», «ради чего?», «для какой цели?»?! Может быть, открыв феномен категорий, он пытался с разных сторон осмыслить их взаимоотношения, их сходство и различие?! В «Категориях» и в некоторых книгах «Метафизики» он дал одну классификацию категорий, определив их как роды высказывания или роды сущего, а в первой книге «Метафизики» и некоторых других ее местах дал другую классификацию категорий — как первых причин или начал.)

Ниже приводятся некоторые виды абсолютизации причинности.

1. После этого, значит по причине этого (*post hoc, ergo propter hoc*). Временную связь путают с причинно-следственной.

Эта ошибка возникает в результате смешения причинной связи с простой последовательностью во времени. Знамени-

33).

¹ Там же. С. 146 («Метафизика», 1013а 24-1013б 1).

тым литературным символом формулы "после этого, значит по причине этого" является галльский петух-шантеклер, который был убежден в том, что своим криком он вызывает восход солнца.

Многие из суеверий и суеверных ожиданий основаны на этом смешении причинной связи с временной.

Характерный пример. Перед началом нашествия Наполеона на Россию в 1811 году в районе Северного полушария пролетела яркая комета; над большей частью России небо было красное. Затем началась война и многие люди сделали вывод о том, что комета и была причиной войны.

А. И. Уемов пишет: «Существуют две основные точки зрения по этому вопросу (об использовании временного соотношения между причиной и действием — Л. Б.). Согласно одной из них, причина *одновременна* производимому ею действию. Согласно другой, причина *предшествует* действию. Отсюда, любое явление одновременное данному могло рассматриваться как его причина или же, соответственно, причиной могло считаться любое явление, предшествующее данному. В первом случае причина определялась соответственно формуле «Cum hoc ergo propter hoc» (вместе с этим, значит, по причине этого). Во втором — соответственно формуле «Post hoc, ergo propter hoc» (после этого, значит, по причине этого). Чаще всего применялась вторая формула, отображающая господствующие представления о соотношении причины и действия. Например, идя на охоту, первобытный человек чертил на земле изображение животного, которое он хотел убить, и протыкал его копьем. Если охота была успешной, он был убежден, что причиной этого был совершенный им обряд. А если успеха не было? Тогда он, наверное, думал, что рисунок был плохим, и рисовал животное еще раз.

Понятно, что уже в древности возник скепсис по отношению к такого рода выводам. Об этом пишет известный римский оратор, политический деятель и философ Цицерон. Некий Диагор попросился на корабль. Его, по-видимому, не сразу, а после уговоров взяли и что же? Началась сильная буря. Перепуганные пассажиры легко определили причину бури по приведенной выше формуле. Беда приключилась после, а значит, вследствие того, как они согласились взять Диагора на корабль. Диагор же весьма остроумно опровергнул их вывод.

Он, показав им на множество других кораблей, терпящих то же бедствие, спросил, неужели они считают, что и на тех кораблях везут по Диагору?

В другой раз друг Диагора обратил его внимание на то, как много в храме табличек с изображениями и надписями, из которых следует, что они были пожертвованы людьми, обещавшими богам их пожертвовать, вследствие чего они и спаслись во время бури. «Так-то оно так, — ответил Диагор, — только здесь нет изображений тех, которые также обещали пожертвования, но буря их потопила» (Трактат «О природе богов». XXXVII).

Понятно, почему выводы согласно приведенным выше схемам в настоящее время рассматриваются как логические ошибки¹.

2. Рядом (вместе) с этим — значит по причине этого («Cum hoc ergo propter hoc»). Пространственную связь путают с причинно-следственной. Вспомним басню «мы пахали». Нечестные люди приписывают себе те или иные достижения лишь на том основании, что они были *рядом* с авторами этих достижений. Или довольно-таки распространенная ошибка ложного обвинения людей в совершении преступлений только потому, что они случайно оказались на *месте* преступления.

3. Количество якобы переходит в качество (количественное изменение переходит в качественное). Здесь имеет место смешение количественно-качественного отношения с причинно-следственным или временным. См. об этом подробнее параграф «Критика концепции перехода количества в качество» в разделе «Категориальная путаница, смешение категориальных форм».

4. Целое якобы порождает части. Отношение «целое—части» представляется как отношение «причина—действие (следствие).

5. Когда ищут причины у вещей, предметов, тел, в конечном счете, у мира в целом.

Вот что писал, например, Спиноза: «для каждой существующей вещи необходимо есть какая-либо определенная причина, по которой она существует» (Этика, сх. 2, т. 8, ч. I). Или: «в природе нет вещи, о которой нельзя было бы спросить, почему она существует» (Спиноза. Избр. произв. Т. 1,

¹ Уемов А.И. Учебник практической логики. Одесса, 1997. С. 267.

М., 1957. С. 102). На самом деле, вещи не имеют причины. Понятие причины применимо только к явлениям, т. е. причинно-следственная связь относится исключительно к сфере *являющейся* действительности и качество причины (следствия) могут иметь только явления, но никак не вещи, тела, предметы и т. п. Например, нельзя говорить: причина атома, бумаги, автомобиля, камня, ложки, электрона и т. д. Напротив, можно и нужно говорить о причине распада ядра атома, горения бумаги, движения автомобиля, загрязнения ложки, аннигиляции электрона. Причинами и их действиями, следствиями могут быть только явления, т. е. *отношения вещей через их свойства*, а не сами вещи. Именно воздействие одного на другое является причиной третьего. Если нет воздействия, то нет и причины.

Неприменимо понятие причины и к миру в целом. Говорят, например, о боге как первопричине или перводвигателе всего сущего (начиная с Платона и Аристотеля). Так и у Лейбница и Вольфа существование бога выводится из признания наличия безусловной сущности или не сводимой ни к каким конечным причинам «причины всякого бытия».

6. Когда ищут причину везде и во всем, то это может привести к ее отождествлению с отношением необходимости (ведь без причины ничего **не может быть**, т. е. всё должно, **необходимо должно** иметь причину!) и, как следствие такого отождествления, к жесткому, механистическому детерминизму, о котором писал философствующий физик М. Борн: "Неограниченная вера в причинность неизбежно приводит к идее о том, что мир является автоматом, а мы сами — лишь маленькие зубчатые колесики этого автомата. Этот детерминизм во многом напоминает детерминизм религиозный, принятый различными верованиями, проповедующими, что действия человека с самого начала predeterminedены Господом"¹.

4.5.2. ОШИБКА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ С ПРИЧИННОСТЬЮ ИЛИ ПРИЧИННОСТИ С НЕОБХОДИМОСТЬЮ

Здесь сразу присутствуют и каузализм (сведение отноше-

¹ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 143.

ния необходимости или закономерной связи к причинной связи), и нецесси́зм (сведение причинной связи к отношению необходимости).

4.5.3. КВАЛИТАТИЗМ

Квалитатизм — абсолютизация, переоценка качественного подхода, сопровождаемая недооценкой или даже игнорированием количественного подхода. Умеренным квалитатистом был Гегель. Качество он уподоблял сущности, а количество — явлению (сущность как внутреннее имела для него более важное значение по сравнению с явлением, внешним). Крайним квалитатистом был, наверное, С.Кьеркегор. Гегелевский квалитатизм для него был недостаточен. Он даже характеризовал диалектику Гегеля как «количественную», «исчисляемую», противопоставив ей свою, «качественную» диалектику. Эта «качественная» диалектика (или «диалектика существования», «экзистенц-диалектика») должна исходить из предпосылок, принципиально «необъективируемых» и, следовательно, неопределяемых, неисчисляемых, словом — чисто «качественных».

Позиция отрицания количества, количественных характеристик дает о себе знать в самых разных вопросах. Она сопряжена, в частности, с ошибкой абсолютизации качественного различия или качественной специфики вещей. Об этом говорится несколько ниже.

Такая позиция нередко присутствует и при оценке сложных объектов, духовных явлений.

Например, некоторые философы считают, что в сфере морали допустима лишь качественная оценка человеческих поступков (положительная, отрицательная и нейтральная). По их мнению добро количественно неопределимо.

Или в отношении творческих способностей, таланта, гения, разных достижений. Некоторые считают недопустимым количественно сопоставлять-сравнивать таланты, гении, достижения.

4.5.5. КВАНТИТАТИЗМ. ОШИБКА АБСОЛЮТИЗАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Первым квантитатистом был, наверное, Пифагор. Своим

«всё есть число» он положил начало традиции количественного подхода, *особого* (подчеркнутого-выделенного) отношения к количественным определениям. Категория количества — яркий пример того, что осознание человечеством категорий мышления протекало нередко в форме их абсолютизации.

С самого начала эта абсолютизация приобрела две противоположные формы: рационалистически-эмпирическую и мистическую. Рационалистически-эмпирическая линия пифагорейства привела в конечном счете к созданию экспериментирующей науки, к метризации и математизации научного познания. А пифагорейская мистика чисел породила традицию крайней абсолютизации (мистификации) количества.

Очевиден отрицательный эффект мистификации количественных определений. А в чем вред рационалистически-эмпирической абсолютизации количества? Обобщенно этот вред состоит в том, что акцентируется внимание на количественных, числовых отношениях и игнорируются/недооцениваются качественные различия или, напротив, не замечаются качественные подобия. Вот примеры:

1. Как часто манипулируют цифрами, статистическими данными, чтобы доказать свою правоту, чтобы что-то оправдать или осудить! Например, официальными данными роста или отсутствия роста преступности. При этом вольно или невольно игнорируют качественный аспект проблемы: какова база регистрации преступлений, какие преступления регистрируются, а какие нет.

2. Когда за количественным сходством-различием не видят качественного различия.

3. Когда за количественными различиями не видят качественного сходства. Один из наиболее ярких примеров — история с английским военным кораблем “Кэптен”. Инженер Рид, исследуя модели, сделал вывод о том, что “Кэптен” будет плохо держаться на воде и может затонуть во время шторма. Адмиралы ему не поверили. “Кэптен” погиб и с ним погибло 533 моряка. В Лондоне установлена мемориальная доска с “вечным порицанием невежественному упрямству лордов Адмиралтейства”. Морским начальникам трудно было представить, что такие **разные по размерам** предметы, как океанский корабль «Кэптен» и **подобная** ему модель в бассейне, могут вести себя одинаково в определенных условиях.

Качественное уподобление, моделирование играет боль-

шую роль в развитии техники. Уже древние инженеры использовали модели. На моделях испытываются электростанции, корабли и многое другое. Пренебрежение моделями может дорого стоить.

Ошибка сведения качества к количеству

(«качество — это еще не познанное количество» и т. п.)

Нередко качественное познание рассматривают как доколичественное и, соответственно, как донаучное. Отсюда деформация категориального мышления: пренебрежение одной категорией и возвышение другой. Концепция предшествования качества количеству в познании объективно ведет к элиминации категории качества, к зачеркиванию ее научной значимости. Характерно в этом отношении высказывание Ж.-П. Сартра. Качество, утверждал он, есть категория чувственного, непосредственного восприятия. Наука не знает категории качества; законы могут быть только количественными¹. Еще более категоричен А.А. Богданов. Качество он характеризовал как "безусловно обывательский термин, который никакой научной ценности не имеет"². К разряду подобных высказываний относится и афоризм математика Д.Б. Юдина: "Качество — это еще не познанное количество"³. Такое мнение о качестве приобрело прочность предрассудка и попало даже в справочные издания. Так, в "Краткой философской энциклопедии" (М., 1994) читаем: "Сведение качества к количеству — основная тенденция современного естествознания" (с. 207).

4.5.6. ОШИБКИ СМЕШЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА С ДРУГИМИ КАТЕГОРИЯМИ

Различение двух типов количественных определений (собственных и рефлексивных)⁴ позволяет решить проблему отграничения категории количества от других категориальных форм. Это касается прежде всего проблемы отграничения ко-

¹ См.: J.P. Sartre. *Drei Essays. Materialismus und Revolution*. Berlin, 1961, S. 58, 60-62.

² Богданов А.А. Пределы научности рассуждения. — "Вестник Коммунистической академии", 1927, № 21. С. 253.

³ Цит. по: Азгальдов Г.Г. Потребительная стоимость и ее измерение. М., 1971. С. 154.

⁴ См. об этом: Балашов Л.Е. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М., 1997. С. 15-16.

личества от пространства (и времени). Декарт полагал в свое время, что количество и протяженность, т. е. пространство, тождественны¹. Гегель также склонялся к взаимоопределению количества и пространства². Это и понятно. До недавнего времени непрерывное количество изучалось математиками почти исключительно на материале пространственных отношений и фигур. Само понятие *величины* было по своему происхождению количественно-пространственным; оно прежде всего указывало на пространственные размеры материальных объектов. Однако, по мере накопления эмпирического материала по непространственным формам количества, математики стали пытаться рассматривать количественные понятия независимо от пространственных представлений. Г. Кантор, пишет А.О. Маковельский, в своих математических работах "показал, что понятие непрерывной величины может быть построено независимо от данных нам в чувственной интуиции времени и пространства, что отправляясь от понятия прерывной величины, можно при помощи чистой логической конструкции достигнуть понятия непрерывной величины"². Б. Рассел, философ и математик, в своей "Истории западной философии" критиковал пространственное понимание чисел, которое отстаивал А. Бергсон. По мнению Б. Рассела понятие числа и вообще понятие множества не включают в себя пространственные

¹ См.: Декарт Р. Избранные произведения. М., 1956. С. 466-467, 361.

² В "Философии природы" читаем: "Пространство есть вообще чистое количество и является таковым чистым количеством уже не только как логическое определение, а как непосредственно и внешне сущее. Природа начинает поэтому не с качественного, а с количественного, так как ее определение не есть абстрактно первое и непосредственное подобно логическому бытию, а есть по существу уже в самом себе опосредствованное внешнее бытие и инобытие" (Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 2, М., 1975. С. 45; § 254). В разделе "Величина (количество)" "Науки логики" читаем: "Пространство, время, материя и т. д. суть непрерывные величины, будучи отталкиваниями от самих себя, текучее исхождение из себя, которое в то же время не есть переход или отношение к качественно иному" (Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 274).

² Маковельский А.О. Досократики. Ч. 2, Казань, 1914. С. 71. См. подробнее: P. Tannery. Le concept scientifique du continu. Zenon d'Elee et Georg Cantor (Revue philosophique, XX, 1885).

представления¹. В свете сказанного представляются неоправданными попытки некоторых отечественных философов приписывать количеству пространственные и иные категориальные характеристики. И.С. Тимофеев справедливо пишет:

"Познание таких пространственных и временных характеристик, как "длиннее", "толще", "выше", "левее", "дольше" и т. п., а также изучение дискретности и непрерывности, конечности и бесконечности как свойств пространства и времени играли решающую роль в формировании общих представлений о количестве.

Метрические свойства реального пространства и аналогичные свойства времени дают богатейший образный материал для понимания сущности количества и количественных отношений.

На этом основании иногда специфику количества выражают посредством категорий "пространство" и "время". "Количество — объективная определенность качественно однородных явлений, или качество в его пространственно-временном аспекте, со стороны его бытия в пространстве и во времени" (См.: Э. Ильенков. Количество. — "Философская энциклопедия". М., 1962, с. 552). (...) Вторая часть /определения/ (см. после слова "или...") придает количеству частное значение. Пространственно-временная интерпретация специфики количества обосновывается всеобщим характером категорий "пространство" и "время", что само по себе не имеет отношения к специфике данных категорий. Пространственная и временная определенность бытия может быть рассмотрена каждая в отдельности с качественной и количественной сторон. Далее, в обыденном и научном мышлении, наряду о пространственными и временными, широко пользуются и другими количественными характеристиками без всякого сведения их к пространственным и временным...

Исходя из логических оснований процедур счета и измерения, нельзя сформулировать запрещение применения этих процедур к признакам не пространственно-временного типа. Наоборот: любой и не пространственно-временной признак при обнаружении в сравнении степеней превосходства может быть выявлен и выражен числом при соответствующих условиях. В теории измерений это выражается в том, что в ней отвлекаются от того, является ли измеряемый признак пространственным, временным или этот признак выступает как вес, заряд, масса, напряженность поля, стоимость товара и т. д. Интересно отметить, что специфические отражения количества в естественных языках, такие, как сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий, например, в русском языке, применяются одинаково как к пространственно-временным признакам, так и ко всем другим (длиннее, белее, умнее — длиннейший, белейший, умнейший). Поэтому трудно принять положение о том, что количество есть только качество "в его пространственно-временном аспекте"².

¹ Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 809-810.

² Тимофеев И.С. Методологическое значение категорий "качество" и 366

И.С. Тимофеев аргументирует, правда, исходя из эмпирических оснований, из того, что в человеческом опыте имеются количественные определения, не относящиеся к пространственно-временным представлениям. В действительности же корень приписывания количеству пространственных, временных и любых других категориальных характеристик состоит в том, что не осознается и не проводится различие между собственно количеством (как некоторой категориальной сущностью) и рефлексивными количественными определениями, которые всегда отягощены "материей" других категориальных форм.

4.5.7. АНАЛОГИЗМ. ОШИБКИ АБСОЛЮТИЗАЦИИ СХОДСТВА (АНАЛОГИЗИРОВАНИЯ)

Ошибка абсолютизации качественного сходства (злоупотребление аналогией как способом объяснения-доказательства). Часто аналогией пользуются богословы и священники для обоснования религиозных идей, укрепления религиозной веры.

Своеобразным предостережением/противоядием этой ошибки выступает известная поговорка «сравнение всегда хромает».

Аналогия или аналогизирование носит характер универсальной мыслительной процедуры, в которой качественное отношение подобия выступает в самом общем виде. Она одинаково применяется в познавательной, практической, художественной деятельности, является мыслительным ядром во всех специальных формах, приемах и методах деятельности, связанных с использованием качественного уподобления объектов.

Аналогия имеет иерархический характер соответственно иерархии качественных уровней, как это мы наблюдаем в реальном мире. Может быть более общая и более глубокая аналогия, а может быть менее общая и менее глубокая аналогия.

Аналогизирование выступает в различных формах. Многие исследователи, например, подчеркивают важную роль аналогии в интуитивном мышлении. Но она является важным инструментом и логического мышления. Как логически осмыс-

"количество". М., 1972. С. 23-24.

ленный процесс она выступает либо в виде умозаключения по аналогии либо в еще более сложной форме — в виде метода аналогии. На свойствах аналогии основан метод моделирования.

Специалисты по логике пишут о феномене **ложной аналогии**. При нарушении правил построения аналогия может дать ложное заключение. Ложные аналогии иногда делают умышленно, с целью ввести человека в заблуждение и тогда они являются софистическим приемом, в других случаях они делаются случайно, в результате незнания правил построения аналогий или недостатка фактических знаний относительно сравниваемых предметов. Яркий пример ложной аналогии: сторонники вульгарного материализма в XIX веке, проводя аналогию между печенью и мозгом, утверждали, что мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь. Еще пример ложной аналогии: уподобление государства организму; в этом случае отдельный человек рассматривается не как субъект, а по принадлежности, как ничтожная частичка, принадлежащая к той или иной части (слою, классу) государства-общества. Или приводимый ниже (стр. 91) свежий пример с уподоблением депутатами-коммунистами земли матери для обоснования тезиса о невозможности торговать землей.

Во всех случаях ложной аналогии главным является не нарушение правил построения аналогии (это как бы техническая сторона вопроса), а вольная или невольная абсолютизация явления качественного подобия, преувеличенная оценка этого явления (и, соответственно, недооценка качественного различия).

4.5.8. ДИСТИНКТИВИЗМ. ОШИБКИ АБСОЛЮТИЗАЦИИ РАЗЛИЧИЯ (СПЕЦИФИКИ)

Люди часто совершают ошибку абсолютизации качественного различия, специфики чего-либо. Например, в вопросах об отличии человека от животных или живого от неживого. Эту ошибку можно назвать дистинктивизмом (от слова «дистинкция» — от лат. *distinctio* различение).

Одним из проявлений дистинктивизма является характеристика качества как специфицирующей определенности предмета. Такая характеристика — это по существу номиналистическая трактовка категории. Мир в этом случае выглядит как совокупность отдельных качественных единиц наподобие

лейбницеvских монад, каждая из которых представляет собой абсолютно уникальное, неповторимое явление. Здесь есть многообразие, но нет единства, общности. Понимание качества предметов только как их специфичности приводит к абсолютизации специфических черт, особенности этих предметов. Например, акцентирование внимания на качественном отличии биологических объектов от физико-химических приводило в недавнем прошлом некоторых ученых-биологов к недооценке физико-химических методов исследования биологических явлений, в частности, к отрицанию научной значимости хромосомной теории наследственности (вспомним наших ученых-лысенковцев). То же самое мы наблюдаем при рассмотрении сущности человека. До сих пор некоторые философы акцентируют внимание на качественном отличии человека от животных, рассматривают его только как социальное существо и игнорируют или недооценивают его биологическую природу.

Трактовка качества как специфицирующей категории проникает и в область научно-практических исследований проблем качества продукции, что приводит к дезориентации ученых-практиков. Если бы авторы, определяющие качество как специфику вещей, последовательно придерживались своих определений, то они должны были бы тогда прийти к отрицанию возможности счета и измерения, классификации и систематизации явлений.

Заслуживает внимания такой исторический факт. Как мы знаем, Гегель характеризовал качество как специфицирующую определенность предмета. Вполне очевидна связь этого его понимания качества с его же ошибочным утверждением о невозможности классификации химических элементов. Гегель считал, что химические тела и их части, в том числе химические элементы, сугубо индивидуальны, что они представляют собой нечто "лишь качественное", т. е. "специфически определенное"¹. Отсюда его вывод: "химические элементы нельзя расположить в каком бы то ни было порядке, и они совершенно гетерогенны друг другу"². Данный вывод Гегеля показывает, насколько он был дезориентирован своей концепцией качества как специфической определенности. Жизнь посмеялась

¹ Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 2. М., 1975. С. 148 (§ 281).

² Там же. С. 149 (§ 281).

над Гегелем. Последнее прижизненное издание его "Философии природы" вышло в 1830 году. А через каких-то 39 лет Д.И. Менделеевым была открыта естественная система химических элементов.

К сожалению, печальный пример с Гегелем почти повторился в наше время, теперь уже в связи с использованием количественных методов оценки сложных качественных характеристик объектов. Понимание качества как специфики вещей приводит к известному противопоставлению его количеству. Правильный в общем-то тезис о несводимости качества к количеству доводится до крайних выводов о невозможности количественно определять, оценивать качество. А это закрывает путь к использованию количественных методов оценки качества продукции. Характерно в этом отношении мнение экономиста А. Боярского: "потребительные стоимости различных товаров нельзя соизмерять количественно, так как они качественно различны"¹. Как видим, А. Боярский в понимании качественного соотношения потребительной стоимости различных товаров не пошел дальше констатации их качественного различия. То же встречаем у В.А. Воротилова. Качество, по его мнению, "не может определяться количественными параметрами", объясняя это тем, что "как категория" качество призвано характеризовать *"совокупность свойств, которые отличают одну вещь от другой"*. "К качественным признакам, — пишет он, — относятся такие, которые отличают одно явление от другого"².

Эти мнения ученых-практиков сформировались в значительной степени под влиянием односторонней трактовки категории качества в отечественной философской литературе.

Примером абсолютизации различия культур-цивилизаций является киплингское «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

4.6.9. ОШИБКА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ КАЧЕСТВА И СВОЙСТВА

В практике словоупотребления эти понятия сплошь и ря-

¹ Боярский А. Проблемы статистики качества продукции. — Вестник статистики. 1955, № 6. С. 31.

² Воротилов В.А. Теоретические вопросы сущности и методов измерения качества продукции. Качество продукции и методы его оценки. Материалы к научной конференции. Л., 1972. С. 4.

дом отождествляются, используются как синонимы. И философы порой определяют качество через понятие свойства. Между тем эти понятия глубоко различны по своей категориальной сущности, т. е. отражают разные категориальные определения мира. Необходимость их разграничения вытекает из общей тенденции движения человеческого мышления от первоначальной слитности, нерасчлененности понятий и представлений к их дифференциации, определению границ и структуры. В самом деле, на первых этапах развития человеческого знания понятия качества и свойства не были дифференцированы друг от друга, так как познание предметов и явлений в большинстве случаев не шло дальше познания их свойств. Если обнаруживались неодинаковые свойства у разных предметов, то это служило основанием для их качественного разграничения. Отсюда и качественная определенность выступала, как правило, в виде отдельного свойства или совокупности свойств. Так было в химии до введения структурных формул и открытия периодического закона химических элементов. Так обстояло дело и в других науках. Однако по мере того, как человеческое знание продвигалось вглубь явлений, от свойств к структуре и далее к законам, все очевиднее становилась ограниченность понимания качества как свойства или совокупности свойств. Философы не сразу пришли к осознанию того, что качество принципиально отличается от свойства. Колебания по этому вопросу проявлял Аристотель. Впервые вопрос о необходимости разграничения понятий "качество" и "свойство" поставил Гегель. Он прямо указывал, что не следует "смешивать свойства с качеством". "Говорят, правда, также, — писал он, — нечто *обладает* качествами. Это выражение, однако, неуместно, поскольку слово "обладать" внушает мысль о самостоятельности, которая еще не присуща непосредственно тождественному со своим качеством нечто. Нечто есть то, что оно есть, только благодаря своему качеству, между тем, как, напротив, вещь, хотя она также существует лишь постольку, поскольку она обладает свойствами, все же не связана неразрывно с тем или другим определенным свойством и, следовательно, может также и потерять его, не перестав из-за этого быть тем, что она есть"¹.

Необходимым условием разграничения понятий "качество"

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 290 (§ 127).

и "свойство" должно быть определением границ их употребления как категорий. Ведь слова "качество" и "свойство" часто употребляются в некатегориальных значениях. Выше уже говорилось, что до сих пор в языковой практике можно встретить случаи употребления слова "качество" в значении "признак, определенность предмета", т. е. в самом широком смысле. То же можно сказать о понятии "свойство". Категориальность этого понятия определяется его принадлежностью к системе категорий "вещь-свойство-отношение". Между тем слово "свойство" используется нередко в расширенном значении — как признак, определенность, принадлежность чего-либо. В этом случае оно охватывает собой любое определение предмета. Нетрудно заметить, что "качество" и "свойство", употребляемые вне своих категориальных границ (в широком смысле) являются синонимами, взаимозаменяемыми понятиями. В самом деле, и качество, и свойство имеют атрибутивный характер, т. е. не существуют самостоятельно, а *принадлежат* или *относятся* к предмету, который является их носителем. Однако на этом их сходство и кончается. Категориальное содержание качества обусловлено его отношением к количеству и мере. Свойство же — то, что *присуще вещи* и выступает в *отношении* этой вещи к другой (или другим). Оно является связующим или промежуточным звеном между вещью и отношением, объединяет в себе черты того и другого. Качество и свойство существуют как бы в разных измерениях, относятся к разным категориальным блокам, что само по себе исключает возможность их взаимоопределения.

4.5.10. ОШИБКА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ МИРА И МАТЕРИИ (МАТЕРИАЛИЗМ)

Отождествление мира и материи — грубая категориально-логическая ошибка. Если мир и материя — одно и то же, то спрашивается, зачем это удвоение понятий? Философы-материалисты здесь идут наперекор здравому смыслу или естественному ходу мысли. Если в человеческом мышлении существуют отдельно понятие мира и понятие материи, то уже в силу этого они обозначают разные «вещи». Люди не для того придумали-выработали два разных понятия, чтобы их затем отождествить. Всякий такой монизм (мир — материя; мир — субстанция-бог; мир — дух и т. п.) изначально обречен на односторонность и упрощенчество. Кстати, совсем не случайно

многие философы, которых называют (в марксистской традиции или в некоторых идеалистических учениях) материалистами, сами не называют себя материалистами. Они, как правило, сознают или ощущают неправду-неестественность материалистического монизма. Яркий пример ошибочности оценки философского учения как материалистического: подобная оценка учения Демокрита. И дело не только в том, что во времена Демокрита не было еще выработано общего понятия материи (Демокрит везде говорит об атомах или полном как о том, из чего состоят воспринимаемые тела). Главное в другом: для Демокрита понятие пустого (как условия движения атомов-тел) имело такое же важное (говоря по-современному, категориально-логическое) значение, как и понятие атома, полного. Философские взгляды Демокрита можно оценить как реалистические или натурфилософские, но никак не материалистические.

Частные случаи материализма: вещизм, вульгарный материализм (Бюхнера, Фохта, Молешотта), диалектический материализм Маркса-Энгельса-Ленина.

4.5.11. ОШИБКА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ МИРА И ДУХА (АБСОЛЮТНЫЙ ИДЕАЛИЗМ)

Всё, что говорилось об ошибочности материалистического монизма, применимо и к идеалистическому монизму. Классический пример ошибки отождествления мира и духа: идеалистическая философия Гегеля.

4.5.12. ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МАТЕРИИ И ДВИЖЕНИЯ

В самом деле, для диалектически мыслящего философа должны быть очевидны соотносительность материи и движения, то, что они являют собой противоречивое единство. Поскольку это так, нетрудно представить различные и даже противоположные точки зрения на соотношение материи и движения. Ведь в противоречии акцент можно ставить и на единстве, тождестве сторон, и на их противоположности, внешности друг другу. Действительно, в истории философии наблюдается целый спектр точек зрения на соотношение материи и движения — от их неразличения к акцентированию внимания

на их единстве, затем к их внешнему связыванию, далее к раздельному представлению, противопоставлению и, наконец, к признанию одной из сторон соотношения ничтожной или даже недействительной. В последнем случае мы имеем дело с такими крайними позициями, как *элеатовская*, отрицающая движение, и *бергсоновская*, отрицающая материю в качестве носителя движения¹. Вообще-то в истории философии наибольшее распространение имели не крайние точки зрения, а промежуточные, приближающиеся в той или иной степени к диалектическому решению проблемы соотношения материи и движения. Среди этих точек зрения главенствующими были два подхода в зависимости от того, на тождестве или противоположности ставили акцент в указанном соотношении. В одном случае материя и движение рассматривались как внешние друг другу определения². В другом подчеркивалась, декларировалась их неразрывная связь, внутреннее единство³. Первый подход был преобладающим в Новое время. Философы и ученые рассматривали материю как нечто косное, инертное, пассивное; движение отрывалось от материи, а источник движения видели в чем угодно, только не в противоречиях. Конечно, такой взгляд неправилен, но не потому, что он ложен, а потому, что односторонен. Ведь и противоположный взгляд, акцентирующий внимание на внутреннем единстве материи и движения, неприемлем по той же причине. Он чреват опасностью сведения материи к движению⁴.

¹ Бергсон, например, писал: "движение не подразумевает чего-либо, что движется". "Есть изменения, но нет меняющихся вещей: изменчивость не нуждается в подпоре... движение не предполагает собою движущегося тела" (Бергсон А. Восприятие изменчивости. СПб, 1913. С. 28). Ранним предшественником Бергсона был ученик Гераклита Кратил.

² Такой подход был свойственен представителям механистического материализма и некоторым другим мыслителям (Гоббсу, Декарту, Спинозе, Ньютону, Канту и т. д.).

³ Против противопоставления материи и движения как внешних друг другу определений выступали такие философы как Я. Беме, Дж. Бруно, Ф. Бэкон, Лейбниц, Толанд, Гегель.

⁴ В.Б. Кучевский справедливо пишет: рассматривая движение как внутренне присущий самим вещам процесс "не сводим ли мы в этом случае категорию "материя" к категории "движение"? Если абсолютизировать их единство, то такое сведение неизбежно... рассматриваемые категории представляют собой хотя и однопорядковые по-

Очевидно, истина лежит где-то посередине. *Материя и движение и внешне друг другу, и внутренни*. В этом состоит основное противоречие мира.

Кстати, в истории философии помимо "качаний маятника" в ту или другую сторону понимания соотношения материи и движения, были и такие концепции, которые объединяли указанные противоположные подходы. К примеру укажу на точку зрения Д. Дидро, изложенную им в "Философских основаниях материи и движения" (1770 г.). Остановлюсь на ней подробнее. Как пишет Т. Д. Длугач, Дидро, не довольствуясь однозначными выводами метафизического материализма, "разлагает метафизическое мышление с помощью "метода парадокса" и находит противоречия внутри исходных понятий материи и движения"¹. С точки зрения Дидро, воспринявшего тезис о единстве *natura naturans* и *natura naturata*, творящая природа существует как некое целое и в этом плане может рассматриваться как нечто однородное, где движение осуществляется только через присоединение или отсоединение вечно существующих элементов; но будучи в то же время сотворенной, природа состоит из различных частей и должна быть понята как то, что разнородно; в этом случае каждой особой части материи должно соответствовать специфическое движение, которое не может быть получено от другого тела и является, таким образом, самопроизвольным. В указанной работе Дидро обсуждает обе точки зрения и приходит и к выводу, что самопроизвольное движение существует наряду с движением, возникающим в результате причинного воздействия одного тела на другое. Критикуя тех, кто считает, что тело само по себе не одарено ни действием, ни силой, Дидро утверждает, что "тело преисполнено деятельности и силы и само по себе, и по природе своих основных свойств, рассматриваем ли мы его отдельные молекулы или всю массу"². Причинное воздействие предполагает действие извне, но "молекула, наделенная свойством, присущим ее природе (движение — Л. Б.), сама по себе есть деятельная сила. Она воздействует на другую, в свою

нения, но полностью не сводимые друг к другу". — Кучевский В.Б. Анализ категории "материя". М., 1983. С. 227.

¹ См.: История диалектики XIV-XVIII в.в., М., 1974. С. 278.

² Дидро Д. Соч. в двух т.т. Т. 1, М., 1986. С. 445.

очередь воздействующую на нее"¹. Сила, по мнению Дидро, может быть или внешней, или внутренней; только последняя есть то, что присуще молекуле, так сказать, интимно, внутренне, что конституирует ее как молекулу. И если "сила, действующая на молекулу, истощается", то "внутренняя сила молекулы неистощима. Она неизменна, вечна"². Иначе быть не может, так как "в природе все преисполнено разнообразной деятельностью"³. Материю можно, конечно, рассматривать только как однородную, но это предположение, по словам Дидро, чревато многими несообразностями и, чтобы избавиться от некоторых из них, нужно допустить также и разнородность материи; "я останавливаю, — пишет Дидро, — свой взор на общей массе тел; я вижу все в действии и противодействии, я вижу, как все разрушается и восстанавливается в другой форме; я наблюдаю возгонку, разложение, всевозможные соединения — явления, несовместимые с однородностью материи; отсюда я заключаю, что материя разнородна, что в природе существует бесконечное разнообразие элементов, что у каждого из этих элементов благодаря его своеобразию есть особенная, прирожденная, неизменная, вечная, неразрушимая сила и что действие этих внутренне присущих телу сил выходит за пределы тела; таким образом создается движение или, вернее, всеобщее брожение во вселенной"⁴.

Дидро не приемлет ни той, ни другой крайности в понимании материи и движения. Он показывает, что если мы встанем на какую-нибудь одну точку зрения, то неизбежно придем к противоположному выводу. Доказательство существования только внешнего движения приводит к признанию самопроизвольного, внутреннего движения. Но к такому же результату, считает Дидро, мы придем с противоположного конца: настаивая лишь на самопроизвольности движения, мы очень скоро убедимся, что материя однородна, а движение — причинно обусловлено⁵.

Дидро, наверное, один из немногих мыслителей Нового времени, кто осознал в какой-то мере диалектическую связь материи и движения, отталкиваясь от крайностей противопо-

¹ Там же. С. 445.

² Там же. С. 446.

³ Там же. С. 445.

⁴ Там же. С. 447-448.

⁵ См.: История диалектики XIV-XVIII в.в., М., 1974. С. 278-280.

ставления и отождествления материи и движения.

4.5.13. КИНЕТИЗМ. ОШИБКА АБСОЛЮТИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ

1. Первым известным философом, преувеличивавшим значение движения как категориального определения мира (склонившим чашу весов в сторону движения), был Гераклит. Он — автор знаменитого тезиса: «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды». Впоследствии этот тезис был сокращен до формулы “Всё течет, всё меняется” (*panta rei*, по гречески «*παν τα ρει*»).

Отсюда понятно, почему началом всего существующего Гераклит полагал **огонь**, нечто чрезвычайно изменчивое-переменчивое и являющееся причиной изменения. (Вариант: Не случайно также, что в качестве первоначала (*архэ*) всего сущего Гераклит избрал огонь — самое переменчивое и самое изменяющее, разрушающее явление.) Вот как он объяснял мир на основе своего учения об огне-архэ: «Мир не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, мерами воспламеняющимся и мерами угасающим».

Кратил (2-я пол. 5 в. — нач. 4 в. до н. э.) довел точку зрения Гераклита до крайней точки, сказав, что «в одну и ту же реку нельзя войти и единожды». Из гераклитовской формулы “все течет, все изменяется” он сделал крайний вывод, что в мире существует только движение. И в самом деле, если, если все вещи и явления подвержены непрестанному изменению, то, следовательно, мир представляет собой извечный поток разного, в котором никогда нет повторяемости, относительной устойчивости, одного и того же.

— (См.: Н. З. Парамонов. Критика догматизма, скептицизма и релятивизма, М., 1973. С. 59).

Крайний кинетизм привел Кратила к субъективизму и релятивизму. Так, он опровергал допустимость каких-либо суждений, поскольку об абсолютно изменяемом нельзя сделать никакого определенного высказывания.

Впоследствии позиция Гераклита-Кратила не раз воспроизводилась разными философами и учеными. Можно назвать философа А.Бергсона (см. выше, стр. 28), ученого-философа В.Освальда, ученого Н.А.Меншуткина.

Выше, в п. 3.1. «Материя и движение» рассмотрены также следующие **ошибки**:

1. **Расширенной трактовки (абсолютизации) движения.**
2. **Сведения материи к движению (трактовки движения как способа существования материи).**
3. **Отождествления материи с вещью, а движения со свойством.**
4. **Отождествления материи с субстанцией, а движения — с атрибутом, трактовки движения как атрибута материи.**

В п. 3.2.1. «Общая характеристика материи (подпункт «Виды материи») рассмотрена **ошибка отождествления материи (как философской категории) и тела.**

В п. 3521.1. «Общая характеристика возможности» рассмотрены **ошибки применения категорий «возможность» и «действительность».**

4.5.14. ПОТЕНЦИАЛИЗМ. ОШИБКИ АБСОЛЮТИЗАЦИИ ВОЗМОЖНОСТИ

В п. 3521.1. были указаны некоторые ошибки абсолютизации возможности и отрицательные эффекты этой абсолютизации.

Весьма распространенной является ошибка выдавать желаемое (т. е. возможное) за действительное. Сколько из-за этой ошибки люди делают глупостей, неверных шагов!

Или жизнь в мире грез, мечтаний, напрасных ожиданий, маниловщина.

Или, напротив, жизнь в постоянных страхах, тревогах, ожиданиях дурного, худшего. Свообразными эмоциональными абсолютизациями ожидания дурного-худшего являются алармизм, паническое состояние-настроение.

Или на основе только предположения, возможности чего-либо делается заключение о действительно имеющем место быть. В одном отечественном фильме некий персонаж строил свое обвинение на тезисе: «А если бы он вез патроны?!» Другой пример: на следствии или на суде по уголовному делу обвинение порой строят на том, что человек **мог** совершить преступление (отсутствие алиби, мотивы и т. п.).

Как часто «если бы, да кабы» фигурируют в доказательствах, в принятии решений! Мудрая поговорка заклеимила эти «если»: «если бы да кабы, да во рту росли цветы».

4.5.15. АКТУАЛИЗМ. ОШИБКА АБСОЛЮТИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. ОТРИЦАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Выше, на стр. 224 говорилось, что неразвитому уму многое кажется невозможным. Один из чеховских персонажей следующим образом аргументировал свою правоту: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Еще один пример: когда железные дороги только появились, один чудак, стоя на платформе возле разводящего пары паровоза, приговаривал «не поедет», не поедет». Когда же поезд тронулся в путь, он стал кричать: «не остановится!», «не остановится!».

И в философии такая позиция нашла свое отражение. Аристотель, указывая, что различие возможности и действительности является необходимым условием "движения и возникновения", критиковал мегарцев, отрицавших реальность возможного. "Далее, если неимеющее возможности, — писал он, — это то, что лишено возможности, то получается, что то, что еще не произошло, не будет иметь возможность произойти; если же о неимеющем возможности произойти утверждают, что оно есть или будет, то говорят неправду (ведь именно это означало "неимеющее возможности"), и, следовательно, такие взгляды отвергают и движение и возникновение. В самом деле, то, что стоит, всегда будет стоять, и то, что сидит, — сидеть; раз оно сидит, оно не встанет, ибо невозможно, чтобы встало то, что не имеет возможности встать. Если поэтому утверждать такое недопустимо, то ясно, что возможность и действительность — не одно и то же (между тем приведенные взгляды отождествляют возможность и действительность, а потому и пытаются опровергнуть нечто немаловажное)"¹.

А.О. Маковельский пишет в своей «Истории логики»:

«С отрицанием категории становления в мегарской школе связано отрицание категории возможности (выделено мной — Л. Б.). Мегарики учили, что возможно только действительное. То,

¹ Аристотель. Соч. Т. 1, М., 1976. С. 337-238 (1047а 10-20).

что было бы только возможным, но не действительным, одновременно существовало бы и не существовало. Переход от возможности к действительности для мегариков, отрицавших становление, представлял непреодолимые трудности. Считая действительное возможным, более ранние мегарики под действительным понимали то, что существует в настоящее время.

Диодор учил, что будущее однозначно определено действительным положением вещей. Его известное доказательство против допущения реальной возможности гласило: «Из возможного не может следовать невозможное». Невозможно, чтобы что-либо прошедшее было бы иным, чем оно есть. Поэтому если бы нечто было возможно в более раннее время, то из возможного следовало бы невозможное. Следовательно, оно невозможно. Вместе с тем невозможно, чтобы происходило что-нибудь, что не происходит в действительности.

Таким способом Диодор доказывал свой тезис, что возможно только то, что или существует действительно или будет действительным. А такого возможного, которое не станет действительностью, нет. Если бы из двух противоположных возможностей одна стала бы действительностью, то другая возможность тем самым стала бы невозможной. Следовательно, в этом случае возможное стало бы невозможным, что нелепо. (...)

Движением является всякое изменение, исчезновение, становление, а Диодор отрицает эти категории. Так, Диодор доказывал, что нельзя умереть, ибо умереть человек не может ни в то время, когда он еще живет, ни в то время, когда он уже не живет; следовательно, вообще нельзя умереть. Подобным же образом он доказывал невозможность уничтожения стены. Стена еще не уничтожается, пока камни находятся вместе, так как стена стоит. Но тем более нельзя сказать, что она уничтожается, если камни уже разобраны, ибо ее уже более нет.

По поводу этих аргументов Диодора существовал такой анекдот. Диодор вывихнул себе плечо и обратился за помощью к врачу Герофилу, знаменитому родоначальнику медицинской школы опытного направления. Герофил шутя сказал Диодору: «Или плечо сдвинулось с места, на котором оно было, или с места, на котором оно не было. И то и другое невозможно. Следовательно, плечо не сдвинулось».

В духе мегарской школы Диодор учил, что нет двусмысленных слов, бывают лишь слова, смысл которых темен. Двусмысленных слов, по Диодору, не может быть потому, что никто, высказывая что-нибудь одно, не говорит о другом или о многом, т. е. высказывая что-нибудь, каждый мыслит нечто определенное». (С. 62-63).

В новое время многие философы и ученые писали о возможности и случайности как **феномене незнания** (см. выше, стр. 231).

Об абсолютизации действительности см. выше, стр. 271 и далее.

В п. 3521.4 (стр. 252) рассмотрена **ошибка отождествления необходимости с неизбежностью.**

4.5.16. НЕЦЕССИЗМ. ОШИБКА АБСОЛЮТИЗАЦИИ НЕОБХОДИМОСТИ

Нецессизм (от лат. *necessitas* — необходимость) — абсолютизация необходимости. В чистом виде эта абсолютизация встречается редко. Как правило, нецессизм соединяется с другими абсолютизациями: закономерности, порядка, действительности... — или выступает в форме отрицания случайности. Нецессизм входит составной частью в концепции лапласовского, механистического, физического детерминизма.

Нецессизм — это когда всё объявляют неслучайным, т. е. фактически случайность сводят к необходимости-неизбежности. Вспомним знаменитое эйнштейновское «Бог не играет в кости» или марксистское выражение «кажущаяся случайность».

4.5.17. ОТРИЦАНИЕ СЛУЧАЙНОСТИ (СЛУЧАЙ — АТЕИСТИЧЕСКИЙ ПСЕВДОНИМ ЧУДА)

Начну с цитаты из книги *Л.А. Растрюгина* "Этот случайный, случайный, случайный мир":

"Прежде, чем начать путешествие по миру случая, автор решил выяснить, как определяют случайность авторитетные книги.

Для начала я обратился к философскому словарю. На стр. 323 этого словаря, изданного в 1968 г.¹, черным по белому написано: "Случайность — см. необходимость и случайность". Сразу же тем самым в душу были заронены первые крохи сомнения. Далее было не легче — в рекомендуемой статье словарь категорически отождествляет случайность и несущественность. "Случайность имеет свое основание не в сущности данного явления..."

После столь недвусмысленного замечания в философском словаре писать книгу о случайности просто неудобно — ведь научно-

¹ То же в "Филос. словаре" 1981 г. издания (см. с. 243). В "Филос. энцикл. словаре" (М., 1983 г.) читаем то же самое (см. с. 617, 421): "Случайность — отражение в основном внешних, несущественных... связей действительности".

популярные книги следует писать лишь по существенному (а не по случайному) поводу. Сказать прямо, после подобных размышлений у автора опустились руки. Стоит ли писать книгу о случайности?

Обращение к авторитету К.А. Тимирязева, который имел вполне определенный и (увы!) распространенный взгляд на случайность, тоже не принесло радости. Он сказал: "... что такое случай? Пустое слово, которым прикрывается невежество, уловка ленивого ума. Разве случай существует в природе? Разве он возможен. Разве возможно действие без причины?" ("Краткий очерк теории Дарвина"). Правда, К.А. Тимирязева можно понять, т. к. жил он в то время, когда ряда наук еще и в почине не было, а некоторые лишь зарождались.

После такого обращения со случайностью не написать книгу о случайности было нельзя, хотя бы для ее реабилитации. Ведь эдак теорию вероятностей можно зачислить в псевдонауку, а математическую статистику почитать "уловкой ленивого ума". Во всех приведенных цитатах случайность рассматривается как нечто неприятное, стыдное, о чем не говорят в благовоспитанном обществе. Сквозь эти цитаты четко проглядывает следующая "педагогическая" мысль: "Случай — бека! Не бери его в ручки, брось, запачкаешься! Возьми лучше поиграйся вот этим — необходимостью. Видишь, какая она чистенькая и понятненькая. Вот так и действуй!" И дитя, воспитанное подобным образом, немедленно убеждается, что случай, действительно "не того", а необходимость — это то, что нужно".

(Как это точно подметил Растринин общее настроение многих наших философов, да и ученых, пожалуй! Действительно, у нас не "любили" случайность и, напротив, всячески старались "поднять на щит" необходимость, законосообразность).

"Если шел и дошел, то это строго необходимо, а если поскользнулся и расквасил нос, то уж это случайно.

Подобный взгляд на случайность страдает односторонностью и освещает лишь одну ее сторону — сторону неприятную и досадную.

Какова же роль случая в нашей жизни? Кто задумывался над этим вопросом, тот наверняка заметил, насколько мы зависим от случая. Случайности осаждают нас со всех сторон.

Случайность в науке и технике обычно рассматривалась как враг, как досадная помеха, препятствующая такому исследованию. Случайность мешает предвидеть даже ближайшее будущее, не говоря о том, что она делает невозможным более дальние прогнозы (вспомним хотя бы печальную славу бюро прогнозов погоды). Случайные помехи не только затрудняют, но часто и вовсе прерывают связь между далеко расположенными пунктами. Случай приносит много неприятностей нам и в обыденной жизни. Уже давно люди вступили в борьбу со случайностью. Эта борьба шла и идет по двум направлениям. Первое характеризуется попытками выявить причины случайного события и тем самым изгнать случайность вообще. Это удается сделать, когда случайность оказывается "лишь прикры-

тием нашего незнания". Подобные ситуации складываются в науке очень часто. Именно это заставило К.А. Тимирязева произнести свои гневные слова. Он, правда, отождествил случайность и беспричинность. А это далеко не одно и то же.

В самом деле, всякое событие имеет вполне определенную причину, т. е. является следствием этой причины. Такую причину имеет и всякое случайное событие. В свою очередь, причина сама по себе является следствием какой-то иной причины и т. д. Хорошо, когда цепь причин и следствий проста, очевидна и легко просматривается. В этом разе событие нельзя считать случайным. Например, на вопрос: упадет ли брошенная монета на пол или потолок, можно ответить определенно, и никакой случайности здесь быть не может, здесь все очевидно. Если же цепь причин и следствий сложна и не поддается обозрению, то событие становится непредсказуемым и называется случайным. Так ответ на вопрос, ляжет ли подбрасываемая монета вверх цифрой или гербом, можно точно описать цепью причин и следствий. Но тогда придется ввести в рассмотрение такие факторы, как пульс бросающего, его эмоциональное состояние и т. д. Такую цепь проследить практически невозможно, так как неизвестно, как измерять, например, настроение человека, подбрасывающего монету. И выходит, что хотя причина и есть, но предсказать результат мы по-прежнему не можем и он в данном случае так и остался неопределенным. Здесь сложная цепь причин и следствий приводит к тому, что событие становится непредсказуемым, то есть случайным.

Но что такое "непредсказуемое" событие? Неужели о нем ничего нельзя сказать? Неужели, столкнувшись со случайностью, нужно опускать руки? Нет! Люди давно уже заметили, что случай имеет свои свойства и о "непредсказуемом" событии можно многое сказать. Так, в опыте с подбрасыванием монеты можно утверждать, что примерно в половине случаев она ляжет вверх гербом, а в половине — вверх цифрой. Следовательно, случайность можно и нужно исследовать. Именно поэтому еще в XVII веке были заложены основы теории вероятностей — науки о случайных событиях. Это и является вторым направлением в борьбе со случайностью. Оно имеет своей целью изучение закономерности в случайных событиях. При исследовании этих закономерностей случайное событие не перестает быть случайным, однако становится ясной внутренней структура случайности. Знание ее дает нам возможность вполне сносно существовать в мире с непредсказуемостью случайных событий. Указанные исследования направлены на уменьшение роли случайности в науке, технике и общественной жизни. Разработаны многочисленные методы, позволяющие исключить случайность или, во всяком случае, снизить ее разрушительные последствия. Одной из интереснейших и важнейших проблем такого рода является проблема выявления полезного сигнала из смеси случайных помех и необхо-

димого нам полезного сигнала (в обыденной жизни мы на каждом шагу неплохо решаем массу подобных задач, хотя и не задумываемся о том, как это делаем)...

До сих пор мы говорили о досадной случайности, которая вносит в нашу жизнь неопределенность, неуверенность и тревогу. Но давно замечено, что кроме досадного, есть еще случай счастливый, полезный, желанный. Если раньше люди ограничивались лишь констатацией полезных случаев и удивлением по этому поводу, то сейчас все чаще и чаще встречаются попытки использовать случайность, заставить ее служить человеку. Впервые, по-видимому, поняли пользу случайности и применили ее селекционеры при искусственном выведении новых растений, новых пород скота, птиц и рыб. В последнее время случайностью стали интересоваться инженеры, сумевшие создать ряд удивительных машин, необыкновенные свойства которых получены за счет введения в их конструкцию элемента случайности.

Поняли и оценили важную и полезную роль случайности экономисты и военные, которым приходится решать задачи о выборе наилучшего поведения в конфликтной обстановке. Они убедились, что очень часто наилучшим поведением бывает случайное...

Случайность не пассивна, она активно вмешивается в жизнь, путая планы и создавая возможности. Трудно переоценить влияние случайности на природу, на нашу жизнь. Достаточно сказать, что происхождение жизни является случайным процессом. Случай в природе... бывает слепым, а бывает и удивительно "прозорливым"; рушит так же неизбежно, как и созидает; вызывает сожаление столь же часто, как и восторг; препятствует и одновременно помогает. Такая двойственность случайности делает ее необыкновенно опасным и соблазнительным партнером в борьбе, которую ведет человек против слепых и грозных сил природы. Эта книга посвящена случаю в обоих его лицах: случаю-помехе и случаю-помощнику; случаю-разрушителю и случаю-созидателю; случаю-врагу и случаю-другу"¹.

Л.А. Растринг показывает важную роль случайности в жизни человека и весьма сложные взаимоотношения с ней. Он правильно указывает на то, что философы недооценивают категорию случайности. Его ирония и недоумение по поводу уничижительного определения этой категории в "Философском словаре" вполне понятны и оправданны. В самом деле, мало признавать объективно-реальный характер случайности. Нужно также правильно оценивать ее место и роль в системе объективных категориальных определений мира. Истоки недооценки категории случайности в нашей философской ли-

¹ Растринг Л.А. Этот случайный, случайный, случайный мир. М., 1974. С. 3-7.

тературе лежат в идущей от Гегеля интерпретации этой категории. (См. об этом выше, стр. 225 и далее).

Недооценка случайности проявляется также в том, что ее роль в историческом процессе сводится, по существу, к роли ускорителя или замедлителя исторического процесса. А необходимость в таком случае выступает как ведущая тенденция этого процесса. Н.В. Пилипенко, например, так и пишет: "Отсюда вытекает вывод, что в обществе наряду с необходимостью действуют случайности, замедляющие или ускоряющие его развитие"¹.

Случайность в истории, как и в природе, "действует" *наравне* с необходимостью. Сводить ее роль только к роли ускорителя или замедлителя исторического процесса — это значит фактически признавать ее менее важной категорией по сравнению с необходимостью. Случайность "действует" и на изломах истории, когда речь идет не об ускорении или замедлении исторического процесса, а о его начале, прекращении или коренном преобразовании. Например, вторжение европейцев на американский континент было случайным для существовавших в то время американских цивилизаций. И мы знаем к чему привело это вторжение. Исторический процесс развития исконных американских цивилизаций не просто замедлился, а прекратился. Они перестали существовать. Такая случайность как вторжение европейцев оказалась губительной для них. Или другой пример. Сейчас никто не станет отрицать, что человечество может погибнуть в результате ядерной катастрофы. Исторический процесс на Земле вообще может прекратиться. Разве эта возможность является *необходимой*? Нет,

¹ Пилипенко Н.В. Диалектика необходимости и случайности. М., 1980. С. 199. Далее следует ссылка на одно место из письма Маркса к Л. Кугельману. "Творить мировую историю, — пишет Маркс, — было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы "случайности" не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих "случайностей", среди которых фигурирует и такой "случай", как характер людей, стоящих вначале во главе движения" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175).

конечно.

* * *

Следует отметить, что категории *явления* сильно не повезло в отечественной философской литературе советского периода. Практически она не исследована в своем внутреннем содержании. Во всяком случае, противоположная ей категория закона удостоилась этой "честь" в гораздо большей степени. Это опять же указывает на определенный крен в сторону лапласовского детерминизма.

Считать же явление *необходимым* по происхождению — грубая методологическая ошибка. Не все, что переходит из возможности в действительность, является необходимым. Поэтому и сам переход возможности в действительность нельзя изображать как необходимый (необходимость). В представлении о необходимости как категории, осуществляющей переход возможности в действительность, мы видим рецидив механистического детерминизма лапласовского типа.

4.5.18. ОШИБКА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ СЛУЧАЙНОСТИ С БЕСПРИЧИННОСТЬЮ

Это весьма распространенная ошибка, свойственная определенной части ученых, инженеров, военнослужащих... В советском фильме "Сердца четырех" (1940 г.) военный Колчин говорит: "Ничего случайного не бывает, а все имеет свои причины". Л.А. Растрин по этому поводу писал: см. выше, стр. [370](#).

4.5.19. ОККАЗИОНАЛИЗМ. ОШИБКА АБСОЛЮТИЗАЦИИ СЛУЧАЙНОСТИ

До сих пор термином «окказионализм» обозначали направление в европейской философии 17 века (И.Клауберг, А.Гейлинкс, Н.Мальбранш и др.), интерпретировавшее картезианский дуализм как принципиальную невозможность взаимодействия души и тела. То, что представляется телесной причиной мысли или волевого акта, в действительности, по учению этого окказионализма, есть не более, чем «повод» для истинной «действующей» причины, какой может быть только Бог. Взаимодействие тела и духа он объявлял результатом не-

прерывного «чуда» — прямого вмешательства божества в каждом случае.¹

Мне представляется, термин «окказионализм» (от лат. *occasio* — случай) как нельзя лучше подходит для обозначения ошибок абсолютизации случайности. Окказионализм 17 века — лишь отчасти касается темы случайности.

Кроме указанного термина употребляется еще термин «тихизм» (от греч. *tyche* — случай). Этим термином обозначают учение о господстве случая во Вселенной. Как утверждает «Краткая философская энциклопедия», «тихизм» особенно ярко представлен Ч.С.Пирсом².

В отдельных высказываниях ученых-физиков и философов науки можно наблюдать определенный крен в сторону умеренного окказионализма. Известный физик Дж.Уилер в статье «Об осознании принципа «закон без закона» утверждал, что грядущая эра в развитии физики «будет связана с открытием того, что физический закон покоится, в конечном счете, на хаосе, беспорядке», «будет осознано, что физический порядок на самом деле обусловлен хаосом, то есть является «законом без закона»»³. В книге отечественных авторов можно прочитать: «Именно случай, возможность выбора того или иного пути развития событий, составляет объективную основу Вселенной, ее развития и творчества»⁴.

Ошибка абсолютизации случайности явственно выступает в представлении о свободе как возможности поступать так как хочется. См. об этом выше, стр. [256](#).

4.5.20. О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ПАРАДОКСЕ СВОБОДЫ

Из сближения свободы со случайностью вытекает представление о парадоксе свободы. См. выше стр. [257](#).

¹ См.: Филос. энц. словарь. М., 1983. С. 455.

² См. Краткая филос. энциклопедия. М., 1994. С. 456.

³ Цит. по: Категории «закон» и «хаос». Киев, 1987. С. 220.

⁴ Теория познания и современная физика. М., 1984. С. 73.

4.5.21. ОШИБКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «ЦЕЛОЕ—СТРОЕНИЕ—ЧАСТЬ» И «СИСТЕМА—СТРУКТУРА—ЭЛЕМЕНТ»

Распутывание клубка путаницы с категориальными триадами «целое—строение—части» и «система—структура—элементы».

Категории целого, строения и части всегда играли фундаментальную роль в осмыслении мира. Сначала как слова, а затем как понятия. Это обусловлено тем, что люди изначально делили что-то на части или из разных “вещей” делали что-то одно целое, анализировали и синтезировали.

Категории системы, структуры, элементов *как понятия* появились, видимо, несколько позже первой тройцы категорий. Во всяком случае в русском языке они утвердились лишь в XX столетии.

Совершенно очевидно, с одной стороны, большое сходство двух категориальных триад, а, с другой, различие.

Различие между целым и системой состоит в следующем.

При взгляде на соотношение целого и частей идут от целого, видят-воспринимают в первую очередь целое, а части при этом могут быть скрыты от непосредственного восприятия. При взгляде же на соотношение системы и элементов идут от элементов к системе. Последняя может быть скрыта от непосредственного восприятия. Возьмем два примера: камень-булыжник и солнечную систему. Мы видим перед собой камень-булыжник и воспринимаем его как целое. Если бы мы находились внутри камня и непосредственно наблюдали его части-молекулы, их связи, то тогда сказали бы, что камень — система молекул. Поскольку этого нет, камень-булыжник для нас — целое, а не система. Напротив, о солнечной системе говорят только как о системе, а не о целом. Мы внутри этой системы, видим отдельные ее элементы: Землю, планеты, Солнце — и лишь затем уже постигаем умом, наблюдениями, расчетами, что все они составляют *систему*. О системе мы говорим и в тех случаях, когда собираем из разных элементов какое-то сложное устройство или что-то неупорядоченное приводим в порядок (как говорят, в систему). Опять же здесь мы

идем от элементов к системе.

Как видим, различие между целым и системой в данном случае обусловлено различием субъективных подходов, “точек отсчета”. Объективно любое целое является системой, а система — целым.

Порой между целым и системой проводят такое различие: система — слабое целое, а целое — сильная система. Система — дискретная целостность, упорядоченная связь, порядок каких-то совокупностей. В системе как дискретной целостности части-элементы четко обозначены, выделены. Целое же — монолит, нечто непрерывное, сплошное, в котором части не выделены, не имеют никакого самостоятельного значения.

Не случайно слово “система” часто употребляют в значении “порядок”. Между “целым” и “порядком” такой непосредственной связи нет.

Еще одно видимое различие между целым и системой: система представляется обычно как связь *разнородных* элементов, а для целого как будто безразлично, из каких — *однородных* или *разнородных* — частей оно состоит (пример целого как единства однородных частей: кусок камня).

* * *

С точки зрения категориальной логики *целое* (*целостность*) и *система* не имеют самостоятельного значения подобно телу, вещи и т. п. Целое и система — не виды материи. Их нельзя представлять как материальные образования. Они — лишь стороны-характеристики-определения материальных образований-тел *наряду* с другими сторонами-характеристиками-определениями. Да, тело — целое, система. Но оно же и совокупность частей, элементов, т. е. нечто, *состоящее* из частей, элементов. Оно же имеет определенное строение, структуру, т. е. нечто, *имеющее* строение, структуру. Когда отдельное материальное образование, тело рассматривают лишь как целое, систему, то волей-неволей возникает преувеличенное представление о целостности, системности отдельного материального образования.

Тело как категориальное определение, как вид материи является целокупностью, объединяющей *целое, строение, части*

или *систему, структуру, элементы*. Указанные понятия по отношению к категории тела играют роль субкатегорий.

Здесь может возникнуть вопрос более общего характера: почему мы относим рассматриваемые триады категорий (целое-строение-часть и система-структура-элементы) к категории тела, т. е. считаем их субкатегориями по отношению к телу? Общее соображение таково: эти триады категорий не являются самостоятельными определениями; так или иначе они являются характеристиками *чего-то*. Чаще всего их относят к *телу, материи, предмету, объекту, вещи*. Мы проанализировали все эти отнесения и пришли к выводу, что наиболее точным будет их отнесение к телу.

К материи рассматриваемые триады определений по большому счету относить нельзя, так как если понимать под материей *всю* материальную реальность (а именно так ее чаще всего понимают), то весьма проблематично говорить о целостности, системности такой материи. Ведь целостное, системное ограничено как изнутри (со стороны частей-элементов), так и снаружи (со стороны других целостных-системных образований). Материя же как *вся* материальная реальность не ограничена ни изнутри, ни снаружи.

Весьма условным будет и их отнесение к предмету, объекту. Последние характеризуют иной срез категориальной реальности, а именно функционируют исключительно в рамках той или иной *деятельности*, т. е. тех или иных *субъект-объектных* отношений. Целое-строение-части и система-структура-элементы характеризуют нечто как таковое, как существующее само по себе, вне субъект-объектных отношений, вне тех или иных форм деятельности живого-человеческого. Предмет — это то, на что направлено внимание субъекта (буквально “метит в глаза”). Объект — это то, с чем субъект имеет дело. Рассматриваемые же триады определений характеризуют нечто независимо от того, направлено ли на это нечто внимание субъекта, работает ли с нечем субъект. С другой стороны, поскольку предмет и объект как категориальные определения существуют лишь в рамках субъект-объектных отношений, постольку любая другая фиксация их внутреннего содержания (в нашем случае — как чего-то целостного-системного,

имеющего части-элементы и обладающего строением-структурой) будет ненужным сужением их значения как категорий (получается в случае этой фиксации, что предмет или объект не могут быть нецелостными, несистемными, бесструктурными и т.д).

Неверно с категориально-логической точки зрения и отношение рассматриваемых триад к вещи. Последняя определяет свое содержание в подсистеме “вещь-свойство-отношение”. То есть вещь является вещью не потому, что она является целым, системой, а потому, что обладает теми или иными свойствами, проявляющимися в ее отношениях с другими вещами. Вещь, так сказать, намертво связана со свойствами и отношениями с другими вещами. Искать в ней целостность, структуру, части, элементы — значит выходить за пределы ее категориального содержания, ее феноменологической характеристики как нечто, обладающего свойствами.

Остается, таким образом, одна возможность: отнести рассматриваемые триады определений к *телу*. Тело — нечто достаточно конкретное, существующее само по себе, вне субъект-объектных отношений, ограниченное изнутри (до частей-элементов) и снаружи (другими телами).

Холизм (абсолютизация целостности).

Ошибка сведения частей к целому

Холизм (холос — целое) — концепция, утверждающая примат целого над частями. Термин введен Я.Смэтсом в книге «Холизм и эволюция» (1926). Холизм может быть сильным, средним и слабым. Слабый холизм — это всего лишь акцентирование внимания на целостности. Средний холизм — преувеличение роли целого, утверждение примата целого над частями. Сильный холизм — абсолютизация целостности, возведение целого в Абсолют.

1. Пример абсолютизации целого в казалось бы невинном утверждении Сократа: **нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть**¹. Получается, целое важнее части; часть одно-

¹ По Диогену Лаэртскому: “Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть.” (с. 103).

значно должна подчиняться целому. (Целое — жизнь, часть — питание). С таким пониманием жизни можно далеко уйти. В этом высказывании Сократа, по сути, начало идеализма и холизма. Мое возражение: нет ничего плохого в том, чтобы есть ради того, чтобы есть, и жить отчасти для того, чтобы есть. Любая часть целого (если это действительно часть, а не ничтожная частичка) «живет» относительно самостоятельной, относительно независимой от целого жизнью и влияет на целое не меньше, чем целое на нее. Если говорить о питании, то совершенно очевидно, что эта «часть» жизни живет своей «жизнью», относительно независимой от жизни вообще. Существует культура питания, существуют радости, изощрения и изыски питания, существует целый мир питания, почти такой же сложный, как и сама жизнь.

Каждая часть жизни равноможна самой жизни, как одно бесконечное множество, являющееся «частью» другого бесконечного множества, равножн этому другому.

2. Ярво выраженным холистом был Гегель. «Отдельные части, — писал он, — обладают на самом деле своей главной ценностью лишь через их отношение к целому»¹.

3. К.Маркс и В.И.Ленин, представляя отношение общества и человека как отношение целого и части, явным образом абсолютизировали общество как целое, занимая в сущности холистскую позицию в данном вопросе. Вот некоторые высказывания Маркса:

“Гегель... забывает, что сущность “особой личности” составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество, и что государственные функции и т. д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Понятно, следовательно, что индивиды, поскольку они являются носителями государственных функций и властей, должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству”. — Т. I. С. 242.

“отдельный человек слаб, но мы знаем также, что целое — это сила”. — Т. I. С. 70.

“Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе историче-

¹ Гегель. Соч. Т. 9. М.-Л., 1932. С. 13.

ского развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития”. — Т. 46. Ч. 1. С. 229.

“... отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит отражение в сознании каждой отдельной личности”. — Т. 1. С. 103.

Для В.И. Ленина весьма характерно такое высказывание: “Часть должна сообразоваться с целым, а не наоборот”¹. Независимо от того, что он имел в виду конкретно, это высказывание является выражением определенного умунастроения. В соответствии с этим умунастроением В.В. Маяковский, например, патетически восклицал:

Единица!	ему господин,
Кому она нужна?!	и даже слабые,
Голос единицы	если двое.
теньше писка.	А если
Кто ее услышит? —	в партию
Разве жена!	сгрудились малые —
И то	сдайся, враг,
если не на базаре,	замри
а близко.	и ляг!
Партия —	Партия —
это	рука миллионопалая,
единый ураган,	сжатая
из голосов спрессованный	в один
тихих и тонких,	громящий кулак.
от него	Единица — вздор,
лопаются	единица — ноль,
укрепления врага,	один —
как в канонаду	даже если
от пушек	очень важный —
перепонки.	не подымет
Плохо человеку,	простое
когда он один.	пятивершковое бревно,
Горе одному,	тем более
один не воин —	дом пятиэтажный.
каждый дюжий	(Поэма “Владимир Ильич Ленин”)

В соответствии с этим же умунастроением В.И. Ленин и последующие коммунистические лидеры представляли устройство общества на манер устройства машины-механизма, вполне в духе механистического тоталитаризма.

Самое интересное, отдельные представители советской философской элиты прекрасно сознавали эту связь между абсолютизацией целого и практическим тоталитаризмом. В пятом томе “Философской энциклопедии” И.В. Блауберг писал: “односторонняя трактовка тезиса о приоритете целого над частями сопряжена обычно с элементами мистицизма, а в сфере

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 15. С. 362.

социально-политических теорий ведет к обоснованию тоталитаризма, к обесцениванию личности”¹.

Систематизм. Ошибка абсолютизации системы (системности), порядка

К сожалению, в истории философии, науки, культуры, политики мы имеем примеры преувеличения и преуменьшения значения понятия «система». Одни философы и ученые (системщики, системосозидатели) абсолютизируют это понятие, другие игнорируют его и даже открыто выражают свое неприятие системной идеологии (антисистемщики). Системщики готовы всё считать системой², в том числе и то, что объективно не является таковой. Например, они готовы рассматривать и рассматривают мир как систему³. Как мне представляется, это грубейшая категориально-логическая ошибка. Ведь что получается? Одно из частных определений, пусть и очень важных, относится к миру в целом. С таким же успехом можно рассматривать мир как пространство, как время, как движение, как качество, как количество, как организм и т. д. и т. п.

Понятие системы в его категориальном значении неприменимо к миру в целом. Слово «система» лишь очень условно можно употреблять по отношению к миру.

В строгом смысле о мире в целом нельзя говорить, что он системен или бессистемен, упорядочен или неупорядочен, целостен, един или нецелостен, неедин. Все эти определения являются частными и лишь в своей совокупности могут характеризовать мир в целом.

¹ См.: Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970. С. 474.

² А.Н. Аверьянов так и пишет: “все совокупности являются системами”. Он утверждает, что такой же точки зрения придерживаются В.Г. Афанасьев, В.С. Тютин, Е.Ф. Солопов, Н.Ф. Овчинников, А.Е. Фурман. См.: А.Н. Аверьянов. Системное познание мира. М., 1985. С. 39.

³ Ф. Энгельс, например, писал: Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего”. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 392 (“Диалектика природы”).

Абсолютизация системности может быть также связана с трактовкой системы как порядка, т. е. в расширенном значении. Безусловно, система и порядок — соответственные категории и в этом смысле они могут в определенных ситуациях употребляться как взаимозаменяемые понятия. Однако, этих ситуаций не так много...

Многие философы прошлого склоняли чашу весов в сторону системности, порядка. Достаточно упомянуть Спинозу, Лейбница, Канта, Гегеля. Кант писал, например: «Природа, особенно неорганическая, полна доказательств в пользу того, что материя, сама по себе определяющая с помощью механики своих сил, приводит к результатам, отличающимся известной правильностью, и сама собой, без принуждения, удовлетворяет правилам гармоничности»¹. Или: «...природа даже в состоянии хаоса может действовать только правильно и слаженно»². Или: «регулятивный принцип требует, чтобы мы допускали безусловно, стало быть, как вытекающее из сущности вещей, систематическое единство как *единство природы*, которое не только эмпирически познается, но и а priori, хотя и в неопределенной еще форме, предполагается»³.

А Гегель был просто одержим идеей системности. Например, он писал: «Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного; помимо того, что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию. Всякое содержание получает оправдание лишь как момент целого, вне которого оно есть необоснованное предположение, или субъективная уверенность». Или: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее» («Феноменология духа», стр. 3). Кажется весьма привлекательной позиция Гегеля. В молодости я симпатизировал этой позиции. Теперь вижу ее недостатки. Тут и сциентизм, и объективизм (однозначно негативное отношение к субъективности), и антиокказионализм (пренебрежительное отношение к случайности), и холизм...

Нелюбовь рационалистически настроенных философов к

¹ Кант И. Сочинения в 6-и т. — М., 1963. — Т. 1. С. 121-123.

² Там же. С. 124.

³ Там же. Т. 3. С. 585-586.

хаосу, беспорядку, к тому, что не является системой, не имеет структуры, можно объяснить, но не оправдать. С категориально-логической точки зрения к беспорядку, хаосу, стихии нужно относиться также *философски уважительно*, как и к порядку, организованности, системности. Да, есть материя упорядоченная, организованная, системная, структурированная, оформленная. Но есть и материя неупорядоченная, неструктурированная, хаотичная. В ценностном смысле вторая так же значима для нас, людей, как и первая. С другой стороны, как не нужно нам слишком большого беспорядка, так не нужно и слишком большого порядка. Этатизм (тоталитаризм) и анархизм одинаково неприемлемы. В XX веке мы достаточно натерпелись от твердого (нацистского и коммунистического) порядка. Кстати, слишком большой порядок в человеческом сообществе неизбежно ведет к слишком большому беспорядку. (Нацистский твердый порядок привел Германию к национальной катастрофе, к хаосу. Коммунистическая заорганизованность общества в России началась с губительной гражданской войны, сопровождалась невиданными репрессиями, превращением страны в додоново [сонное] царство при Брежневе и закончилась тем, что поставила Россию на грань национальной катастрофы). Крайности, как говорится, сходятся!

Партикуляризм. Ошибка сведения целого к частям (к отдельной части или к сумме частей).

По-другому: ошибка элиминации целого

Отрицание целостности (сведение целого к сумме частей)

См., например, Гоббс: *«целое и совокупность всех его частей идентичны»*¹.

Или, например, когда оценивают сложнейшее явление (эпоху, современность, народ, нацию) по какому-то одному признаку-параметру (например, говорят об индустриальном, постиндустриальном, информационном обществе).

Или когда смысл жизни видят лишь в одной из ее «частей»: любви, труде, творчестве...

¹ Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. Т. 1, М., 1989. С. 142.

4.5.22. ХАОТИЗМ. ОШИБКА АБСОЛЮТИЗАЦИИ НЕУПОРЯДОЧЕННОСТИ, ХАОСА, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Эта ошибка сопряжена с ошибкой абсолютизации случайности. Те, кто абсолютизируют случайность, абсолютизируют и беспорядок, хаос, неопределенность.

Хаотизм — весьма распространенная ошибка. Эту ошибку допускают и на обыденном-практическом уровне, и в науке, и в политике, и в философии.

Философы не просто допускают эту ошибку, а порой настаивают на ней, возводят ее в принцип. Одними из первых таких философов были софисты. По словам русского философа В.С.Соловьева они возводили в принцип умственную анархию. Философия софистов, писал русский мыслитель, «признавая все относительным, ставила целью жизни личную выгоду и удачу, а главным средством, которым можно достигать своих целей с чужой помощью, утверждала риторичку, как искусство убеждать других без собственного убеждения»¹.

В духе «методологического анархизма» говорил и писал П.К.Фейерабенд. «Тому, кто посмотрит на богатый материал, доставляемый историей, — отмечал он, — и кто не стремится улучшить ее в угоду своим инстинктам и в силу своего стремления к интеллектуальной уверенности в форме ясности, «объективности» или «истинности», станет ясно, что существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах развития человечества. Это принцип — все дозволено»². В этих словах Фейерабенда — своеобразная реакция на глобальные историцистские теории-проекты (марксистскую теорию и подобные ей).

Фейерабендовский принцип «всё дозволено» довольно-таки странный. Он звучит как антитезис утверждения «не всё дозволено» или любимой фразы религиозно настроенных начальников “если Бога нет, то всё позволено” (из романа Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”). И тезис («всё дозволено»), и антитезис («не всё дозволено») одинаково непри-

¹ См.: Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона. Статья «Платон».

² Feyerabend P.K. Against method: Outline of an anarchistic theory of knowledge. — London, 1975. P. 27-28. — Цит. по: Категории «закон» и «хаос». Киев, 1987. С. 235

емлемы для нормального человека. В них есть что-то унижительное для него как деятеля-субъекта, как хозяина жизни. Что человек — ребенок, подчиненный, раб, чтобы ему что-то было дозволено или не дозволено?! Вспоминается герой чеховского рассказа унтер Пришибеев, который оправдывал свои *пришибеевские* действия тем, что нельзя народу позволять, чтобы он безобразил. Слова “дозволять”, “не позволять” — из лексикона не в меру ретивых начальников, “законников”, добровольных опекунов и командиров. С их точки зрения всё, что не дозволено, — запрещено, неприемлемо. С человеком в таком случае обращаются как с ребенком или того хуже, как с рабом.

На одном полюсе мы видим вот это: обращение с людьми как с детьми, подчиненными, рабами (кто-то им позволяет или не позволяет). На другом полюсе («всё дозволено») мы видим расшалившегося-распоясовшегося ребенка, взбунтовавшего раба или просто анархиста. В том и другом случае нет *свободного* человека, нет *хозяина* жизни.

Яркий пример хаотизма в политике — анархизм. На бытовом уровне лозунг анархизма звучит так: «анархия — мать порядка». Выступая против государства, анархисты тем самым сдвигают естественный баланс порядка-беспорядка в обществе в сторону беспорядка. Ведь что такое государство по сути? Это институт, обеспечивающий общий порядок жизни в данной стране. Без государства нет общего порядка, а без общего порядка нет общей управляемости на данной территории. Отсутствие общей управляемости неизбежно ведет к кровавым конфликтам и войнам. Современное человечество нуждается не только в общем порядке на отдельных национально-исторических территориях, но и в общем порядке во всемирном масштабе. Отсюда стремление к глобализму, к созданию всемирных институтов, устанавливающих общий порядок жизни человечества. Анархисты опять в первых рядах политических хаотистов, теперь уже не только как антигосударственники, но и как антиглобалисты.

(Хочу заметить: к антиглобалистам в целом я отношусь также спокойно, позитивно-критически, как и к глобалистам. В принципе, перетягивание каната между глобалистами и антиглобалистами — это нормальное «качание маятника», динамическое равновесие сторонников порядка и беспорядка во всемирном масштабе).

Элементы хаотизма можно найти и в разных революцион-

ных теориях. Базаров, небезызвестный герой романа И.С.Тургенева «Отцы и дети», говорил: «Сначала расчистим, а строить будут другие». Чистой воды нигилизм! Как эти слова перекликаются с знаменитыми словами коммунистическо-большевистского гимна «Интернационал»: «Весь мир насилья мы разрушим/ До основанья, а затем мы наш мы новый мир построим/ Кто был ничем, тот станет всем»! В том и другом случае мысль идет по такому пути: сначала уничтожение прежнего порядка, т. е. фактически приведение к хаосу, а затем строительство нового порядка из хаоса. Всё как будто логично-разумно: именно так мы строим новый дом *на месте* старого дома. Но в том-то и дело, что не во всех случаях применима подобная цепь действий. Социальные преобразования, если они действительно необходимы, требуют другого сценария: не разрушения старого дома и постройки нового, а **перестройки** дома (ведь жители данной страны не могут просто уйти из своей страны, как уходят из старого дома, разрушить ее и на чистом месте построить новую страну). Помимо ошибки хаотизма в таких революционных теориях совершается ошибка абсолютизации качественного уподобления (социальных преобразований — строительству дома).

Хаотизм в науке. Под анархистским лозунгом «анархия — мать порядка» готовы подписаться и некоторые ученые, особенно те из них, которые разрабатывают проблемы нелинейной математики и синергетики. Они утверждают: порядок — из хаоса! Якобы хаос, беспорядок может самоорганизоваться, т. е. самопроизвольно привести к определенному порядку. На самом деле нет никакой самоорганизации (в смысле самопроизвольного возникновения порядка из хаоса). Все феномены так называемой самоорганизации на самом деле являются феноменами **реорганизации**, т. е. новый порядок возникает не из чистого беспорядка, а из взаимодействия порядка и беспорядка, на границе порядка и беспорядка, в **промежутке** между чистым беспорядком (хаосом) и жестким порядком. Сами ученые указывают на то, что в чистом хаосе не может зародиться порядок. Для того, чтобы возник новый порядок, нужно обязательно наличие обоих элементов: хаоса и старого порядка. (Я слушал лекции академика С.П.Курдюмова, директора Института прикладной математики, специалиста по нелинейной математике и синергетике. Он как раз указывал на это обстоя-

тельство, что самоорганизация возможна лишь в промежутке между полным беспорядком и полным порядком.)

(Представление о том, что «порядок из хаоса», — весьма древнего происхождения. У многих народов существовала легенда о первозданном хаосе, из которого впоследствии высшие силы создали гармонический мир. Так, в одном из гимнов древнейшего письменного памятника «Ригведа» говорится, что бог «развил прекрасный мир из бесформенного хаоса, который был все, что тогда существовало»¹. Гесиод в «Теогонии» также пишет: «Ранее всего был Хаос». Это представление о первозданном хаосе, пишет А.Н.Аверьянов, «сохранилось до наших дней. Многие космогонические гипотезы строятся на допущении первоначального хаотического состояния вещества». «И самым уязвимым их местом, — справедливо заключает он, — является объяснение перехода от хаотического состояния материи к упорядоченному»².)

Примеры хаотизма в химии. В химии были периоды, когда в мышлении ученых-химиков господствовал хаотизм, т. е. было четко обозначено стремление к абсолютизации категории хаоса. Первый удар по этой абсолютизации был нанесен открытием законов стехиометрии в XVIII веке. «Процесс утверждения в химии законов стехиометрии, — пишет А.А.Данцев, — явился одновременно и процессом вытеснения из химического мышления длительное время царившей там бессистемности, хаотичности представлений о составе веществ. С открытием, например, стехиометрического закона постоянства состава появилась, как известно, возможность разграничения между химическими элементами, их простейшими соединениями, а также смесями. Вследствие этого... произошло четкое отграничение предмета химии от предметов других наук, в частности физики и механики.»³

Второй удар по химическому хаотизму был нанесен Д.И.Менделеевым. «Процесс утверждения в химии учения Менделеева о периодичности и его дальнейшая разработка, — продолжает А.А.Данцев, — позволили внести коррективы и в истолкование роли категории хаоса, которая весьма односторонне и, если можно так выразиться, пассивно функциониру-

¹ См.: Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1956. Т. 1. С. 80.

² См.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 30.

³ См.: Категории «закон» и «хаос». Киев, 1987. С. 235.

вала в химическом мышлении. Упрочение в науке периодического закона дало возможность преодолеть представления об элементах как разобщенных, случайных —химических индивидах, составляющих свой хаотический, беспорядочный мир, нанесло ощутимый удар по укоренившемуся в сознании некоторых химиков стремлению абсолютизировать категорию хаоса как отражающую, якобы главенствующую тенденцию в сфере химических явлений.

Названное стремление химиков объяснялось и тем, что в течение длительного времени они вынуждены были рассматривать вещества во внереакционном состоянии, отвлекаясь от изучения самого химического процесса и обходя, таким образом, постижение присущих ему законов. Эта ситуация породила среди части химиков XIX в. определенный шаблон мышления, преувеличивавший роль хаотичности, беспорядочности в химических процессах, то есть основывается на пассивном признании ведущей роли категории хаоса применительно к их интерпретации. Преодоление такого подхода стало возможным с позиций учения о периодичности и в результате создания структурных, а затем и кинетических теорий.»¹

Пример бытового-практического хаотизма. Недавно (май-июль 2002 г.) по отечественному телевидению прошла реклама бульонного порошка *Knorr*, которая сопровождалась такими словами: «Правила существуют, чтобы их нарушать». Я никогда не думал, что публично (по государственному телеканалу РТР и другим общенациональным каналам!) могут фактически пропагандировать пренебрежение правилами как таковыми, практический хаотизм. Понятно, конечно, что субъективно, с позиции рекламщиков и руководителей телеканала, эти слова — не более, чем полушутливый эпатаж, цель которого привлечь внимание телезрителей к предмету рекламы. Объективно же этот эпатаж ничем нельзя оправдать. Юные телезрители, да и многие неискушенные в подобных шутках взрослые воспринимают подобные слова всерьез, вплоть до того, чтобы квалифицировать их как руководство к действию. Представьте себе ситуации с моральным поведением (нарушение основных принципов морали, правил поведения в обществе), с политическим поведением (нарушение пра-

¹ См. там же. С. 236.

вил-законов демократического общества, политический экстремизм, терроризм), с поведением на дорогах (нарушение правил дорожного поведения), с жизненно значимыми поступками вообще (нарушение фундаментальных правил жизни, охраняющих человека от смерти, болезней и настраивающих его на конструктивную деятельность — детопроизводство, творчество). Все эти ситуации можно охарактеризовать двумя словами: **разрушение жизни**. Сколько потенциальных убийц, грабителей, мошенников, наркоманов, террористов, виновников автомобильных аварий и т. д. и т. п. всерьез руководствуются этой сентенцией!

4.5.23. РЕАЛИЗМ И НОМИНАЛИЗМ

Реализм — абсолютизация общего. Близок к холизму.

Номинализм — абсолютизация частного. Близок к партикуляризму.

Антисфен (435-370), противник платоновских идей, отрицал реальность общего: “Лошадь я вижу, лошадности же не вижу”. Истинное знание может быть только о единичном.

4.5.24. ОШИБКА ПОСПЕШНОГО ОБОБЩЕНИЯ *fallacia fictae universalitatis*

Это — известная логическая и весьма распространенная ошибка или уловка. По В.И.Кириллову и Старченко «доказательство несостоятельно, когда отдельными фактами пытаются обосновать широкий тезис — обобщение в этом случае будет «слишком широким или поспешным» (В.И.Кириллов, А.А.Старченко. Логика. М., 1999 г.)

Г.И.Челпанов приводит такой пример ошибки: «Когда путешественник после поверхностного знакомства с каким-либо народом делают попытки характеризовать его, например когда они произносят: «греки лживы», «турки жестоки» и т. п., то они впадают именно в ошибку поспешного обобщения» (Г.И.Челпанов. Учебник логики). Е.А.Хоменко, автор учебника «Логика», пишет: «*Поспешность обобщения*. Эта ошибка характеризует известную невыдержанность исследователя, когда он первые положительные результаты без достаточной проверки обобщает и выдает за научный закон. Здесь желаемое выдается за действительное и создается впечатление ре-

шения нерешенного, по существу, вопроса. Во избежание подобной ошибки необходимо рассмотреть возможно большее число случаев и стараться подбирать их с учетом самых разнообразных условий, влияющих на данное явление. Для надежного вывода нужны сотни подтверждающих его фактов, а один-единственный противоречащий случай способен разрушить этот вывод.

Иногда за поспешностью обобщения может скрываться прямая недобросовестность или даже сознательная попытка выдать за истину еще далеко не доказанное положение».

Примеры поспешного обобщения:

1. Одна студентка утверждала на семинаре по логике: “на улицах Москвы — беспорядок”. Такой вывод она сделала на основании фактов дорожных происшествий, которые почерпнула в телепередаче “Дорожный патруль”.

2. «Это чудовищное время» — так выразился Виктор Шендерович утром 26-го октября по радио «Эхо Москвы», комментируя трагедию с захватом и освобождением заложников во дворце культуры на ул. Мельникова в Москве. Таким образом оценивают наше время некоторые политические и общественные деятели. Здесь налицо поспешность обобщения. Говоря о взрыве домов в Москве и Волгодонске в 1999 г., о трагических событиях в США 11 сентября 2001 г., о захвате более 800 заложников в Москве 23 октября и т. п., делают заключение «имеют место один, два, три и т. д. чудовищные события, следовательно мы живем в чудовищное время».

4.5.25. ОШИБКИ СМЕШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «ОБЩЕЕ— ЧАСТНОЕ» («РОД— ВИД») С КАТЕГОРИЯМИ «ЦЕЛОЕ— ЧАСТЬ» В ЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ОБОБЩЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ

В процессе обобщения и ограничения понятий иногда путают переходы от рода к виду с отношениями целого к части (и наоборот).

4.5.26. ОРГАНИЦИЗМ

Разные философы, ученые и политики, увлекаясь органицистическим подходом, нередко представляли те или иные

сообщества организмами. Отсюда во многом их антидемократические, националистические, этатистские и тоталитаристские убеждения.

К сожалению, традиция изображать человеческое общество как организм весьма древняя. Ей отдали дань такие философские авторитеты как Платон и Аристотель. С Платоном всё ясно, но Аристотель?! С одной стороны, он критиковал Платона за абсолютизацию государственного единства, а, с другой, недалеко ушел от последнего в своем представлении соотношения государства и человека.

Вот что писал он по поводу государственного единства:

“Я имею в виду мысль Сократа: лучше всего для всякого государства, чтобы оно по мере возможности представляло собой единство; эту именно предпосылку Сократ ставит в основу своего положения.

Ясно, что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется некоторым множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи — отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек — нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство. Далее, в состав государства не только входят отдельные многочисленные люди, но они еще и различаются между собой по своим качествам, ведь элементы, образующие государство, не могут быть одинаковы...

Можно и другим способом доказать, что стремление сделать государство чрезмерно единым не является чем-то лучшим: семья — нечто более самодовлеющее (существующее само по себе — Л.Б.), нежели отдельный человек, государство — нежели семья, а осуществляется государство в том случае, когда множество, объединенное государством в одно целое, будет самодовлеющим. И если более самодовлеющее состояние предпочтительнее, то и меньшая степень единства предпочтительнее, чем большая”¹.

Здесь мы видим Аристотеля, различающего государство, семью и отдельного человека по степени единства. Но вот в той же “Политике” он уподобляет государство (общество) живому организму, рассматривает его по существу как органическое целое, а отдельного человека как часть этого целого:

“Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего:

¹ Аристотель. Политика, 1261a 15-25; 1261b 10-15. — Соч. в 4-х т.т. Т. 4. М., 1984. С. 404-405.

...один только человек из всех живых существ одарен речью... Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим “каменная рука”; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой... Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому”¹.

Здесь уже другой Аристотель, несколько прямолинейный в своем уподоблении государства-общества живому организму и в оценке соотношения государства и отдельного человека как соотношения целого и части. Гегель комментирует: “Аристотель не делает отдельного человека и его права основным принципом, а признает государство чем-то по своей сущности высшим, чем отдельный человек и семья, потому что оно и составляет их субстанциальность”. Далее он справедливо замечает: “Это прямо противоположно современному принципу, в котором особенный произвол единичного человека делается исходным пунктом, как нечто единичное, так что все подачей своего голоса определяют, что должно быть законом, и лишь благодаря этому возникает некий общественный союз. Для Аристотеля, как и Платона, государство есть *ргiус*, субстанциальное, главное, ибо его цель является высшей целью в практической области”².

Насколько распространенным в древности было уподобление государства организму, можно судить по такой полубогемдарной истории. Когда однажды в древнем Риме взбунтовались плебеи, сенатор Менений Агриппа умиротворял их следующим образом. “Каждый из вас знает, — говорил он, — что в организме человека существуют разные части, причем каждая из этих частей выполняет свою определенную роль:

¹ Там же. С. 378-379 (“Политика”, 1253а 6-28).

² Гегель. Лекции по истории философии. Книга вторая. С.-Петербург, 1994. С. 282-293.

ноги переносят человека с одного места на другое, голова думает, руки работают. Государство — это тоже организм, в котором каждая часть предназначена для выполнения своей определенной роли: патриции — это мозг государства, плебеи — это его руки. Что было бы с человеческим организмом, если бы отдельные его части взбунтовались и отказались выполнять предназначенную для них роль? Если бы руки человека отказались работать, голова — думать, тогда человек был бы обречен на гибель. То же самое случится и с государством, если его граждане будут отказываться выполнять то, что является их естественной обязанностью»¹.

Поучителен пример с К. Марксом. Как неопит социологической мысли и одновременно как приверженец коммунистических идей, он истолковывал соотношение *человека и общества* большей частью как соотношение части и целого/органического целого, т. е. рассматривал общество в духе холизма и органицизма, а отдельного человека как ничтожную частичку общественного целого, как представителя той или иной социальной общности².

А вот что пишет Б. Рассел по поводу органицизма и его связи с идеологиями этатизма и национализма: «Престиж биологии заставлял людей, мышление которых находилось под влиянием науки, применять биологические, а не механические категории к миру... Понятие организма стали представлять ключом к научному и философскому объяснению законов природы... В политике она (эта точка зрения — Л.Б.), естественно, вела к возвеличиванию общества в противоположность индивидууму. Это находится в гармонии с растущей мощностью государства, а также с национализмом, который мог обратиться к дарвиновскому учению о выживании сильнейших, применяя его не к индивидуумам, а к нациям.»³

¹ См.: А.И. Уемов. Основы практической логики с задачами и упражнениями. Одесса, 1992. С. 300.

² Конечно, не всё так однозначно в учении Маркса, как это представляется некоторым его либеральным оппонентам-противникам. См.: “Противоречия во взглядах К. Маркса на человека и общество”. — В: Балашов Л.Е. Критика марксизма и коммунизма. М., 1997.

³ Рассел Б. История западной филос. Т. 2. Новосибирск, 1994. С. 217.

4.5.27. МОНИЗМ. ОШИБКА СВЕДЕНИЯ МНОГОГО К ОДНОМУ

В принципе все монистические учения являются односторонними. Монизм абсолютизирует единство, цельность, что-то одно, пусть это будет начало, первоначало, сущность, первосущность, субстанция и т. д. и т. п. Это тот случай, когда «за лесом не видят отдельных деревьев», когда превалирует валовой подход. Монизм склонен монополизировать какое-то одно видение мира, жизни, человека и навязать его другим, всем.

К монистическим абсолютизациям относятся позиции, когда мир рассматривается как целое, единое, субстанция, система, материя, дух.

Монизм категориально-логически связан с холизмом, а через него с гипертрофированным стремлением к унификации, к глобализму, с этатизмом и тоталитаризмом.

4.5.28. ПЛЮРАЛИЗМ. ОШИБКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОДНОГО КАК МНОГОГО

Плюралистические учения также односторонни, как и монистические, только наоборот. Они «за деревьями не видят леса».

В «Краткой философской энциклопедии (М., 1994) утверждается, что «современная философия, отклоняющая всякий монизм, плюралистична в своей основе. Она признает множество самостоятельных, часто отдельных существований (см. Персонализм), детерминированных сущностей и «слоев бытия»» (с. 346). Авторы Энциклопедии выдают желаемое за действительное. Если они — сторонники плюрализма, то это не значит, что таковы все остальные современные философы. Можно говорить лишь о некоторой моде на плюрализм. Эта мода, как и всякая мода, во-первых, неуниверсальна, и во-вторых, скоропреходяща.

Плюрализм всё примиряет, всё оправдывает, абсолютизирует формулы «каждый по своему прав» или «каждому свое». Он фактически стирает грань между знанием и заблуждением, истиной и ложью, благом и злом, ценным и неценным.

Например, теория многознания, полигнозиса. И научные, и религиозные, и мистические представления — всё знание. В таком плюрализме знаний стирается грань между тем, что является знанием, а что не является таковым, что является истинной, а что заблуждением.

(Сейчас, в ситуации религиозного бума, переживаемого Россией, некоторые философы и ученые пытаются навести мосты между религией и наукой, возрождают теорию двойственной истины, говорят о многознании (разном знании об одном и том же). Появился даже журнал под таким названием ("Полигнозис"). Что на это можно сказать? **Если всё истинно, то истинна и ложь, т. е. всё ложно.** Об этом говорил Аристотель еще 2300 лет назад: "Кто объявляет все истинным, тем самым делает истинным и утверждение, противоположное его собственному". Не может быть двух разных истин об одном и том же и не может быть двух разных знаний об одном и том же. В современном обществе именно наука олицетворяет познавательную мощь человечества. Все остальные формы общественного сознания занимаются чем угодно, но только не производством знания. Поскольку религиозные деятели и всякие мистики претендуют на владение истиной /отличной от научной/, они тем самым вступают в конфликт с наукой, что бы там они не говорили.)

Или теория этического релятивизма. В соответствии с ней каждый имеет свою мораль, свое представление о морали и, следовательно, каждый волен поступать так, как он хочет и понимает. Есть многообразие морально-этических позиций, но нет единства.

В американском прагматизме сильна тенденция к такому плюрализму. И нынешний постмодернизм во многом подобен прагматизму. Постмодернисты, чураясь-избегая всяких канон, стандартов, монизма, единства, абсолютизма и т. п., бросаются в другую крайность, а именно, в крайность плюрализма, хаоса, аномального, релятивизма.

4.5.29. АБСОЛЮТИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ

В триаде «вещь—свойство—отношение» абсолютизм делает акцент на вещи (безотносительном, безусловном, цельном, устойчивом, общем), а релятивизм — на отношении (относительном, условном, изменчивом). Абсолютизм близок

монизму, холизму, квалитатизму, субстанциализму, инфинитизму., объективизму... Релятивизм близок плюрализму, партикуляризму, квантитатизму, финитизму, субъективизму...

Формами абсолютизма являются философский (пример: абсолютный идеализм Гегеля), познавательный, этический...

Этический абсолютизм — «методологический принцип истолкования природы нравственности... Моральные принципы, понятия добра и зла сторонники А. трактуют как извечные и неизменные, абсолютные начала (законы вселенной, априорные истины или божественные заповеди), не связанные с условиями общественной жизни людей, с их потребностями...» (Словарь по этике. М., 1983. С. 3). Примером этического абсолютизма является этика долга И. Канта.

Релятивизм тоже имеет разные формы.

Онтологический релятивизм утверждает: «всё относительно». Наверное, первым онтологическим релятивистом был Кратил. Его релятивизм вытекал из крайнего кинетизма (см. выше, раздел о кинетизме).

Познавательный релятивизм не видит или смазывает различия между истиной и ложью, знанием и заблуждением, знанием и незнанием.

Этический релятивизм «выражается в том, что моральным понятиям придается крайне относительный, изменчивый и условный характер. Релятивисты видят лишь то, что нравственные принципы, понятия добра и зла различны у разных народов, социальных групп и отдельных людей, определенным образом связаны с интересами, убеждениями и склонностями людей, ограничены в своем значении условиями места и времени» (Словарь по этике. М., 1983. С. 295).

4.5.30. ФИНИТИЗМ. РАЗНЫЕ СТЕПЕНИ И ФОРМЫ ОТРИЦАНИЯ БЕСКОНЕЧНОГО

1. От полного отрицания бесконечного к полупризнанию. Жесткий и умеренный финитизм.

2. Бесконечное непознаваемо.

3. Понятие бесконечного является исключительно отрицательным, т. е. пустым.

В духе полного отрицания бесконечного выступали многие философы. Вот что пишет об этом А.С.Кармин:

«Критика идеи бесконечности, однако, выливается не только в отрицание актуальной, абсолютной божественной бесконечности, но и в пессимистические заявления о невозможности пользоваться понятием бесконечности вообще.

Бесконечность, утверждает, например, Э.Кондильяк, есть «имя, даваемое нами некоторой идее, которой мы не имеем, но которую мы считаем отличной от тех идей, которые мы имеем». Он объявляет понятие бесконечности пустой и никчемной фантазией и осуждает Р.Декарта, Б.Спинозу, Г.-В.Лейбница и вообще всех философов, прибегавших к нему в своих учениях.

«Я не представляю себе, писал Ж.Б.Робинэ, — бесконечности; я не представляю себе ничего в бесконечности. Чем больше я думаю о ней, тем больше я убеждаюсь, как безрассудно со стороны ограниченного ума осмеливаться что-нибудь утверждать или отрицать о бесконечности»¹. Ж.Б.Робинэ считал бесконечное совершенно не постижимым для нас. Мы не можем ни понять, ни определить его. Мы не имеем права прилагать понятие бесконечного ни к чему — не только к совокупности всего существующего, но даже и к совокупности всего возможного. «Неверно полагать, — писал он, — что совокупность всего возможного есть бесконечность. Это вовсе не доказано. Всякая вещь в отдельности — существует ли она или только возможна — признается конечной. Каким же образом может стать бесконечной совокупность, вытекающая из конечных членов?»² Нетрудно заметить, что тезис об отрицательном характере идеи бесконечности приводит Ж.Б.Робинэ сначала к полному отрыву бесконечного от конечного, а затем на этом основании — к выводу от его полной непознаваемости.

Трудности обоснования методов исчисления бесконечно малых порождают призывы отказаться от понятия бесконечности и в математике. Характерен, например, такой факт: в 1784 г. Берлинская академия наук объявила конкурс, на котором предлагалась, в частности, задача «дать прочное и ясное основание понятию, которым можно было бы заменить бесконечное»³.

Рассматривая бесконечность как чисто отрицательную идею и противопоставляя ее конечным вещам, философы того времени начинают видеть в ней не более чем неудачное дитя человеческого рассудка или даже плод нашего воображения. Идея бесконечности связывается уже не с объективными свойствами материального ми-

¹ Робинэ Ж.Б. О природе. М., 1936. С. 217.

² Там же. С. 374.

³ См.: Шереметевский В.П. Очерки по истории математики. М.; Л., 1940. С. 166.

ра, а с субъективными особенностями нашего ума. Эта тенденция, берущая начало еще в средневековой схоластике (учение о синкатегорематическом бесконечном), прослеживается у Т.Гоббса, когда он утверждает, что представление о бесконечности каких-либо вещей «прорастает из недостаточности нашего разума, а не из их природы»¹ (См. «Конечное и бесконечное», с. 60-61. А.С.Кармин). Она пробивается и у Дж.Толанда, который полагал, что число, время, протяжение и т. п. «бесконечны лишь в отношении наших мыслительных операций, но не сами по себе». Эта тенденция подхватывается и развертывается в субъективно-идеалистическую интерпретацию бесконечности А.Бейлем и др.

А.Кольер, например, старался показать, что могут быть в равной степени обоснованы как ограниченность, так и неограниченность пространства, как дискретность, так и бесконечная делимость материи. Поэтому он считал бессмысленным говорить о бесконечности мира; о мире вообще можно что-то сказать лишь постольку, поскольку мы можем проследить в нем протяжение и деление материи (здесь А.Кольер в известной мере предвосхищает кантовское учение об антиномиях разума).

Противником идеи бесконечности выступал Д.Беркли. Бесконечное не может быть дано в восприятии, подчеркивал он; оно представляет лишенную всякого обоснования абстракцию. В произведении «Аналист» Д.Беркли критиковал использование понятия бесконечности в математике, развивая своеобразную концепцию математического финитизма. Он требовал изгнания «бесполезного» понятия бесконечности из науки и уверял, что отказавшись от него, «мы однажды и навсегда освободим науку от всех затруднений и противоречий»².

4.5.31. ИНФИНИТИЗМ. ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К КАТЕГОРИИ КОНЕЧНОГО

Инфинитистами были Спиноза, Лейбниц, Гегель... Учение Спинозы о субстанции есть, в сущности, учение о бесконечном. Посмотрите, как он в небольшом, но очень важном для его философии фрагменте педалирует тему бесконечного: «Под богом я разумею существо абсолютно бесконечное (*ens absolute infinitum*), т. е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность». Конечное у него производно от бесконечного, более того, всецело находится внутри бесконечно-

¹ Гоббс Т. Основы философии.— Избр. соч. М., 1926. С. 438.

² См.: Конечное и бесконечное. Киев, 1982. С. 60-62.

го. Иными словами, конечные вещи порождаются бесконечной субстанцией. Она их мать-утроба.

По сравнению со Спинозой Гегель — более умеренный инфинитист. В общих рассуждениях о конечном и бесконечном он, как правило, придерживался сбалансированной или, как еще говорят, диалектической позиции. Однако, во многих частных рассуждениях, касающихся роли конечного в разных сферах бытия, он говорил весьма пренебрежительно о конечном, конечных вещах — как о чем-то внешнем, случайном, частном, единичном, одним из многих и поэтому ничтожном.

4.5.32. ОШИБКИ ПЕРЕОЦЕНКИ И НЕДООЦЕНКИ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Поклонники логического мышления, рационалистического мировосприятия выступают против противоречий в принципе. Склонные же к мистицизму, иррационализму, к хаосу-беспорядку абсолютизируют противоречия.

Таким образом, с одной стороны имеет место недооценка противоречий или даже страх перед противоречиями. А, с другой, абсолютизация противоречий.

О противоречиях в мышлении и парадоксальных высказываниях см. выше, стр. 203, 204 и далее.

4.5.33. ОШИБКА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЖИВОГО И СУЩЕГО, ЖИЗНИ И СУЩЕСТВОВАНИЯ, БЫТИЯ.

Эта ошибка может привести к противоположным результатам: 1) к редукционизму (сведению высшего к низшему), когда жизнь понимается как существование, а живое как сущее; 2) к гилозоизму, когда существование понимается как жизнь, а сущее как живое.

4.5.34. ТЕЛЕОЛОГИЗМ, ФИНАЛИЗМ. АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Телеологизм — «учение о том, что не только действия человека, но и исторические события и природные явления направлены как в общем плане, так и в частности, к определенной цели (телеологической); рассмотрение вещей только с

точки зрения целесообразности. Телеология¹ является *антропоцентрической*, если она исходит из того, что все существует для человека; *метафизической* — если она исходит из конечной цели, господствующей над всем мировым процессом; *трансцендентной* — если она исходит из признания потустороннего целеполагающего существа, находящегося вне мира; *имманентной* — если она полагает, что цель заключена в самих вещах (см. Энтелехия)» (Краткая филос. энциклопедия, с. 450).

Вот как Спиноза критикует сторонников телеологии: если камень, упавший с кровли, пробьет голову человеку и убьет его, они будут доказывать, что камень упал именно для того, чтобы убить человека; "так как если бы он упал не с этой целью по воле бога, то каким же образом могло бы случайно соединиться столько обстоятельств (так как часто их соединяется очень много)?" Если же ответить им, что это случилось потому, что подул ветер, а человек шел по этой дороге, то они будут стоять на своем: почему ветер подул в это время, почему человек шел по этой дороге именно в это же самое время? Если же ответить, что ветер поднялся потому, что море начало волноваться, а человек был приглашен в гости, то они опять будут задавать неизменный вопрос "почему", ибо "вопросам нет конца"². И.А. Конилов комментирует: "У Спинозы, как известно, прослеживание причинной цепи ставится во главу угла, и философ упрекает своих противников именно в том, что своими бесконечными "почему" они не отыскивают подлинных причин явлений, а прикрывают свое невежество ссылками на волю бога, прибегают к "новому способу доказательства, именно приведения не к невозможному, а к незнанию"³.

¹ Правильнее здесь говорить не о телеологии, а о телеологизме. Телеология — просто учение о целесообразности или цели. Телеология превращается в телеологизм, когда цель, целесообразность, целеполагание абсолютизируют.

² Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1, М., 1957. С. 398.

³ См. там же.

4.6. ПЕРЕКОСЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И ИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

4.6.1. О НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВИЯХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ КОНЦЕПЦИИ ПЕРВИЧНОСТИ КАЧЕСТВА

Эти нежелательные следствия двоякого рода. Так для Гегеля первичность качества означает, что она является более фундаментальной категорией, чем количество. В его "Учении о бытии" качество занимает по отношению к количеству такое же положение, какое сущность занимает по отношению к явлению в "Учении о сущности". Гегель не раз, в тех или иных частных вопросах, подчеркивал более существенный характер качественных определений по сравнению с количественными. В этой позиции Гегеля таится опасность недооценки количественных методов познания и вообще экспериментирующей науки.

С другой стороны, концепция первичности качества объективно ведет к элиминации категории качества, к зачеркиванию ее научной значимости. Характерно в этом отношении высказывание Ж.-П. Сартра¹. Качество, утверждал он, есть категория чувственного, непосредственного восприятия. Наука не знает категории качества; законы могут быть только количественными. Еще более категоричен А.А. Богданов. Качество он характеризовал как "безусловно обывательский термин, который никакой научной ценности не имеет"². К разряду подобных высказываний относится и афоризм математика Д.Б. Юдина: "Качество — это еще не познанное количество"³. Такое мнение о качестве приобрело прочность предрассудка и попало даже в справочные издания. Так, в "Краткой философской энциклопедии" (М., 1994) читаем: "Сведение качества к

¹ См.: J.P. Sartre. Drei Essays. Materialismus und Revolution. Berlin, 1961, S. 58, 60-62.

² Богданов А.А. Пределы научности рассуждения. — "Вестник Коммунистической академии", 1927, № 21. С. 253.

³ Цит. по: Азгальдов Г.Г. Потребительная стоимость и ее измерение. М., 1971. С. 154.

количеству — основная тенденция современного естествознания" (с. 207).

В нашей философской литературе на основе представления о предшествовании качественного познания количественному в недавнем прошлом делались попытки истолковать категорию качества как более простую по сравнению с категорией количества¹.

В основе указанных представлений о соотношении качества и количества лежит аналогия, обратная той, какую мы видели у Гегеля. Движение от качества к количеству рассматривается теперь как движение от явления к сущности и закону. В самом деле, в познании мы нередко идем от явлений к сущности и законам, от следствий к причинам. Познание явлений, следствий часто предшествует познанию причин, сущности, законов. Если мы настаиваем на предшествовании качественного познания количественному, то невольно напрашивается аналогия, согласно которой качественное познание есть феноменологическое познание или познание явлений, следствий, а количественное познание есть познание причин, сущности, законов. Такова логика концепции предшествования качества количеству в познании.

4.6.2. МАТЕРИАЛИЗМ И ИДЕАЛИЗМ

Многие философы, особенно в прошлом, относили себя к *материалистам* или *идеалистам*. Такое деление философов самое известное и самое древнее. Уже Платон различал их подобным образом.

Материализм и идеализм различны главным образом вследствие различия их объектов. Объектом материалистической философии является природа и все остальное она рассматривает через “призму” природы. Главным объектом внимания идеалистической философии являются высшие формы человеческой, духовной, социальной жизни. Если за основу берется духовная жизнь человеческого общества — то это —

¹ См., например: Категории материалистической диалектики. М., 1957. С. 49.

объективный идеализм. Если же за основу берется духовная жизнь индивидуума, то это — субъективный идеализм.

Материалисты идут от природы, от материи и объясняют явления человеческого духа на основе материальных причин. Идеалисты идут от явлений человеческого духа, от мышления и на их основе объясняют всё остальное. Короче говоря, материалисты идут от мира к человеку и его разуму, а идеалисты идут от человека к миру.

Идеалисты пытаются объяснить низшее через высшее, а материалисты, наоборот, — высшее через низшее.

Материалисты рассматривают идеальное как слепок, отражение реального. Идеалисты, напротив, рассматривают реальное как слепок-продукт идеального. И те и другие по-своему правы. Материалисты абсолютизируют познавательную способность человека (ведь в познании реальное мы переводим в идеальный план; идеальное, полученное в процессе познания, лишь повторяет реальное, соответствует ему, разделяет то, что разделено в объекте и соединяет то, что соединено в объекте; в познании мы приспосабливаемся к миру, пытаемся слиться с ним, раствориться в нем). Идеалисты абсолютизируют управляюще-преобразующую способность человека (в управляюще-преобразовательной деятельности мы переводим идеальное в реальный план; реальное, полученное в результате такой деятельности, лишь повторяет идеальное, соответствует ему; в управляюще-преобразовательной деятельности мы приспосабливаем мир к своим потребностям, пытаемся подчинить его себе, господствовать над ним, очеловечить, одухотворить его).

Есть еще одно различие между материализмом и идеализмом, о котором писал А.И. Герцен: "... идеализм стремился уничтожить вещественное бытие, принять его за мертвое, за призрак, за ложь, за ничто, пожалуй, потому, что быть одной случайностью сущности весьма немного. Идеализм видел и признавал одно всеобщее, родовое, сущность, разум человеческий, отрешенный от всего человеческого; материализм, точно так же односторонний, шел прямо на уничтожение всего невещественного, отрицал всеобщее, видел отделение мозга, в эмпирии единый источник знания, а истину признавал в одних

частностях, в одних вещах, осязаемых и зримых; для него был разумный человек, но не было ни разума, ни человечества...”¹.

Нужно указать также на то, что материализм и идеализм весьма различаются в своих ценностных ориентациях. “Невозможно логическими доводами, — справедливо замечает Л. Н. Гумилев, — примирить людей, взгляды которых на происхождение и сущность мира полярны, ибо они исходят из принципиально различных мироощущений. Одни ощущают материальный мир и его многообразие как благо, другие — как безусловное зло...”². За примерами не нужно далеко ходить. Вот мнение Гегеля: “... все духовное, лучше какого бы то ни было продукта природы”³. Прямо противоположного мнения придерживался биолог Р. Майер. “Природа в ее простой истине, — писал он, — является более великой и прекрасной, чем любое создание человеческих рук, чем все иллюзии сотворенного духа”⁴.

С точки зрения категориальной логики материализм и идеализм содержат в себе целый комплекс абсолютизаций и односторонностей. Они, действительно, представляют собой перекосы категориального мышления.

Общая для них ошибка — монизм. Материализм вольно или невольно сводит всё многообразие мира к одной категории — материи. Идеализм, напротив, сводит все многообразие мира к идеальному, духовному.

Далее, если материализм тяготеет к редукционизму, то идеализм, напротив, наделяет низшее чертами высшего, тем самым мистифицируя его.

Наиболее классическая форма идеализма: идеализм Гегеля. Ему были свойственны такие ошибки: абсолютизм, холизм, инфинитизм, квалитатизм, реализм, систематизм, нецессизм, панлогизм.

¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т.т. Т. 3. С. 264.

² Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992. С. 211.

³ Гегель. Соч. Т. XII. С. 31.

⁴ Цит. по: Кузнецов Б.Г. А. Эйнштейн. М., 1963. С. 117.

4.6.3. РАЦИОНАЛИЗМ, ЭМПИРИЗМ, ИРРАЦИОНАЛИЗМ

Другое известное деление философов — на *рационалистов, эмпириков и иррационалистов*.

Слово “рационализм” происходит от французского “rationalisme”, которое в свою очередь происходит от латинского “rationalis”, а последнее от латинского же “ratio”. Одно из основных значений слова “ratio” — разум. Соответственно рационализм часто понимают как концепцию, утверждающую верховенство разума в жизни человека. А иррационализм методом от противного рассматривается как концепция, отвергающая верховенство разума в жизни человека. Кто же прав?

Кажется очевидным непререкаемый авторитет разума и, напротив, странным, почему люди, философы вновь и вновь атакуют разум, отвергают его притязания на верховенство и т. д. и т. п.

В том, что разум управляет человеком, его поведением, есть *противоречие*. С одной стороны понятно, что в разуме сосредоточены основные нити управления человеческим поведением. Но, с другой, как может “часть” (а разум лишь “часть” человека, пусть главная, но всё же “часть”) управлять, “вертеть” целым?

Да, действительно, разум лишь “часть”, но такая, которая делает целое целым. Разум — интегральное “свойство” человека, делающее его целым, т. е. он в известном смысле и часть, и целое, является связующим звеном между “частями” человека и человеком как целым.

Рационалисты любят декартовское “я мыслю, следовательно, существую”. Иррационалистам ближе шекспировские слова: “есть много, друг Гораций, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам”.

Рационалисты акцентируют внимание на верховенстве разума, а иррационалисты — на его ограниченности, на том, что разум меньше самого человека, меньше жизни, и поэтому не может быть верховным руководителем жизни¹. И те и другие

¹ “Если допустить, что жизнь может управляться разумом — то уничтожится сама возможность жизни” — Лев Толстой. «Жизнь надо любить прежде логики» — Ф. М. Достоевский (Иван Карамазов. «Братья Карамазовы»).

правы по-своему. Истина, как всегда, где-то посередине. Человек, с одной стороны, старается руководствоваться в своем поведении доводами разума, а, с другой, ведет себя порой как существо *вне*разумное, лишенное разума, а то и просто безумное, как чувствующее¹, наслаждающееся или страдающее, как волящее или безвольное и т. д.

Различие между рационализмом и иррационализмом не только в их отношении к разуму. Они — это логика и интуиция, рассудочность и алогизм, возведенные в ранг философской концепции или сознательно принятые в качестве методологических установок, парадигм.

Рационалисты склонны к порядку, любят его и абсолютизируют его. Соответственно они абсолютизируют знание, всё непознанное пытаются истолковать с позиций познанного, наличного знания.

Иррационалисты, наоборот, не любят обычный порядок вещей, склонны к беспорядку, готовы допустить все, что угодно. Иррационалисты — это любители парадоксов, загадок, мистики и т. п. Они абсолютизируют незнание, сферу неизведанного, непознанного, тайну.

Можно различать **умеренный и крайний рационализм, умеренный и крайний иррационализм.**

Умеренный рационализм достаточно самокритично относится к себе (пример: критический рационализм К. Поппера), отвергает чисто рассудочный, чисто логический подход к оценке явлений мира.

Крайний рационализм рассудочен, до омерзения логичен, расчетлив как вычислительная машина, выступает в таких мировоззренческих установках как лапласовский детерминизм, механицизм, технократизм.

Умеренный иррационализм делает упор на эмоциональность, неповторимость, индивидуальность, пренебрежительно относится к логике, любит парадоксы и загадки (пример: философия С.Кьеркегора, экзистенциализм). В искусстве он выступает в форме абсурдизма, сюрреализма...

¹ Некоторые люди на полном серьезе утверждают, что они живут чувствами. Диана, принцесса Уэльская, незадолго до своей смерти сказала буквально следующее: “Я живу чувствами, а не разумом”.

Крайний иррационализм обычно выступает в форме мистицизма. Для него всё тайна, всё чудо, возможно любое нарушение порядка (законов, правил, естественного хода событий, жизни и т. п.).

*Эмпиризм*¹ — абсолютизация опыта, промежуточного (между логикой и интуицией) способа мышления, вероятностного подхода. Он выступает в двух формах: сенсуализма и прагматизма. Сенсуалистический эмпиризм акцентирует внимание на чувственном опыте (*sensus* — чувство, ощущение), чувственном познании. Прагматический эмпиризм акцентирует внимание на двигательной активности человека, на физических-практических действиях, приводящих к успеху. Сенсуализм пассивен, созерцателен; прагматизм активен, деятелен.

Эмпиризм занимает промежуточное положение между рационализмом и иррационализмом. Это видно из следующего.

Первое. Ясно, что между рационализмом и иррационализмом более глубокое различие, чем между рационализмом и эмпиризмом. И если располагать указанные философские-методологические позиции-установки в один ряд, то рационализм и иррационализм будут крайними членами этого ряда, а эмпиризм — средним членом.

Второе. На промежуточный характер эмпиризма указывает и то, что он может тяготеть к рационализму, быть, так сказать, рационалистическим и к иррационализму, быть иррационалистическим.

Третье. Эмпирики отвергают крайности рационализма и иррационализма. Они достаточно скромно оценивают и рассудочную, дедуктивную логику, и интуицию, фантазию. Вспомним, как Ф. Бэкон, эмпирически ориентированный философ, выступал против дедуктивной логики Аристотеля. Органону Аристотеля он противопоставил свой "Новый Органон", в котором пытался обосновать универсальное значение индукции как научного метода. С другой стороны, эмпирики не жалуют интуицию (догадку, фантазию, воображение). Они выступают против мистицизма.

Это, кстати, не исключает "дружбы" крайнего эмпиризма с мистицизмом. Вот что, например, писал Ф. Энгельс о плоском эмпиризме биолога Уоллеса и химика Крукса: «Но довольно. Мы здесь наглядно убедились, каков самый верный путь от естествознания к

¹ От греч. *empeiria* — опыт.

мистицизму. Это не безудержное теоретизирование натурфилософов, а самая плоская эмпирия, презирающая всякую теорию и относящаяся с недоверием ко всякому мышлению. Существование духов доказывается не на основании априорной необходимости, а на основании эмпирических наблюдений господ Уоллеса, Крукса и компании. Так как мы доверяем спектрально-аналитическим наблюдениям Крукса, приведшим к открытию металла таллия, или же богатым зоологическим открытиям Уоллеса на островах Малайского архипелага, то от нас требуют того же самого доверия к спиритическим опытам и открытиям обоих этих ученых. А когда мы заявляем, что здесь есть все-таки маленькая разница, а именно, что открытия первого рода мы можем проверить, второго же не можем, то духовидцы отвечают нам, что это неверно и что они готовы дать нам возможность проверить и спиритические явления».

Вообще эмпирики слишком скромно оценивают человеческое мышление и разум, в частности. Эмпирики-сенсуалисты отдают предпочтение чувственному опыту. Их наиболее яркий представитель — Д. Локк — утверждал: «Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах». Вдумайтесь в эти слова: какое, в сущности, уничижение разума! (Зачем тогда разум, если в нем нет ничего, чего не было бы в чувствах?)

Эмпирики прагматического направления отдают предпочтение действию, практическому опыту.

Такая скромная оценка мышления и разума вполне корреспондируется с вероятностным характером эмпирического мышления. Ведь на основе опыта можно получить только вероятные выводы. В этом случае нет места ни дедукции, ни интуиции. А где нет дедукции и интуиции, там нет и Разума как высшей способности мышления, объединяющей то и другое. Да и о мышлении в целом приходится говорить как о некоторой условности, как о каком-то непонятном довеске к чувственности. В самом деле, что такое мышление без Разума, т. е. без Силы и Глубины?! Да и вообще, возможно ли мышление без взаимодействия (в широком смысле) логики и интуиции?!

Можно различать крайних и умеренных эмпириков. Крайние эмпирики стоят на позиции, что существует только то, что можно потрогать и пощупать. «Что в руки взять нельзя — того для вас и нет» (Гёте) — вот их кредо. По их мнению, опыт является единственным источником знания. Крайний эмпиризм называют еще ползучим эмпиризмом. Он ползает по частным случаям и не пытается оторваться от них, т. е. не пытается

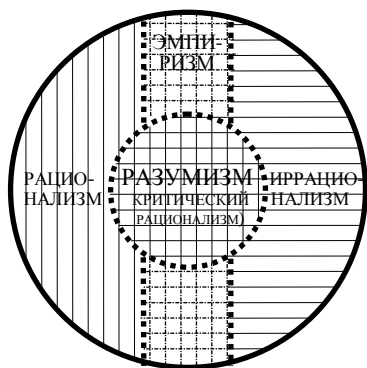
¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1982. С. 41-42.

обобщать. Ползучий эмпиризм летать не способен.

Умеренный эмпиризм на словах за опыт как источник знаний, а на деле вынужден в какой-то мере учитывать то, что лежит за пределами опыта.

Умеренные эмпирики — как птицы с подрезанными крыльями или как курицы, которые так тяжелы, что могут только вспархивать, но не способны летать.

Ниже приводится **схема соотношения рационализма, эмпиризма, иррационализма и “разумизма”**.

Она аналогична структурной схеме мышления (см.: Л.Е.Балашов. Философия. М., 2021, стр. 506). Это позволяет не просто говорить о различии или противоположности указанных подходов, а классифицировать их, уточнить их место и роль в человеческой культуре. Из схемы можно видеть, что наиболее сбалансированная позиция — это позиция “разумизма”.

Она охватывает все типы мышления (логику, интуицию, вероятностное мышление) и избегает крайностей-односторонностей рационализма, иррационализма, эмпиризма. Термин “рационализм” не подходит для обозначения указанной позиции, так как по-русски он может пониматься и как “разумизм”, и как “рассудизм”. Эта неопределенность в понимании термина создает постоянную опасность истолкования его в одностороннем смысле (как “рассудизм”). Это — во-первых. Во-вторых, односторонность рационализма как бы продуцируется-задается фактом существования противоположной позиции — иррационализма. Спор между рационализмом и иррационализмом — это, в сущности, ситуация позиционного конфликта, как в суде: между обвинением и защитой. Соответственно, как и в суде, должен быть верховный арбитр между рационализмом и иррационализмом. Им не может быть рационализм, поскольку он сам — одна из спорящих сторон.

(К. Поппер попытался преодолеть односторонность рационализма и иррационализма в концепции *критического рационализма* и это получилось у него в общем-то неплохо. Неудачно только название концепции. Критический, да еще рационализм! Поппер не учел того, что выражение “критический рационализм” довольно-таки неопределенно, допускает разные толкования, не только то, которое он дал. Например, “критический рационализм” можно понимать как признание критики главенствующим способом мышления. Или его можно понимать как рационализм, критикующий всё, что не является рационализмом. И т. д., и т. п.)

4.6.4. ВЫШИЗМ. ОШИБКА НАДЕЛЕНИЯ НИЗШЕГО ЧЕРТАМИ ВЫСШЕГО

Ошибку наделения низшего чертами высшего предлагаю назвать **вышизмом** (от слова **высшее**). Эта ошибка противоположна ошибке сведения высшего к низшему (редукционизму).

Само по себе наделение низшего чертами высшего не является ошибкой категориального мышления. В искусстве, например, очень часто используется язык метафор-аллегорий-олицетворений-уподоблений, в котором присутствует это наделение низшего чертами высшего. Взять хотя бы сказочные сюжеты, фантастику, басни... В последних животные наделены человеческими чертами, исполняют роль людей.

Ошибкой это наделение низшего чертами высшего становится тогда, когда его принимают-воспринимают всерьез, взаправду, как имеющее место на самом деле, в действительности.

Наиболее распространенными разновидностями указанной ошибки являются оживотворение неорганической природы (гилозоизм), ее одушевление (анимизм, панпсихизм), очеловечивание природы-мира (антропоморфизм), одухотворение природы-мира (идеализм).

4.6.5. ГИЛОЗОИЗМ

(оживотворение неорганической природы)

Гилозоизм (от греч. ύλη — материя и ζωή — жизнь), термин, введенный Кедвортом в 1678 г. для обозначения натуралистических концепций (преимущественно ранних греческих

философов), отрицающих границу между «живым» и «неживым» и полагающих «жизнь» внутренним свойством мира. Гилозоизм отождествляет «живое» и «сущее», понимает бытие как «жизнь», а небытие — как «смерть».¹

М. Мамардашвили писал о гилозоизме: "...чтобы высказать объективное суждение о чем-то, нужно ввести какие-то посылки, допущения. В том смысле, что в материи (а это предпосылка) не сидит собственная воля. В мире нет духов. И это установлено путем весьма сложных философских рассуждений и усилий. Скажем, еще в XVIII веке Канту приходилось бороться с гилозоизмом и он утверждал, что гилозоизм есть смерть всякой философии природы. То есть, если в природе есть духи, то мы вообще о природе не можем высказывать объективного суждения. И наоборот, мы можем высказывать объективные суждения только в той мере, в какой в природе не допускается существования своеобразных, самовольных существ." (Введение в философию. С. 28)

Гилозоизм близок панпсихизму, представлению о всеобщей одушевленности природы.

4.6.6. ПАНПСИХИЗМ

Панпсихизм (от греч. pan – все и греч. psyche – душа) одушевляет природу, мир, иными словами, переносит свойства одушевленного на неодушевленные предметы, на природу, на мир в целом.

Исторические формы панпсихизма различны: от анимизма первобытных верований и гилозоизма древнегреческой философии до развитых учений о душе и психической реальности как подлинной сущности мира (концепция монады у Г. В. Лейбница, философские идеи Г. Т. Фехнера, К. Г. Юнга и др.).

4.6.7. АНТРОПОМОРФИЗМ

Антропоморфизм (от греч. antropos — человек и morphe — форма, вид) — уподобление человеку, наделение человеческими свойствами предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных, мифических существ. Антропомор-

¹ См.: Филос. энци. словарь, М., 1983.

физм возникает как первоначальная форма мировоззрения и выражается не только в наделении животных человеческой психикой, но и в приписывании неодушевленным предметам способности действовать, жить и умирать, испытывать переживания и т. д. (земля спит, небо хмурится и т. п.). Эта форма антропоморфизма господствовала на ранних ступенях развития общества. Отголоски такого понимания мира представлены в языке современных культурных народов, в искусстве, особенно в поэзии, где известная антропоморфность ряда образов связана с требованием высокой эмоциональной выразительности. Антропоморфизм характерен для религиозного мировоззрения, что выражается в перенесении облика и свойств человека на вымышленные предметы, присущем большинству религиозных представлений о богах и других сверхъестественных существах. Антропоморфными, в частности, являются обычно боги так называемых высших религий, хотя в теологии это обстоятельство отрицается.¹

Антропоморфизм — отчасти разновидность гилозоизма, а отчасти — самостоятельный взгляд или концепция. Он до сих пор используется в учениях, теориях, аргументах разного рода.

Вот свежий пример его использования в политических целях. В течение 2001-2002 годов Государственная Дума решала вопрос о частной собственности на землю. Левые политики и депутаты во главе с коммунистами (Г. А. Зюганов) выступали против частной собственности на землю, утверждая, что земля — мать, а матерью нельзя торговать, нельзя ее продавать. Они уподобляли землю живому существу, человеку, что совершенно недопустимо с точки зрения категориальной логики. Б. Немцов, руководитель фракции СПС в ГосДуме, справедливо возражал: коммунисты говорят — землю нельзя продавать, потому что она мать. А можно мать арендовать? (Коммунисты допускают аренду земли). Или, если земля — мать, то как можно ее пахать, а тем более, унавоживать? Вот и получается, подвел итог дискуссии телеведущий (РТР, «Вести», 16 мая 2002 г., 23.00), землю не используют, не обрабатывают пото-

¹ См. там же. С. 30.

му, что она мать, к ней относятся как к матери (телеведущий имеет в виду, что из-за того, что земля не находится в ответственности у людей, она толком не используется, пустует).

Антропоморфизм можно квалифицировать и как разновидность субъективизма. Человек — субъект и всякий перенос его свойств на объект означает фактический субъективизм.

4.6.8. РЕДУКЦИОНИЗМ. ОШИБКА СВЕДЕНИЯ ВЫСШЕГО К НИЗШЕМУ ИЛИ СЛОЖНОГО К ПРОСТОМУ

Частные случаи редукционизма: материализм, механицизм, бихевиоризм, натурализм, физикализм.

Частные случаи редукционизма: материализм, механицизм, бихевиоризм, натурализм, физикализм.

Механицизм

Механицизм — частный случай редукционизма.

Декарт уподоблял организм животного механизму. С него начинается формирование собственно механистического мировоззрения. Это мировоззрение господствовало в умах ученых-естествоиспытателей вплоть до начала XX века.

В механистической картине мир представлялся как хорошо отлаженная машина. Устройство мира чаще всего уподобляли часовому механизму. Так, в «Трактате о метафизике» (1734) Вольтер сравнивал Вселенную с часовым механизмом, а бога — с часовщиком, который соорудил этот механизм и завел его. На этой позиции Вольтер оставался и в более поздних своих работах. Вслед за Вольтером и Лаплас уподоблял устройство Вселенной часовому механизму.

Ламетри в своей работе "Человек-машина" уподоблял человека машине.

Так называемый механистический тоталитаризм Ленина-Сталина уподоблял устройство общества машинному производству (в частном случае фабрике-заводу).

Нацистский режим Гитлера тоже был в значительной мере машиноподобен. Взять хотя бы теорию и практику **твердого порядка**. Уподоблять живой порядок-беспорядок человеческого общества порядку твердого тела — самый настоящий механицизм.

Механицизм не только сводит сложное к простому, но и отдает предпочтение порядку, законосообразности, т. е. пытается так или иначе элиминировать (устранить, уничтожить) хаос, беспорядок, случайность или минимизировать, свести их влияние к минимуму.

Механистический тоталитаризм Ленина-Сталина

Механистический тоталитаризм — это представление общества как некой машины, механизма. Человек в таком обществе находится в системе жестко-детерминированных, однозначных связей и рассматривается, по существу, как винтик общественного механизма.

В. И. Ленин и последующие коммунистические лидеры представляли устройство общества на манер устройства машины-механизма, вполне в духе механистического тоталитаризма.

Так в программном произведении “Очередные задачи Советской власти” (март 1918 г.) В. И. Ленин прямо сравнивал народное хозяйство с часовым механизмом. Он писал: “Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью **часового механизма** (выделено мной Л. Б.). Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи” (с. 105).

На протяжении десятилетий это произведение Ленина изучали студенты вузов и техникумов, миллионы и миллионы людей, практически все представители умственного труда — управленческая, научная, инженерно-техническая, художественная интеллигенция.

Соответственно многие руководители, ученые и деятели культуры были заражены идеологией механистического тоталитаризма.

В управлении страной — засилье инженерно-технических кадров. Это засилье преодолевается только сейчас.

Фразеология руководителей всех уровней была насыщена механицизмами — словами и оборотами из языка механиков. Профсоюзы и комсомол (молодежная организация) рассматривались вполне официально как приводные ремни партии. Эта фразеология проникла и в песни. В авиационном марше “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью” были такие слова: “а вместо сердца — пламенный мотор!”. Сталин в своей знаменитой речи на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы не постеснялся назвать простых людей “винтиками”, “которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела”. Само имя “Сталин” весьма символично. В нем стальной смысл. Не случайно человек с этим именем стал преемником Ленина и правил страной 30 лет.

Весь общественный строй, особенно при Ленине и Сталине, носил полувоенный характер. А мы знаем, что военная организация в значительной мере машиноподобна.

Физикализм

Физикализм одна из форм редукционизма, «философский взгляд, для которого все то, что не может быть понято при помощи методов физики и изложено при помощи ее понятий, является бессмысленным» (Краткая философская энциклопедия). К физикализму склонялись неопозитивизм и неореализм.

Бихевиоризм

Бихевиоризм (от англ. behaviour — поведение) — направление в американской психологии XX в., сводящее психику к различным формам поведения, понятого как совокупность реакций организма на стимулы внешней среды¹.

Лапласовский детерминизм

Предтечи лапласовского детерминизма: Демокрит, Спиноза, Лейбниц.

Спиноза: «Если бы духу могли быть известны причины

¹ См.: Краткий психологический словарь. М., 1985.

существования всех без исключения единичных вещей и последовательность соединения этих вещей в общую каузальную сеть Природы, тогда категории случайного просто не нашлось бы места в ряду мыслительных форм». (См.: А.Д.Майданский. Логический метод Р.Декарта и Б.Спинозы. Таганрог, 1998. С. 79).

Лейбниц: Я думаю, «что, говоря языком алгебры, если в одной формуле высшей характеристики выразить какое-либо одно существенное для универсума явление, то в такой формуле можно будет прочесть последующие, будущие явления во всех частях универсума и во все строго определенные времена...»¹

Лаплас

Вслед за Спинозой и Лейбницем Лаплас писал: «Мы должны рассматривать настоящее состояние вселенной как следствие ее предыдущего состояния и как причину последующего. Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел вселенной, наравне с движениями легчайших атомов; не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором»²

В.А.Марков комментирует: «Одна формула и весь мир. Жесткая программа, согласно которой функционирует Универсум. Сверхгигантский Детерминированный Автомат. Всеведущий и вездесущий дух, не имеющий возможности выбрать. Машина, о которой говорил Ламетри»³.

Пьер-Симон Лаплас абсолютизировал необходимость и законосообразность всего происходящего в мире. Это хорошо видно из следующих его высказываний: "Все явления, даже те,

¹ Лейбниц Г. Два отрывка о принципе непрерывности. — Соч., т. 1, М., 1982. С. 212.

² Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. С. 9.

³ Марков В.А. Феномен случайности. Методологический анализ. Рига, 1988. С. 42.

которые по своей незначительности как будто не зависят от великих законов природы, суть следствия столь же неизбежные этих законов, как обращение солнца". Или: "Правильность, которую обнаруживает нам астрономия, без всякого сомнения, имеет место во всех явлениях. Кривая, описанная простою молекулою воздуха или пара, определена так же точно, как и орбиты планет"¹. Обратите внимание, что в обоих случаях Лаплас ссылается на движение планет вокруг Солнца. Мы знаем, что орбитальное движение планет строго упорядочено, законосообразно. Оно относится к такому типу реальности, в котором господствуют необходимость и закон, а случайность и неупорядоченность почти исключены.

Для *лапласовского детерминизма* необходимость существует как бы в чистом виде, без заметных случайных отклонений в ту или иную сторону. Такая необходимость лишь внешне соотносится со случайностью, т. е. совершенно исключает ее даже в смысле формы проявления. Эта необходимость имеет место в высокой степени замкнутых, обратимых процессах, протекающих строго определенным образом и обусловливающих целостность и сохранение природных неорганических систем. Например, необходимость движения планет по определенным орбитам, необходимость смены времен года, смены дня и ночи в результате вращения Земли вокруг своей оси, необходимость движения электронов по заданным орбитам вокруг ядер атомов, необходимость колебательных движений атомов в узлах кристаллических решеток и т. д. Регулярные затмения Солнца и Луны в строго определенное время потому и возможны, что они обусловлены орбитальными движениями Земли и Луны, их необходимыми возвратами в одни и те же точки орбит.

Кстати, затмения Солнца и Луны относятся к таким явлениям, которые *необходимы* по своему происхождению. Хотя они и носят внешний характер, т. е. относятся по определению к внешней, являющейся стороне действительности, тем не менее они как бы прямо, непосредственно отражают внутреннюю сторону действительности. В случае затмения Солнца диск Луны в результате ее орбитального движения на время перекрывает поток света, исходящий от Солнца и попадаю-

¹ Лаплас П.С. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. С. 48, 11.
430

щий в определенную точку Земли, где наблюдается затмение. Солнечный свет и уменьшение его интенсивности в результате затмения — это электромагнитные явления, *внешние* для гравитационных систем Луна-Земля и Земля-Солнце. Они не обуславливают существование этих систем. Тем не менее, как мы уже говорили, эти явления, особенно затмения Солнца и Луны, весьма точно "сигнализируют" о необходимости и законосообразности орбитальных движений. В древние времена затмение Солнца как чрезвычайно редкое, необычное событие люди относили к разряду случайных или чудесных. А когда ученые открыли, что на самом деле это событие не случайное, а необходимое по своему происхождению, некоторые из них на основании наблюдения этого явления и подобных ему стали думать, что и все другие явления необходимы по своему происхождению, а случайности нет в реальном мире. Вот из этого умонастроения и родился лапласовский детерминизм. Оттуда же многочисленные высказывания ученых и философов — от Демокрита до нашего Тимирязева — о случайности как феномене незнания.

Квазилапласовский детерминизм

В марксистской философии (советского периода) с детерминизмом обычно связывали концепцию, признающую объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества¹. Между тем такое понимание детерминизма недалеко ушло от лапласовского детерминизма. Детерминизм нельзя связывать только с тремя категориями: необходимостью, закономерностью и причинностью. Кто так делает, тот неизбежно скатывается на позиции лапласовского детерминизма, т. е. отрицания или, в лучшем случае, полупризнания объективного существования случайности. В самом деле, если мы связываем детерминизм только с объективным существованием необходимости, закономерности, то к какой концепции относить тогда признание объективного существования случайности? Ясно, что к индетерминизму. Ведь случайность противоположна необходимости. Если даже мы будем относить случайность к разновидности причинной обу-

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, С. 149. См. также: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973.

словленности, то и в этом случае мы по-настоящему не избавимся от представления о ее чуждости детерминизму. Обычное понятие детерминизма, связывающее его с указанной тройкой категорий, акцентирует внимание на необходимости, закономерности, т. е. в нем нет уравновешенного представления о случайности и необходимости как полюсах взаимозависимости. Как бы мы ни трактовали причинность, все равно упор в таком понятии детерминизма делается именно на необходимость, закономерность. Вспомним, что и причинная связь часто трактуется как необходимая, т. е. опять же в координатах вышеуказанных категорий.

* * *

Примером квазилапласовского детерминизма (и, одновременно, онаучивания, сциентификации философии) являются попытки некоторых философов и философских школ выразить основные философские положения в форме законов. Здесь действует двойная аргументация: миром управляют законы, которые рано или поздно открывают; раз в науке открывают законы, значит и в философии можно это делать.

Во-первых, формулируемые в науке законы управляют, но не всем миром. Так или иначе они имеют ограниченный характер, поскольку формулируются на основе лишь некоторых наблюдений-экспериментов. В философии же говорят о всём мире, о мире в целом. Поэтому никаких-таких законов, которые управляли бы миром в целом нет и быть не может.

Во-вторых, любые законы характеризуют реальность лишь с одной стороны — ее упорядоченности. Неупорядоченность, беспорядок, хаос — не в их компетенции. Этой стороной реальности "заведуют" (если можно так выразиться) явления. Называть некоторые философские положения законами и тем самым выделять их как основные — значит отдавать предпочтение порядку и недооценивать беспорядок со всеми вытекающими последствиями. А это лапласовский или квазилапласовский детерминизм.

Наиболее ярким примером изобретения философских законов являются марксистские законы диалектики. Повторяем: только наука может претендовать на открытие и исследование законов предметной области. В философии же "закон" — лишь одна из категорий, парная категории "явление", и называть этим же термином некоторые философские основополо-

жения — это логическая ошибка. Либо мы должны признать, что “закон” является высшей категорией диалектики, либо признать, что слово “закон” в случае, когда речь идет о “законе диалектики”, имеет иной смысл, чем тот, когда им обозначают одну из категорий диалектики. Во втором случае создается опасность неоднозначного употребления термина “закон”, ведущая лишь к путанице понятий и к различным перекосам в мышлении.

Одной из причин использования в марксистской философии понятия “закон” применительно к некоторым ее основным положениям служит как раз вольное или невольное проведение аналогии между философией и наукой.

Хотелось бы обратить внимание еще вот на какую сторону вопроса о законах диалектики. Наш мир — это вероятностный мир, и случайность играет в нем не меньшую роль, чем необходимость, закономерность. Выражение “законы диалектики”, хотим мы этого или нет, акцентирует внимание на познании закономерности, упорядоченности реального мира и оставляет в тени другую, прямо противоположную его сторону: неупорядоченность, многообразие явлений, стохастику. А это создает известный перекося в сторону механистического, лапласовского детерминизма, абсолютизирующего необходимость, закономерность, упорядоченность. Перекося в философском мышлении приводит к перекося и в любом другом мышлении: политическом, экономическом, управленческом... Разве не этим объясняется, что на протяжении десятилетий в нашей стране создавался культ плана, культ приказных, административных методов управления и недооценивалось значение стохастических механизмов, в частности, рынка, системы выборов? У нас преимущественно говорили о сознательности, организованности, планомерности и боролись со стихийностью. А ведь стихийность в определенной мере так же важна, как и планомерность, организованность. Человеческое общество — живая система, и ему нужен не твердый порядок, предполагающий систему жесткой детерминации поведения людей, а живой порядок-беспорядок, учитывающий в равной степени необходимость и случайность, единство и многообразие, общее и частное.

К тому же сорту, что и концепция законов диалектики, относится историцистская концепция К.Маркса. К.Маркс,

например, писал: “... надо иметь в виду, что хотя рабочему классу еще могут предстоять временные поражения, уже вступили в действие великие социальные и экономические законы, которые обеспечат его конечную победу”. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 649). В этой концепции явно просматриваются исторический фатализм и детерминизм а la Лаплас. Законы будто бы сильнее чего-кого бы то ни было. Сильнее человека. Человек — марионетка в “руках” законов.

4.6.9. ЭССЕНЦИАЛИЗМ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Эссенциализм — ошибка абсолютизации сущности. Эссенциалистами были Платон, схоласты-реалисты, Спиноза, Лейбниц, Гегель.

Экзистенциализм — ошибка абсолютизации существования, являющегося. Экзистенциалистами были киники, некоторые схоласты-номиналисты, философы-эмпирики, прагматисты, экзистенциалисты XX века.

4.6.10. СУБЪЕКТИВИЗМ И ОБЪЕКТИВИЗМ

Субъективизм — абсолютизация субъекта, субъективности в той или иной форме. Формами субъективизма являются антропоцентризм, идеализм, волюнтаризм, экзистенциализм...

Вот что пишет о фактическом субъективизме идеализма Г.Г.Майоров: «Идеализм Лейбница, как в сущности и всякий идеализм, связан с его убеждением в том, что субъект богаче объекта. Философ систематически подчеркивает, что человеческие души «воспринимают внешние процессы через внутреннее». Поэтому ему представляется само собой разумеющимся, что свойства объекта должны быть выведены из субъекта. «Мысля о себе, мы мыслим также и о бытии, о субстанции, о простом и сложном, о невещественном и о самом Боге...»¹. Идеализм Гегеля лишь условно можно назвать объективным. Гегель справедливо называл свой идеализм абсолютным, а не объективным.

Другого типа субъективизм: сенсуализм епископа Беркли. «Esse est percipi» (существовать — значит быть воспринимаемым) — утверждал епископ. Субъективизм Беркли был бы полным солипсизмом, если бы не его непоследовательность:

¹ См.: Лейбниц Г. Соч. в 4-х тт. Т. 1, М., 1982. С. 50.

он признавал Бога и то, что благодаря восприятию Богом вещей, они существуют объективно, независимо от человека.

Объективизмом грешат обычно ученые и философы, специализирующиеся на проблемах научного познания. Их внимание постоянно направлено на объект; отсюда преувеличенные роли объективного в жизни-деятельности.

В.С.Соловьев писал об односторонностях объективизма: «**Объективизм** — стремление к оценке вещей, лиц и событий на основании их точного изучения, независимо от собственных пристрастий и предвзятых мнений, когда они не могут быть удовлетворительно оправданы разумом. В этом смысле О. обязателен для всякого ученого и критика, который должен быть прежде всего освобожден от Бэконовских “идолов”. Но если под О. разумеать полное и безусловное отделение изучаемых предметов от душевной природы изучающего, то такой абсолютный О. должен быть признан невозможным. Независимо от общей гносеологической соотносительности между познаваемым и познающим, врожденные и в основе своей бессознательные свойства личной и национальной души не могут быть лишены своего естественного влияния через одно намерение быть объективным. Самый факт преобладающего стремления к О. в том или другом ученом или критике основан, на его субъективных психологических свойствах — на холодности темперамента, на равнодушии к известным сторонам жизни и т. д. Эти свойства, соответствующие одним областям знания (напр. математике, формальной логике), могут быть совсем неуместны для других (напр. для истории или для богословия, где имеет силу изречение *rectus facit theologum*). Если чьи-нибудь личные чувства и мнения согласны с высшими идеальными требованиями, то нет причины от них отрешаться. Поскольку данная действительность находится в процессе изменения и совершенствования и поскольку в этом процессе играют роль чувства, мысли и стремления человека, абсолютный О., если бы даже он был возможен, не был бы желателен, как равносильный остановке развития. Истинный, разумный О. требует, чтобы, кроме фактов действительности, принималось во внимание и ее достоинство — а это связано с тою или другою высотой субъективного мерила. Во всяком случае должно помнить, что самая противоположность между субъектом и объектом не есть что-нибудь безусловное и окончательное и что полная правда не может быть ни только объективною, ни исключительно субъективною.» (См.: Энциклопедический словарь).

Своеобразным **практическим объективизмом** является концепция, преувеличивающая значение обстоятельств в жизни людей. Она получила значительное распространение в XIX и XX веках. Эта концепция имеет разные обличья. Наиболее известное — марксистский социализм. Последний так или иначе связан с переоценкой значения *обстоятельств* в жизни людей и, соответственно, с недооценкой влияния *людей* на об-

стоятельства. Показательно такое высказывание К. Маркса: “Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, обстоятельства сделать человеческими”. Относительно первой части высказывания можно заметить, что К. Маркс был, к сожалению, не одинок в подобной оценке человека. В его время это было почти всеобщее убеждение. Достаточно указать на Песталоцци И.Г., знаменитого педагога, основоположника теории научного обучения. Последний утверждал: “Человека образуют обстоятельства”. Теперь-то мы знаем, что всё не так просто. Влияние обстоятельств, безусловно, имеет место. Но и человек оказывает не меньшее влияние на обстоятельства. Более того, нередко он действует *вопреки* тем или иным обстоятельствам. Вполне справедливо может быть такое утверждение: “Человек только тогда достигает чего-либо, когда он оказывается сильнее обстоятельств”. Для меня это утверждение, сформулированное еще в юности, имеет значение жизненного принципа.

* * *

Психологическая предпосылка субъективизма — интроверсия. «Интроверт прежде всего погружен в себя, утверждает самоценность внутренних процессов. Внешний мир с его правилами и предписаниями не столь важен, как область внутренних переживаний»¹.

Психологическая предпосылка объективизма — экстраверсия. «Экстраверт — это человек, направленный вовне. Он сознательно стремится познать законы внешнего мира и строить свою внутреннюю жизнь в соответствии с ними»².

К.Юнг, автор теории экстраверсии и интроверсии, проводит различие между нормальными экстравертированностью-интровертированностью и акцентированными. «Точно так же, — пишет он, — как Дарвина можно было бы изобразить как нормальный экстравертированный мыслительный тип, так можно было бы указать для примера на Канта как на противостоящий интровертированный мыслительный тип. Так же как первый говорит фактами, так последний основывается на субъективном факторе. Дарвин стремится к широкому полю объективной действительности. Кант, напротив, оставляет за собой критику познания вообще. Если мы возьмем Кьюве и противопоставим ему Ницше, то контраст будет еще острее»³. Об акцентированных типах К.Юнг пишет: «Но так же как при экстравертированном мышлении... чисто эмпирическое

¹ См.: Конфликтология. Учебник. СПб., 2001. С. 104.

² Там же.

³ К.Юнг. Мышление у экстраверта и интроверта. — Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981. С. 395-396.

накопление фактов уродует мысли и подавляет ум, так и интровертированное мышление проявляет опасную склонность насильственно придать фактам форму своего образа или совсем их игнорировать, чтобы суметь развернуть картину своей фантазии»¹.

“Наше время” и ложный объективизм

Сейчас стало чуть ли не правилом хорошего тона ругать наше время, говорить о его тяжестях и т. д. и т. п. В основном ругают те, кому за 50-60 лет. Здесь мы сталкиваемся с феноменом ложного объективизма. Этот феномен возникает в ситуации, когда человек, ориентируясь на объект, объективную реальность, старается вытравить из своего сознания всё субъективное, как бы вычесть себя из реальности. Такая позиция приводит к тому, что человек перестает учитывать свою особенность-субъективность при рассмотрении объекта и это приводит к ситуации самообмана, ложного объективизма. Ему кажется, что он объективно оценивает вещи. А на поверку сплошь и рядом незаметно для себя вносит в эту оценку свои субъективные черты, пристрастия, поскольку не учитывает их и, соответственно, не корректирует свою оценку. В итоге вместо настоящего объективизма мы видим субъективизм, рядящийся в тогу объективизма, ложный, мнимый объективизм.

Возьмем такой весьма распространенный и где-то даже обыденный пример ложного объективизма: брюзжание стариков по поводу испорченности нынешней молодежи, по поводу плохого нынешнего времени и, напротив, восхваление ими времени своей молодости. При этом они часто уверяют себя и других в том, что объективно оценивают то и другое время. Старики обычно забывают, что в молодости они были полны энергии, положительных эмоций, всё им казалось лучше и что в их старческом состоянии нет уже бьющей через край энергии, чувства большей частью притупились, остыли и господствуют болезненные ощущения, вызванные естественным ходом инволюции, одряхления. Отсюда старики склонны преувеличивать хорошесть времени их молодости и плохость настоящего времени. Поскольку инволюция (обратное развитие) начинается где-то после 25-и лет, в ситуации стариков могут оказаться и 40-летние и 50-летние...

Теперь возьмем пример исследователя, оценивающего наше время. Исследователь, в отличие от брюзжащего стари-

¹ Там же. С. 395.

ка, старается быть *максимально* объективным, анализирует массу фактов, взвешивает всё “за” и “против” и только тогда делает выводы, оценивает. Если, однако, он не учитывает своей субъективности, то при оценке сложных явлений, таких как “наше время”, он сплошь и рядом будет тенденциозно анализировать и оценивать факты. Если этому исследователю за 40 или 50 лет, то он будет свои негативные эмоции проецировать на нынешнее время и это время у него будет таким же безрадостным, как его собственная теперешняя жизнь. Если бы этот исследователь взял на себя труд опросить 20-и — 30-летних молодых людей, то он большей частью встретил бы положительную или спокойную реакцию на нынешнее время. И в самом деле, как иначе молодым людям оценивать **свое** время! Они же **в другом** не жили. Исследователь, кстати, если он не хочет оказаться в ситуации ложного объективизма, должен учитывать не только свою субъективность, но и субъективность, субъективные ощущения **этих** молодых людей и вообще других, по возможности, **многих** людей.

Как мне представляется, исследователь, анализирующий и оценивающий “наше время”, не может делать какие-либо *научные* выводы, претендующие на *однозначную* истинность. Ведь феномен “нашего времени” настолько сложен, что любой научный метод-путь будет давать лишь упрощенную и потому одностороннюю картину происходящего в нём. Возможна лишь *философская* оценка нашего времени. А она по определению не претендует на безусловную истинность и безусловную объективность, беспристрастность. Да, конечно, “не надо мерить температуру общества, ставив градусник себе под мышки”. Но не надо забывать и о том, что “человек — мера всех вещей”. И других мер не существует.

4.6.11. КАТЕГОРИАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Критиковать идеи социализма и коммунизма не просто. Авторы и сторонники этих идей исходят, как правило, из благих намерений — помочь человечеству избавиться от язв жизни. Казалось бы, что может быть предосудительного, античеловеческого в благих намерениях? Да, конечно, сами по себе благие намерения — вещь хорошая, и осуждать их может только злой человек. Однако в реальной жизни благие наме-

рения, цели всегда соединяются с теми или иными средствами. И вот тут нередко возникает ситуация медвежьей услуги: мотивы, намерения, цели деятельности хорошие, благие, а результаты, последствия плохие, вредные. Совсем не случайно существует поговорка: “благими намерениями дорога в ад вымощена”. Так вот, сколько бы сторонники идей социализма и коммунизма ни клялись в любви к человечеству, сколько бы ни работали для блага человечества, они неизбежно получают прямо противоположное тому, чего они хотели. В чем же здесь дело? А дело в том, что идеи социализма и коммунизма, как бы широко их ни трактовали, изначально содержат в себе концепцию средств, применение которых приводит к результату, обратному, противоположному цели. Эта концепция средств базируется на определенной концепции человека и общества. В идее социализма базовым понятием является понятие общества (“социализм” происходит от латинского слова “socialis”, “socium” — общественный, общество). В идее коммунизма базовым является понятие общего (“коммунизм” происходит от латинского слова “communis” — общий). Таким образом, в идее социализма так или иначе акцент падает на общество и все общественное, социальное (общественные интересы, общественная собственность, общественные отношения, общественный строй) и, напротив, отодвигается на второй план отдельный человек, индивидуум, личность. В идее коммунизма акцент падает на общее (общие интересы, общая собственность, общий, совместный, коллективный труд и т. п.).

Совершенно очевидна связь между идеями социализма и коммунизма. Это идеи-сестры или даже идеи-близнецы. В том и другом случае акцент падает на надличное, наиндивидуальное, будь-то общество, коллектив, класс, социальная группа или общее — общие интересы, общая собственность, общий труд, общее дело. Это смещение акцентов (с личного, индивидуального на надличное, наиндивидуальное) не так безобидно, как может показаться на первый взгляд или неискушенному уму. В случае последовательного проведения идеи социализма (не говоря уже об идее коммунизма) оно ведет к трем нежелательным следствиям:

1. К абсолютизации общественного целого, группового, коллективного, государственного, одним словом, наиндивидуального, и недооценке человеческой личности, индивиду-

альности. Эта абсолютизация проявляется, в частности, в известном моральном требовании ставить общественные интересы выше личных или, того хуже, подчинения личных интересов общественным. Она проявляется также в оценке коллективизма как безусловно положительной нравственной ценности, а индивидуализма как безусловно отрицательной ценности; также в положительной оценке альтруизма, самопожертвования, самоотверженности и осуждении эгоизма. Эта абсолютизация ведет в конечном счете к антигуманизму (в “Оптимистической трагедии” Вс. Вишневского капитан корабля задает риторический вопрос: “стоит ли внимания человек, если речь идет о человечестве?!” Этим он саркастически оценивает мышление и поведение коммунистов-большевиков).

2. К абсолютизации общественного, социального в человеке и недооценке природного, живого, биологического начала в нем (в частности, к недооценке физической стороны жизни: материальных удобств, физического развития, физической любви, физической культуры). Отсюда крен в сторону полуаскетического, спартанского существования, пуританизм, ханжество.

3. К переоценке значения общественных отношений, общественных порядков, общественного строя в жизни и судьбе отдельных людей; вера в решающее значение социального реформаторства для улучшения жизни людей; вера во всеисилие социальных идей, т. е. идей, направленных на преобразование, переустройство общества.

* * *

Социализм так или иначе связан с переоценкой значения обстоятельств в жизни людей и, соответственно, с недооценкой влияния людей на обстоятельства. Об этом я говорил выше в разделе «Субъективизм и объективизм».

Социализм принижает или даже игнорирует известный жизненный принцип “человек, помоги себе сам”. Этот принцип выступал раньше как антитеза ожидания помощи от бога (“бог-помощь”, “спаси бог”). Социалисты на место бога поставили общество. Указанный жизненный принцип исходит из той очевидной посылки, что человек — личность, субъект, что он активное существо, что именно он в конечном счете ответствен за свою жизнь, деятельность и никто другой: ни мать, ни отец, ни воспитатель, ни начальник, ни коллектив, ни общество. Конечно, полностью ответственность с других не снимается. Но все же основная доля ответственности лежит на от-

дельном человеке, на индивидууме. Он — личность, субъект, от него исходит активность. Зрелость, взрослость человека определяется тем, насколько он самостоятелен-ответствен. “Самостоянье человека — залог величия его” провозглашал А. С. Пушкин.

Для социалистов характерна вера в разумно организованное общество, иными словами, вера в организацию, во всемогущие организации. Они фактически оказались в ситуации героев крыловской басни “Квартет”. Они думали, что достаточно переустроить, реорганизовать общество, изменить общественный строй, и всё наладится, все люди станут хорошими и будут хорошо жить. В действительности же с изменением общественного строя люди не становятся автоматически лучше и не становится лучше их жизнь. Каким чудовищным самообманом было убеждение большевиков, выраженное в известном высказывании В. И. Ленина: “дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!”¹ Да, Россию они перевернули. А она как Ванька-встанька снова встала на ноги! И это понятно. Одной только реорганизацией ничего нельзя добиться.

Чтобы улучшить свою жизнь, человек должен действовать во всех направлениях: и в плане совершенствования межчеловеческих отношений, и в плане гармонизации своих отношений с природой, и в плане работы над собой, самосовершенствования. Последнее, кстати, коммунисты и социалисты всех мастей всегда недооценивали или даже игнорировали. Для них человек не столько субъект деятельности, сколько объект воздействий, манипуляций.

Из абсолютизации общественных отношений вытекает преувеличенно негативная оценка частной собственности. Хрестоматийным в этом плане является высказывание Р. Оуэна: “Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей... Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к убийствам.”² В самом деле, все смертные грехи человечества социалисты и коммунисты готовы спих-

¹ В.И. Ленин. Что делать? — Полн. собр. соч. Т. 6, М., 1959. С. 127.

² См.: Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982. С. 330.

нуть на частную собственность, т. е. опять-таки на известное общественное отношение. И здесь отчетливо проглядывает переоценка роли общественных отношений в жизни людей. Как будто недостатки и пороки людей, их вражда и соперничество исчезнут сами собой, если будет уничтожено одно из общественных отношений — частная собственность. К. Маркс и Ф. Энгельс, кстати, так и говорили: “коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности” (см. Манифест Коммунистической партии). Член Политбюро ЦК КПСС Е.К.Лигачев в речи на последнем съезде КПСС (1990 г.) повторил старые аргументы социалистов: “общественная собственность объединяет, а частная собственность разъединяет интересы людей и, несомненно, социально расслаивает общество”.

Ясно, однако, что разность интересов людей, их пороки и вражда порождаются не только и не столько системой частной собственности. Тому доказательство — практика реальной жизни в условиях социализма, уничтожившего эту систему. Отсутствие частной собственности отнюдь не спасает человечество от межнациональной розни и вражды, не спасает отдельных людей от разных пороков. Причины человеческой розни и вражды гораздо глубже — они коренятся в биологической природе человека, в многообразных условиях его жизни. Если взять хотя бы биологическую природу человека, то мы знаем, что люди изначально, генетически весьма различны и даже противоположны. Различие их индивидуальностей порождает различие их интересов. А различие интересов порождает столкновения между людьми, их взаимную борьбу.

Попытки искоренить столкновения, конфликты, конфронтацию, борьбу между людьми заранее обречены на неудачу. Они утопичны в своей основе. Самое большее, чего могут добиться гуманистически ориентированные политики, это чтобы столкновения и борьба между людьми принимали цивилизованные формы, т. е. такие формы, при которых не унижалось бы человеческое достоинство, не уничтожался человек.

К счастью, люди давно придумали подобные формы. Это борьба на выборах, в парламентах, это экономическая конкуренция, спортивные состязания, творческие, профессиональные конкурсы и т. д. и т. п. Важно, чтобы указанные формы полностью вытеснили из человеческих отношений нецивилизованные, антигуманные формы конфронтации.

Очень хорошо сказал в свое время А. И. Герцен:

“Своеволие и закон, лицо и общество и их нескончаемая борьба с бесчисленными усложнениями и вариациями составляют всю эпопею, всю драму истории. Лицо, которое только и может разумно освободиться в обществе, бунтует против него. Общество, не существующее без лиц, усмиряет бунтующую личность.

Лицо ставит себя целью.

Общество — себя.

Этого рода антиномии (нам часто приходилось говорить о них) составляют полюсы всего живого; они неразрешимы потому, что, собственно, их разрешение — безразличие смерти, равновесие покоя, а жизнь — только движение. Полной победой лица или общества история окончилась бы хищными людьми или мирно пасущимся стадом”¹.

4.7. КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПУТАНИЦА, СМЕШЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ

4.7.1. ГЕГЕЛЬ О СМЕШЕНИИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ

В "Науке логики" Гегель подробно рассматривает процесс сознательной реконструкции естественной логики мышления:

"Инстинктивная деятельность отличается от руководимой интеллектом и свободной деятельности вообще тем, что последняя осуществляется сознательно; поскольку содержание побудительного мотива выключается из непосредственного единства с субъектом и доведено до предметности, возникает свобода духа, который, будучи в инстинктивной деятельности мышления связанным своими категориями, расщепляется на бесконечно многообразный материал. В этой сети завязывается там и сям более прочные узлы, служащие опорными и направляющими пунктами жизни и сознания духа; эти узлы обязаны своей прочностью и мощью именно тому, что они, доведенные до сознания, суть в себе и для себя сущие понятия его сущности. Важнейший пункт, уясняющий природу духа, — это отношение не только того, что он есть *в себе*, к тому, что он есть *в действительности*, но и того, чем он *себя знает*; так как дух есть по своей сущности сознание, то это знание себя есть основное определение его *действительности*. Следовательно, высшая задача логики — очистить категории, действующие лишь инстинктивно как влечения и осознаваемые духом прежде всего

¹ Герцен А. И. Соч. в 30-и т.т. Т. XIX. С. 184.

разрозненно, тем самым как изменчивые и **путающие друг друга** (выделено мной — Л.Б.), доставляющие ему таким образом разрозненную и сомнительную действительность и этим очищением возвысить его в них к свободе и истине"¹.

В этом фрагменте Гегель говорит о двух ступенях осознания категорий. На первой ступени осознание, по его мнению, протекает стихийно (в сети мышления "завязываются там и сям прочные узлы, служащие опорными и направляющими пунктами жизни и сознания духа"). Это осознание именно в силу своего стихийного характера является неполным, половинчатым. Категории в этом случае осознаются духом "разрозненно" и "тем самым как изменчивые и путающие друг друга, доставляющие ему /духу/ таким образом разрозненную и сомнительную действительность". Здесь Гегель довольно точно схватил самую суть стихийного процесса осознания категорий. В самом деле, при полуосознанном оперировании категориями последние мыслятся разрозненно, не в системе. Отсюда их чрезмерная изменчивость (т.е. "плавание" их значения в весьма широких пределах); отсюда же их путаница (раз категории недостаточно определены в своих границах, возникает опасность их смешения, занятия одними категориями "территории" других). Пока категории не определены *в системе*, до тех пор они будут многозначны, расплывчаты в своем содержании, до тех пор будет возникать путаница в их употреблении и до тех пор люди будут относиться с недоверием к ним как инструментам мышления.

Гегель как раз и ставит задачу (вторая ступень осознания) "очистить категории", т. е. выявить, открыть, реконструировать систему категорий. Ведь "дух, — отмечает он, — есть по своей сущности сознание", т. е. "знание себя есть основное определение его действительности". В другом месте Гегель поясняет: "имея дело с определениями мысли, которые вообще пронизывают наш дух инстинктивно и бессознательно и которые остаются беспредметными, незамеченными, даже когда они проникают в язык, логическая наука будет также *реконструкцией* (курсив мой — Л.Б.) тех определений мысли, которые выделены рефлексией и фиксированы ею как субъективные, внешние формы по отношению к материалу и содержанию"².

Гегель в общем-то правильно ставит задачу: реконструиро-

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 88.

² Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 91.

вать стихийно сложившуюся систему категорий мышления. Не изобретать, не выдумывать, не рассуждать по поводу отдельных категорий, а воссоздать бессознательно или полусознанно действующую в мышлении систему категорий!

4.7.2. КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

Целый клубок категориальной путаницы и смешения категориальных форм мы видим в концепции перехода количества в качество (или количественных изменений в качественные).

В сознании многих мыслящих людей концепция перехода количества в качество приобрела прочность предрассудка¹. Этому способствовали Маркс, Энгельс и их многочисленные последователи. Между тем данная концепция не более, чем философский миф. Попробую показать это. Если понимать взаимопереход качества и количества в самом широком смысле — как их взаимообусловленность и взаимопроникновение, то с этим можно было бы согласиться. Дело, однако, в том, что взаимопереход понимался в марксистской философии по сути как *односторонний* переход одного в другое: количества в качество (количественных изменений в качественные) *или* качества в количество (качественных изменений в количественные), причем преобладающим является представление о первом переходе (закон перехода количества в качество и обратно чаще всего называют законом перехода количественных изменений в качественные — см.: "Философский энциклопедический словарь", М., 1983; Философский словарь, М., 1986). Такой подход к пониманию взаимоперехода качества и количества обусловлен помимо всего прочего тем, что в практике слово "переход" чаще всего употребляется не в расширенном смысле, а в своих конкретных значениях, как переход от одного к другому (одного в другое) в пространственно-временном

¹ Настолько, что до сих пор, уже после крушения марксистского режима, в популярных изданиях, далеких от философии, продолжают говорить о законе перехода количества в качество. См., например, заметку «Кое-что о переходе количества в качество» в журнале «Cosmopolitan» (ноябрь 2001 г.).

и/или материально-вещественном смысле. (см.: Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1991). Переход в этом случае понимается так, что "одно" остается на своем "месте", а "другое" — на своем (одно и другое разделены в пространственно-временном или материально-вещественном смысле). Если такое понимание перехода перенести на взаимоотношения качества и количества, то эти категории автоматически превращаются в застывшие, противостоящие друг другу противоположные стороны, разделенные в пространстве-времени. Картина получается в итоге обратной той, которую хотели бы видеть диалектически мыслящие философы. Выражение "переход количества в качество" навеивает мысли, и в самом деле весьма далекие от диалектики. Его можно интерпретировать так, что сначала было количество без качества (чистое или качественно не определенное количество), а затем появилось качество без количества (чистое или количественно не определенное качество).

Кстати, такое понимание качества и количества в большой степени было свойственно Гегелю: две трети его учения о бытии (разделы о качестве и количестве) посвящены анализу чистого качества безотносительно к количеству и чистого количества безотносительно к качеству. Справедливости ради следует отметить, что Гегель указывал на необходимость двойного перехода (количества в качество и качества в количество). Он писал:

"Для того чтобы была положена целокупность, требуется *двойной* переход, не только переход одной определенности в свою другую, но и переход этой другой, возвращение ее в первую. Благодаря первому переходу тождество этих двух определенностей имеется только *в себе*; качество содержится в количестве, которое, однако, тем самым есть пока еще односторонняя определенность. Что последняя, наоборот, точно так же содержится в первой, что она точно так же дана лишь как снятая, это видно из второго перехода — из ее возвращения в первую. Это замечание о необходимости *двойного* перехода очень важно для всего научного метода"¹.

К сожалению, это важное замечание осталось у Гегеля лишь пожеланием, декларацией. Преобладающее внимание он уделял переходу количества в качество, точнее количествен-

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 414-415.

ных изменений в качественные¹. А где преобладание, там односторонность: двойного перехода по-настоящему не получается, раз говорят в основном об *одном* переходе.

Сами выражения "переход количества и качество и качества в количество" заимствованы К. Марксом и Ф. Энгельсом у Гегеля. Соответственно отрицательные стороны гегелевского учения об этих переходах почти один и одному перешли в марксистскую философию. Правда, Ф. Энгельс, который преимущественно и говорил о законе перехода количества в качество и обратно, дал в ряде случаев образцы диалектического толкования соотношения качества и количества. Так, в фрагменте "Диалектика" он резюмирует; "Следовательно, количество и качество соответствуют здесь друг другу взаимно и обоюдосторонне"². В другом месте он пишет: "Всякое изменение она ["механическая" концепция — Л.Б.] объясняет перемещением, все качественные различия — количественными, не замечая, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как и количество в качество, что здесь имеет место взаимодействие"³. И все же преобладающим для Энгельса было представление об одностороннем переходе количества в качество и, соответственно, односторонней зависимости качества от количества — см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 385-387, 389, 528, 567. В указанных местах Энгельс истолковывал связь качества и количества, по существу, как причинно-следственную: количественное изменение *вызывает, обуславливает* качественное изменение, *изменяет* качество; качество *обусловлено* количеством; качественное изменение происходит *под влиянием, в результате* количественного изменения, есть

¹ О переходе качества в количество он упоминает лишь на стр. 224, 247, 414, 415 цитированного выше тома "Науки логики", причем это абстрактные рассуждения, не подкрепляемые примерами. О переходе же количества в качество он упоминает на стр. 414, 415, 427, 464-469 указанного тома. Рассуждения Гегеля о переходе количества в качество являются гораздо более конкретными, развернутыми и подкрепляются многими примерами.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20, М., 1961. С. 385.

³ Там же. С. 568.

следствие количественного изменения; все качественные различия *основываются* на различных количествах. Все эти выражения указывают на то, что Энгельс, во-первых, путал качественно-количественные отношения с причинно-следственными¹ и, во-вторых, испытывал сильное влияние современных ему механистических, редуccionистских представлений, абсолютизирующих количественную сторону предметов.

Ведь что получается? Количество — причина, нечто обусловливающее, а качество — следствие, нечто обусловленное. Здесь мы видим вторжение причинных представлений в отношения качества и количества. Вот к чему в конце концов приводит концепция перехода количества в качество. Интерпретация количественно-качественного отношения как причинно-следственного есть самое заурядное смешение различных категориальных форм и отношений. Количественные изменения ни при каких условиях не вызывают качественных. *Они сами нуждаются в причинном объяснении.*

Поскольку отношения качества и количества взаимны, постольку всякое количественное изменение необходимо сопровождается качественным, а всякое качественное изменение — количественным. Не может быть такого положения, чтобы количественное изменение совершалось в *чистом* виде, а качество при этом оставалось не при чем. (И Гегель, и Маркс, и Энгельс неоднократно говорили о чисто количественных изменениях. Это, конечно, непоследовательность. Они же сами все время подчеркивали неразрывность качества и количества. А в этом представлении о чисто количественном изменении, которое якобы совершается независимо от качественных изменений, они допустили просчет). Если мы считаем, что реальные качество и количество как *стороны* предмета *неотделимы* друг от друга, то почему этот же взгляд мы не распространяем на качественные и количественные *изменения*, почему мы не рассматриваем их как неотделимые друг от друга

¹ Здесь Ф. Энгельс не был оригинален. Гегель не избежал искушения трактовать подобным образом количественно-качественные отношения (см. ниже, «Критика гегелевской концепции меры», стр. 109).

стороны единого реального процесса изменения. Почему мы разделяем их во времени и одно считаем причиной, а другое следствием? Разве это отвечает действительной диалектике качества и количества? Почему мы к единой качественно-количественной определенности предмета применяем одну мерку (не допускаем и мысли о возможности существования чистой количественной определенности до и независимо от качественной определенности), а к количественным и качественным изменениям другую мерку? Разве это логично? Итак, как нет чисто количественной или чисто качественной определенности, так нет и чисто количественных или чисто качественных изменений. *Реальные изменения всегда во всех пунктах являются качественно-количественными. Правильнее, точнее говорить не о количественных и качественных изменениях а об одном изменении, имеющем количественную и качественную составляющие.* В процессе исторического развития языка люди дали этим составляющим отдельные имена, названия (для количественной составляющей — "увеличение", "уменьшение", "рост" и т. д.; для качественной составляющей — "превращение", "переворот" и т. д.) и тем самым разделили их, абстрагировали друг от друга. После того, как они сделали это, им стало казаться, что составляющие и реально, на самом деле отделены друг от друга, т. е. являются не составляющими единого процесса изменения, а разными видами изменения. Так, кстати, трактовал их Аристотель. Гегель не только поддерживал аристотелевскую версию о количественном и качественном изменениях как *видах* изменения, но и пошел дальше — возвел между ними... китайскую стену в виде *перехода* чисто количественных изменений в чисто качественные. Какая, в сущности, насмешка над диалектикой, какая ирония судьбы! Гегель, по-видимому, хотел сделать как лучше, т. е. соединить количественные и качественные изменения, а на поверку вышло наоборот: разрыл еще большую пропасть между ними, допустив существование чисто количественных изменений.

Покажем теперь на примере изменений, которые принято считать чисто количественными, что реальные изменения всегда, во всех пунктах и на всех этапах являются качественно-

количественными. Возьмем, например, рост растения. Это — количественное увеличение массы и размеров растения. Могут спросить: где же тут качественные изменения? Да, конечно, если мы смотрим на что-то одно, то и видим только это одно. Мы смотрим на рост растения и видим только его. А теперь подумаем, только ли рост здесь совершается или еще что-то происходит? Если хорошенько подумать и посмотреть, то увидим много других изменений, происходящих вместе и одновременно с ростом. Вместе с ростом растение *развивается*. А это сложный качественный процесс. Далее, растущее растение нуждается в *питании*. А что это такое? Когда растение включает в свое тело питательные вещества, то происходит качественный процесс преобразования одного (питательных веществ) в другое (тело растения). Таким образом, рост растения необходимо сопровождается превращением веществ, т. е. качественным изменением. Аналогичную картину, только гораздо более простую, можно наблюдать при *росте кристалла*.

Возьмем знаменитый пример с нагреванием воды. Когда вода нагревается от 0°C до 100°C , то мы как будто видим только количественное изменение — повышение температуры воды. Так, в частности, полагал Гегель. Нагревание (охлаждение) воды в указанных температурных пределах он рассматривал как чисто количественное изменение. Наверное, во времена Гегеля иначе и представить было нельзя. Никаких данных о качественных превращениях, связанных с повышением температуры воды, тогда не было. Теперь мы знаем, что повышение температуры воды при ее нагревании — лишь одна сторона процесса. Другой стороной является то, что при нагревании происходят незаметные для органов чувств качественные изменения воды: ее молекулы поглощают тепловые фотоны и переходят в возбужденное состояние, которое в свою очередь приводит к испусканию, излучению фотонов. Нагревание неразрывно связано с поглощением и испусканием фотонов. А это качественный процесс. Таким образом, нагревание является стороной единого количественно-качественного изменения воды. Расхожим является также представление о *чисто* качественном изменении воды при кипении, когда ее температура остается неизменной. Да, темпе-

ратура воды при переходе ее в газообразное состояние не повышается. Но это не значит, что количественное изменение воды переходит в качественное (как бы заменяется на качественное). Просто при температуре выше 100°C и обычном атмосферном давлении вода как жидкость не существует. Иному качественному состоянию воды соответствует иное количество. Сам переход воды из жидкого в газообразное состояние сопровождается такими количественными изменениями, как уменьшение объема воды-жидкости и ее дискретирование (превращение непрерывной массы в множество отдельных молекул, образующих пар-газ).

Гегелевская картина перехода количественных изменений в качественные есть весьма грубая и упрощенная картина реальных процессов и она так же обманчива как кинокартина (нам кажется, что люди движутся на экране, а на самом деле перед нами мелькают кадры киноленты с такой скоростью, что наш глаз не замечает их отдельности). Знаменитый гегелевский переход количественных изменений в качественные на поверку оказывается... голым королем.

Чтобы внести полную ясность в этот вопрос, рассмотрим, *какие* количественные и *какие* качественные изменения имеют в виду, когда говорят о *переходе* количественных изменений в качественные. По нашему мнению, при этом сопоставляются несопоставимые вещи: незначительные количественные изменения и значительные качественные изменения. На самом же деле сопоставлять нужно соответственные изменения: незначительные количественные изменения с незначительными качественными и значительные количественные изменения с значительными качественными; тогда не будет никакого перехода количественных изменений в качественные, будет просто переход одних количественно-качественных изменений в другие. Не случайно многие авторы, говоря о переходе количественных изменений в качественные, как бы невзначай употребляют при этом двойное выражение ("*коренные качественные изменения*"), подчеркивающее значительность качественных изменений и — методом от противного — незначительность количественных изменений. В итоге сопоставляются не-

значительные количественные изменения и значительные (под именем "коренных") качественные изменения. Мало кто, однако, задумывался над тем, что и количественные изменения могут быть значительными (а также быстрыми, внезапными), а качественные изменения могут быть незначительными, незаметными, постепенными. Пример незначительного качественного изменения: излучение одного фотона при нагревании воды. Другой пример: появление незначительной царапины на полированной крышке стола (из-за этой царапины покупатель может отказаться от покупки стола).

А теперь — о значительных количественных изменениях. Опять же возьмем для примера нагревание воды. Допустим, ее температура равна 50°C (давление на воду — одна атмосфера). Если нагреть воду всего на один градус, то такое количественное изменение не будет сопровождаться изменением агрегатного состояния. Это вполне естественно: данное количественное изменение является незначительным, а изменение агрегатного состояния воды — значительное событие в ее "жизни". Ну а если нагреть воду сразу, скажем, на 100°C ? Это уже значительное количественное изменение. И что произойдет? А произойдет то, что мы и предполагали: одновременное значительное качественное преобразование воды — переход в газообразное состояние.

Масштабы количественных изменений соответствуют масштабам качественных и, наоборот, масштабы качественных изменений соответствуют масштабам количественных. Мера как раз и устанавливает взаимозависимость масштабов качества и количества, качественных и количественных изменений. Значительные качественные изменения невозможны, если их не сопровождают значительные количественные изменения. Незначительные количественные изменения могут сопровождаться только незначительными качественными изменениями. Могут сказать, что выражения "значительный" и "незначительный" являются количественными и неприменимы к качественным определениям. С этим нельзя согласиться. Качество не отделено китайской стеной от количества: в нем самом присутствует элемент количества. Мы говорим, например, об иерархии качественных *уровней*, о *более* общем и *ме-*

нее общем качествах. Когда мы говорим об изменении качества, то это может быть и изменение рода, и изменение вида, и изменение разновидности. Изменение разновидности (минимально общего качества) является незначительным качественным изменением по сравнению с изменением вида, а изменение вида, в свою очередь, является незначительным качественным изменением по сравнению с изменением рода и т. д. Значительные и незначительные качественные изменения соответствуют родо-видовой иерархии качественных уровней материи.

* * *

В марксистской философии имело широкое хождение еще одно неправильное представление, идущее от Гегеля. Это представление о постепенности количественных изменений и скачкообразности качественных изменений.

Вот что писал Гегель: "Поскольку движение от одного качества к другому совершается в постоянной непрерывности количества, постольку отношения, приближающиеся к некоторой окачествляющей точке, рассматриваемые количественно, различаются лишь как "большее" или "меньшее". Изменение с этой стороны *постепенное*. Но постепенность касается только внешней стороны изменения, а не качественной его стороны; предшествующее количественное отношение, бесконечно близкое к последующему, все еще есть другое качественное существование. Поэтому с качественной стороны абсолютно прерывается чисто количественное постепенное движение вперед, не составляющее границы в себе самом; так как появляющееся новое качество по своему чисто количественному соотношению есть по сравнению с исчезающим неопределенно другое, безразличное качество, то переход есть *скачок*; оба качества положены как совершенно внешние друг другу.

Обычно стремятся сделать изменение понятным, объясняя его постепенностью перехода; но постепенность есть скорее как раз исключительно только безразличное изменение, противоположность качественному изменению"¹.

Гегель здесь как будто совершенно забыл, что количество раньше рассматривалось им как единство непрерывного и дискретного. В цитированном фрагменте количество рассматривается только как непрерывное. Отсюда все натяжки. Количествен-

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 464.

ное изменение нельзя рассматривать только как непрерывное, постепенное, а качественное изменение — только как скачкообразное. Всякое непрерывное количественное изменение имеет свой предел, за которым оно *дискретизируется*, т. е. переходит в фазу прерывного количественного изменения (деления, размножения и т. п.). Выше я приводил пример с водой. При 100°C вода не только меняет свое качественное бытие, переходит из жидкого в газообразное состояние; она меняет и свое количественное бытие: сплошная непрерывная масса превращается в множество отдельных, не связанных друг с другом молекул.

Теперь о *постепенности и скачке*. Количественное изменение может быть как постепенным, так и скачкообразным, как медленным, так и быстрым. Выветривание скалы — это постепенное уменьшение ее размеров. Если же взорвать часть скалы, то это будет скачкообразное уменьшение ее размеров. Так же и качественное изменение может быть не только скачкообразным, быстрым, но и постепенным, медленным. Пример: лысый человек. Когда в молодости мужчина имел шевелюру — это одно качественное состояние, а когда он ее утратил в результате разных причин, то это другое качественное состояние. Переход от волосатости к лысости может быть как постепенным (в течение всей взрослой жизни), так и скачкообразным (в результате заблуждения).

4.7.3. О СМЕШЕНИИ "ВЕЩИ-СВОЙСТВА" С "ПРЕДМЕТОМ-ПРИЗНАКОМ" (ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ВЕЩИ И ПРЕДМЕТА, ВЕЩИ И ТЕЛА, ВЕЩИ И ОБЪЕКТА, СВОЙСТВА И ПРИЗНАКА)

Следует отличать *предмет* от *вещи*, тела, отдельного материального образования. Не всегда границы предмета совпадают с границами отдельного материального образования. Если вещь проявляет себя в отношениях с другими вещами через свойства, то *предмет* по отношению к субъекту — через *признаки*. (Совершенно недопустимо с точки зрения категориальной логики подставлять в триаду "вещь-свойство-отношение" вместо вещи предмет или вместо свойства признак. Триада "предмет-признак-отношение к субъекту" отличается от триады "вещь-свойство-отношение" *в принципе, категориально*). Вещи, их свойства и отношения существуют независимо от каких-либо субъектов и их

деятельности. А предметы и их признаки определяют себя лишь в рамках отношения "субъект-объект". Например, каменная соль обладает свойством растворяться в воде (ее жидком состоянии). Для воды это свойство каменной соли не является признаком, т. к. оно ей совершенно безразлично. Ведь вода не субъект и она не преследует каких-либо целей, чтобы воспользоваться свойством растворимости каменной соли. Для человека же свойство растворимости при определенных условиях может стать признаком. В этом случае каменная соль уже не просто материальное тело, вещь, а *предмет*, удовлетворяющий или мешающий удовлетворению потребности человека. Если человеку нужно сделать воду соленой, то он бросает туда щепотку соли, зная наперед, что она обладает признаком растворимости.

Признаком не обязательно должно быть свойство вещи. У певчих птиц признаком является пение, которое отнюдь нельзя назвать свойством (ведь и сами птицы — живые существа, а не вещи). Признаком может быть все, что характеризует предмет с точки зрения его значимости для субъекта.

4.8. Примеры сбалансированного подхода к категориальной логике

Случайность и необходимость — «полюсы взаимозависимости»

Отношение случайности и необходимости взаимно, они — «полюсы взаимозависимости» (Ф.Энгельс). Данные категории следует рассматривать как равноправные; ни одна из них не находится в одностороннем подчинении у другой. "Тиха, — сказал Н. Винер, — столь же неумолимая владычица, как Ананка"¹. То же самое, но иными словами, сказал биолог Б. Медников: "В природе господствуют одновременно и случайность и необходимость"². К этому выводу сейчас пришли многие ученые. Вывод вполне соответствует диалектической концепции случайности и

¹ Винер Н. Кибернетика. М., 1983. С. 92. Примечание редактора: Тиха (или Тюхе) по-гречески — Случай, Ананка — Рок, образы античной мифологии.

² См.: "Наука и жизнь", 1973, № 3. С. 88.

необходимости. Случайность не просто объективно существует, но существует как бы на паритетных началах с необходимостью.

Проблема случайности и необходимости — вековая проблема. Человечество бьется над ней не одно тысячелетие. Однако еще в античную эпоху философы высказывали разумные мысли о соотношении случайности и необходимости. Вполне созвучны нашему времени такие рассуждения Сенеки:

"Кто-нибудь скажет: "Что мне пользы в философии, если есть рок? Что в ней пользы, если правит божество? Что в ней пользы, если повелевает случай?!. Ведь неизбежное нельзя изменить, а против неведомого не найти средств. Мои замыслы либо предвосхищены божеством, решившим за меня, что мне делать, либо фортуна не даст им осуществиться". — Пусть одно из этих утверждений верно, Луцилий, пусть все они верны, — нужно быть философом! Связывает ли нас непреклонным законом рок, божество ли установило все в мире по своему произволу, случай ли без всякого порядка швыряет и мечет, как кости, человеческие дела, — нас должна охранять философия. Она даст нам силу добровольно подчиняться божеству, стойко сопротивляться фортуне, она научит следовать велениям божества и сносить превратности случая. Но сейчас не время рассуждать о том, что в нашей власти, если повелевает провидение либо череда судеб влечет нас в окопах, либо господствует внезапное и непредвиденное. Я возвращаюсь к своим наставлениям и увещаниям: не допускай, чтобы порыв твоей души поник и остыл..."².

В этих рассуждениях Сенеки содержится догадка о равном "участии" необходимости и случайности в жизни и делах человека. Только он не дошел еще до понимания того, что эти объективные факторы не просто участвуют, а взаимно опосредствуют друг друга, выступают не только как чуждые человеку и друг другу силы, но и как нужные человеку и нуждающиеся друг в друге стороны жизненного процесса.

Итак, случайность и необходимость имеют равные сферы влияния в объективном мире. Когда мы рассматриваем какой-либо факт, то не так-то просто отнести его к тому или иному виду возможности (или к промежуточному виду — вероятности). Здесь одинаково неприемлемы обе крайности: когда факт однозначно истолковывают как выражение случайности, а он на са-

¹ Рок и божество повелевают миром — по учению стоиков, случай — по учению эпикурейцев. — Примеч. ред.

² Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 30-31. Письмо XVI.

мом деле свидетельствует о необходимости, или когда факт истолковывают как выражение необходимости в то время как он является случайным по происхождению. В эти крайности чаще всего "ударяются" те, кто абсолютизирует ту или иную категорию, т. е. фаталисты (абсолютизирующие необходимость) или индетерминисты (абсолютизирующие случайность). Ведь реальность в общем и целом дает примерно равное число примеров "действия" необходимости и случайности. Если кто-нибудь занимает одностороннюю позицию (например, абсолютизирует необходимость), то он *заведомо* ошибается примерно в половине случаев, истолковывая случайные события как выражение необходимости. Занимающий же диалектическую позицию (т.е. признающий случайность и необходимость равноправными видами возможности) будет делать гораздо меньше ошибок. *Установка* диалектически мыслящего человека такова, что он волей-неволей будет истолковывать случайные события именно как случайные, а необходимые именно как необходимые и лишь в тех случаях, когда сведений о событии очень мало, он может делать ошибки, т. е. принимать случайность за необходимость, а необходимость за случайность.

Н. Винер: астрономия и метеорология

Прекрасной иллюстрацией к проблеме обратимости-необратимости времени и соответственных им категорий является глава "Ньютоново и бергсоново время" в книге *Н. Винера* "Кибернетика". Н. Винер отчетливо показал существование двух противоположных подходов и форм объективной реальности, в которых время рассматривается или существует как обратимое, с одной стороны, и необратимое, с другой. Он сопоставляет две отрасли знания — астрономию и метеорологию:

“Есть маленький гимн или песня, знакомая каждому немецкому ребенку (...). В переводе это значит: "Знаешь ли ты, сколько звездочек стоит на синем шатре небес?. Знаешь ли ты, сколько облаков проходит надо всем миром? Господь бог их сосчитал, чтобы не пропало у него ничего из всего огромного числа”.

Эта песенка интересна для философа и для историка науки, ибо в ней сопоставляются две отрасли знания, имеющие то сходство, что в них рассматривается небесный свод, но совершенно различные во всех других отношениях: астрономия, древнейшая наука, и метеорология, одна из самых молодых наук, лишь сейчас начинающая заслуживать название науки. Обычные астрономические явления могут быть пред-

сказаны за много веков, а точное предсказание погоды на завтра, вообще говоря, затруднительно и во многих случаях является очень грубым.

Что касается стихотворения, то на первый вопрос следует ответить, что в определенных границах мы действительно знаем, сколько звезд на небе. Оставляя в стороне мелкие спорные детали, касающиеся некоторых двойных и переменных звезд, можно сказать, что звезда — вполне определенный объект, весьма удобный для счета и каталогизации...

Напротив, если вы попросите метеоролога дать аналогичный перебор облаков, то он рассмеется вам в лицо или, может быть, терпеливо объяснит, что в метеорологии нет понятия облака как определенного объекта, остающегося всегда более или менее тождественными самому себе, и что если бы такое и существовало, то у него, метеоролога, нет средств сосчитать облака, да, по существу, счет облаков его и не интересуется. Метеоролог со склонностью к топологии, пожалуй, мог бы определить облако как связную область пространства, к которой плотность воды, имеющейся в твердом или жидком состоянии, превосходит некоторое значение. Но это определение не имело бы ни для кого ни малейшей ценности и описывало бы в лучшем случае весьма преходящее состояние. Метеоролога интересует в действительности лишь статистические утверждения, например; "Бостон, 17 января 1950 г., облачность 38%, перисто-кучевые облака".

Правда, есть раздел астрономии, имеющий дело, так сказать, с космической метеорологией — исследованием галактик, туманностей, звездных скоплений и их статистики... Но это очень молодой раздел астрономии, моложе метеорологии, и он лежит несколько в стороне от основного направления классической астрономии, которая, вне рамок чистой классификации и перебора, первоначально занималась больше Солнечной системой, чем миром неподвижных звезд. Именно астрономия Солнечной системы тесно связана с именами Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона и явилась кормилицей современной физики. Это действительно идеально простая наука. Даже до появления какой-либо динамической теории еще в Вавилоне понимали, что затмения происходят черт правильные, предсказуемые периоды и что можно узнать их наступление в прошлом и в будущем. Люди поняли, что и само время лучше всего измерять перемещением звезд по их путям. Моделью всех событий в Солнечной системе считалось вращение колеса или ряда колес, как в птолемеевской теории эпициклов или в коперниковской теории орбит; и в любой такой теории будущее в некоторой степени повторяло прошедшее. Музыка сфер — палиндром¹ — и книга астрономии читаются одинаково в прямом и обратном направлениях. Прямое и обратное движения планетария различаются лишь начальными положениями и направлениями перемещения светил. Наконец, когда Ньютон свел все это к формальной системе постулатов и к замкнутой механике, было установлено, что основные законы не меняются при замене

¹ Палиндром (греч.) — слово или фраза, сохраняющие свой смысл при чтении в обратном направлении ("комок", "рог гор") — Прим. ред.

переменной величины времени t на $-t$.

Таким образом, если снять кинофильм движения планет, ускоренного так, чтобы изменения их положения были заметны, и затем пустить этот фильм в обратном направлении, то картина движения планет была бы все же возможной и согласной с механикой Ньютона. Напротив, если бы мы сняли кинофильм турбулентного движения облаков в области фронта грозы и пустили бы этот фильм в обратном направлении, то получилась бы совершенно неверная картина. Мы увидели бы нисходящие токи там, где должны быть восходящие; размеры турбулентных образований увеличивались бы; молния предшествовала бы тем изменениям строения тучи, за которыми она обычно следует, и т. д. до бесконечности.

В чем же различие природы астрономических и метеорологических явлений, вызывающее все эти особенности, и в частности то, что в астрономии время столь очевидно обратимо, а в метеорологии оно столь же очевидно необратимо? Дело прежде всего в том, что метеорологическая система всегда содержит большое число приблизительно одинаковых частиц, причем некоторые из них очень тесно связаны между собой. Напротив, астрономическая, а именно Солнечная система содержит лишь сравнительно небольшое число частиц, притом весьма различного размера и связанных между собой настолько слабо, что связи второго порядка не меняют общего характера наблюдаемой нами картины, а связи высших порядков можно совершенно не учитывать. Планеты движутся при условиях, более благоприятных обособлению некоторой ограниченной системы сил, чем условия любого физического опыта, который мы можем поставить в лаборатории. Планеты и даже Солнце по сравнению с расстояниями между ними являются настоящими точками. Упругие и пластические деформации планет настолько малы, что планеты можно считать абсолютно твердыми телами; а если даже это и не так, то во всяком случае внутренние силы планет имеют сравнительно малое значение при рассмотрении относительного движения их центров. Пространство, в котором движутся планеты, почти совершенно свободно от вещества, препятствующего их движению, а при рассмотрении взаимного притяжения планет вполне можно считать, что их массы сосредоточены в центрах и постоянны. Отклонения силы тяготения от закона обратной пропорциональности квадрату расстояния совершенно ничтожны. Положения, скорости и массы тел Солнечной системы в любой момент известны с исключительной точностью, а их будущие и прошлые положения вычисляются легко и точно — хотя бы в принципе, если и не всегда на практике. Напротив, в метеорологии число рассматриваемых частиц так велико, что точная запись их начальных положений и скоростей совершенно невозможна, а если даже и составить такую запись и вычислить будущие положения и скорости всех частиц, то мы получим лишь необозримое множество цифр, которые нужно было бы коренным образом переосмыслить, прежде чем мы смогли бы их использовать. Термины "облако", "температура", "турбулентность" и т. д. относятся не к отдельному физическому состоянию, а к распределению возможных состояний, из кото-

рых реализуется лишь одно. Если собрать все одновременные наблюдения всех метеостанций мира, то эти наблюдения не составят и одной миллиардной доли данных, необходимых для описания мгновенного состояния атмосферы в ньютоновском смысле. Они дадут лишь некоторые константы, совместимые с бесконечным числом различных атмосфер и в лучшем случае способные — при некоторых априорных допущениях определить в виде распределения вероятностей лишь некоторую меру на множестве возможных атмосфер. При помощи законов Ньютона или любой другой системы причинных законов мы можем предсказать на будущий момент лишь распределение вероятностей для констант метеорологической системы, причем надежность даже и этого предсказания уменьшается с увеличением времени.

Но и в ньютоновой системе, в которой время вполне обратимо, в задачах на вероятность и предсказание получаются асимметрические ответы для прошлого и будущего, потому что сами эти задачи асимметричны. Если я ставлю физический опыт, я перевожу рассматриваемую мной систему из прошлого в настоящее, фиксируя некоторые величины и считая себя вправе предполагать, что некоторые другие величины имеют известные статистические распределения. Затем я наблюдаю статистическое распределение результатов после данного промежутка времени. Этот процесс я не могу обратить. Для этого нужно было бы подобрать благоприятное распределение систем, которые без нашего вмешательства заканчивали бы свои процессы в определенных статистических пределах, и найти, каковы были условия в данный момент прежде. Но событие, при котором система, начавшая свой процесс с неизвестного состояния, заканчивает его в строго определенном статистическом диапазоне, бывает настолько редко, что мы можем основывать наши экспериментальные методы на ожидании и счете чудес. Говоря коротко, наше время направлено и наше отношение к будущему отлично от отношения к прошлому. Все вопросы, которые мы ставим, содержат эту асимметрию, и ответы на них также асимметричны...

Вернемся к различию между ньютоновой астрономией и метеорологией. Большинство наук занимает промежуточное положение между ними, но ближе к метеорологии, чем к астрономии¹.

М. Борн: причинность и случайность

В таком же духе высказывался физик М. Борн. Он писал:

«Неограниченная вера в причинность неизбежно приводит к идее о том, что мир является автоматом, а мы сами — лишь маленькие зубчатые колесики этого автомата. Этот детерминизм во многом напоминает детерминизм религиозный, принятый различными верованиями, проповедующими, что действия человека с самого начала предопределены Господом. Здесь нет возможно-

¹ Винер Н. Кибернетика. М., 1983. С. 82-86.

сти распространяться о всех трудностях, к которым приводит эта идея с точки зрения этических норм. Понятие божественного предначертания противоречит понятию свободной воли не меньше, чем предположение о бесконечной цепи естественных причин. С другой стороны, неограниченная вера в случай невозможна, так как бессмысленно отрицать, что в мире очень много упорядоченности, а отсюда допустимо существование хотя бы «упорядоченной случайности». И вот приходится постулировать законы случая, в которых предусматривается проявление законов природы или законов человеческого поведения. Такая философия оставляет достаточный простор для свободы воли... **Наша философия дуалистична: природа управляется как бы запутанным клубком законов причины и законов случая** (выделено мной — Л. Б.)»¹

К. Поппер: «облака» и «часы»

Подобные мысли высказал в 1965 году *К. Поппер* в своей лекции "Об облаках и часах". "Облака" у Поппера символизируют беспорядок, случайность, неопределенность, изменчивость, непредсказуемость; "часы" символизируют порядок, закономерность, определенность, устойчивость, регулярность, предсказуемость:

"Облака у меня должны представлять такие физические системы, которые, подобно газам, ведут себя в высшей степени беспорядочным, неорганизованным и более или менее непредсказуемым образом. Я буду предполагать, что у нас есть некая схема или шкала, в которой такие неорганизованные и неупорядоченные облака располагается на левом конце. На другом же конце нашей схемы — справа — мы можем поставить очень надежные маятниковые часы, высокоточный часовой механизм, воплощающий собой физические системы, поведение которых вполне регулярно, упорядоченно и точно предсказуемо.

С точки зрения простого здравого смысла мы видим, что некоторые явления природы, такие, как погода вообще, появление и исчезновение облачности, предсказывать трудно: недаром мы говорим о "капризах погоды". С другой стороны, когда мы хотим описать нечто очень точное и предсказуемое, мы говорим: "Работает как часы". Огромное количество различных вещей, естественных процессов и явлений природы располагается в промежутке между этими крайностями: облаками слева и часами справа. Смена времен года напоминает не слишком надежные часы и поэтому может быть обнесена скорее к правой сто-

¹ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 143-144.

роне нашей шкалы, хотя и не слишком близко к ее краю. Я думаю, что вы легко согласитесь со мной, что животных следует поместить не слишком далеко от облаков на левом краю, а растения — где-то ближе к часам. Из животных маленького щенка мы поместили бы левее, чем старого пса. То же самое относится и к автомобилям: мы расставим их в нашей классификации по их надежности: "Кадиллак", я считаю, будет стоять далеко справа... Вероятно, еще правее следует поставить солнечную систему"¹.

К. Поппер солидаризировался с точкой зрения Ч. Пирса, изложив ее следующим образом:

"Отсюда Пирс делал вывод, что мы вправе предположить, что во всех часах присутствует определенное *несовершенство, или разболтанность*, и что это открывает возможность проявления *элемента случайности* в их работе. Таким образом, Пирс предполагал, что наш мир управляется не только в соответствии со *строгими законами Ньютона*, но одновременно и в соответствии с *закономерностями случая*, случайности, беспорядочности, т. е. закономерностями статистической вероятности. А это превращает наш мир во взаимосвязанную систему из облаков и часов"².

В своей лекции К. Поппер хорошо показал как несостоятельность претензий лапласовского детерминизма на объяснение всех явлений, так и недостаточность физического индетерминизма.

М. Н. Грецкий: незамкнутые цепочки и замкнутые циклы

"Совокупность причинно-следственных связей можно, по-видимому, разделить на два *основных типа: незамкнутые цепочки и замкнутые циклы*. Последние представляют собой связи *устойчивые, закономерные, лежащие в основе любой целостной системы*. Это, по сути дела, круговороты "без начала и конца", нанизывающиеся друг на друга в виде "кружев" и имеющие более или менее существенное значение для системы. "Без циклических взаимодействий и движений никакая система не могла бы существовать и материя не обладала бы структурной организацией" (С.Т. Мелюхин. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. С. 282). *Эти циклические, упорядоченные причинно-следственные связи и составляют внутреннюю структуру или основу необходимости...* необходимость выражает, по существу, меру устойчивости циклически организованных систем...

¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 497-498.

² Там же. С. 504.

Случайные вариации (конкретной системы) являются, по-видимому, следствием неупорядоченных воздействий как при "рождении" системы — при формировании новых циклических связей из хаотических, незамкнутых цепочек, — так и в процессе ее дальнейшего развития, — когда незамкнутые, неупорядоченные связи воздействуют на систему извне как ее среда. Таким образом, если мы не можем говорить о внутренней структуре *случайности*, ибо ее *принципом является бесструктурность* (под структурой же обычно понимается устойчивая связь элементов), то все же можно, очевидно, считать *основой случайности именно незамкнутые, неупорядоченные связи — в виде цепочек...* Разумеется, в этих цепочках так или иначе участвуют целостные системы со своими необходимыми свойствами и тенденциями и, следовательно, случайность в свою очередь неразрывно связана с необходимостью. Разница заключается в том, что здесь уже необходимость с ее упорядоченностью, циклическостью, повторяемостью играет подчиненную роль по отношению к перевешивающим ее хаотичности, незамкнутости, разнородности, свойственным для случайности" (везде курсив мой — Л.Б.)¹.

Е. А. Седов: случайные и детерминированные связи

Примерно о том же пишет *Е.А. Седов*. Он справедливо заметил, что "вопрос о соотношении случайных и детерминированных явлений в окружающем мире не является новым — истоки его мы обнаруживаем в трудах древних мыслителей, в частности греческих"². Заслуживают внимания следующие высказывания Е.А. Седова:

"В диалектическом взаимодействии случайных и детерминированных связей роли их равноценны, перевес в сторону случайных связей приводит к нарушению целостности системы, перевес и сторону детерминированных связей уменьшает способность адаптации системы к условиям внешней среды. Мир, в котором стохастические связи начали бы повсеместно вытеснять связи детерминированные, был бы ничуть не лучше, чем детерминированный лапласовский мир. В таком мире постепенно перемешались бы все видовые признаки: конь с петушиным гребнем мог бы родиться с такой же степенью вероятности, как и петух с конским хвостом. А в конечном итоге в таком мире должны во-

¹ Грецкий М.Н. Детерминизм и научность. — В: Философские науки, 1968, № 3. С. 81-82.

² Седов Е.А. Эволюция и информация. М., 1976. С. 4.

обще исчезнуть всякие признаки и различия, ибо с исчезновением детерминированных связей и при безраздельном господстве связей случайных должна наступить та самая тепловая смерть, при которой Вселенная превратилась бы в лишенный каких бы то ни было признаков "бульон" из хаотически движущихся частиц. К счастью, этого не происходит, поскольку, как мы отмечали, на "сосуществовании" случайных и детерминированных связей зиждется наш диалектический мир. Различие между двумя видами связей подчеркивалось многими авторами (Кравец А.С. Вероятность и системы. Воронеж, 1970; Сачков Ю.В. Введение в вероятностный мир. М., 1971; Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы. — В кн.: Системные исследования. Ежегодник — 1971. М., 1972; Эшби У. Росс. Принципы самоорганизации. — В кн.: Принципы самоорганизации. М., 1966)" (с. 116-117).

"Важность анализа соотношений случайных и детерминированных связей неоднократно подчеркивал Н. Винер (...) Непосредственную связь такого подхода с методами диалектики подчеркивает Ю.В. Сачков: "Весьма существенно, что в развитии общего учения о сложных управляющих системах... важнейшее значение приобрели проблемы диалектики, и прежде всего такие, как взаимопроникновение жестко- и аморфно-пластичного начал в структуре материальных систем, субординации и координации, широкая автономность систем и гармония целого, сохранение и коренное обновление".

При сопоставлении всех приведенных высказываний обращает на себя внимание, с одной стороны, общность взглядов, а с другой — терминологический разнотой. Например, присущие сложным системам вероятностные связи именуется и "степенями свободы отдельных элементов" (Э.Г. Юдин), и "основой самоорганизации" (З.М. Мульченко и В.В. Налимов), и "автономностью организации" (А.С. Кравец, Ю.В. Сачков), и "неполной спецификацией состояний" (Г. Патти) и "возможностью изменений" (Н. Винер), и "аморфно-пластичным началом" (Ю.В. Сачков). Не менее разнообразно определяются и детерминированные связи: "устойчивость, определенность" (Н. Винер), "жесткая организация" (А.С. Кравец), "централизованное управление" (З.М. Мульченко и В.В. Налимов), "однозначная детерминированность", "ограничение вследствие организованности элементов в рамках целого" (Э.Г. Юдин), "фиксированные ограничения разнообразия" (А.Л. Тахтаджян), "полная спецификация состояний" (Г. Патти), "гармония целого" (Ю.В. Сачков)"(с. 144-145)¹.

Е.А.Седов продемонстрировал, в частности, сбалансированность представления о материальной реальности. Материальное тело и групповая материя — полюсы материальной реальности. Они "нужны" последней как северный и южный полюсы Земле. Если бы материальная реальность представляла собой только тело, то мир похож был бы на абсолютно упорядоченный твердый кристалл. С другой стороны, если бы материальная реальность

¹ Там же.

представляла собой только группу, то мир напоминал бы мифологический Хаос.

Литература

1. Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970.
2. Демин М.В. Природа деятельности. М., 1984. С. 19.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
4. Седов Е.А. Эволюция и информация. М., 1976.
5. Трубников Н.Н. О категориях "цель", "средство", "результат". М., 1963.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20, М., 1961.
7. Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973
8. Марков В.А. Феномен случайности. Методологический анализ. Рига, 1988.
9. Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908.
10. Аристотель. Метафизика.
11. Аристотель. Категории.
12. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики.
13. Растрингин Л. А. Этот случайный, случайный, случайный мир. — М., 1974.
14. Тарасов Л. В. Мир, построенный на вероятности. — М., 1984.
15. Категории «закон» и «хаос». — Киев, 1987.
16. Книгин А. Н. Учение о категориях. Учебное пособие. — М., 2002.
17. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы.
18. Поппер К. Логика научного исследования.
19. Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. Исследование процесса научного познания. Пер. с англ. — М., 1984.
20. Спиноза. Этика
21. Локк Д.
22. Гоббс Т.
23. Кант И. Критика чистого разума.
24. Декарт Р.
25. Дидро Д.
- 26.

Указатель имен

- Абеляр П. 52, 595
Августин Блаженный 51, 52
Авенариус Р. 75
Айвазовский И.К. 119
Айер А. 109
Алексеев В.П. 537
Альберт Великий 62
Алякринский Б.С. 499
Амундсен Р. 555, 556
Анаксагор 40
Анаксимандр 37, 38
Анаксимен 38
Анисов А.М. 41
Ансельм Кентерберийский 52, 595
Антисфен 48, 49
Аристотель 22, 27, 39, 44, 47-49, 52, 53, 56, 62, 111, 163, 177, 208, 222, 231, 269, 361, 365, 367, 423, 428, 442, 487, 540, 547, 552, 553, 595
Архимед 521
Бежар, Морис 590
Бейль Пьер 50
Беккерель А. 371
Белинский В.Г. 97-100, 311, 320, 562, 608
Бергсон А. 141, 182
Бердяев Н.А. 97, 102, 103, 296, 510
Беркли Дж. 64, 124, 510
Берталанфи Л. 178
Бестужев (Марлинский) А.А. 498
Бетховен Л. 34, 111, 267, 268, 415, 419, 591
Биант 599
Бисмарк О. 813
Блауберг И.В. 167, 173
Блейк У. 569
Бобах В. 11
Бовуар де, С. 108
Бодрийяр Ж. 112
Бор Н. 130, 531
Бородин А.П. 96, 299
Боуви 334
Брэдли Д. 182
Брежнев Л.И. 174, 471
Бруно Дж. 44, 55, 226, 507
Буаст П. 515
Бунге М. 527
Буридан Ж. 367, 612
Бэкон Ф. 27, 33, 56-58, 61, 517, 610
Бюффон 562, 608
Бюхнер 572
Васнецов В.М. 96
Вебер М. 381
Вересаев В.В. 178
Вернадский В.И. 97, 103, 104
Веспасиан, римский император 604
Витгенштейн Л. 109
Вишневский Вс. 397
Волошин М. 611
Вольтер Ф. 64-66, 604
Вольф Х. 510
Воробьев Е.З. 366
Врубель М.А. 284
Вудберри 515
Выготский Л.С. 495
Галеви Д. 92
Галилей Г. 393
Гартман Н. 136
Гаспаров М.Л. 391
Гассенди П. 182
Гегель 22, 23, 60, 68, 69, 71-75, 78-80, 87, 96, 100, 105, 111, 121, 122, 140, 154, 163, 167, 206, 207, 214, 235, 246, 258, 263, 264, 266, 359-363, 365, 435, 525, 547, 595-597, 610, 611, 613
Гейзенберг В. 130
Гейне Г. 34
Гекатон, стоик 553
Гельвеций 64, 66, 525
Геодакян В.А. 138
Гераклит 38, 39, 315, 507
Гердер И.Г. 403
Геродот 403
Герцен А.И. 97-100, 376
Гесиод 595
Гёте И. 564

- Гитлер 74, 89-91, 94
 Глинка М.И. 96
 Гоббс Т. 22, 56, 61, 63, 182, 263, 336, 358, 381, 390, 403, 408, 468, 510, 601, 604, 608
 Гоголь Н.В. 96, 99, 519
 Голсуорси Д. 322
 Гольбах П. 64, 66, 359, 360
 Гомер 34, 403
 Гончаров И.А. 599
 Гораций 315
 Горький М. 498, 606, 614
 Гранин Д. 609
 Грибоедов А.С. 560
 Грин, Александр 372
 Гук Р. 317
 Гульга А.В. 12, 568
 Гумилев Л.Н. 23
 Гуссерль Э. 107
 Давыдов Ю.Н. 618
 Дали, Сальвадор 606
 Дарвин Ч. 88, 111
 Декарт Р. 22, 25, 56, 58, 59, 67, 120, 140, 182, 183, 256, 317, 508, 523, 554, 595
 Делёз Ж. 112
 Демидов В.И. 320, 321
 Демокрит 34, 40, 41, 44, 49, 600
 Державин Г.Р. 285, 315
 Деррида Ж. 112
 Демин М.В. 490, 491
 Джеймс У. 108
 Джонсон С. 336
 Дидро Д. 64, 66, 320, 596, 609
 Диоген Лаэртский (Лаэртский) 553
 Диоген из Синопа 49, 605
 Добролюбов Н.А. 97
 Долматовский Е. 607
 Достоевский Ф.М. 96, 97, 297, 415, 602, 606
 Дро Н. 380
 Евтушенко Е. 435
 Екатерина Вторая 334
 Екатерина Медичи 235, 613
 Ерофеев Виктор 431
 Жюль К.К. 36
 Жуковский В.А. 278, 605
 Зигварт Х. 263
 Зенон из Китиона (стоик) 50
 Зенон Элейский 39, 43
 Зубов А.А. 285, 287
 Иванов А. 444
 Иларион, митрополит 95
 Иоанн, евангелист 365, 367
 Ильенков Э.В. 79
 Ильин И.А. 420, 421, 453, 602
 Каверин, Вениамин 573
 Камю А. 108
 Кант И. 12, 22, 64, 67-71, 87, 119, 289, 362, 363, 403, 404, 536, 595, 603
 Капица С.П. 421
 Караганов С.А. 394
 Карнап Р. 109
 Карнеги Д. 33, 334
 Кастанеда К. 110, 111
 Кельвин (Томсон, Уильям) 503, 594
 Кинг, Мартин Лютер 84
 Кинди, аль-Кинди 540
 Киплинг Р. 295, 540, 612
 Киреевский И.В. 98
 Кларк, Артур 450
 Клаудиус М. 601
 Ключевский В.О. 613
 Книгин А.Н. 597
 Колумб 597
 Конт О. 75-77, 85, 113
 Конфуций (Кун-цзы) 33, 35, 36, 403, 614
 Коперник 393
 Копнин П.В. 527
 Короленко В.Г. 607
 Корчак Я. 610
 Косыгин А.Н. 471
 Крамской И.Н. 336
 Кристи, Агата 603
 Ксенофан 38, 39
 Кузанский Николай 55
 Кун Т. 113, 581
 Кусто, Жак-Ив 358, 602
 Кьеркегор С. 26, 88
 Кювье Ж. 274
 Лабрюйер Ж. 234, 334, 551
 Лакатос И. 113

Ламарк Ж.-Б. 274
 Ламенэ Ф.Р. 408
 Ламетри Ж. 67
 Ламонт К. 319, 417, 418
 Лао-цзы 36, 599
 Лаплас П.С. 129
 Леви В. 33
 Левита Р.Я. 380, 381
 Леви-Брюль Л. 537
 Левкипп 34
 Лейбниц Г. 56, 63, 263, 335, 367, 510
 Ленин В.И. 67, 80, 103-105, 167, 395, 398, 400, 401, 435, 611
 Лермонтов М.Ю. 32, 96, 564
 Лигачев Е.К. 399
 Лиотар Ж.-Ф. 112
 Лобачевский Н.И. 96
 Локк Д. 22, 27, 56, 62, 63, 182, 382, 403, 510, 553, 554
 Ломоносов М.В. 96, 591, 596
 Лондон Джек 124, 597
 Лука, евангелист 403, 612
 Луллий, Раймунд 540
 Людовик XV 316

Майер Р. 23, 596
 Макаренко А.С. 334, 424, 607
 Мамардашвили М. 600
 Марк Твен 605
 Маркс К. 62, 76, 78-86, 104, 105, 120, 125, 167, 177, 268, 269, 397, 399, 555
 Марсель Г. 108
 Маршак С.Я. 540
 Маслоу А. 297
 Матронина Л.Ф. 595
 Матфей, евангелист 403
 Мах Э. 75
 Мельников-Печерский П.И. 500
 Менделеев Д.И. 96, 517, 578, 609
 Мизес Л. 380, 381
 Милье Дж.С. 378
 Михайловский Н.М. 177, 569
 Мичурин И.В. 281
 Молешотт 372
 Монтень М. 33, 50, 515, 600
 Монтескье Ш. 382, 383, 605, 606
 Мур, Генри 590
 Мусоргский М.П. 96
 Мюллер, Герберт Дж. 360

Наполеон 74
 Некрасов Н.А. 431
 Непот, Корнелий 608
 Неру Дж. 601
 Нестеров М.В. 437
 Николай I, император 601
 Ницше Ф. 74, 88-94, 416, 443, 510, 595, 604, 607
 Ньютон И. 317

Ожегов С.И. 248, 295, 582
 Ойкен В. 381
 Окуджава Б. 392
 Олджер 515
 Олкотт 44
 Освальд В. 572
 Оуэн Р. 398

Павлов И.П. 577, 610
 Парандовский, Ян 419, 420
 Парменид 38, 39, 120
 Парсонс, Боб 614
 Пастер Л. 371
 Перминов В.Я. 256
 Песталоцци И.Г. 62, 397, 598
 Петр Великий 96, 111
 Пико дела Мирандола 54
 Пиррон 50
 Пирс Ч. 108
 Писарев Д.И. 97, 334
 Питтак 403
 Пифагор 22, 38-40
 Планк М. 218
 Платон 18, 23, 40, 43-48, 52, 61, 177, 312, 361, 391, 525, 567, 570, 595, 599, 614
 Плеханов Г.В. 97
 Попов А.С. 96
 Поппер К. 25, 74, 109, 110, 113, 163, 175, 234, 235, 361, 362, 597
 Потенция А.А. 538
 Протагор 41, 42, 598
 Пушкин А.С. 36, 96, 124, 312, 430, 453, 472, 562, 564, 598, 600, 607

Радищев А.Н. 96
 Рассел Б. 265, 517
 Рафаэль Санти 13, 111, 443, 595
 Рахманинов С.В. 96, 111, 523
 Рейхенбах Г. 109

- Рембрандт 34, 111, 591
 Ремер О. 182, 183
 Репин И.Е. 96
 Ретюнских Л. 11
 Рескин Д. 515
 Рёпке В. 381
 Рузвельт Ф. 111
 Руссо Ж.-Ж. 49, 64-66, 281, 334, 362, 416, 566, 604
- Салтыков-Щедрин М.Е. 322
 Сартр Ж.-П. 108
 Сахаров А.Д. 470
 Светоний 604
 Секст Эмпирик 50
 Сенека 50, 320, 392, 607
 Симонов К. 568
 Сковорода Г.С. 96
 Скотт Р. 555, 556
 Скрыбин А.Н. 96
 Смит А. 380
 Сократ 43, 44, 587, 595, 599, 603, 609
 Соловьев В.С. 93, 97, 101-103, 118, 124, 280, 283, 389, 404, 405, 604
 Сомов В. 542
 Сорокин, Питирим 470
 Спенсер Г. 75
 Спиноза Б. 22, 56, 59-61, 118, 182, 258, 359, 510, 599, 600
 Сталин И.В. 401
 Стасов В.В. 42
 Суворов А.В. 503
 Суриков В.И. 96, 591
 Сэй Ж.-Б. 380
- Тарковский А. 453
 Тацит 360
 Тахо-Годи А.А. 44
 Тейяр де Шарден П. 443
 Теллер Э. 610
 Терехова, Маргарита, актриса 597
 Тертуллиан 439
 Толанд Д. 140
 Толстой Л.Н. 49, 96, 97, 102, 111, 283, 316, 328, 343, 381, 390, 420, 435, 436, 515, 562, 589, 591, 602, 606, 608
 Томмасиус Х. 403
 Третьяков В.Т. 112
 Тютчев Ф.И. 601, 614
- Уайльд О. 424
 Уемов А.И. 263
 Умов Н.А. 97
 Уэллс Г. 438
- Фалес 37, 38, 403
 Фейерабенд П. 113
 Фейербах Л. 42, 71, 77, 78, 84, 86, 269, 390, 510, 595, 596
 Фердинанд I, император 517
 Ферма П. 183
 Федоров Н.Ф. 97, 103
 Филдинг, Генри 572
 Филофей, старец 95
 Фихте И.Г. 71, 568, 604
 Фогт 572
 Фома Аквинский 52, 53
 Форд Г. 111
 Фрейд З. 106, 596
 Фролов И.Т. 319
 Фромм Э. 123, 598
 Фуко, Мишель 112, 614
 Фурье Ш. 332, 563
- Хайдеггер М. 108, 122-124, 235
 Хайек Ф. 381
 Хейз 360
 Хомяков А.С. 98
- Цедлиц 12
 Циолковский К.Э. 97, 103, 454
 Цицерон 42
 Цой, Виктор 493
- Чаадаев П.Я. 97-99, 505, 600
 Чайковский П.И. 96, 435, 591
 Чапек К. 322
 Чернышевский Н.Г. 97, 99-101
 Чертков В.П. 291
 Честертон Г.К. 600
 Чехов А.П. 592, 608
 Чижевский А.Л. 97, 103
 Чуковский К.И. 540
- Шаповалов В. 552
 Шекспир У. 25, 34, 42, 111, 121, 235, 343, 452, 585, 602, 606
 Шеллинг В.И. 71, 289
 Шердаков В.Н. 447
 Шлик М. 109

Шмидт Г. 360	Энезидем 50
Шопенгауэр А. 33, 71, 87, 88, 96, 232, 233, 376, 404, 599, 607	Эпикур 49, 50, 154
Шоу Б. 322, 383, 605	Эразм Роттердамский 55
Шредингер Э. 130, 220, 221	Эсхил 515
Шукшин В.М. 569	Юдин Э.Г. 173
Шуман Р. 318	Юлий II, папа римский 595
	Юм 50, 64, 65, 510, 554
Эдисон 111, 562	Юстиниан 51
Эйнштейн А. 111, 130, 191, 577, 587, 595, 597, 611	Яблочков П.Н. 96
Экклесиаст 56, 610	Ясперс К. 108
Эмерсон Р.У. 154	
Эмпедокл 40	Diels 44
Энгельс Ф. 76, 78, 79, 104, 167, 181, 399, 463, 464, 555	Zeller E. 41

Об авторе:

БАЛАШОВ Лев Евдокимович

Философ, работает в Российском философском обществе. Автор свыше 20 книг, в том числе: «Философия: систематический курс» «Практическая философия», «Этика», «Жизнь, смерть, бессмертие», «Как мы думаем?», «Либерализм и свобода», «Занимательная философия». В этих и других книгах автора излагаются основы его философской концепции.

БАЛАШОВ Лев Евдокимович
МИР ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФА
(КАТЕГОРИАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА)

Книга издана в авторской редакции